

ТОМ 16 • НОМЕР 1 • 2023

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 16 • NUMBER 1 • 2023

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.А., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовнический В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2023

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgf/2023.01.00

Содержание

Право и политика

ШУГУРОВ М.В., ВАСИЛЬЕВ А.А. Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект 6–34

С точки зрения экономики

ХЕЙФЕЦ Б.А. Накопительная модель международной экономической интеграции 35–52

ПЕТУШКОВА В.В. От пределов роста к устойчивому развитию: к 50-летию доклада Римскому клубу «Пределы роста» 53–68

Особенности современного экономического развития

ЗИМАКОВ А.В. Роль зеленой электроэнергетики в экологизации европейской черной металлургии 69–85

АЛЕКСАНДРОВА А.Ю., ДОМБРОВСКАЯ В.Е. Цикличность как закономерность развития мирового туризма 86–106

Азия: вызовы и перспективы

БАБАЕВ К.В. Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах 107–127

КАЛАШНИКОВ Д.Б., МИТРОФАНОВА И.Б. Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации 128–146

ВАСИЛЬЕВА Е.В. А есть ли выгоды? Результаты торговых соглашений с Индией для стран-партнеров в части торговли услугами 147–169

Панорама Африки и Ближнего Востока

КОРЕНДЯСОВ Е.Н., КОНСТАНТИНОВА О.В. Некоторые аспекты российско-африканского сотрудничества на современном этапе 170–186

Российский опыт

СЮЙ ХУА, ГАОЯНЬ ЦЮЮЙ. Национальный имидж, гибридная война и интеллектуальная война: эволюция и раскрытие российской концепции «мягкой силы» 187–206

МУХОРТОВ Д.С., СТРЕЛЕЦ И.Э. О приоритетах в ценностных ориентациях московского студенчества 207–221

Постсоветское пространство

ШИШКОВА А.Ф. Концепция Европейской политики соседства и распространения права ЕС на постсоветские страны 222–240

САРСЕМБАЕВ М.А., САРСЕНОВА С.Н., КАРАЖАН Б.С. Влияние цифровизации на развитие отрасли сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане (правовые аспекты) 241–268

Вокруг книг

ВОЛОДИН А.Г. Политические ипостаси современного индуизма: обзор ... 269–282

DOI: 10.31249/kg/2023.01.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksins – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.00

Contents

Law and Politics

SHUGUROV M.V., VASILIEV A.A. International Sanction Barriers to the Development of Science and International Scientific and Technological Cooperation: Political-Legal Aspect. 6–34

From the Point of Economics

KHEYFETS B.A. The Accumulative Model of International Economic Integration . . . 35–52

PETUSHKOVA V.V. From the Limits to Growth to Sustainable Development: to the 50th Anniversary of the Report to the Club of Rome “Limits to Growth” 53–68

Specifics of Modern Economic Development

ZIMAKOV A.V. The Role of Green Electricity in European Steel Industry Decarbonization. 69–85

ALEKSANDROVA A.JU., DOMBROVSKAYA V.E. Cyclicity as a Pattern of Development of World Tourism. 86–106

Asia: Challenges and Perspectives

BABAEV K.V. “All the Indo-Pacific Men”: The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific 107–127

KALASHNIKOV D.B., MITROFANOVA I.B. Regional Development of China on the Eve of the Transition to Post-industrialization 128–146

VASILEVA E.V. Are There Any Benefits? Results of Trade Agreements with India for Partner Countries in Terms of Trade in Services. 147–169

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

KORENDYASOV E.N., KONSTANTINOVA O.V. Some Aspects of Russian-Africa Cooperation at the Present Stage 170–186

Russian Experience

XU HUA, GAO YAN QIUYU. National Image, Hybrid Warfare and Intellectual Warfare: Evolution and Disclosure of the Russian Concept of Soft Power 187–206

MUKHORTOV D.S., STRELETS I.E. Priority Value Orientations of the Moscow Student 207–221

The Post-Soviet Space

SHISHKOVA A.F. The Concept of the Implementation of the European Neighborhood Policy and the Extension of EU Law to the Post-Soviet Countries. . . 222–240

SARSEMBAYEV M.A., SARSENOVA S.N., KARAZHAN B.S. The Impact of Digitalization for the Development of the Agricultural Machinery Industry in Kazakhstan (Legal Aspects) 241–268

Spotlight on New Academic Arrivals

VOLODIN A.G. Political Hypostases of Modern Hinduism: an Overview 269–282

Право и политика

УДК 341.23

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01

Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект

Марк Владимирович ШУГУРОВ

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права
Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская, д. 1, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
E-mail: shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3604-3961

Антон Александрович ВАСИЛЬЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории
государства и права
Алтайский государственный университет
Социалистический проспект, д. 68, г. Барнаул, Российская Федерация, 656049
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3122-531X

ЦИТИРОВАНИЕ: Шугуров М.В., Васильев А.А. Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 6–34. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01

Статья поступила в редакцию 28.01.2023.
Исправленный текст представлен 04.03.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01296 (<https://rscf.ru/project/23-28-01296/>).

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу политико-правовых проблем, возникающих в сфере развития науки и технологий на международном и национальном уровне в связи с геоэкономи-

ческими и геополитическими санкциями. Цель работы заключается в реализации теоретико-правового подхода к научным и технологическим санкциям как барьерам в международном научном

и научно-технологическом сотрудничестве, которые имеют политико-правовую природу. В ходе проведенного анализа удалось доказать обоснованность выделения категории научных санкций, которые имеют избирательный характер в отличие от политических и экономических санкций, негативно воздействующих на научно-технологический комплекс конкретных государств, но не имеющих избирательного характера. Систематизированы барьеры, возникающие в ходе международного научного и научно-технологического сотрудничества. Раскрыта природа научных санкций как барьеров, имеющих волевую основу и нацеленных на сворачивание сотрудничества в рамках тех или иных организационно-правовых форм. Установлено, что правовой разновидностью научных санкций выступает одностороннее прекращение международных договорных отношений, а также принятие решений о расторжении связей научными и научно-образовательными учреждениями, располагающими правом принятия автономных решений. К выводам статьи относится представление о том, что в качестве способа реагирования на санкционные вызовы в сфере НТИ выступают формирование и проведение специальной государственной политики, направленной на правовое обеспечение поддержки сектора НИОКР, а также сохранение оставшихся научных связей при одновременном развитии и углублении альтернативных направлений международного сотрудничества. Данную категорию мер следует воспринимать не в качестве сдержки, влекущих за собой дальнейшее сворачивание МНТС, а в качестве мер, которые должны обеспечить его развитие, в том числе в других географических направлениях и на основе усиленного использования методов научной дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международные санкции, международное научное и научно-технологическое сотрудничество, научные санкции, геополитика, принципы международного права, международно-правовая ответственность, большие вызовы, сотрудничество и соперничество государств.

Введение

К отличительным характеристикам антироссийских санкций относится не только их масштабирование, но и расширение сферы охвата. В частности, существенным образом затронутой оказалась сфера научной и научно-технической деятельности, а также устоявшиеся формы и направления международного научно-технического сотрудничества (далее – МНТС), в котором принимает участие Россия. Одновременно можно наблюдать не только такое явление, как «перетекание» экономических и политических санкций в научную и научно-технологическую сферу, но и актуализацию феномена собственно научных санкций, дополняющих санкции в отношении российского технологического сектора.

Итогом синергии результатов многообразных санкций может стать торможение развития национального научно-технологического комплекса, который и так испытывает в нашей стране определенные трудности. В этих условиях актуализируется не только проблематика обеспечения национальной научно-технологической безопасности и способов достижения технологического суверенитета, но и реализация новых моделей участия России в МНТС. В данном случае страдает достигнутая степень вовлеченности России в международные связи в форме программ и проектов, реализуемых на двухсторонней и многосторонней основе. Как и в случае с экономическими

ми санкциями, санкции в сфере международного научного и научно-технологического сотрудничества затрагивают негативным образом не только российских субъектов научной и научно-технической деятельности, но и зарубежных контрагентов.

Современная санкционная ситуация, в которой оказался российский научно-технологический комплекс, стал предметом экспертных обобщений¹, а также специальных исследований в российской и зарубежной науке [Фомкин, 2022; Ханнин, 2022; The Countries..., 2022; Plackett, 2022]. Если говорить о масштабах санкций в отношении российской науки в общем контексте санкций, вводимых с конца февраля 2022 г., то они привели к возникновению качественно новой ситуации. В зарубежной и отечественной научной литературе, аналитических обзорах и научной журналистике для ее описания используются следующие термины: «научная блокада», «бойкот российской науки», «цунами научных санкций», «всемирный оркестр санкций», «шторм санкций в отношении российской науки». И это не только яркие эпитеты и метафоры. Это способ меткого отражения сути качественного скачка в процессе намеренной изоляции российской науки, предпринимаемой в едином русле с введением экономических и политических санкций.

Не следует думать, что санкции – это малозначительные моменты в общей панораме международного научного и научно-технологического сотрудничества, природа, виды и послед-

ствия которых малоизучены. Напротив, на сегодняшний день сложилась специальная предметная область исследований, представленная научными и экспертными работами, которые относятся к таким дисциплинам, как науковедение, экономическая теория, политология, теория и история международных отношений. Указанная предметная область научных исследований весьма многообразна. Поэтому в представленной статье будет проведен анализ политико-правовой природы научно-технологических санкций, представляющих собой специфическую разновидность барьеров в пространстве МНТС.

Теория научных санкций: состояние и перспективы развития

Необходимо констатировать, что в настоящее время возник огромный универсум знаний о санкциях как таковых, являющихся особыми средствами политического и экономического воздействия на другие страны для достижения тех или иных целей. Следует констатировать, что на фоне общих работ [Политика санкций..., 2020; Jentleson, 2022] выделяется значимый круг исследований, посвященный обоснованию теории экономических санкций [Стефанова, Вещак, 2020; Шевченко, Мухаммадеев, 2020; Early, Cilizoglu, 2020; Research Handbook on Economic..., 2021]. Разработаны критерии степени их эффективности [Hayes, 1997; Lee, Portela, 2020], в том

1 См., например: Другим наука. Нижегородские ученые обсудили доступ к западным знаниям и технологиям. – 2022. – 9 ноября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5653648> (дата обращения: 15.01.2023); США и Европа не хотят работать с учеными из России. – 2022. – 9 июня. – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/09/otmenanauki/> (дата обращения: 15.12.2022); «Расприглашение» российской науки: как санкции Запада ударили по ученым. – 2022. – 3 апреля. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/mk-raspriglasenie-rossijskoj-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-ucenym> (дата обращения: 16.01.2023); What future is there for Russia's foreign science collaborations? // The Economist. – 2022. – 5 March. – URL: <https://www.economist.com/science-and-technology/2022/03/02/what-future-is-there-for-russias-foreign-science-collaborations/21807946> (дата обращения: 16.01.2023); Azvolinsky A. Russian scientists grapple with an uncertain future. – 2022. – 25 March. – URL: <https://www.the-scientist.com/news-opinion/russian-scientists-grapple-with-an-uncertain-future-69842> (дата обращения: 16.01.2023).

числе сформулирована концепция эффективности целевых санкций [Erikson, 2009] и обоснована их классификация на негативные и позитивные [Caruso, 2021; Newnham, 2002]. Одновременно с этим установлено, что экономические санкции затрагивают те или иные сферы: культуру, образование, распределение национальных богатств, охрану природы. Нельзя не отметить, что теория санкций получила свое развитие также в международно-правовой науке, рассматривающей их в качестве принудительных мер в процессе реализации международно-правовой ответственности [Геворгян, 2012; Ильяшевич, 2016; Лейтман, 2015]. Вполне очевидно, что экономические санкции так или иначе затрагивают сектор НИОКР, что требует проведения отдельного исследования. Но наряду с таким «перетеканием» имеют место и собственно научные санкции.

Следует признать, что в настоящее время большинство исследований научных санкций имеет страновой характер. Наибольший массив работ посвящен санкциям в отношении науки Ирана [Zarghami, 2013; Burler, 2019; Tarikhi, 2020]. Попутно отметим, что масштабирование антироссийских научных санкций вызвало всплеск интереса в отечественной литературе к тенденциям развития науки Ирана в условиях санкционных ограничений [Дежина, 2022; Шугуров, Серебряков, Печатнова, 2022]. В зарубежной литературе представлены работы, в которых имеет место развернутый анализ научных санкций в отношении других стран, например ЮАР и Израиля. Обращает на себя внимание работа коллектива зарубежных авторов, посвященная научным санкциям, действующим против Судана [Correction..., 2019]. В ней определены виды санкций, которые были введены в отношении суданского научного сектора, а также система-

тизированы проблемы доступа суданских ученых к международному исследовательскому сообществу. Кроме этого, в одной из специальных работ было показано, что санкции в отношении Ирака привели к ограничению доступа к медицинской литературе, невозможности публиковаться в западных журналах, лишению возможности участвовать в научных встречах и т.д. [Sansom, 2004]. Санкции в отношении Ирака в свое время повлияли на все сферы жизни этой страны и инфраструктуры, в том числе на сферу образования. В литературе также затрагивается проблематика постсанкционного восстановления в сфере науки и международного научного сотрудничества. В случае с Сербией это восстановление опиралось на международное содействие, как и в Иране, где интенсификация научных исследований стала возможной благодаря государственному стимулированию публикационной активности [The Structure..., 2014].

Научные работы зарубежных авторов не только представляют собой анализ своего рода первичного «полевого» материала, но и содержат некие экспликации закономерностей научных санкций, их видов и последствий. Так, делается вывод о том, что «академические бойкоты нарушают свободу исследователей и сдерживают прогресс. Свободный обмен идеями независимо от вероисповедания необходим для оптимизации глобального научного прогресса» [Impact..., 2019, р. 2]. Этот вывод, в сущности, подтверждает то, что проблематика научных санкций теснейшим образом связана с парадигмой открытой науки и проблемой реализации академических свобод как двигателя прогресса науки и образования. Также признается, что современная наука уязвима перед политическими санкциями. В свою очередь Всемирная медицинская ассоциация (WMA) описыва-

ет академические санкции, или бойкоты, как дискриминационные ограничения академических, профессиональных и научных свобод, которые лишают или исключают врачей и других лиц из образовательных, культурных и научных встреч, лишают других возможностей для обмена информацией и знаниями [Mousavi Jokar, Mohammadi, 2015, p. 151].

В одном из исследований показано, что в свое время 57,3% южноафриканских ученых сообщили, что непосредственно испытали на себе последствия тактики бойкота, включая отказ в принятии рукописей, отказ в возможностях участия в научных встречах и международного исследовательского сотрудничества, а также ограничение доступа к информационным ресурсам [Haricombe, 1993, p. 510]. Весьма перспективной является постановка вопроса о том, что предметом самостоятельного изучения должно стать долгосрочное воздействие санкций на траекторию роста научных кругов после их отмены.

В достаточно развернутом виде некоторые элементы теории научных санкций представлены в уже указанной нами работе, посвященной изучению научных санкций в отношении суданских ученых [Correction..., 2019]. В ней непосредственно признается, что зачастую академические системы исследований и образования оказываются упускаемыми из виду областями, которые оказываются затронутыми санкциями, причем не только финансово-экономическими и политическими, но и собственно научными. Здесь поднимается вопрос о неизбежности действий экономических санк-

ций, в поле воздействия которых зачастую попадает наука.

Одной из немногочисленных работ общего характера выступает небольшая статья Х. Эсмаили и Б. Атаие-Аштиани [Esmaeili, Ataie-Ashtiani, 2021]. В ней высказаны достаточно критические замечания в отношении экономических санкций и их воздействия на науку с точки зрения отстаивания принципа академических свобод и свободы научных исследований. Более того, делается замечание в отношении того, что эти свободы в условиях санкций надо отстаивать при опоре на национальное и международное право. Помимо этого, следует выделить специальную статью М. Гордина о научных бойкотах [Gordin, 2022], в которой прослеживаются исторические этапы осложнений международного сотрудничества санкциями в отношении тех или иных стран.

В связи с тем, что наука включает в себя разнообразные виды деятельности, возникает вопрос в отношении системы аспектов, на которые воздействуют санкции. В системной форме они приведены в статье Р. Мансури². Своеобразие работы заключается в том, что аспекты такого воздействия рассмотрены на примере активного реагирования на санкции со стороны научно-технической политики Ирана. Как итог – увеличение национального финансирования науки, поощрение разработки научно-технической политики, мобилизация производства знаний, активизация, где это возможно, международного сотрудничества и т.д. Следует также обратить внимание на международный исследовательский проект *International Sanctions and Global Science*³. Достоинство данного

2 См.: Mansouri R. Impact of Sanctions Regime on Science and Scientists. – 2018. – 22 February. – URL: http://rmansouri.ir/wp-content/uploads/2019/01/SSPME-Qatar_2018.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

3 International Sanctions and Global Science. – URL: <https://www.insis.ox.ac.uk/international-sanctions> (дата обращения: 10.01.2023).

проекта заключается в попытке на основе широкой эмпирической основы, а также странового анализа (Зимбабве, Иран, Мьянма, Венесуэла, Судан) создать систему комплексных теоретических представлений о научных санкциях. Вполне можно согласиться с исполнителями проекта в том, что международные санкции как средство оказания давления на национальные государства с целью изменения стратегических решений принимают различные формы, включая запреты на поездки, замораживание активов, эмбарго на поставки оружия, ограничение капитала, сокращение иностранной помощи или торговые ограничения и т. д., недостаточно интенсивно обсуждается вопрос в отношении их использования при воздействии на академический потенциал и на научную инфраструктуру стран, против которых санкции вводятся.

Если говорить об освещении научных санкций в работах отечественных авторов, то высокую оценку заслуживает концептуализация одного из их последствий, а именно возможного изоляционизма и автаркичности российской науки. Разумеется, данный изоляционизм имеет относительный характер, даже в условиях нынешнего «цунами» институциональных разрывов. Изоляционизм как следствие санкций и одновременно как состояние российской науки на серьезной теоретической основе был концептуализирован в работах И. Г. Дежиной и С. В. Егеревы [Дежина, 2015; Егерев, 2020]. В своей работе «Изоляция сообществ и научно-технический прогресс» С. В. Егерев анализирует основные риски изолированных систем в контексте их научно-технического развития: затрудненная научная миграция, нестабильность институтов, отсутствие конкуренции, неэффективность обычных рыночных механизмов развития научной сферы [Егерев, 2018].

Научные санкции, также как и экономические, являются целевыми. В данном случае предполагается несколько аспектов. В частности, они направлены на целевую группу. К ней относятся субъекты научной и научно-технической деятельности, а также академическое сообщество как таковое. Результаты действия санкционных барьеров – это изолирование. Цель изолирования, зачастую проявляющегося в эмоционально окрашенной форме бойкотов в плане взаимодействия в рамках тех или иных устоявшихся форм, может быть разной. Это либо торможение опасных направлений развития НТИ на национальном уровне, которые не могут развиваться без внешней поддержки, либо «наказание» страны за проведение неверной политики на международной арене. В последнем случае нанесение ущерба национальному научно-технологическому комплексу посредством его отключения от сетей международного сотрудничества и его форм (финансирование, обмен информацией, совместные проекты и т. д.), следствием чего также становится торможение развития науки и технологий, рассматривается как мера давления на правительство. Изоляция во всяком случае направлена на торможение, что в силу политизированного характера научных санкций всегда приводит к эмоциональным всплескам, как, впрочем, и к рациональным дискуссиям с обеих сторон.

Обобщая сказанное, отметим, что в настоящее время разработка предметного поля научных санкций представлена главным образом их эмпирическими исследованиями в отношении конкретных стран. Но общая теория научных санкций только еще находится на стадии своего становления. Теоретический уровень исследований предполагает обобщения, которые для того, чтобы не оказаться отвлеченными,

должны опираться на выводы обобщающего характера, сформулированные в эмпирических исследованиях. Вместе с тем теоретический уровень может быть представлен не только науковедческими генерализациями, но и генерализациями политико-правового характера, которые могут быть предприняты в рамках теоретико-правового исследования. В последнем случае их формулировка будет означать привнесение вклада в теорию научных санкций, которая, по нашему мнению, имеет в целом междисциплинарный характер. С нашей точки зрения, теоретико-правовой анализ феномена научных санкций необходимо осуществлять в широком контексте не только имеющихся работ в рамках возникающей теории научных санкций, но и с учетом политико-правовых проблем развития науки и технологий в контексте международного взаимодействия, а также логики развития международных научных и научно-технологических отношений.

Проблемы современного глобального научно-технологического развития: политико-правовой анализ

К одной из неоспоримых отличительных черт современной эпохи относится резкий рывок в новых и новейших технологиях, что составляет суть новой технологической революции, коррелирующей революции в производственной сфере и влекущей за собой изменения в системе общественных связей. Воздействие новых технологий на социально-экономическое развитие не только отдельных стран и регионов, но также на человека, его права и свободы – пространство широких обсуждений в научной литературе, экспертных кругах, площадках ООН и т. д. Правовое измерение сферы науки и технологий стало предметом пристального

изучения юридической науки [Кашкин, 2018; Феномен научного права..., 2021]. И это не случайно, ибо именно эффективное правовое регулирование в сочетании с эффективными мерами экономической политики выступает гарантом интенсивного развития научных знаний и технологий как средств решения социально-экономических проблем. По причине интернационализации сферы науки и технологий повышается значение национально-правового и международно-правового регулирования МНТС [Правовое регулирование международного..., 2022; Шугуров, 2020], которое должно учитывать не только особенности современной фазы НТП, специфику организационного и инфраструктурного обеспечения научной и научно-технической деятельности, но и текущую ситуацию в международных научно-технологических отношениях и перспективы их развития. А таковые выражаются в изменении глобального научно-технологического ландшафта, включая изменения в архитектуре МНТС. Если ранее последнее выстраивалось по нескольким линиям, в частности между развитыми странами, а также между ними и развивающимися странами, то в настоящее время формируется взаимодействие по линии Юг – Юг. Оно дополняет линию Север – Юг.

Согласно современному пониманию, МНТС представляет собой способ совместного генерирования знаний, технологий, научной информации и т. д., а также одновременно пространство распространения, адаптации и внедрения результатов НИОКР. Реализация разнообразных двухсторонних и многосторонних проектов в сфере исследований и разработок происходит на основе правовых рамок и при опоре на международную исследовательскую инфраструктуру. Всё это позволяет обеспечить взаимовыгодный обмен компе-

тенциями, а также научно-технической информацией на фоне роста специализации национальных научных школ и коллективов. Значимость МНТС заключается в возможности объединения усилий для реализации крупномасштабных проектов класса «Мегасайенс», в рамках которых решаются весьма сложные задачи, подчас затрагивающие судьбу человеческой цивилизации. Как отмечается в литературе, потребность в МНТС «вызвана ресурсными вызовами и естественной ограниченностью возможностей национального научно-технического развития» [Данилин, 2019, с. 126].

В качестве ответа на потребность в концептуальном осмыслении процессов, происходящих в современном МНТС, возникают направления исследований, в которых на системной основе анализируются международные отношения в сфере науки и технологий, ставших к тому же фактором мировой политики [Голубев, 2015; Крутских, Бирюков, 2017; Зиновьева, 2018]. В свою очередь, в контексте доктрины верховенства права в международной политике констатируется повышение роли общих и специальных правовых принципов МНТС [Ануфриева, 2018; Гумеров, 2022]. Следует признать, что следование правовым принципам, начиная со свободы научных исследований и заканчивая неукоснительным соблюдением прав интеллектуальной собственности, – это залог устойчивости и стабильности международного сотрудничества, которое, тем не менее, пронизано противоречивыми тенденциями, в частно-

сти конкуренцией и сотрудничеством. Соответственно, цель права, как национального, так и международного заключается в реализации баланса данных тенденций. Нет сомнения в том, что реализация общих и специальных принципов способна привести к устойчивому правопорядку в сфере МНТС. Но важно и то, что предпосылкой здесь выступает также следование государств основным императивным принципам и нормам международного права, которые, по мнению А. Я. Капустина, обладают потенциалом «в преодолении негативных тенденций и восстановлении стабильности и предсказуемости международных отношений» [Капустин, 2022, с. 69].

Вместе с тем открытость международного научно-технического сотрудничества пространству мировой политики и глобальным экономическим процессам приводит к противоречивым последствиям. Например, с одной стороны, международное сотрудничество в сфере НТИ нацелено на решение глобальных проблем и обеспечение достойного ответа на большие вызовы. Как подчеркивается в Декларации восьмого международного форума (2017 г.), решение глобальных проблем возможно с помощью надежной науки и политики, основанной на фактических данных⁴. Согласно современному глобальному дискурсу это означает использование возможностей, создаваемых наукой и технологиями, в интересах реализации стратегии устойчивого развития⁵. Но, с другой стороны, научные знания и наукоемкие техноло-

4 Declaration of the 8th World Forum, on Science for Peace. Text adopted on 10 November 2017, Dead Sea, Jordan. – URL: <https://worldscienceforum.org/contents/declaration-of-world-science-forum-2017-110045> (дата обращения: 14.01.2023).

5 Grego S. Science and the Sustainable Development Goals. – 2017. – 13 November. – URL: http://www.ingsa.org/wp-content/uploads/2017/11/Science-and-the-SDGs-UNESCO_November-2017-Final.pdf (дата обращения: 14.12.2022); McBean G. Science, Technology and innovation for Implementing 2030 Sustainable Development Agenda. – 2015. – URL: http://unctad.org/meetings/en/presentation/ecn162016p02_McBean_en.pdf (дата обращения: 17.01.2023); Montoya S. How can we measure SDGs Progress on Science, Technology and Innovation. – 2018. – 7 March. – URL: <https://sdg.uis.unesco.org/2018/03/07/how-do-we-measure-sdg-progress-on-science-technology-and-innovation/> (дата обращения: 17.01.2023).

гии могут применяться в целях достижения односторонних экономических и военно-технических преимуществ. По этой причине МНТС, тесно сопряженное с геополитическими и геоэкономическими факторами, подвергается в определенных случаях риску деформаций. Так, продолжает существовать технологическое неравенство, накладывающее ограничение на равноправное и взаимовыгодное партнерство и не устраняемое специальными мерами международного содействия. Конечно, конфигурация и содержательное наполнение технологического неравенства стали иными в одних случаях в силу прорывов, а в других – отставания по тем или иным технологическим направлениям, среди которых наиболее важное значение имеют технологии 5G, искусственный интеллект, квантовые технологии и др. Согласно прогнозам, технологическое неравенство сохраняется в глобальном масштабе и будет усиливаться в сфере новых и новейших технологий.

В силу глобализации научно-технологического развития новая технологическая революция стала весьма существенным фактором международных отношений, отмеченных не только сотрудничеством в сфере НТИ, но и конкуренцией, а подчас и противостоянием. В частности, использование санкций в качестве мер давления становится инструментом недобросовестной конкуренции, что приносит, например,

дополнительные трудности во взаимодействии России и ее партнеров в области военно-технического сотрудничества. Данного рода последствия, усиленные реализацией положений американского антироссийского закона CAATSA 2017 г. («О противодействии противникам Америки посредством санкций»)⁶, предусматривающего инвестиционные ограничения по отношению к российским военным компаниям, стали одной из предпосылок принятия новой стратегии России в области военно-технического сотрудничества [Кудашкин, 2018, с. 84].

Барьеры на пути импорта в Россию высокотехнологичной продукции, например высокотехнологичного станочного оборудования, установлены Вассенаарскими соглашениями⁷. Они предусматривают возможность отказа какой-либо стране в продаже станков, использующих технологии двойного назначения. Запрет на экспорт также регламентируется национальными документами в рамках экспортного контроля и Регламентом Совета (ЕС) от 19 апреля 2012 г. № 388/2012⁸. На недопущение доступа к американским технологиям США нацелен документ Министерства торговли США от 3 марта 2021 г.⁹, что дополнено различными ограничениями, в том числе финансово-инвестиционного характера. Это предполагает сокращение инвестиций в инфраструктуру и финансирование совместных проектов. В том случае, ес-

6 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (2017) (Public Law 115-44). – URL: <https://european-court-help.ru/sankcionny-e-zakony-ssha-countering-america-s-adversaries-through-sanctions-act-caatsa-zakon-o-protivodejstvii-protivnikam-ameriki-cherez-sankcii-ot-2017-goda/> (дата обращения: 10.01.2023).

7 Wassenaar Arrangement Export Controls for Conventional Arms and Dual-Use Goods and Technologies (July – December 1996) (as amended by the 4-5 December 2019 Plenary Meeting). – URL: <https://www.wassenaar.org/app/uploads/2019/12/WA-DOC-19-Public-Docs-Vol-I-Founding-Documents.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).

8 Regulation (EU) No 388/2012 of the European Parliament and of the Council of 19 April 2012 amending Council Regulation (EC) No 428/2009 setting up a Community regime for the control of exports, transfer, brokering and transit of dual-use items // Official Journal of the European Union L 129, 16.5.2012. p. 12–280.

9 Department of commerce. Bureau of Industry and Security 15 CFR Part 744 [Docket No. 201216-0348] RIN 0694-AI36 Addition of Certain Entities to the Entity List; Correction of Existing Entries on the Entity List. – URL: <https://public-inspection.federalregister.gov/2021-04505.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).

ли ограничения и запреты становятся средством давления, речь уже может идти о санкциях.

Следовательно, практика МНТС представляет собой синтез взаимовыгодного партнерства и мер, направленных на недопущение научно-технологического, а с ним и экономического усиления других государств, которые рассматриваются либо как конкуренты, либо как геополитические противники. В последнем случае «надежным» инструментом выступают санкции. Однако известно, что они в свою очередь порождают контрмеры, которые также негативно сказываются на МНТС. Так, Россия предприняла инициативу по приостановке действия Соглашения между правительствами России и США о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах 2013 г.¹⁰ в связи с событиями на Украине. Действительно, в условиях санкций расширение сотрудничества России и США в данной сфере, как это предусмотрено в Соглашении, не представляется возможным.

Санкции затрудняют и осложняют кооперационное взаимодействие с зарубежными контрагентами и препятствуют получению намеченных научных результатов. К последствиям следует отнести замедление роста научных знаний, что приводит в конечном счете не только к сдерживанию духовного производства, но и к замедлению решения социально-экономических проблем и снижению глобальной конкурентоспособности России. Но одновременно с этим страдает и глобальная наука, особенно в отношении тех направлений фундаментальных и прикладных исследований, которые повышают потенци-

ал ответа человеческой цивилизации на большие вызовы.

Научные санкции и их последствия как разновидность барьеров в МНТС

Санкции, будь то экономические, политические и, собственно, научные, не представляют собой всего лишь досадные помехи, являющиеся малозначительными штрихами в международном сотрудничестве. Напротив, это весьма существенные факторы, своими последствиями проблематизирующие нормальное развитие сектора R&D на национальном и международном уровнях. С нашей точки зрения, факторы, действие которых приводит к затруднениям в МНТС, вполне обоснованно расценивать как барьеры. Однако здесь надо учитывать, что барьеры, порождаемые санкциями, или (что то же самое) санкционные барьеры, представляют собой средство, которое может использоваться для достижения различных целей и реализации различных интересов игроков мирового научно-технологического ландшафта.

По нашему мнению, следует провести терминологическую демаркацию между понятиями «санкции» и «санкционные барьеры». Представляется, что санкции – это меры принудительного воздействия, предусматривающие либо ограничения, либо блокировку в осуществлении какой-либо деятельности, а также выступающие инструментами принудительной реализации международно-правовой ответственности государств, их официальных лиц, национальных частных и государственных компаний и учреждений, связан-

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 октября 2016 г. № 2072-р «О приостановлении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединённых Штатов Америки о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах» от 16 сентября 2013 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/jDdak8aAbsnATWxztnuyFmVmXnNqoPb.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

ных с деятельностью государств. Санкционные меры не только затрагивают политическую и экономическую сферу, но и сферу национальных НИОКР, а также МНТС. Данные меры оформлены официальным образом в виде решений государств, государственных органов, международных организаций, наднациональных органов, а также отдельных учреждений. Санкционные меры представляют собой паттерны действий, призванные к реализации на практике. В свою очередь, санкционные барьеры – это разнообразные затруднения, подчас имеющие непреодолимый характер, возникающие в ходе осуществления различных видов деятельности на национальном и международном уровнях в результате осуществления мер санкционного характера.

В большинстве случаев санкционные барьеры приобретают правовую форму и, соответственно, превращаются в правовое средство. Подчас эти средства имеют политизированную природу и направлены на удовлетворение односторонних интересов, что подрывает выполнение функции права, направленной на установление баланса интересов. Однако надо заметить, что санкционные барьеры могут быть направлены и на достижение правовых целей, имеющих легитимный характер.

В силу нашего широкого подхода к научным санкциям, заключающегося в том числе в их подведении под более масштабную родовую категорию барьеров, отметим, что существует немало разновидностей последних. К тому же их можно подразделять на внутренние (эндогенные) и внешние (экзогенные). В первом случае это значимые различия в степени развитости научно-технологического потенциала государств, заявляющих о своей готовности к взаимовыгодной кооперации. Немаловажным препятствием здесь может стать различие в научно-техно-

логических приоритетах стратегического характера. Поскольку МНТС предполагает финансирование, то несвоевременность выделения финансовых средств либо их недостаточность может затруднить реализацию совместных программ и проектов. К барьерам экзогенного характера мы бы отнесли различия в стратегических приоритетах международного сотрудничества, а также различия в правовом регулировании научной и научно-технической деятельности на национальном уровне. Но вполне возможны барьеры вследствие изменения политического климата межгосударственных отношений в сторону их охлаждения, что также может сказываться на МНТС.

В целом барьеры могут быть организационными, административными, техническими, финансовыми, информационными, языковыми, психологическими и др. В литературе также можно найти выделение сдерживающих факторов, имеющих не только экономический, но и коммуникативный характер [Аничкин, Серебряков, 2022а; Аничкин, Серебряков, 2020b]. Разумеется, на основе решимости к осуществлению сотрудничества вырабатывается комплекс мер, которые в том числе направлены на ослабление или устранение данных барьеров. Важную роль здесь играет согласование внешней и внутренней политики государств, сотрудничающих в сфере НТИ. Возникновение и обнаружение разнообразных барьеров в международном научном и научно-технологическом сотрудничестве вполне естественно. Конечно, барьеры своими последствиями имеют сдерживание развития МНТС. Тем не менее имеются, так или иначе, возможности их преодоления, что открывает путь к полномасштабному взаимодействию.

Однако на барьеры данного рода могут наслаиваться барьеры другого порядка. Мы не стали бы оценивать их ис-

ключительно в качестве формы недобросовестного поведения в мировом либо двухстороннем научно-технологическом ландшафте. Но то, что эти барьеры имеют властно-волевой характер, несомненно. Однако охарактеризовать их в качестве однородного негативного явления не представляется возможным. По своей природе они неразрывно связаны, например, с противоборством государств, которое перетекает в сферу НТИ. Наиболее интенсивно это проявляется в сфере высоких технологий двойного назначения и приобретает форму ограничений по вовлечению зарубежных коллабораторов в их совместную разработку, а также ограничений в их передаче и распространении. С точки зрения США, необходимо дальнейшее совершенствование механизмов для повышения эффективности защиты американских технологий, в том числе путем введения и адаптации гарантий, таких как контроль экспорта и передовых методов отсева исследовательских партнерств для того, чтобы снизить риски хищения интеллектуальной собственности или злоупотреблений открытостью в научно-технической сфере. Всё это свидетельствует, казалось бы, об использовании мер самозащиты, но, помимо этого, указанный инструмент зачастую используется в качестве сдерживания технологических конкурентов. В этом случае это средство становится санкционным барьером. Тем не менее это не всегда сопровождается ограничениями в сфере проведения фундаментальных исследований.

На фоне сказанного повышенную актуальность приобретает понимание санкций. В международно-правовой науке доминирует подход, согласно которому санкции рассматриваются в качестве контрмер, выступающих принудительным способом реализации международно-правовой ответственности. При этом контрмеры не являются

особой формой ответственности. Они представляют собой специальные меры по принудительной реализации конкретных форм ответственности и осуществляются помимо воли нарушителя.

В обычной практике международных договорно-правовых отношений в сфере науки и технологий санкции как принудительные меры в сфере несоблюдения договорных обязательств практически не используются. Во многом, как нам представляется, это вызвано тем, что международно-правовые обязательства в данной сфере имеют характер не просто действий, а намерений к действиям, что имеет политический оттенок. Поэтому международные санкции в отношении научного сектора той или иной страны следует рассматривать как принудительные средства обеспечения ответственности за правонарушение в иных сферах, подчас весьма далеких от сектора НТИ.

На сегодняшний день в научной и экспертной среде достигнуто понимание того, что санкционные барьеры в научно-технической сфере представлены барьерами в закупке оборудования и реактивов, намеренным созданием затруднений в процессе публикации результатов научных исследований в авторитетных зарубежных изданиях, организационными и финансовыми проблемами, связанными с участием в международных конференциях, а также сокращением общего объема финансирования научных программ и проектов и др.

Следует признать, что не во всех случаях барьеры санкционного характера вступают в противоречие с нормами и принципами международного права, в том числе регулирующими МНТС. Подчас они выполняют функцию сдерживания, крайне необходимую для достижения целей корректировки не только глобального НТП, но и научно-технологического развития тех или иных

государств, а также выполнения положений двухсторонних и многосторонних договоров, касающихся, например, защиты прав интеллектуальной собственности. В частности, санкционные барьеры применительно к режиму нераспространения ядерного оружия и соответствующих технологий не только необходимы, но и легитимны. Таким образом, правомерные санкционные барьеры в рассматриваемой области международных отношений используются в различных целях. Но их следует скрупулезно отличать от санкций, выступающих средством не только недобросовестной конкуренции, но и замедления и торможения научно-технологического развития тех или иных государств. Набор инструментов включает, как это демонстрирует международная практика, создание препятствий в процессе их участия в МНТС, а именно подрыв научно-технологического потенциала посредством ограничений участия субъектов научной и научно-технической деятельности в разных формах МНТС, включая торможение участия в технологическом обмене (передача технологий). Как правило, научные санкции имеют секторальный характер и могут быть отнесены к категории целевых санкций. Но в рамках, например, российско-американских, как и российско-европейских, отношений в сфере НТИ они также проявляют свой избирательный характер. Разрушительный характер данных санкций напрямую зависит от эффекта масштаба.

Так, санкции, которые вводил ЕС в период 2014 – начала 2022 гг., в сущности, не порождали препятствий для участия России в проектах класса «Мера-

сайенс». Если учитывать именно эту ситуацию, то тезис экс-министра науки и высшего образования М.М. Котюкова о том, что международное научное сотрудничество расширяется, несмотря на санкции¹¹, отражал объективное положение дел для того периода времени. Но в том случае, когда возник «шквал» санкций, о расширении, а тем более о сохранении сотрудничества в его привычных формах не может быть и речи. Всё это происходит на уровне разрыва большого количества торгово-экономических связей, также имеющих технологическую составляющую, причем здесь не обходится без парадоксов.

В докладе Российско-американского совета делового сотрудничества отмечается, что Россия связана с американской технологической платформой, в определенной степени зависит от нее и поэтому нуждается в доступе к американским технологиям [Экономическое сотрудничество России..., 2019, с. 40]. Но определенную заинтересованность в сохранении сотрудничества высказывает и американская сторона. Примером продолжения сотрудничества в условиях первой волны санкций стало заключение Соглашения о сотрудничестве в области научных, инженерных и медицинских исследований между Российской академией наук и Национальной академией США (2019 г.)¹². Соглашение предусматривает сотрудничество в сфере космических исследований, медицины, энергетики и т.д. Однако общая атмосфера нынешних российско-американских отношений вряд ли содействует проведению межакадемических мероприятий, предусмотренных в Соглашении. Одновре-

11 Парламентская газета. – 2019. – 11 сентября. – URL: <https://news.rambler.ru/education/42811328-kotyukov-mezhdunarodnoe-nauchnoe-sotrudnichestvo-v-usloviyah-sanktsiy-prodolzhaet-rasshiryatsya/> (дата обращения: 12.01.2023).

12 Соглашение о сотрудничестве в области научных, инженерных и медицинских исследований между Российской академией наук и Национальной академией США (2019 г.). – URL: <https://www.bsau.ru/innovation/grants/receive-a-grant/1.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).

менно с этим стоит признать, что в ситуации современного «цунами» санкций заключение подобного рода соглашений, как, впрочем, и полноценное выполнение обязательств по действующим соглашениям, вряд ли возможно.

Международно-правовые проблемы выполнения международных обязательств по соглашениям в научно-технической сфере в условиях санкций

Правовой режим международных санкций в сфере НТИ обостряет проблему выполнения соответствующих международных обязательств различной природы, как договорных, так и политико-правовых, закрепленных в источниках «мягкого» международного права. А это чрезвычайно важный вопрос не только с практической, но и с теоретической точки зрения. С теоретической точки зрения, как отмечает Б.И. Осминин, «соблюдение является одним из центральных вопросов международного права и его роли в регулировании взаимодействия государств» [Осминин, 2022, с. 87]. По мнению О.И. Тиунова, принцип *pacta sunt servanda* входит в состав более широкого принципа, а именно принципа добросовестного выполнения международных обязательств, «применимого к любым нормам международного права, а не только к нормам, зафиксированным в международных договорах» [Тиунов, 2011, с. 13]. Иными словами, это более широкий регулятивный принцип, применимый равным образом к международным договорам, обы-

чаям и резолюциям международных организаций, если, конечно, они являются обязательными.

Принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву вполне обоснованно относится к блоку общих принципов, регулирующих МНТС. К сожалению, в научной литературе его значению как регуляторному принципу МНТС отводится незначительное внимание. Во многом это происходит из-за повышенного акцентирования внимания на других принципах, а именно на принципе свободы научных исследований и всеобщего уважения и соблюдения прав человека. Но принцип добросовестного выполнения обязательств не менее важен, тем более что, являясь концентрацией представлений об обязательности выполнения международных договорных обязательств, он «носит универсальный характер, то есть применим к любым договорным режимам...» [Симонова, 2015, с. 120].

Именно вследствие его неукоснительного соблюдения, что находит свое выражение в добросовестности выполнения обязательств, принятых по двусторонним и многосторонним международным соглашениям, оказывается возможным достижение целей международного научно-технического сотрудничества, а также целей его достаточно многочисленных организационно-правовых форм. Взять хотя бы передачу технологий, обмен научной информацией и данными и т.д., чему посвящены специальные положения многосторонних международных договоров¹³. Рассматриваемый принцип важен не только применительно к обяза-

¹³ См., например, ст. 18 Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г., ст. 4 Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., ст. 10 Киотского протокола 1997 г. к РКИК ООН, ст. 18 Конвенции ООН о борьбе с опустыниванием 1994 г., ст. 13 Международного договора о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства 2001 г., ст. 23 Нагойского протокола о регулировании доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения 2010 г. к Конвенции о биологическом разнообразии, ст. 10 Парижского соглашения о климате 2015 г. и др.

тельствам, закрепленным в многосторонних международных соглашениях, относящихся к международному экологическому, космическому, экономическому, морскому праву, но и к обязательствам, закрепленным в тематических двухсторонних договорах, а также в договорах в рамках различных по своему характеру объединений государств.

Суть анализируемого принципа заключается в своевременности и полноте выполнения обязательств, а также в учете интересов другой стороны. Разумеется, существуют другие элементы данного принципа, относящиеся не только к стадии выполнения международного договора, но и его заключения. Необходимо уточнить, что в рассматриваемой сфере международного сотрудничества ключевое значение имеют обязательства действия, например в форме мер и инициатив. Но добросовестно должны выполняться и обязательства воздержания от действий, если речь заходит о несоблюдении прав человека, например, права человека на достоинство в ходе совместных научных и технологических программ и проектов либо когда возможны случаи причинения вреда окружающей среде. В последнем случае принцип добросовестного выполнения обязательств становится основой реализации принципов предосторожности и должной осмотрительности.

Не секрет, что успех МНТС зависит от последовательного выполнения смежных обязательств, касающихся, например, финансирования совместных программ и проектов. В сущности, недобросовестное выполнение этих обязательств, а также их выполнение не в полном объеме ставит

под вопрос выполнение обязательств по тем или иным организационно-правовым формам сотрудничества. Именно по этой причине можно видеть возрастание значения международных финансовых организаций, в частности международных банков развития, Глобального экологического фонда и Зеленого климатического фонда, оказывающих поддержку исследовательским проектам и проектам с технологической составляющей.

Одновременно с этим добросовестно должны выполняться также политико-правовые обязательства (намерения), зафиксированные в различных разноуровневых документах программно-стратегического характера в сфере устойчивого развития. Эти документы стремятся стимулировать государства и международные организации добросовестно и активно сотрудничать в научно-технической сфере, а также выполнять принятые на себя обязательства юридического характера. В качестве примера укажем на Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года¹⁴, предусматривающую сотрудничество в сфере НТИ (ЦУР № 17).

Как бы то ни было, в сфере международного научно-технического сотрудничества также имеют место контрмеры – санкции и контрсанкции, в том числе в виде разрыва отношений. Казалось бы, в этом случае затруднительно говорить о добросовестном выполнении обязательств. Но с точки зрения универсального обязательства сотрудничать в деле разрешения проблем социально-экономического и иного характера, что составляет содержание принципа сотрудничества как одного из основных принципов современного

14 Resolution 70/1 adopted by the General Assembly on 25 September 2015 «Transforming our world the 2030 Agenda for Sustainable Development» // A/RES/70/1 (21 October 2015). – URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1> (дата обращения: 11.01.2023).

международного права, всё достаточно ясно: санкции делают невозможным выполнение данного универсального обязательства. Например, научно-техническое сотрудничество предусмотрено ст. 62 «Наука и техника» Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Евросоюзом 1994 года¹⁵. Приостановление или прекращение данного соглашения может быть невыгодно ЕС и его государствам-членам.

Санкции в сфере научно-исследовательского и научно-технологического секторов могут иметь достаточно самостоятельный характер, то есть неприводимый от других категорий санкций, и описываются посредством разнообразных терминов, таких как «прекращение», «приостановка», «разрыв». К этому ряду также относится термин «замораживание», который выражает наиболее интенсивную форму приостановки функционирования научно-исследовательских коллабораций, реализующихся как на проектной, так и не проектной (неинституциональной) основе. Не следует забывать и о таком термине, как «бойкот». Данный термин отражает некоторые важные нюансы режима научных санкций. Сам термин «бойкот» используется в научной журналистике¹⁶ и академическом сообществе [Haricombe, Lancaster, 1995] для выражения активной и зачастую идеологизированной политической позиции государственных органов и научно-исследовательских структур, вводящих санкции в отношении научного комплекса других стран. В термине «бойкот» выражается решимость разорвать научно-технические связи, а также погру-

зить в изоляцию академическое сообщество другой страны на дискриминационной основе в качестве вынужденной контрмеры. Подчас санкции отождествляются с бойкотами. С этим можно согласиться, но при этом надо иметь в виду, что бойкот – это субъективно окрашенная сторона санкций. В свою очередь, практическое последствие бойкота, а именно изоляция академического сообщества той или иной страны, по сути, представляет собой форму проявления санкционных барьеров.

Меры, выражающиеся в указанной серии терминов, имеют правовую основу и правовые последствия.

Следует задаться вопросом о том, преследуют ли они в качестве своей цели разрушение или уничтожение сектора исследований и разработок в России? На наш взгляд, мир науки не столь радикален в отличие от санкционных «аппетитов» мира политиков. Тем не менее научные санкции, втянутые в пространство политического противостояния, могут превратиться в инструмент достижения достаточно жестких политических требований. Это втягивание вполне заметно в элементе принуждения, имеющего место в текущих научных санкциях.

Поскольку международное научно-исследовательское сотрудничество имеет институциональный характер, то в этих координатах общая санкционная политика становится триггером, запускающим отказ научных институтов стран Европы, а также США, Канады, Австралии, Японии и других государств от кооперации с российскими коллегами и российскими научными центрами. Последствия односторонне-

¹⁵ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (Корфу, 24.06.1994). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900668> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁶ Baker S. Do academic boycotts work? – 2022. – 9 March. – URL: https://www.timeshighereducation.com/depth/do-academic-boycotts-work?mc_cid=b0f5616f6e&mc_eid=bffc95e5e4 (дата обращения: 22.02.2023).

го отказа от обязательств могут быть охарактеризованы как неполучение запланированных научных результатов. В принципе, прекращение выполнения обязательств имеет правовую основу и предполагает использование такого средства, как приостановка действия соглашений. Примером здесь выступает наиболее резонансный факт приостановки польской стороной межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 25 августа 1993 г.¹⁷ Об этом Министерство науки и образования Польши объявило 1 марта 2022 г. Согласно заявлению министерства, Польша в одностороннем порядке отказывается от взаимного признания сертификатов, дипломов, периодов обучения, образования, квалификации и научных степеней с российской стороной, а также от сотрудничества на институциональном и персональном уровне¹⁸. Прекращение сотрудничества с российскими учеными нашло свое продолжение в форме прекращения сотрудничества с вузами и исследовательскими центрами, в частности с Объединенным институтом ядерных исследований в Дубне, а также с Международным центром научно-технической информации.

Заметим, что пионером институциональных разрывов стала Германия. 25 февраля 2022 г. Министерство образования и исследований Германии зая-

вило о замораживании текущего, а также планируемого сотрудничества с Россией, которое одновременно с этим будет подвергнуто критическому анализу¹⁹. Следуя примеру Германии, министр образования Дании Й. Петерсен также призвал университеты к приостановке любого сотрудничества в сфере исследований и инноваций с учреждениями из России и Белоруссии, а также к воздержанию от инициирования любых новых обменов²⁰. В дополнение к этому отметим, что разрывы в осуществлении академического сотрудничества в форме приостановки или прекращения также предпринимаются по инициативе самих университетов²¹.

Ввиду того, что каждый случай требует своего специального рассмотрения, мы не будем вести хронику событий. Важно то, что среди зарубежных ученых немало тех, кто выступает за сохранение научных связей, что позволяет как раз и далее выполнять обязательства по сотрудничеству. Так, на конференции ректоров университетов из нидерландско- и франкоязычных регионов Бельгии было принято совместное заявление. Оно содержало обращение к правительствам государств о необходимости решения самым принципиальным образом вопроса о том, может ли академическое сотрудничество с Россией продолжаться в максимально возможной степени²². При этом в данном обращении предус-

17 Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (Варшава, 25 августа 1993 г.). – URL: <https://base.garant.ru/2563605/> (дата обращения: 17.01.2023).

18 Польша заявила о прекращении научно-технического сотрудничества с Россией. – 2022. – 1 марта. – URL: <https://ria.ru/20220301/sotrudnichestvo-1775896192.html> (дата обращения: 18.01.2023).

19 Havergal C. Germany halts academic collaboration with Russia. – 2022. – 25 February. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/germany-halts-academic-collaboration-russia-over-ukraine-war> (дата обращения: 18.01.2023).

20 Opfordring til at indstille samarbejde med Rusland og Belarus. – 2022. – 1 marts. – URL: <https://ufm.dk/aktuelt/pressemeddelelser/2022/opfordring-til-at-indstille-samarbejde-med-rusland-og-belarus> (дата обращения: 19.01.2023).

21 Ross J. Australian National University cuts ties with Russia. – 2022. – 3 March. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/australian-university-cuts-ties-russia> (дата обращения: 09.01.2023).

22 Upton B. More Russian ties cut as Europe offers help to Ukraine colleagues. – 2022. – 2 March. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/more-russian-ties-cut-europe-offers-help-ukraine-colleagues> (дата обращения: 10.01.2023).

матривалась возможность продолжения сотрудничества не на институциональном, а на персональном уровне. С нашей точки зрения, это своего рода призыв к выведению данного сотрудничества за пределы правового формата. Тем самым признавалось, что в ряде научных областей не представляется возможным обойтись без российского участия. В продолжение этого тезиса сошлемся на письмо ученых из университетов США, Канады и Великобритании [Let's not abandon..., 2022]. Здесь прямо было заявлено, что взаимодействие с российскими учеными нельзя приостанавливать в научных областях, затрагивающих глобальные проблемы современности. Как мы полагаем, такая позиция отражает феномен глобальной ответственности науки, особенно в том, что касается проблемы изменения климата, достижения продовольственной безопасности и т. д.

США, в отличие от Европы, занимают достаточно непоследовательную позицию, что выражается в поиске сохранения научно-исследовательских связей с Россией²³, без которой их некоторые планы в сфере НТИ не могут быть реализованы в намеченные сроки. Примером здесь может служить очень осторожная позиция американского научного сообщества – в отличие от европейского – в отношении введения антироссийских санкций в научной сфере. Так, Национальная академия наук США выразила приверженность поддержанию каналов связи, в том чис-

ле с российскими учеными, несмотря на сложную геополитическую ситуацию²⁴. Такая позиция вполне созвучна идее, высказанной президентом Гарвардского университета, о том, что связи между учеными особенно важно поддерживать в период глобальной напряженности²⁵.

И всё же стремление и далее выполнять обязательства в некоторых научных сферах, даже несмотря на установку делать это добросовестно, может столкнуться с препятствиями, исходящими от смежных санкционных режимов. В дополнение к этому зачастую условием продолжения частных научно-исследовательских коллабораций служит более или менее отчетливое требование того, чтобы российские ученые выражали свое несогласие с политикой, которая проводится российским государством. В этой связи более взвешенной позиции придерживаются государства, сохраняющие дружественные отношения с Россией. В частности, правительство ЮАР призывает освободить научное сотрудничество от обсуждения политических вопросов²⁶. Здесь прослеживается стремление придать науке повышенную степень автономии и как можно менее идеологизировать ее.

Рассмотрение некоторых сюжетов, связанных с нюансами антироссийских санкций в сфере науки, позволяет сформулировать следующие концептуальные обобщения. В частности, официальный пласт МНТС, то есть со-

23 US Restricts Science Collaborations with Russia. – 2022. – 17 June. – URL: <https://www.aip.org/fyi/2022/us-restricts-science-collaborations-russia> (дата обращения: 21.01.2023).

24 'We Stand With Our Colleagues in Ukraine,' Say U.S. National Academies Presidents. Statement. – 2022. – 3 March. – URL: <https://www.nationalacademies.org/news/2022/03/we-stand-with-our-colleagues-in-ukraine-say-u-s-national-academies-presidents> (дата обращения: 11.01.2023).

25 Baker S. Academic ties 'especially important' amid global tensions. – 2022. – 15 March. – URL: <https://www.timeshighereducation.com/content/simon-baker> (дата обращения: 22.12.2022).

26 Nordling L. Don't comment on Ukraine, South African science bodies told. – 2022. – 3 March. – URL: <https://www.researchprofessionalnews.com/rr-news-africa-south-2022-3-don-t-comment-on-ukraine-south-african-science-bodies-told/> (дата обращения: 13.01.2023).

вокупность отношений, институционализированных на основе правовых и организационных инструментов, не охватывает всего объема сотрудничества. Но это не означает, что данный пласт малозначителен. Дело в том, что положения, например, специальных межправительственных соглашений о научно-техническом сотрудничестве либо отраслевых двухсторонних или многосторонних договоров, предусматривающие сотрудничество в сфере науки и технологий, закрепляют обязательства действия и задают направления и формы МНТС, а также его организацию, финансирование и распределение прав интеллектуальной собственности. Таким образом привносится высокая степень определенности, что повышает эффективность данного рода сотрудничества. Отмеченная договорно-правовая база дополняется договорами о сотрудничестве, заключаемыми между научными центрами и учреждениями. В последнем случае имеет место кооперация организаций в порядке международного разделения труда при создании сложного наукоемкого продукта. Как в первом, так и во втором случае создается основа для программного регулирования МНТС, детализирующая его организационно-правовые формы, финансовое обеспечение, распределение прав интеллектуальной собственности на полученные совместными усилиями научные результаты или технологические разработки.

Современное МНТС, всё более приобретающее сетевую природу, приводит к серьезным результатам именно на основе программ и проектов. Поэтому не следует считать, что, например, взаимодействие российского научного сообщества с мировым в основном происходит «мимо» официальных установлений, так как данный пласт имеет основополагающее значение.

Одновременно формальный и неформальный уровни предполагают разные формы научной дипломатии.

С точки зрения предмета статьи введение научных санкций, означающих прекращение сотрудничества в рамках установленных организационно-правовых форм (свертывание финансирования новых и уже реализующихся проектов, прекращение доступа к базам данным, запрет на поставку оборудования и прекращение оказания услуг по его обслуживанию, отмена совместных научных мероприятий и т. д.), приводит к срыву получения ранее запланированных совместных и индивидуальных научных результатов. Это оказывает особо негативное воздействие на научную и научно-техническую деятельность в государствах, против которых вводятся санкции, особенно в случае, когда проводимые в них исследования зависят от международного содействия в плане финансирования и обеспеченности приборной базой. Однако введение санкций, то есть, по сути, формальная приостановка сотрудничества на институциональном уровне, не означает сворачивания МНТС как такового. В этом случае ставится акцент на продолжение индивидуального сотрудничества ученых, иными словами – сотрудничества в личном порядке. Но в условиях санкций институционального характера, в том числе экономических санкций, оно становится достаточно проблематичным как с организационной, так и с моральной точки зрения. Например, затруднения касаются проведения совместных полевых исследований, проведения совместных научных мероприятий, если они предусматривают внесение оргвзноса. В условиях дефицита импортных приборов невозможно получать достоверные результаты, с которыми можно было бы знакомить зарубежных коллег. Достаточно проблематичными оказываются

научные командировки в страны, признанные недружественными, а также развитие иностранного сегмента рынка научного труда на национальном уровне. Кроме этого, проводимая зарубежными государствами и научными учреждениями политика продолжения контактов на личном уровне содержит в себе риск «вымывания» научных кадров из страны, в отношении которой были введены санкции. В дополнение к этому усилением институционализации отношений с отдельными учеными в условиях санкций выступает обращенная к ним настоятельная рекомендация заявить о своей политической позиции, что, по сути, означает призыв к моральному характеру.

Заключение

В качестве итога проведенного исследования сформулируем следующие выводы.

1. Формирование системы теоретико-правовых представлений о научных санкциях и их политико-правовой природе, а также их последствиях в отношении национального научно-технологического сектора в целом и МНТС той или иной страны в частности приобретает эвристическую значимость в том случае, если оно опирается на теорию научных санкций. В центре ее рассмотрения должен быть целый блок вопросов, касающихся природы санкций и их последствий, в том числе формирование теоретического представления о них как о факторе, который привносит затруднения в МНТС по самым разным тематическим направлениям взаимодействия, реализующегося в устоявшихся организационно-правовых формах. Анализ научных санкций в ситуации с Россией, а также их концептуальное обобщение с учетом имеющегося уровня разработанности аналогичной проблематики, актуальной для ряда за-

рубежных стран, может внести несомненный вклад в формирование данной теории.

2. Развитие МНТС в условиях безбарьерной среды – это идеализация. Осуществление реального МНТС предполагает выявление и сокращение числа имеющихся или вновь возникающих барьеров, сдерживающих сотрудничество и ограничивающих его функционирование в тех или иных формах и направлениях. Решимость к продолжению международного сотрудничества приводит к выработке комплекса мер на индивидуальной и коллективной основе, которые направлены на ослабление или устранение данных барьеров. Это может осуществляться, например, посредством согласования внешней и внутренней политики государств, сотрудничества в сфере НТИ, гармонизации национальных законодательств, а также посредством совершенствования функционирования организационно-правовых механизмов сотрудничества.

3. В современных условиях геополитической и геоэкономической турбулентности о себе ярко заявляют барьеры, имеющие санкционный характер. Они преследуют разные цели, такие как сдерживание развития национального научно-технологического и связанного с ним экономического потенциала, включая реализацию национальных программ и стратегий того или иного государства в сфере НТИ. Сюда также относится генерирование затруднений в сфере участия тех или иных государств в международных сетевых коллаборациях и устоявшихся формах сотрудничества (обмен данными и научно-технической информацией, подготовка специалистов, трансфер технологий, совместные исследования и разработки и т.д.). Правовой основой здесь выступает одностороннее прекращение договорных отношений, что причиняет ущерб не только

государству, против которого вводятся санкции, но и государству, которое вводит санкции. Санкции вводят также научные и научно-образовательные учреждения, располагающие правом принятия автономных решений.

4. Режим санкций – это среда, в которую оказывается погруженной не только внешнеэкономическая политика государств, но и их научно-техническая политика. Способом реагирования на санкционные вызовы в сфере НТИ является динамичная выработка и реализация инновационных мер по поддержке национального научного и научно-технического сектора. Данные меры должны дополняться решением задачи по разработке мер и инициатив на уровне международной научно-технической политики, направленных на выработку новых механизмов участия затронутого государства в МНТС. Безусловно, данный процесс предполагает формирование и проведение специальной государственной политики как составной части государственной научно-технической политики в сфере международного сотрудничества, так как его развитие в этих условиях не может ограничиться только инициативами субъектов научной и научно-технической деятельности. Думается, что указанную категорию мер следует воспринимать не в качестве контрмер, влекущих за собой дальнейшее сворачивание МНТС, а в качестве шагов, призванных к его развитию, в том числе в других географических направлениях и на основе усиленного использования методов научной дипломатии. Это предполагает также стимулирование дружественных стран к согласованию внешней и внутренней политики в сфере науки, технологий и инноваций, а также к гармонизации национальных законодательств и совершенствованию функционирования организационно-правовых механизмов сотрудничества.

Список литературы

Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Коммуникативные и образовательные факторы, препятствующие развитию международного научного и научно-технического сотрудничества между странами Шанхайской организации сотрудничества // Международное право и международные организации. – 2020а. – № 2. – С. 54–68. – DOI: 10.7256/2454-0633.2020.2.32882.

Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Политические и экономические факторы, затрудняющие развитие научного и научно-технического сотрудничества между странами Шанхайской организации сотрудничества // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2020b. – № 2. – С. 2.

Ануфриева Л.П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 175–186. – DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.

Геворгян К.Г. Односторонние санкции и международное право // Международная жизнь. – 2012. – № 8. – С. 91–106.

Голубев Д.С. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. – 2015. – № 2. – С. 66–80. – DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.5.

Гумеров Л.А. Основопологающие и специальные принципы международного права как регуляторы научно-технологической сферы // Российская юстиция. – 2022. – № 3. – С. 3–12.

Данилин И.В. Эволюция международного научно-технического сотрудничества: глобальные тренды и российская политика // Инновации. – 2019. – № 12. – С. 124–134. – DOI: 10.26310/2071-3010.2020.254.12.018.

Дежина И.Г. Наука под санкциями: опыт иранских университетов // Уни-

верситетское управление практика и анализ. – 2022. – № 3. – С. 22–34. – DOI: 10.15826/umpra.2022.03.019.

Дежина И. Экономические санкции и наука // Экономическое развитие России. – 2015. – № 11. – С. 76–80.

Егерев С.В. Изоляция сообществ и научно-технический прогресс // Научно-ведческие исследования: сборник научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 114–128.

Егерев С.В. Научно-техническое развитие России в современных условиях: влияние внутренней и внешней изоляции // Общественные науки и современность. – 2020. – № 2. – С. 121–131.

Зиновьева Е.С. Мирополитическая концептуализация международного научно-технологического сотрудничества // Вестник МГИМО. – 2018. – № 6. – С. 242–254. – DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-242-254.

Ильяшевич М.В. Санкции как формы ответственности государств за международно-противоправные деяния // Закон и право. – 2016. – № 4. – С. 123–124.

Капустин А.Я. Принцип добросовестного соблюдения международных обязательств в XXI веке // Pacta sunt servanda в эпоху перемен: к 85-летию со дня рождения О.И. Тиунова / отв. ред. А.Я. Капустин. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022. – С. 60–69.

Кашкин С.Ю. Становление права науки как новой комплексной отрасли права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 5. – С. 16–27. – DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.016-027.

Крутских А., Бирюков А. Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. – 2017. – № 2. – С. 6–26. – DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.1.

Кудашкин В.В. Влияние санкционных деформаций на правовые основы военно-технического сотрудничества // Право в Вооруженных Силах. – Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 12. – С. 82–87.

Лейтман В.И. Санкции в международном праве // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – 2015. – № 14. – С. 100–107.

Осминин Б.И. Теории соблюдения международных обязательств // Pacta sunt servanda в эпоху перемен: к 85-летию со дня рождения О.И. Тиунова / отв. ред. А.Я. Капустин. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022. – С. 83–98.

Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / под ред. И. Тимофеева, В. Морозова, Ю. Тимофеева. – Москва : Российский Совет по международным делам, 2020. – 454 с.

Правовое регулирование международного научно-технического сотрудничества: российский опыт и лучшие мировые практики / пред. А.А. Васильева. – Барнаул : Азбука, 2022. – 395 с.

Симонова Н.С. Принцип pacta sunt servanda в механизме обеспечения выполнения обязательств по международным договорам // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 116–121.

Стефанова Н.А., Вещак Д.А. Санкции. Современные реалии // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 5. – С. 180–187.

Тиунов О.И. «Pacta sunt servanda – императивный принцип международного права // Выполнение международных договоров Российской Федерации: монография / отв. ред. О.И. Тиунов. – Москва : Норма, 2021. – С. 11–38.

Тодосийчук А.В. О законодательном обеспечении достижения целей прорывного научно-технологического раз-

вития // Научоведческие исследования: сборник научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 176–198.

Феномен научного права : коллективная монография / под ред. А.А. Васильева. – Барнаул : Азбука, 2021. – 280 с.

Фомкин Ф.С. Российская наука в период санкций // *Respublica Literaria*. – 2022. – № 3. – С. 106–117. – DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106-117.

Ханин Г.И. Российская наука в период санкций в свете проблемы модернизации российской экономики // *Управление наукой: теория и практика*. – 2022. – № 3. – С. 69–84. – DOI: 10.19181/smt.2022.4.3.6.

Шевченко Я.Н., Мухамадеев Д.В. Экономические санкции в мировой политике и науке о международных отношениях // *Конфликтология*. – 2020. № 2. – С. 1–10. – DOI: 10.7256/2454-0617.2020.2.32991.

Шугуров М.В. Факторы развития механизма правового регулирования международного научно-технологического сотрудничества в условиях Четвертой промышленной революции: теоретико-правовые аспекты // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2020. – № 5. – С. 34–47. – DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10124.

Шугуров М.В., Серебряков А.А., Печатнова Ю.В. Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования санкций: характеристика институциональных разрывов // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2022. – № 4-3. – С. 235–244. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244.

Шугуров М.В., Серебряков А.А., Печатнова Ю.В. Международные санкции и наука Ирана // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2022. – № 5-1. – С. 120–126. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-1-120-126.

Экономическое сотрудничество России и США в условиях неопределенности. – Москва : Российско-американский совет делового сотрудничества, 2019. – 52 с.

Butler D. How US Sanctions are Crippling Science in Iran // *Nature*. – 2019. – Vol. 574 (3 October 2019). – P. 13–14. – DOI: 10.1038/d41586-019-02795-y.

Caruso R. Shifting from Negative to Positive Sanctions // *Research Handbook on Economic Sanctions* / ed. by P.A.G. van Bergeijk. – Cheltenham; Northampton : Edward Elgar, 2021. – P. 124–145.

Correction: Economic sanctions and academia: Overlooked impact and long-term consequences / Bezuidenhout L., Karrar O., Lezaun J., Nobes A. // *PLOS ONE*. – 2019. – Vol. 14, N 11: e0225277. – DOI: 10.1371/journal.pone.0222669.

Early B.R., Cilizoglu M. Economic Sanctions in Flux: Enduring Challenges, New Policies and Defining the Future Research Agenda // *International Studies Perspectives*. – 2020. – Vol. 21, issue 4. – P. 438–477. – DOI: 10.1093/issp/ekaa002.

Eriksson M. Rethinking Targeted Sanctions. – Fiesoly: European University Institute, 2009. – 359 p.

Esmaili H., Ataie-Ashtiani B. The Autonomy of Science as a Civilian Casualty of Economic Warfare: Inadvertent Censorship of Science Resulting from Unilateral Economic Sanctions // *Science and Engineering Ethics*. – 2021. – Vol. 27. – Article number: 49.

Gordin M.D. A Century of Science Boycotts // *Nature*. – 2022 (June). – Vol. 606, N 7912. – P. 27–29. – DOI: 10.1038/d41586-022-01475-8.

Haricombe L.J. Combining Qualitative and Quantitative Methodologies to Study the Effects of an Academic Boycott on Academics in South Africa // *The Library Quarterly*. – 1993. – Vol. 63, issue 4. – P. 508–527.

Haricombe L.J., Lancaster F.W. Out in the Cold: Academic Boycotts and the Iso-

lation of South Africa. Arlington, Va.: Information Resources, 1995. – 158 p.

Hayes D.R. The Effectiveness of International Economic Sanctions. – New York : University of Rochester, 1997. – 342 p.

Impact of United States Political Sanctions on International Collaborations and Research in Iran / Kokabisaghi F. [et al.] // British Medical Journal of Global Health. – 2019. – Vol. 4, issue 5: e001692. – DOI: 10.1136/bmjgh-2019-001692.

Jentleson B.W. Sanctions: What Everyone Needs to Know. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 264 p.

Lee J., Portela C. Evaluating the success of international sanctions: a new research agenda // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. – 2020. – Issue 125. – P. 39–60. – DOI: doi.org/10.24241/rcai.2020.125.2.39/en.

Let's not abandon Russian scientists / Holdren J. [et al.] // Science. – 2022. – Vol. 376, N 6590. – P. 256–257. – DOI: 10.1126/science.abq1025.

Mousavi S., Jokar F., Mohammadi A. US Unilateral Sanctions Against Iran; Contradiction in Slogan and Conduct, Extreme Politicization of Human Rights // Public Law Research. – 2015. – Vol. 16, issue 44. – P. 149–173.

Newnham R.E. Deutsche Mark Diplomacy: Positive Economic Sanctions in German-Russian relations. – Philadelphia : Pennsylvania State University Press, 2002. – 352 p.

Plackett B. The Future of Research Collaborations Involving Russia. As Sanctions Take Effect Following its Invasion of Ukraine, Russia Risks its Standing in the Research World // Nature. – 2022 (March 18). – DOI: 10.1038/d41586-022-00761-9.

Research Handbook on Economic Sanctions; ed. by Peter A.G. van Bergeijk. – Cheltenham; Northampton : Edward Elgar, 2021. – 496 p.

Sansom C. The Ghost of Saddam and UN sanctions // Lancet Oncol. – 2004. – Vol. 5, N 3. – P. 143–145. – DOI: 10.1016/S1470-2045(04)01406-8.

Tarikhi P. Sanctions and the Scientific Community of Iran // Sociology of Islam. – 2020. – Vol. 8, N 2. – P. 225–264. – DOI: 10.1163/22131418-00802005.

The Countries Maintain Research Ties with Russia / Mallapaty S. [et al.] // Nature. – 2022. – Vol. 604, Issue 7905. – P. 227–228. – DOI: 10.1038/d41586-022-00945-3.

The Structure and Evolution of Scientific Collaboration in Serbian Mathematical Journals / Savić M., Ivanović M., Radovanović M. [et al.] // Scientometrics. – 2014. – Vol. 101, N 3. – P. 1805–1830.

Zarghami M. Illogical and Unethical Scientific Sanctions Against Iranian Authors // Iran Journal of Psychiatry Behavior Science. – 2013. – Vol. 7, N 2. – P. 1–4.

Law and Politics

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01

International Sanction Barriers to the Development of Science and International Scientific and Technological Cooperation: Political-Legal Aspect

Mark V. SHUGUROV

Dr. Sc. (Philosophy), Associated Professor, Professor of the Department of International Law
Saratov State Law Academy
Volskaya Street, 1, Saratov, Russian Federation, 410028
E-mail: shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

Anton A. VASILIEV

Dr. Sc. (Law), Associated Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law
Altai State University
Socialist Avenue, 68, Barnaul, Russian Federation, 656049
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3122-531X

CITATION: Shugurov M.V., Vasiliev A.A. (2023). International Sanction Barriers to the Development of Science and International Scientific and Technological Cooperation: Political-Legal Aspect. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 6–34 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.01

Received: 28.01.2023.

Revised: 04.03.2023.

ACKNOWLEDGEMENT. The reported study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No. 22-28-01296, <https://rscf.ru/project/23-28-01296/>.

ABSTRACT. *This article is devoted to the analysis of political and legal problems arising in the development of science and technology at the international and national levels in connection with geo-economic and geopolitical sanctions. The purpose of the work is to substantiate the theoretic-*

cal approach to scientific and technological sanctions as barriers in international cooperation in the area of science and technology, which are of political and legal nature. In the course of the analysis, it was possible to prove the validity of singling out the category of scientific sanctions, which are selective, in

contrast to political and economic sanctions that negatively affect the scientific and technological complex of specific states, but do not have a selective nature. The barriers that arise in the course of international scientific and scientific-technological cooperation are systematized. The nature of scientific sanctions has been established as barriers that have a strong-willed basis and are aimed at curtailing cooperation within the framework of certain organizational and legal forms. It has been established that the legal version of scientific sanctions is the unilateral termination of international contractual relations, as well as the adoption of decisions on the termination of ties by scientific and scientific-educational institutions that have the right to make autonomous decisions. The author concludes: formation and implementation of a special state policy aimed at providing legal support for special support for the R&D sector, as well as preserving the remaining scientific ones while developing and deepening alternative areas of international cooperation should be seen as a way to respond to sanctions challenges in the field of STI. This category of measures should not be perceived as a series of countermeasures that would lead to a further curtailment of the ISTC, but as measures that should ensure its development, including in other geographical areas and based on the increased use of scientific diplomacy methods.

KEYWORDS: international sanctions, international scientific and scientific and technological cooperation, scientific sanctions, geopolitics, principles of international law, international legal responsibility, great challenges, cooperation and rivalry of states.

References

- Anichkin E.S., Serebryakov A.A. (2020a). Communicative and educational factors hindering the development of international scientific and scientific-technical cooperation between the countries of the Shanghai Cooperation Organization. *International Law and International Organizations*, no. 2, pp. 54–68 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0633.2020.2.32882.
- Anichkin E.S., Serebryakov A.A. (2020b). Political and economic factors hindering the development of scientific and scientific-technical cooperation between the countries of the Shanghai Cooperation Organization. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*, no. 2, p. 2 (in Russian).
- Anufrieva L.P. (2018). Principles and legal forms of cooperation in the field of science, technology and innovation between Russia and the EU countries. *Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava*. No. 12, pp. 175–186 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.
- Butler D. (2019). How US Sanctions are Crippling Science in Iran. *Nature*. Vol. 574 (3 October 2019), pp. 13–14. DOI: 10.1038/d41586-019-02795-y.
- Caruso R. (2021). *Shifting from Negative to Positive Sanctions*. In: Research Handbook on Economic Sanctions. P.A.G. van Bergeijk (ed). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, pp. 124–145.
- Correction: Economic Sanctions and Academia: Overlooked Impact and Long-term Consequences (2019). Bezuidenhout L., Karrar O., Lezaun J., Nobes A. *PLOS ONE*. Vol. 14, no. 11: e0225277. DOI: 10.1371/journal.pone.0222669.
- Danilin I.V. (2019). Evolution of international scientific and technical cooperation: global trends and Russian policy. *Innovations*. No. 12, pp. 124–134 (in Russian). DOI: 10.26310/2071-3010.2020.254.12.018.
- Dezhina I. (2015). Economic sanctions and science. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. No. 11, pp. 76–80 (in Russian).
- Dezhina I.G. (2022). Science under sanctions: the experience of Iranian universities. *Universitetskoe upravlenie praktika i analiz*. Vol. 26, no. 3, pp. 22–34 (in Russian). DOI: 10.15826/umpa.2022.03.019.

Early B.R., Cilizoglu M. (2020). Economic Sanctions in Flux: Enduring Challenges, New Policies, and Defining the Future Research Agenda. *International Studies Perspectives*. Vol. 21. no. 4, pp. 438–477. DOI: 10.1093/isp/ekaa002.

Egerev S.V. (2018). Isolation of communities and scientific and technological progress. *Naukovedcheskie issledovaniya*. Pp. 114–128 (in Russian).

Egerev S.V. (2020). Scientific and technical development of Russia in modern conditions: the impact of internal and external isolation. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2, pp. 121–131 (in Russian).

Ekonomicheskoye sotrudnichestvo Rossii... (2019). *Economic cooperation between Russia and the United States in an uncertain environment*. Moscow: Russian-American Business Cooperation Council, 52 pp. (in Russian).

Eriksson M. (2009). *Rethinking Targeted Sanctions*. Fiesoly: European University Institute, 359 pp.

Esmaeili H., Ataie-Ashtiani B. (2021). The Autonomy of Science as a Civilian Casualty of Economic Warfare: Inadvertent Censorship of Science Resulting from Unilateral Economic Sanctions. *Science and Engineering Ethics*. Vol. 27, article number: 49.

Fenomen nauchnogo prava... (2021). Vasiliev A.A. (ed.). *The phenomenon of scientific law: a collective monograph*. Barnaul: Azbuka, 280 pp. (in Russian).

Fomkin F.S. (2022). Russian science in the period of sanctions. *Respublica Literaria*. Vol. 3, no. 3, pp. 106–117 (in Russian). DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106-117.

Gevorgyan K.G. (2012). Unilateral sanctions and international law. *The International Affairs*. No. 8, pp. 91–106 (in Russian).

Golubev D.S. (2015). Science and innovation in the theories of international relations. *International Trends*. Vol. 13, no. 2, pp. 66–80 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.5.

Gordin M.D. (2022). A Century of Science Boycotts. *Nature*. Vol. 606, no. 7912, pp. 27–29. DOI: 10.1038/d41586-022-01475-8.

Gumerov L.A. (2022). Fundamental and special principles of international law as regulators of the scientific and technological sphere. *Rossiyskaya yusticiya*. No. 3, pp. 3–12 (in Russian).

Hanin G.I. (2022). Russian science during the period of sanctions in the light of the problem of modernizing the Russian economy. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. No. 3, pp. 69–84 (in Russian). DOI: 10.19181/smtp.2022.4.3.6.

Haricombe L.J. (1993). Combining Qualitative and Quantitative Methodologies to Study the Effects of an Academic Boycott on Academics in South Africa. *The Library Quarterly*. Vol. 63, no. 4, pp. 508–527.

Haricombe L.J., Lancaster F.W. (1995). Out in the cold: academic boycotts and the isolation of South Africa. Arlington, Va.: Information Resources. 158 pp.

Hayes D.R. (1997). *The Effectiveness of International Economic Sanctions*. New York: University of Rochester, 342 pp.

Ilyashevich M.V. (2016). Sanctions as forms of State responsibility for internationally wrongful acts. *Zakon i parvo*. No. 4, pp. 123–124 (in Russian).

Impact... (2019). Kokabisaghi F. et al. Impact of United States Political Sanctions on International Collaborations and Research in Iran. *British Medical Journal of Global Health*. Vol. 4, no. 5: e001692. DOI: 10.1136/bmjgh-2019-001692.

Jentleson B.W. (2022). *Sanctions: What Everyone Needs to Know*. Oxford: Oxford University Press, 264 pp.

Kapustin A.Ya. (2022). The principle of faithful observance of international obligations in the 21st century. In: Kapustin A.Ya. (ed.). *Pacta sunt servanda in the era of change: on the 85th anniversary of the birth of O.I. Tiunov*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law un-

der the Government of the Russian Federation, pp. 60–69 (in Russian).

Kashkin S.Yu. (2018). The formation of the research law as a new complex branch of law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 5, pp. 16–27 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.016-027.

Krutsik A., Biryukov A. (2017). The new geopolitics of international scientific and technological relations. *International Trends*. Vol. 15, no. 2, pp. 6–26 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.1.

Kudashkin V.V. (2018). The impact of sanctions deformations on the legal basis of military-technical cooperation. *Pravo v vooruzhennyh silah*. No. 12, pp. 82–87 (in Russian).

Lee J., Portela C. (2020). Evaluating the Success of International Sanctions: a New Research Agenda. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. No. 125, pp. 39–60. DOI: 10.24241/rcai.2020.125.2.39/en.

Lejtman V.I. (2015). Sanctions in international law. *Aktual'ny'e problemy' teorii i istorii pravovoj sistemy' obshchestva*. No. 14, pp. 100–107 (in Russian).

Let's not abandon... (2022). Holdren J. et al. Let's not abandon Russian scientists. *Science*. Vol. 376, no. 6590, pp. 256–257. DOI: 10.1126/science.abq1025.

Mousavi S., Jokar F., Mohammadi A. (2015). US Unilateral Sanctions Against Iran; Contradiction in Slogan and Conduct, Extreme Politicization of Human Rights. *Public Law Research*. Vol. 16, no. 44, pp. 149–173.

Newnham R.E. (2002). *Deutsche Mark Diplomacy: Positive Economic Sanctions in German-Russian relations*. Philadelphia: Pennsylvania State University Press. 352 pp.

Osminin B.I. (2022). Theories of compliance with international obligations. In: Kapustin A.Ya. (ed.). *Pacta sunt servanda in the era of change: on the 85th anniversary of the birth of O.I. Tiunov*. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, pp. 83–98 (in Russian).

Plackett B. (2022). The Future of Research Collaborations Involving Russia. As Sanctions Take Effect Following its Invasion of Ukraine, Russia Risks its Standing in the Research World. *Nature*. March 18. DOI: 10.1038/d41586-022-00761-9.

Politika sanktsiy... (2020). Timofeev I., Morozova V. (eds.). *Sanctions policy: goals, strategies, tools*. Moscow: Russian International Affairs Council, 454 pp. (in Russian).

Pravovoye regulirovaniye mezhdunarodnogo... (2022). Vasiliev A.A. (ed.). *Legal regulation of international scientific and technical cooperation: Russian experience and best world practices*. Barnaul: Azbuka, 395 pp. (in Russian).

Research Handbook on Economic Sanctions (2021). Peter A.G. van Bergeijk (ed.). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 496 pp.

Sansom C. (2004). The ghost of Saddam and UN sanctions. *Lancet Oncol*. Vol. 5, no. 3, pp. 143–145. DOI: 10.1016/S1470-2045(04)01406-8.

Shevchenko N., Muxamadeev D.V. (2020). Economic sanctions in world politics and the science of international relations. *Konfliktologiya*. No. 2, pp. 1–10 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0617.2020.2.32991.

Shugurov M.V. (2020). Factors of development of the mechanism of legal regulation of international scientific and technological cooperation in the conditions of the Fourth Industrial Revolution: theoretical and legal aspects. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 5, pp. 34–47 (in Russian). DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10124.

Shugurov M.V., Serebryakov A.A., Pechatnova Yu.V. (2022). *International Sanctions and Iran's Science*. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Issue 5–1, pp. 120–126 (in Russian). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-1-120-126.

Shugurov M.V., Serebryakov A.A., Pechatnova Yu.V. (2022). Russia's Interna-

tional Research Cooperation in the context of scaling up sanctions: characteristics of institutional gaps. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 4-3, pp. 235–244. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244.

Simonova N.S. (2015). The principle of pacta sunt servanda in the mechanism of ensuring the fulfillment of obligations under international treaties. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. No. 2, pp. 116–121 (in Russian).

Stefanova N.A., Veshhak D.A. (2020). Sanctions. Modern realities. *Topical Issues of the Modern Economy*. No. 5, pp. 180–187 (in Russian).

Tarikhi P. (2020). Sanctions and the Scientific Community of Iran. *Sociology of Islam*. Vol. 8, no. 2, pp. 225–264. DOI: 10.1163/22131418-00802005.

The Countries... (2022). Mallapaty S. et al. The Countries Maintain Research Ties with Russia *Nature*. Vol. 604, no. 7905, pp. 227–228. DOI: 10.1038/d41586-022-00945-3.

The Structure... (2014). Savić M. et al. The Structure and Evolution of Scientific Collaboration in Serbian Mathematical Journals. *Scientometrics*. Vol. 101, no. 3, pp. 1805–1830.

Tiunov O.I. (2011). Pacta sunt servanda – imperative principle of international law. In: Tiunov O.I. (ed.). *Implementation of international treaties of the Russian Federation: monograph*. Moscow: Norma, pp. 11–38 (in Russian).

Todosijchuk A.V. (2018). On legislative support for achieving the goals of breakthrough scientific and technological development. *Naukovedcheskie issledovaniya*. Pp. 176–198 (in Russian).

Zarghami M. (2013). Illogical and Unethical Scientific Sanctions Against Iranian Authors. *Iran Journal of Psychiatry Behavior Science*. Vol. 7, no. 2, pp. 1–4.

Zinov'eva E.S. (2018). World policy conceptualization of international scientific and technological cooperation. *MGIMO Bulletin*. No. 6, pp. 242–254 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-242-254.

С точки зрения экономики

УДК 339.924

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

Накопительная модель международной экономической интеграции

Борис Аронович ХЕЙФЕЦ

доктор экономических наук, профессор

Финансовый университет при Правительстве РФ

Ленинградский проспект, д. 49, г. Москва, Российская Федерация, 125993;

главный научный сотрудник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт экономики РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117218

E-mail: bah412@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6009-434X

ЦИТИРОВАНИЕ: Хейфец Б.А. Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 35–52.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

Статья поступила в редакцию 23.10.2022.

Исправленный текст представлен 10.01.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается целесообразность введения в научный и практический оборот нового понятия «накопительная экономическая интеграция». На основе анализа работ по теории международной экономической интеграции показывается, что классическая методология, базирующаяся прежде всего на принципах теории Б. Балашиа, лишь частично подходит для изучения разнообразных форм интеграции, развивающихся в глобальной экономике на современном этапе. В этом плане целесообразно использовать модель накопительной интеграции, учитывающей весь комплекс связей, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств. Особенностью накопительной интеграции является готов-

ность участников к многостороннему или двустороннему сотрудничеству для достижения конкретных целей и предоставление друг другу привилегий или особых прав в рамках таких договоренностей. Стратегия накопительной интеграции расширяет поле для развития взаимного сотрудничества в плане вовлечения в него разных по уровню экономического развития стран, а также сфер взаимодействия. У накопительной интеграции могут быть различные модели, а сама накопительная интеграция в перспективе может или перейти к более высоким стадиям международной интеграции или еще долгое время оставаться компромиссной формой развития стабильных взаимных связей. Сделанные выводы подтверждаются анализом конкретных примеров разви-

тия накопительной интеграции в рамках инициативы «Пояс и путь», АТЭС и БРИКС. Называются некоторые межгосударственные объединения, которые могут использовать стратегию накопительной интеграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: регионализация и трансрегионализация, теория Б. Балашиа, накопительная интеграция, национальный суверенитет, СЭВ, инициатива «Пояс и путь», АТЭС, БРИКС.

Введение

Тектонические трансформации, начавшиеся после всеобщего кризиса 2008-2009 гг., усиленные пандемическим шоком COVID-19 в 2020 г. и приобретшие глубинный характер в связи с начавшимся в 2022 г. геополитическим конфликтом заставляют переосмысливать многие сложившиеся в прошлом теоретические представления о мировой экономике. Речь идет о таких основополагающих для ее развития явлениях, как глобализация и регионализация, а также о тесно связанной с ними экономической интеграции. Данные проблемы приобретают особое значение для России, которая должна коренным образом перестраивать прошлую систему своих связей с внешним миром, включая ее прежние и только начинающие формироваться интеграционные союзы.

Сейчас не настало время для серьезных обобщений и выводов, так как очень высока степень неопределенности в дальнейшем развитии политических и экономических событий в мире. Тем не менее некоторые новые моменты уже проявились, а также могут быть спрогнозированы с определенной степенью вероятности для краткосрочной и среднесрочной перспективы другие тенденции. Речь идет о замедлении

процесса регионализации, включая его новый вектор трансрегионализации, о появлении проблем в развитии интеграционных процессов в некоторых существующих региональных интеграционных объединениях, вызывающих необходимость в их переформатировании и модернизации. Кроме того, возникает вопрос, как с точки зрения теории экономической интеграции оценить некоторые крупные региональные и трансрегиональные межгосударственные объединения и отдельные глобальные проекты, в которых важную роль играет межгосударственное экономическое сотрудничество. Это позволяет наметить некоторые новые траектории в изучении интеграционных процессов.

Обзор литературы

В теории сложилось общее толкование международной экономической интеграции (МЭИ) как процесса экономического объединения нескольких государственных образований путем устранения существующих в национальной экономической политике каждого из них формальных и неформальных ограничений для свободного движения товаров, услуг, капитала, трудовых ресурсов и развития взаимных связей. В данной связи наиболее распространенным представлением о МЭИ является «интеграция рынков», которая приносит дополнительные эффекты для каждого участника интеграционных процессов [Либман, Хейфец, 2011].

Ю.В. Шишков предложил термин «экономическое интегрирование», в результате которого «несколько моногосударственных макроэкономических организмов постепенно трансформируются в целостное полигосударственное хозяйственное пространство. Со временем оно структурируется в новый, укрупненный и, что особенно важно,

более эффективный экономический организм» [Шишков, 2001, с. 91].

В научном отношении теория МЭИ опирается на ряд основополагающих трудов, анализ которых дается во многих публикациях (см., например, [Hosny, 2013; Grimwade, 2017; Butorina, Borko, 2022]). В свете затрагиваемой в данной статье темы прежде всего хотелось бы выделить работы, дающие представление о различных стратегиях формирования и формах интеграционных объединений. В данной связи необходимо отметить труды, посвященные таможенным союзам Я. Винера [Viner, 1950], Дж. Мида [Meade, 1955] и Р. Липси [Lipsey, 1960], где даются неоднозначные оценки выгод и потерь от таких интеграционных объединений для интенсификации взаимной торговли участвующих в них государств.

Новые идеи в теорию МЭИ привнес Я. Тинберген, который с точки зрения рационализации структуры мировой экономики выделил две основные стратегии формирования экономического объединения интеграционного типа: «негативную» интеграцию (отмена барьеров и ограничений для развития взаимных связей) и «позитивную» (создание новых институтов для развития интеграции на национальном и наднациональном уровнях) [Tinbergen, 1954].

Особо необходимо отметить работы Б. Балашша, который внес огромный вклад в развитие теории МЭИ. Наиболее популярной стала сформулированная Б. Балашша логичная схема последовательного развития МЭИ, включая пять его этапов: зона свободной торговли (ЗСТ), таможенный союз, единый внутренний рынок, общий экономический союз и полная (тотальная) экономическая интеграция. Последняя, по мнению Б. Балашша, предполагает объедине-

ние монетарных, фискальных, социальных и антикризисных политик и создание наднационального органа, решения которого становятся обязательными для государств-членов [Balassa, 1961]. Эта схема стала называться линейной моделью интеграции и даже «лестницей интеграции», подразумевавшей определенную последовательность интеграционных процессов – от низших стадий к более высоким [Souza, 2008].

В дальнейшем последователи модели Б. Балашша стали выделять дополнительные этапы МЭИ (до 7 в следующем порядке: преференциальная зона торговли, ЗСТ, таможенный союз, единый рынок, экономический союз, экономический и валютный союз, полная экономическая интеграция), но они не меняют фундаментальных принципов линейной модели интеграции, а являются лишь детализацией схемы Б. Балашша¹. Были и другие предложения, например, сократить схему Б. Балашша до двух ступеней: 1) поверхностная интеграция (преференциальные соглашения и ЗСТ) и 2) более глубокая интеграция (таможенный союз и общий рынок) [Lawrence, 1996]. И. Вайда выделял похожую двухступенчатую схему: 1) торговая и 2) производственная интеграция [Vajda, 1971] – что также принципиально не противоречит принципам линейной интеграции.

В то же время реальная практика углубления международного сотрудничества не всегда соответствовала стройной схеме Б. Балашша по переходу от простых форм интеграции к более сложным (например, в ЕС). Еще больше несовпадение существующей практики со схемой Б. Балашша проявилось в результате ускорившейся в XXI в. регионализации и начавшейся трансрегионализации глобальной эко-

1 CFI Team. Economic Integration. – 2022. – URL: <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/knowledge/economics/economic-integration/> (дата обращения: 09.01.2023).

номики. Это нашло отражение и в теоретических работах, в которых фокус сдвигается к анализу сути интеграционных процессов, несходство которых перестает казаться аномалией [Байков, 2017, с. 45, 48]. Подобного мнения придерживается С. Краполь, считающий, что господствующие теории интеграции страдают европоцентризмом и не могут быть применены к развивающимся регионам, поскольку они имплицитно опираются на внутрирегиональную экономическую взаимозависимость как на движущую силу региональной интеграции [Krapohl, 2020].

В научный оборот вошло понятие «нелинейная интеграция», предполагающее отсутствие четко заданной последовательности стадий интеграционного процесса и/или отказ от целей по достижению максимально возможного уровня интеграции [Ушколова, 2016, с. 163–164].

На современном этапе стала формироваться новая модель комплексной интеграции, ярким выражением которой являются трансрегиональные экономические мегартнерства и всеобъемлющие ЗСТ, появившиеся в мировой экономике с середины 2010-х годов. К ним относятся Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТТП); Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП); ЗСТ и экономические партнерства ЕС с Канадой, Японией, Вьетнамом, Сингапуром; Африканская континентальная ЗСТ; Тихоокеанский альянс и др. Особенностью данной модели интеграции, которую можно назвать «продвинутой (всеобъемлющей) ЗСТ», является то, что она предполагает одновременное достижение договоренности всех ее участников по широкому спектру сотрудничества и подписание общего соглашения. Оно может касаться как традиционного торгового и инвестиционного сотрудничества,

так и вопросов охраны окружающей среды, защиты интеллектуальной собственности, трудовых отношений, содействия развитию и поддержки малого и среднего предпринимательства, разрешения споров и т. п. Для реализации отдельных положений общего договора может быть предусмотрен льготный период, как и некоторые исключения из общих правил для отдельных стран, учитывающие специфику развития последних.

Таким образом, как и в классической модели МЭИ, у новых экономических мегартнерств имеется первая интеграционная стадия – ЗСТ, а также третья стадия, подразумевающая создание регулируемых по общим правилам рынков товаров, услуг, отчасти капиталов, в первую очередь инвестиций. Однако в партнерствах не создаются таможенные и валютные союзы, не формируются наднациональные органы управления, а все возникающие в процессе сотрудничества вопросы решаются на уровне соответствующих министерств и ведомств [Хейфец, 2019, с. 41–42].

Методы исследования

Хотя теория экономической интеграции Б. Балашша в дальнейшем была дополнена многими серьезными исследованиями, расширившими и углубившими наши представления о МЭИ, ее «лестница интеграций» является основным методологическим инструментом для первичной оценки степени интегрированности того или иного экономического союза. Речь идет о том, что если в межгосударственном объединении имеется одна из таких форм регулирования взаимных связей его участников, как ЗСТ, таможенный союз, единый рынок или общий экономический союз и валютный союз, то оно является интеграционным, и наоборот: отсутствие хо-

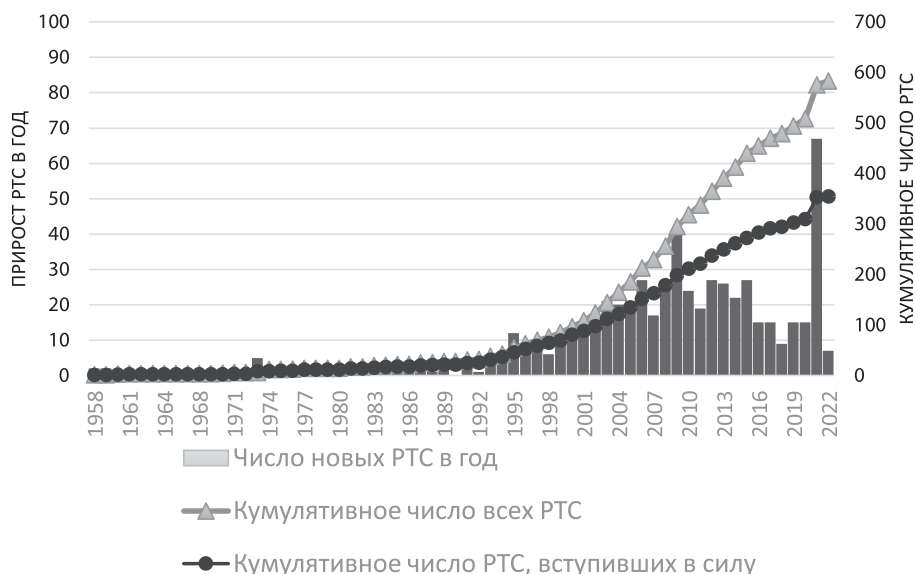

Рисунок 1. Динамика числа РТС (действующих или нотифицированных в 1948–2022 гг.) на 1 января 2023 г.

Figure 1. Dynamics of the number of RTAs (active or notified in 1948–2022) as of January 1, 2023.

Источник: расчеты автора по Regional Trade Agreements Database. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 09.01.2023).

тя бы одной из данных форм оставляет данное объединение вне рамок классической экономической интеграции.

Такой методологический подход принят ВТО, которая ведет подробный учет региональных торговых соглашений (РТС). По данным ВТО, на 1 января 2023 г. в глобальной экономике насчитывалось 583 действующих или нотифицированных в 1948–2022 гг. РТС (рисунок 1). Правда, первое такое РТС вступило в силу в 1958 г., и до 2000 г. этот процесс развивался медленно. В 2000–2010 гг. наблюдался значительный прирост числа РТС, после чего произошел медленный разворот данного тренда. Резкий взлет показателей в 2021 г. связан с «ковидным провалом» 2019–2020 гг. и одобрением уже согласованных, но отложенных РТС.

А в 2022 г. был наименьший за последние 25 лет прирост новых РТС.

ВТО выделяет несколько групп РТС: соглашения о ЗСТ, соглашения об экономической интеграции, соглашения о таможенном союзе и соглашения частичного охвата (таблица 1).

Из приведенных данных видно, что основу РТС составляют соглашения о ЗСТ (56,1%) и об экономической интеграции (33,7%). При этом следует учитывать, что у ВТО критерии отнесения РТС к этим формам взаимных связей участников опираются прежде всего на его основополагающий документ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), акцентирующее внимание на вопросах торговли, поэтому несколько отличаются от классических подходов к МЭИ. Так, в статье

Таблица 1. Типологическая структура РТС по классификации ВТО на 1 января 2023 г.
Table 1. Typological structure of the RTS according to the WTO classification as of January 1, 2023

Типы РТС	В соответствии со Ст. V ГАТТ	В соответствии со Ст. XXIV ГАТТ	С разрешающей оговоркой	Всего	Доля, %
РТС о ЗСТ		294	23	317	54,6
РТС о ЗСТ с дополнениями		8	1	9	1,5
РТС о Таможенном союзе		11	7	18	3,1
Таможенный союз с дополнениями		10	3	13	2,2
РТС об экономической интеграции	190			190	32,5
РТС об экономической интеграции с дополнениями	7			7	1,2
РТС с частичным охватом			27	27	4,6
РТС с частичным охватом с дополнениями			2	2	0,3
Итого	197	323	63	583	100

Источник: Figures on Regional Trade Agreements notified to the GATT/WTO and in force. – URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (дата обращения: 09.01.2023).

XXIV ГАТТ под ЗСТ понимается «группа из двух или более таможенных территорий, в которых отменены пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли», а под таможенным союзом понимается «замена двух или нескольких таможенных территорий одной таможенной территорией». Статья V, которая является основанием для включения в группу РТС об экономической интеграции, предусматривает свободу перемещения товаров, судов и других транспортных средств через территорию договаривающихся стран², хотя свобода перемещения некоторых материальных активов – только одна из классических характеристик МЭИ.

Кроме того, ВТО выделяет преференциальные торговые соглашения (ПТС), число которых увеличилось с 50 в начале 1990-х годов до примерно 300 в 2019 г.

Практически все члены ВТО в настоящее время являются участниками одного или нескольких ПТС, которые позволяют учесть особенности интеграционных процессов в отдельных мега-регионах и предложить более либеральные, чем достигнутые при вступлении в ВТО, нормы регулирования взаимных связей. При этом наблюдается тенденция расширения сфер взаимодействия, которые затрагивают ПТС. В 1950-е годы ПТС охватывали в среднем 8 областей торговой политики, в 2010-е годы их стало в среднем 17 [Mattoo, Rocha, Ruta, 2020, p. 2]. Всё это свидетельствует об усилении заинтересованности национальных экономик в ускоренном развитии отдельных региональных интеграционных процессов для решения своих задач, чего сложно или невозможно добиться на уровне всего ВТО.

² WTO. The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947). – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения: 10.01.2023).

В то же время такое расширение пространства регулирования интеграционных процессов имеет свои пределы, что обуславливает необходимость либерализации подходов к понятию МЭИ. Если исходить из основного смысла термина «интеграция» (латинское *integratio*), то это процесс соединения (объединения) отдельных частей в единое целое. Применительно к МЭИ под данным термином можно понимать самые разнообразные формы взаимодействия, способствующие экономическому сближению (объединению) заинтересованных государств. В современной практике международного разделения труда и межгосударственного сотрудничества некоторые такие формы не могут ассоциироваться с традиционными моделями МЭИ. В этом плане можно предложить такой термин, как «накопительная интеграция», который может учитывать весь комплекс связей и институтов, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств. Поскольку у классических интеграционных форм есть свои обозначения, данный термин может применяться ко всем другим процессам МЭИ.

Результаты и дискуссия

Особенностью накопительной интеграции является готовность участников к многостороннему или двустороннему сотрудничеству для достижения конкретных целей и предоставление друг другу привилегий или особых прав в рамках таких договоренностей. При этом у накопительной интеграции могут быть различные модели, а сама накопительная интеграция в перспективе может или перейти к более высоким стадиям МЭИ, или еще долгое время оставаться компромиссной формой развития стабильных взаимных связей.

Для использования модели «накопительной интеграции» существуют серьезные объективные потребности. Среди них можно назвать следующие:

1. Фрагментаризация и поляризация глобального экономического пространства, которая ведет к поиску новых партнеров и союзников в политической и экономической сфере.

2. Возрастание фактора неопределенности в оценке перспектив развития мировой и национальной экономики.

3. Обострение проблем в существующих интеграционных объединениях, прежде всего связанных с ограничением национального экономического суверенитета.

4. Усиление в мировой экономике роли группы развивающихся стран, которые еще не готовы в силу тех или иных причин к участию в продвинутых либеральных интеграционных объединениях.

5. Наличие устойчивых отношений у группы стран и долговременное успешное сотрудничество в различных сферах, включая экономику, которое они хотели бы продолжать развивать в рамках традиционных связей.

6. Существование больших групп стран, заинтересованных в углублении своего сотрудничества, но сильно дифференцированных по своему экономическому потенциалу и по выбранным стратегиям развития.

7. Необходимость формальной институализации сложившихся взаимоотношений, что позволило бы повысить экономическую и переговорную силу существующих де-факто региональных и трансрегиональных союзов.

Модель накопительной интеграции может реализоваться на формальном (межгосударственном) и на неформальном уровнях (интеграция «снизу»). На межгосударственном уровне ее институциональными формами

могут быть стратегические договоры о взаимодействии, включающие вопросы экономического и научно-технического сотрудничества, соглашения по конкретным областям кооперации или по отдельным проектам, которые подразумевают принятие их подписантами международно-правовых обязательств.

Между тем на современном этапе развития мировой экономики всё большую роль приобретает неформальная интеграция, которая осуществляется на уровне отдельных мультинациональных компаний, предприятий различных размеров и форм собственности, исследовательских центров, региональных органов власти, сетевых структур, конкретных предпринимателей и потребителей. Неформальная интеграция позволяет преодолевать многие бюрократические барьеры, проводить более гибкую политику развития бизнеса и тем самым использовать скрытые резервы международного сотрудничества. Значение «интеграции снизу» несравненно возрастает в модели накопительной интеграции, которая предполагает самые разнообразные и гибкие форматы взаимодействия.

Одной из целей МЭИ является повышение эффективности национальной экономики благодаря активному использованию глубинного потенциала взаимного сотрудничества. В моделях классической МЭИ это во многом реализуется путем «создания торговли» (*trade creation*), то есть стимулирования переориентации части национальных внешнеторговых потоков на интеграционный рынок благодаря использованию различных преференций. Но это ведет и к «отклонению торговли» (*trade diversion*) за счет сокращения потоков товаров и услуг с третьи-

ми странами, которые при отсутствии таких льгот были бы более выгодными партнерами.

Модели накопительной интеграции также способствуют интеграции рынков участников, однако это происходит опосредованно в результате реализации совместных проектов и программ, ведущих к увеличению торговли и инвестиций. При этом стратегия накопительной интеграции является мягкой альтернативой императиву «отклонения торговли».

В последнее время безусловный характер преимуществ классических моделей интеграции всё больше подвергается сомнению. Как отмечают авторитетные российские исследователи интеграционных процессов О.В. Буторина и Ю.А. Борко, «экономическая выгода не является имманентным свойством региональной интеграции: она возникает не на всех стадиях процесса и не является ни ее основной целью, ни ее движущей силой» [Butorina, Borko, 2022, p. S105].

Поэтому в экспертном сообществе нет однозначных оценок влияния современных трендов регионализации на либерализацию мировой торговли. Как отмечал бывший Генеральный директор ВТО Р. Азеведо, хотя РТС призваны принести пользу подписавшим их странам, ожидаемые выгоды могут быть сведены на нет, если не будут сведены к минимуму перекосы в распределении ресурсов, а также в отклонении торговли и инвестиций³.

Хотелось бы также отметить, что модель накопительной интеграции может быть востребована и в результате дезинтеграционных явлений в отдельных интеграционных объединениях классического типа. Так, после официального выхода 31 января 2020 г. из ЕС и прекра-

3 WTO. Regional trade agreements and the WTO. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/scope_rta_e.htm (дата обращения: 10.01.2023).

чения действия связанных с этим привилегий, оставшихся на время годичного переходного периода, Великобритания уже в декабре 2020 г. заключила с Евросоюзом новое соглашение о торговле и сотрудничестве. Соглашение зафиксировало выход Великобритании из Единого рынка ЕС и его Таможенного союза, хотя и сохранило формальную ЗСТ, но с более ограниченным доступом на рынки ЕС в ответ на протекционистские меры самой Великобритании.

Опыт СЭВ

Как это ни парадоксально, к модели накопительной интеграции может быть отнесена интеграция социалистических государств в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), который несколько десятилетий был социалистической альтернативой интеграции в Общий рынок и в дальнейшем в Евросоюзе. СЭВ был создан в январе 1949 г. по инициативе СССР с участием 6 стран Восточной Европы (Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии) как ответ на известный план Маршалла по экономическому восстановлению стран Западной Европы после Второй мировой войны. На первых этапах существования деятельность СЭВ была направлена на оказание помощи со стороны СССР, но постепенно в ней усиливалась компонента взаимного экономического и научно-технического сотрудничества. В 1962 г. были одобрены «Основные принципы международного социалистического разделения труда», а в 1971 г. принята Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ. Албания вышла из СЭВ в 1961 г., а в 1962 г. в СЭВ была принята Монголия, в 1972 г. – Куба, в 1978 г. – Вьет-

нам. В 1980-е годы на страны СЭВ приходилось 9% мирового валового продукта – почти шестая часть глобального промышленного производства. В 1970–1980-е годы взаимная торговля давала от 50 до 65% всей внешней торговли стран СЭВ, что намного превосходит показатели современных интеграционных объединений России – ЕАЭС и СНГ.

В СЭВ были созданы такие наднациональные институты, как Исполнительный комитет, Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС), Международный инвестиционный банк (МИБ), совместные организации и хозяйственные объединения («Интерэлектро», «Интератомэнерго», «Интертекстильмаш», «Интерхимволокно», «Интератоминструмент» и др.). Высшим органом управления были ежегодно созываемые сессии СЭВ на уровне партийных и государственных руководителей стран-участниц.

Однако СЭВ не проходит по критериям классической МЭИ, так как строился на основе принципиально отличных от рыночных механизмов принципов – плановых системах управления народным хозяйством в странах-участницах. Они не могли обеспечить тесную интеграцию рынков интегрирующихся стран. Тем не менее в СЭВ были созданы нерыночные механизмы, обеспечивавшие сближение и сопряжение экономик его участников. Среди них следует отметить координацию народно-хозяйственных планов, являвшихся основными инструментами управления их экономик, многостороннюю систему расчетов в переводных рублях, совместные инвестиционные проекты, специализацию и кооперацию производства (в этой сфере было заключено 120 многосторонних и более 1000 двусторонних соглашений), научно-техническое сотрудничество, прямые связи производственных предприятий

и т.п. В конце 1980-х годов СЭВ столкнулся с рядом серьезных проблем, решение которых предполагалось осуществлять за счет большего использования рыночных механизмов. Однако в 1991 г. после смены правящих режимов в странах СЭВ было принято решение о прекращении его деятельности, хотя некоторые международные институты, созданные бывшими странами СЭВ, до сих пор продолжают функционировать. Например, Международный банк экономического сотрудничества, который перенес центр тяжести своей деятельности с международных расчетов на финансирование устойчивого развития.

Любопытно, что со временем Б. Балаша несколько изменил свои подходы к оценке интеграционности региональных объединений, признав наличие экономической интеграции в СЭВ, которая строго не соответствовала ни одной из выдвинутых им в 1961 г. характеристик МЭИ, хотя Б. Балаша и критиковал СЭВ за преимущественно двусторонний подход к регулированию взаимных связей [Balassa, 1976].

Инициатива «Пояс и путь»

Одним из самых ярких и продвинутых примеров современной накопительной интеграции является китайский проект – инициатива «Пояс и путь» (ИПП). ИПП предполагает самостоятельный выбор каждой страной форм и масштабов участия в этом проекте, регулярное проведение политических и экономических консультаций для участников с целью выявления конфликтных областей и обмена лучшими практиками.

В ИПП не предусматривается принятие на себя конкретных обяза-

тельств, то есть заключение одного основного обязательства для выполнения договора, как это происходит в традиционных интеграционных союзах. Достаточно публично заявить об одобрении данного проекта и подписать меморандум. Это открывает путь к политическому, экономическому или научно-техническому взаимодействию с Китаем в рамках ИПП.

Не случайно, что у проекта ИПП число участников возросло с 65 в 2013–2014 гг. до 147 по состоянию на март 2022 г., в том числе 35 – из Европы и Центральной Азии, включая 18 государств ЕС, 25 – из Восточной Азии и Тихоокеанского региона, 20 стран из Латинской Америки, 43 африканские страны южнее Сахары и 18 – из Северной и Центральной Африки, 6 – из Юго-Восточной Азии⁴. Население этих государств составляет примерно 60% от мирового показателя, совокупный ВВП оценивается в 35% от мирового ВВП, внешняя торговля товарами составляет 43% глобальной торговли [The Emerging Markets Forum, 2019]. Это делает ИПП крупнейшим интеграционным проектом в мире.

Особенностью ИПП как модели накопительной интеграции является наличие одного доминирующего участника – Китая, который выступил в 2013 г. с инициативой реализации данного проекта. Китай несет основную финансовую нагрузку по его реализации. Ведущую роль здесь играют главные политические банки КНР (Банк сельскохозяйственного развития Китая, Китайский банк развития, Экспортно-импортный банк Китая, Банк Китая, Строительный банк Китая, Промышленно-коммерческий банк Китая), государственные фонды (Китайская инвестиционная корпорация, Фонд Шелкового пу-

4 Countries of the Belt and Road Initiative (BRI). – URL: <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/> (дата обращения: 09.01.2023).

ти), международные финансовые институты с существенным капиталом КНР (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый Банк развития БРИКС). С 2013 по 2021 г. совокупный объем инвестиций КНР в ИПП составил 932 млрд долл.: около 561 млрд долл. в виде строительных контрактов и 371 млрд долл. в виде нефинансовых инвестиций [Nedopil, 2022].

ИПП предусматривает разнообразные проекты экономического взаимодействия, в зависимости от конкретных условий развития и национальных интересов отдельных участников. Важнейшим его направлением является реализация конкретных проектов, прежде всего инфраструктурных, которые призваны активизировать развитие торговли, инвестиционного и научно-технического сотрудничества. В рамках ИПП происходит и определенная адаптация регуляторных механизмов участников, например в рамках локальных двусторонних или многосторонних межгосударственных ЗСТ и специальных экономических зон (СЭЗ).

Только у Китая в 2022 г. имелось 16 вступивших в силу двусторонних и многосторонних соглашений о ЗСТ. На пространстве ИПП действуют такие интеграционные объединения, как СПТТП, ЕС, АСЕАН, ЕАЭС, СНГ, МЕРКОСУР и многие другие.

Китай в 2015-2018 гг. дважды предлагал организовать ЗСТ в рамках реализации идеи сопряжения ЕАЭС и ИПП, но эти проекты не были реализованы. Государства ЕАЭС отказались от создания зоны свободной торговли с КНР даже при условии максимального ограничения рамок свободной торговли и введения различных исключений, как это было сделано при заключении соглашений о зоне свободной

торговли ЕАЭС с Вьетнамом (2015 г.) и ЕАЭС с Сингапуром (2019 г.). В конечном счете в 2018 г. было подписано непререференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем, которое может рассматриваться как пример накопительной интеграции.

АТЭС

Другим масштабным примером накопительной интеграции является Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). В отличие от инициативы «Пояс и путь» АТЭС является полицентрической накопительной интеграцией, так как ее драйверами выступают несколько крупнейших мировых экономик. АТЭС было институализировано в 1989 г., в его состав входят 19 стран и 2 территории, большинство из них имеют выход к Тихому океану. В них проживает около 40% мирового населения, на АТЭС приходится приблизительно 60% ВВП и 48% мировой торговли⁵. В АТЭС входят как крупнейшие мировые экономики (например, США, Китай, Япония, Мексика), так и менее развитые или небольшие юрисдикции (Вьетнам, Перу, Тайвань, Сингапур, Папуа – Новая Гвинея). Хотя в 1998 г. принято решение о введении моратория на дальнейшее расширение АТЭС, наблюдается высокая заинтересованность новых государств (Индия, Пакистан, Камбоджа, Шри-Ланка, Колумбия, Эквадор, Коста-Рика, Панама, Монголия), которые уже подали официальные заявки на присоединение к данному форуму.

АТЭС работает на основе принципов консенсуса и добровольности и является консультативным органом, имеющим небольшой Секретариат, распо-

5 Asia-Pacific Economic Cooperation. – URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/achievements-and-benefits> (дата обращения: 09.01.2023).

ложенный в Сингапуре, а также ряд рабочих органов (Деловой консультационный совет, комитеты экспертов по торговле и инвестициям, экономический комитет и бюджетный комитет). С 1993 г. главной формой организационной деятельности является ежегодно проводимый саммит лидеров экономик участников, принимающий декларации по годовым итогам и перспективам деятельности АТЭС.

Основной целью АТЭС с самого начала было формирование в регионе системы свободной и открытой торговли и инвестиционной деятельности к 2010 г. для развитых стран и к 2020 г. для развивающихся стран, что было отражено в Богорской декларации 1994 г. Однако решение связанных с этим задач шло не теми темпами, на которые рассчитывали участники объединения. В 2014 г. была принята дорожная карта, нацеленная на завершение создания ЗСТ, но ее задачи, как и цели Богорской декларации, не были реализованы. В 2020 г. были одобрены Путраджайские ориентиры развития до 2040 г., предусматривающие углубление сотрудничества участников АТЭС с учетом актуальных задач обеспечения устойчивого и безопасного экономического роста. При этом одной из главных целей остается продвижение и укрепление региональной экономической взаимозависимости, хотя задача создания общей ЗСТ выпала из текущей повестки.

Между тем на территории АТЭС действует несколько продвинутых региональных и трансрегиональных интеграционных объединений. Среди них можно упомянуть ВПТТП, РВЭП, АСЕАН, новую НАФТА (*USMCA*), Тихоокеанский альянс и другие.

Важным интеграционным аспектом деятельности АТЭС является совместное финансирование проектной деятельности. В АТЭС существуют та-

кие фонды, как *General Project Account* (формируется из ежегодных обязательных взносов), *Trade & Investment Liberalisation & Facilitation Account* и *APEC Support Fund* (формируются из добровольных взносов участников АТЭС).

БРИКС

Еще одним примером интеграционного взаимодействия, развивающегося в соответствии с вектором полицентрической накопительной интеграции, является объединение БРИКС. В научных публикациях используются разные институциональные характеристики БРИКС. Его называют неформальной группой стран, блоком, стратегическим альянсом, группой, интеграционным союзом и даже интеграцией интеграций, так как каждая страна БРИКС является участником одного или нескольких других интеграционных объединений.

Целенаправленное формирование БРИК началось в середине 2010-х годов, а его первый форум на высшем уровне состоялся 16 июня 2009 г. В 2011 г. в объединение была принята ЮАР и появилось его современное название – БРИКС.

За сравнительно небольшой период своей деятельности БРИКС стал важнейшей глобальной платформой для взаимодействия стран с переходной экономикой и развивающихся государств. В его рамках сложились многие форматы взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц во всех сферах современного развития. В Декларации XIV саммита БРИКС (июнь 2022 г.) содержится 75 пунктов, отражающих приоритетные направления взаимодействия. Как отметил на деловом форуме БРИКС лидер КНР Си Цзиньпин, сотрудничество БРИКС в настоящее время вступило в новую стадию качествен-

ного развития. Лидер КНР призвал членов БРИКС углублять сотрудничество для более эффективной защиты продовольственной и энергетической безопасности, использования возможностей, предоставляемых новой научно-технической и промышленной революцией, помочь развивающимся странам ускорить развитие цифровой экономики и «зеленой» трансформации⁶.

В 2015 г. была принята первая Стратегия экономического партнерства БРИКС, которая была направлена на углубление многосторонних и двусторонних деловых связей и усиление конкурентных позиций участников объединения в мировой экономике. В соответствии с принятыми правилами эта стратегия была модернизирована в 2020 г. в Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 г.

Значимых успехов страны БРИКС добились в финансовой сфере, где были созданы совместные финансовые институты – Новый банк развития (НБР) с капиталом 100 млрд долл. и Пул условных валютных резервов БРИКС. С момента запуска операционной деятельности НБР Советом банка на конец 2021 г. было одобрено для финансирования более 70 проектов на общую сумму 29,1 млрд долл. [New Development Bank, 2022].

В БРИКС делаются шаги по развитию межнациональной платежной системы, единой схемы валютных расчетов, юридической, медицинской, образовательной платформ и крупных совместных промышленных предприятий, в том числе по переработке нефти.

В то же время в БРИКС пока не используются традиционные формы, характеризующие классическую интеграцию, так как не все страны БРИКС готовы к широкой либерализации вза-

имной торговли. Поэтому появление в среднесрочной перспективе зоны свободной торговли БРИКС маловероятно, тем более что в настоящее время всё чаще дискутируется вопрос о расширении БРИКС, что объективно может затруднить использование продвинутых форм интеграции. Поэтому для БРИКС модель накопительной интеграции является наиболее привлекательной формой взаимодействия, позволяющей расширить горизонт сотрудничества, не ущемляя суверенитета его участников. А БРИКС с полным основанием может считаться новым интеграционным объединением.

Закключение

Рассмотренные примеры региональных и трансрегиональных альянсов показывают не только наличие в мировой экономике такого явления, как накопительная экономическая интеграция, но и потребностей в осуществлении предлагаемых ею форм межгосударственного взаимодействия. По этому пути развиваются такие проекты, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Восточное партнерство ЕС, Соглашение об ассоциации между ЕС и Центральной Америкой, Рамочное соглашение по торговле и инвестициям «C5+1» стран ЦА и США, Организация тюркских государств, Совет сотрудничества государств Персидского залива, Партнерство Америк для экономического процветания и некоторые другие. Накопительная интеграция может стать экономической составляющей амбициозного геополитического проекта «Большая Евразия» – от Лиссабона до Владивостока.

Стратегия накопительной интеграции интересна не только с теоретиче-

6 BRICS cooperation injects vitality into global development, wins worldwide applause. – URL: http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/tpzx/202206/t20220627_10710554.html (дата обращения: 10.01.2023).

ской, но и с практической точки зрения. Данная модель интеграции представляет собой ответ на современные вызовы глобальной экономики и позволяет более тонко учитывать интересы интегрирующихся стран, не ставя неприемлемых условий, ущемляющих их национальный суверенитет. Стратегия накопительной интеграции расширяет поле для развития взаимного сотрудничества в плане вовлечения в него разных по уровню экономического развития и национальных особенностей стран, а также сфер их взаимодействия. Она позволяет участникам не брать на себя завышенных обязательств или прибегать к многочисленным ограничениям и исключениям при попытках копирования практики более продвинутых интеграционных форматов, существующих в мировой экономике. Не случайно, что интерес к участию в существующих интеграционных объединениях, развивающихся по модели накопительной интеграции, проявляет всё больше государств.

Новым убедительным подтверждением востребованности в современных реалиях модели накопительной интеграции стало создание Индо-Тихоокеанской экономической структуры (*Indo-Pacific Economic Framework – IPEF*). В нее вошли 14 государств, на которые приходится около 40% мирового ВВП. Это США, Япония, Индия, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Бруней, Фиджи. В подписанном в сентябре 2022 г. соглашении об *IPEF* не указаны конкретные обязательства его участников, такие, например, как импортные пошлины или доступ к рынку. *IPEF* включает 4 блока, касающихся тор-

говли, цепочек поставок, чистой энергии, декарбонизации и инфраструктуры, налогообложения и борьбы с коррупцией. При этом партнеры по *IPEF* не обязаны присоединяться ко всем четырём компонентам⁷.

Такой подход сильно сократил время подготовки этого соглашения (менее 2 лет), позволив вовлечь в него некоторых трудных переговорщиков и избежать согласований по многим сложным вопросам, то есть создал привлекательную альтернативу действующим в азиатском макрорегионе интеграционным объединениям. Новый интеграционный формат также повышает роль инициативы «снизу», прежде всего корпоративного сектора в достижении конкретных договоренностей, которые не будут спускаться «сверху», а вырабатываться на основе заинтересованности и договоренностей самих акторов международной кооперации.

В то же время участие в накопительной интеграции предполагает совпадение взглядов на главные проблемы современного развития и общность принципов по их решению, а также заинтересованность в усилении взаимодействия в разных сферах геополитического и социально-экономического развития. Именно такие подходы зафиксированы в межгосударственном соглашении о *IPEF*.

Итак, накопительная экономическая интеграция формирует широкую платформу для более точного понимания конкретных национальных интересов партнеров, становится материальной базой для углубления взаимодействия в различных сферах современной жизни. Стратегия накопительной интеграции ведет к усилению переговорной позиции его участников на мировой арене,

7 Bown Ch., Weisel B. What is the Indo-Pacific Economic Framework and will it work? // Peterson Institute for International Economics. – 2022. – 12 December. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/what-indo-pacific-economic-framework-and-will-it-work> (дата обращения: 10.01.2023).

в международных организациях и на авторитетных форумах. Это очень важно в связи с глубокой трансформацией мировой экономики, ее усилившейся фрагментаризацией и поляризацией, ведущих к невиданному за последние 75 лет обострению конкуренции среди глобальных экономических лидеров.

Список литературы

Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 38–53. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53.

Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. – Москва : Экономика, 2011. – 333 с.

Ушкалова Д.И. Современные подходы к выделению моделей экономической интеграции // Вестник ИЭ РАН. – 2016. – № 3. – С. 158–170.

Хейфец Б.А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. – 288 с.

Шишков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. – Москва : III тысячелетие, 2001. – 480 с.

Balassa B. The Theory of Economic Integration. – Homewood : Richard D. Irwin, Inc., 1961. – 152 p.

Balassa B. Types of Economic Integration // Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral / Ed. by F. Machlup. – London : Palgrave Macmillan, 1976. – P. 17–40.

Butorina O.V., Borko Y.A. Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – Vol. 92, Suppl. 2. – P. S105– S112. – DOI: 10.1134/S1019331622080020.

Grimwade N. Theory of Economic Integration: A Review // The New Pal-

grave Dictionary of Economics. – Palgrave Macmillan, 2017. – P. 1–12. – DOI: 10.1057/978-1-349-95121-5_2869-1.

Hosny A. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. – 2013. – Vol. 2, N 5. – P. 133–155.

Krapohl S. Games regional actors play: dependency, regionalism, and integration theory for the Global South // Journal of International Relations and Development. – 2020. – Vol. 23, N 4. – P. 840–870.

Lawrence R.Z. Regionalism, Multilateralism and Deeper Integration. Overview. – Washington, DC : The Brookings Institution, 1996. – 158 p.

Lipsey R. The Theory of Customs Unions: A General Survey // The Economic Journal. – 1960. – Vol. 70, N 279. – P. 496–513.

Mattoo A., Rocha N., Ruta M. The Evolution of Deep Trade Agreements // World Bank Policy Research Working Paper. – 2020. – N 9283. – 45 p.

Meade J.E. Trade and Welfare (The Theory of International Economic Policy, Vol. 2). – London : Oxford University Press, 1955. – 838 p.

Nedopil Ch. Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report H1 2022. – Shanghai : Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, 2022. – 29 p. – DOI: 10.13140/RG.2.2.23455.84645.

New Development Bank. Expanding Our Reach and Impact. Annual Report 2021. – Shanghai, 2022. – P. 4. – URL: https://www.ndb.int/annual-report-2021/pdf/NDB_AR_2021_complete.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

Souza E. Economic integration in the quality ladder model // Estudos Econômicos. – 2008. – Vol. 38, N 4. – P. 849–887. – DOI: 10.1590/S0101-41612008000400006.

Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam : Elsevier, 1954. – 191 p.

The Emerging Markets Forum. Maximizing the Positive Impacts and Minimizing the Risks of the BRI in the Central Asia and South Caucasus Region : A Policy Paper. – Washington, DC, 2019. – 14 p.

Vajda I. Integration, economic union and the national state // Foreign Trade in a

Planned Economy / Ed. by I. Vajda, M. Simai. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – P. 28–44.

Viner J. The Customs Union Issue. – New York : Carnegie Endowment for International Peace, 1950. – 221 p.

From the Point of Economics

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

The Accumulative Model of International Economic Integration

Boris A. KHEYFETS

Doctor of Economics, Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradskiy Prospekt, 49, Moscow, Russian Federation, 125993;

Chief Researcher

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovskiy Prospekt, 32, Moscow, Russian Federation, 117218

E-mail: bah412@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6009-434X

CITATION: Kheyfets B.A. (2023). The Accumulative Model of International Economic Integration. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. vol. 16, no. 1, pp. 35–52 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02

Received: 23.10.2022.

Revised: 10.01.2023.

ABSTRACT. *The paper substantiates the expediency of introducing a new concept into scientific and practical circulation – cumulative economic integration. Based on the analysis of works on the theory of international economic integration, it is shown that the classical methodology, based primarily on the principles of the theory of B. Balassa, is only partially suitable for studying various forms of integration that are developing in the global economy at the present stage. In this regard, it is expedient to*

use the accumulative integration model, which takes into account the entire range of ties leading to the economic convergence of a group of interested states. A feature of accumulative integration is the readiness of the participants for multilateral or bilateral cooperation to achieve specific goals and the provision of privileges or special rights to each other within the framework of such agreements. The accumulative integration strategy expands the field for the development of mutual cooperation in terms of in-

volving countries with different levels of economic development, as well as areas of interaction. The accumulative integration can have various models, and accumulative integration itself in the future can either move to higher stages of international integration, or remain a compromise form of developing stable mutual ties for a long time to come. The conclusions drawn are supported by the analysis of concrete examples of the development of accumulative integration within the framework of the Belt and Road Initiative, APEC and BRICS. Some interstate associations that can use the strategy of accumulative integration are named.

KEYWORDS: regionalization and transregionalization, theory of B. Balassa, accumulative integration, national sovereignty, CMEA, Belt and Road Initiative, APEC, BRICS.

References

- Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood: Richard D. Irwin, Inc., 152 pp.
- Balassa B. (1976). Types of Economic Integration. In: Machlup F. (ed). *Economic Integration: Worldwide, Regional, Sectoral*. London: Palgrave Macmillan, pp. 17–40.
- Baykov A.A. (2017). Economic Regionalism as a Planetary Phenomenon. Theory and Methodology of Comparison. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 10, no. 4, pp. 38–53 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-38-53.
- Butorina O.V., Borko Y.A. (2022). Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92, suppl. 2, pp. S105–S112. DOI: 10.1134/S1019331622080020.
- Grimwade N. (2017). Theory of Economic Integration: A Review. In: *The New Palgrave Dictionary of Economics*. Palgrave Macmillan, pp. 1–12. DOI: 10.1057/978-1-349-95121-5_2869-1.
- Hosny A. (2013). Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*. Vol. 2, no. 5, pp. 133–155.
- Kheyfets B.A. (2019). *New economic mega-partnerships and Russia*. St. Petersburg: Aleteya, 288 pp. (in Russian).
- Krapohl S. (2020). Games regional actors play: dependency, regionalism, and integration theory for the Global South. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 23, no. 4, pp. 840–870.
- Lawrence R.Z. (1996). *Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration. Overview*. Washington, DC: The Brookings Institution, 158 pp.
- Libman A.M., Kheyfets B.A. (2011). *Models of regional integration*. Moscow: Ekonomika, 33 pp. (in Russian).
- Lipsev R. (1960). The Theory of Customs Unions: A General Survey. *The Economic Journal*. Vol. 70, no. 279, pp. 496–513.
- Mattoo A., Rocha N., Ruta M. (2020). The Evolution of Deep Trade Agreements. *World Bank Policy Research Working Paper*. No. 9283, 45 pp.
- Meade J.E. (1955). *Trade and Welfare* (The Theory of International Economic Policy, Vol. 2). London: Oxford University Press, 838 pp.
- Nedopil Ch. (2022). *Brief: China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report H1 2022*. Shanghai: Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, 29 pp. DOI: 10.13140/RG.2.2.23455.84645.
- New Development Bank (2022). *Expanding Our Reach and Impact. Annual Report 2021*. Shanghai, p. 4. – URL: https://www.ndb.int/annual-report-2021/pdf/NDB_AR_2021_complete.pdf, accessed 10.01.2023.
- Shishkov Yu.V. (2001). *Integration processes on the threshold of the 21st century. Why the CIS countries are not integrating*. Moscow: III millennium, 480 pp. (in Russian).

Souza E. (2008). Economic integration in the quality ladder model. *Estudos Econômicos*. Vol. 38, no. 4, pp. 849–887. DOI: 10.1590/S0101-41612008000400006.

The Emerging Markets Forum (2019). *Maximizing the Positive Impacts and Minimizing the Risks of the BRI in the Central Asia and South Caucasus Region: A Policy Paper*. September. – URL: <https://www.emergingmarketsforum.org/policy-paper-maximizing-the-positive-impacts-and-minimizing-the-risks-of-the-bri/>, accessed 10.01.2023.

Tinbergen J. (1954). *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier, 191 pp.

Ushkalova D. Modern approaches to identifying models of economic integration. *Bulletin of the IE RAS*. No. 3, pp. 158–170 (in Russian).

Vajda I. (1971). Integration, economic union and the national state. In: Vajda I., Simai M. (eds.). *Foreign Trade in a Planned Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 28–44.

Viner J. (1950). *The Customs Union Issue*. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 221 pp.

УДК 339.977

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.03

От пределов роста к устойчивому развитию: к 50-летию доклада Римскому клубу «Пределы роста»

Влада Валерьевна ПЕТУШКОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела экономики
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: vladapetushkova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1228-1471

ЦИТИРОВАНИЕ: Петушкова В.В. От пределов роста к устойчивому развитию: к 50-летию доклада Римскому клубу «Пределы роста» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 53–68.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.03

Статья поступила в редакцию 23.12.2022.

Исправленный текст представлен 25.02.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Автор выражает признательность руководителю проекта – известному экономисту и востоковеду, безвременно ушедшему в 2022 г. д.э.н. А.И. Салицкому.

АННОТАЦИЯ. Прошло полвека с того момента, когда доклад Римскому клубу «Пределы роста» потряс весь мир, заставив осознать, что мы живем на планете, ресурсные возможности которой не безграничны. В статье раскрываются такие понятия, как «пределы роста», «ресурсные и экологические ограничители экономического роста» и «устойчивое развитие». Римскому клубу приписывают идею «нулевого роста населения и промышленности» как достаточного условия для стабилизации системы «планета – человечество». Однако в его докладах подчеркивается, что сама по себе стратегия нулевого прироста промышленности и численности населения может лишь отсрочить наступление кризиса, но не предотвратить его. Далеко не все

экономисты приняли идеи Римского клуба, в то же время нельзя не отметить тот вклад, который внесли доклады Римскому клубу в разработку современных концепций развития с учетом задач сохранения окружающей среды, планеты в целом. В первую очередь следует назвать концепцию устойчивого развития, которая после Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. была принята как руководство к действию многими развитыми и развивающимися странами, в первую очередь Китаем. Предсказанный кризис на данном этапе развития общества удалось предотвратить в связи с тем, что в последние несколько десятилетий в мире произошла заметная «экологизация» экономического развития. Устойчивое раз-

витие стало всеобщим императивом для государств, национальных экономик, отдельных территорий. В этом процессе автор видит несомненную заслугу Римского клуба; цель статьи – показать его роль в указанных процессах. Отмечается, что Китай является одним из мировых лидеров в реализации на практике концепции устойчивого развития, что он добился в этой области значительных успехов. По мнению экспертов ООН, рост населения Китая в последующие 30 лет прекратится, а после 2050 г. сменится сокращением. Стремительно растущая экономика Китая по многим показателям устойчивого развития (ресурсо- и энергосбережение, сервисизация) достигла западных стандартов, а во многом и превзошла их.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Римский клуб, концепция устойчивого развития, международные организации, экономический рост, ресурсные ограничения экономического роста, окружающая среда, теории долгосрочного развития общества, Китай.

В 2022 г. исполнилось 50 лет докладу Римскому клубу «Пределы роста», самому важному и влиятельному изданию Римского клуба на сегодняшний день. Доклад способствовал лучшему пониманию разнообразных, но взаимозависимых компонентов глобальной системы – экономических, политических, природных и социальных; смог привести это новое понимание до сведения государственных структур различных стран и общественности во всём мире, способствовал новым политическим инициативам и действиям в этой области. В Программе ежегодной конференции Римского клуба, которая прошла в Коста-Рике 4-5 декабря 2022 г., отмечалось: «Пятьдесят лет спустя нет никаких сомнений в том,

что человечество превышает «несущую» способность планеты, не распределяя плоды экономической деятельности разумным и справедливым образом. Очевидно, что управление общим достоянием – нашей общей планетой – является ключом к устойчивому будущему». Именно такая задача находилась в центре внимания ежегодной конференции: «Переход от пределов роста к глобальному равенству и здоровой планете: как мы обеспечиваем трансформационное управление?» (*Shifting from The Limits to Growth to Global Equity for a Healthy Planet: How do we ensure transformational governance?*) [The Club of Rome, 2022]. Разумеется, не многие экономисты безоговорочно принимают идеи Римского клуба – это лишь одна из теорий развития общества. В то же время нельзя не отметить тот вклад, который внесли доклады Римскому клубу в разработку современных концепций развития с учетом задач сохранения планеты, окружающей среды, в частности принятой многими странами концепции устойчивого развития.

Задача, поставленная в данной работе, напрямую связана с раскрытием таких понятий, как «пределы роста», «ресурсные, экологические ограничения экономического роста» и «устойчивое развитие», а также с некоторыми аспектами экономических теорий. Цель статьи – показать, как научные доклады и теоретические разработки Римского клуба, несмотря на некоторую признаваемую спорность, привели к изменению паттернов мирового развития. Новизну работы составляет возможность прослеживания на протяжении 50 лет пути идей Римского клуба: от выхода первого Доклада «Пределы роста» (1972 г.) до влияния на концепцию устойчивого развития, реализованную в общемировом масштабе на практике. Прежде чем перейти к изложению основной части статьи, необходимо вкрат-

це рассмотреть некоторые общие положения и отчасти историю вопроса.

С точки зрения социально-экономической большая часть истории человечества приходится на традиционное, доиндустриальное общество, для которого характерно преобладание сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства. Для экономики указанного типа уже во времена древних цивилизаций, существовавших в Египте и Китае, пусть в локальных (по сравнению с мировыми) масштабах, но достаточно остро проявлялось противоречие между ограниченностью природных ресурсов, с одной стороны, и ростом населения, сопровождающимся увеличением экономической нагрузки на природную среду, – с другой. На протяжении длительного периода развития человечества, по мере роста народонаселения, главным фактором, ограничивающим хозяйственную деятельность людей в местах их обитания, становилась ограниченность природных ресурсов. Кризисное состояние окружающей среды на данном этапе проявлялось в их истощении и деградации. В результате многовекового «потребительского давления» человека на природу исчезали лесные массивы, теряли плодородие и подвергались эрозии почвы, на месте некогда цветущих стран возникали пустыни. Во многих регионах мира ландшафт, сложившийся к началу XX в., фактически оказался не природным, а антропогенным.

Многие экономические теории признают, что в основе экономического развития лежат три фактора, а именно: средства труда, трудовые ресурсы и природные ресурсы. Как считает С.Н. Бобылев, автор монографии «Экологизация экономического развития», до 1970-х годов в экономической науке и на практике придавалось значение только первым двум факторам, особенности же третьего не при-

нимались во внимание [Бобылев, 1993, с. 5]. С этим утверждением трудно согласиться, так как представления о ресурсных ограничителях экономического роста появились уже в XVIII в. Первой экономической теорией такого рода явился впервые сформулированный А.Р. Ж. Тюрго «закон убывающего плодородия почвы». Суть общеизвестного закона убывающего плодородия почвы заключается в том, что земля данной площади и качества не может производить больше определенного количества продукта, вне зависимости от дальнейшего повышения затрат на ее возделывание.

Проявивший себя в том же восемнадцатом веке новый фактор общественного развития – рост народонаселения в Европе – внес соответствующие коррективы, и европейская экономическая мысль теперь уже включает в рассмотрение два аспекта: 1) признание закона Тюрго, 2) выдвижение тезиса о противоречии между непрерывным ростом населения и ограниченностью площади земельных угодий. К концу XVIII в. относится и известная теория Томаса Мальтуса, которая постулирует, что рост народонаселения и вызванная им экономическая экспансия имеют определенные пределы, обусловленные наличием ресурсных ограничителей (Т. Мальтус «Опыт о законе народонаселения» – см. [Борисов, 1997, с. 342-355]). Согласно теории Мальтуса, данная причина заставляет говорить о том, что рост населения должен регулироваться тем или иным образом. Впоследствии теория получила дальнейшее развитие в работах его последователей – Ф. Осборна, У. Фогта, Г. Тейлора и П. Эрлиха.

Таким образом, представления о ресурсных ограничителях экономического роста, нашедшие отражение в соответствующих теориях, появились достаточно давно. Многие экономисты

и, в частности, представители марксизма в свое время выражали полное несогласие с подобными теориями, считая их реакционными и игнорирующими чуть ли не безграничные возможности человеческого общества к преобразованию окружающей среды для удовлетворения своих потребностей. Возникновение и бурное развитие второго сектора экономики, к которому в XX в. добавились интенсификация сельскохозяйственного производства, широкомасштабная индустриализация в сочетании с взрывным характером научно-технической революции, сопровождалось не только бурным ростом народонаселения, но и уровня потребления. К существовавшим ранее факторам давления человека на природу добавились новые, невиданные до тех пор по силе и масштабам техногенные факторы.

Масштабное вмешательство человека в природные процессы через осуществление экономической деятельности вызвало снижение способности природной среды к саморегуляции. В XX в. не только многократно возросло потребление природных ресурсов, но и возникло опасное для всего живого загрязнение окружающей среды, всех трех ее основных элементов, необходимых для поддержания жизни: воздуха, воды, почвы. Проблема загрязнения – новая важнейшая составляющая современного экологического кризиса. Следует, однако, отметить, что во всех экономических теориях вплоть до середины XX в. вопросы экономического развития обсуждались в основном в ключе именно ресурсных ограничений, в то время как негативное влияние хозяйственной деятельности на окружающую среду не являлось предметом рассмотрения экономической науки. И лишь в 1970-х годах, в значительной степени благодаря работам Римского клуба (так называемым докладом

Римскому клубу), было сформулировано и четко прозвучало положение о существовании экологических ограничителей экономического роста.

Суть экологических ограничителей роста в том, что окружающая среда обладает способностью к саморегуляции и самоочищению лишь до определенной степени. Благодаря этой способности происходит нейтрализация негативных последствий экономической деятельности, в частности загрязнения. Экологические ограничители экономического роста проявляются в полной мере тогда, когда вследствие экономической экспансии нагрузка на окружающую среду достигает таких масштабов, что превышает пределы возможностей окружающей среды к саморегуляции и приводит к ее необратимой деградации. Важность постановки вопроса об экологических ограничителях экономического роста для экономики с конца XX в. вряд ли вызывает сомнения. К 1970-м годам загрязнение водных ресурсов и атмосферы в результате хозяйственной деятельности, а также недостаточность земельных ресурсов ощущались уже как общемировые проблемы.

«Зеленая революция» во второй половине XX в., благодаря применению в сельском хозяйстве достижений агротехники и генной инженерии, на некоторое время сняла остроту продовольственной проблемы в таких странах, как Китай, Индия, Пакистан, Индонезия, Таиланд [Мировая экономика, 1999, с. 1]. В то же время она не устранила противоречие между ограниченностью земельных ресурсов и ростом народонаселения. Численность населения в этих странах продолжает расти, что вновь обостряет всё ту же продовольственную проблему. Уже в начале 1980-х годов, в самый разгар успехов «зеленой революции», плоды которой не могли не по-

ражать воображение, наиболее дальновидные ученые выразили сомнение в том, что продовольственная проблема окончательно решена или решится в ближайшем будущем. Ученые и крупные государственные и общественные деятели, представители деловых кругов нескольких стран встретились в 1968 г. в Риме для обсуждения перспектив развития человечества. Так появился Римский клуб – неправительственная организация, членами которой являлись около 100 представителей научной элиты разных стран. Деятельность клуба отличилась комплексным, системным подходом к рассмотрению актуальных проблем современности, имеющих отношение к разным сферам: экономике, экологии, науке, культуре и т. д.

Все те проблемы, которые прежде изучались изолированно в рамках отдельных наук, стали рассматриваться Римским клубом как взаимозависимые, переплетающиеся между собой теснейшим образом, представляющие собой части единого целого – системы «мир – человек». Форма работы этой организации – так называемые «доклады Римскому клубу» – это концептуальные публикации и теоретические расчеты глобальных перспектив развития, а также ознакомление с результатами этих работ руководства разных стран и крупных международных организаций. Вряд ли какая-либо еще из организаций может претендовать на ту роль, которая принадлежит Римскому клубу, убедительно показавшему, что выживание человечества уже в недалеком будущем напрямую зависит от его осознанных усилий, направленных на сохранение окружающей среды и максимальное снижение потребления природных ресурсов. Деятельность Римского клуба нашла отклик в научных кругах и вызвала широкий политический резонанс.

Значимость идей Римского клуба подтверждается хотя бы тем, что на крупнейшем межправительственном международном форуме – Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 г. – была сформулирована в официальном окончательном варианте и принята концепция устойчивого развития, являющаяся в значительной степени продолжением и развитием идей, выдвинутых в работах Римского клуба [Экология и экономика природопользования, 1998, с. 134]. Именно в основополагающем и наиболее известном докладе Римскому клубу «Пределы роста» помимо формулируемого ранее противоречия развития человеческого сообщества «земля – народонаселение» был выявлен ряд других противоречий, в частности между экспоненциальным ростом промышленности и возможностями окружающей среды нейтрализовать последствия негативного влияния хозяйственной деятельности.

На докладе «Пределы роста» необходимо остановиться более подробно, поскольку каждое из выявленных в нем противоречий имеет универсальный характер.

Римский клуб о пределах роста и перспективах цивилизации

Первый доклад Римскому клубу – доклад «Пределы роста», принесший ему всемирную известность и не утративший до сих пор своей научной значимости, – вышел в свет в 1972 г. Один из его авторов и руководитель проекта Деннис Медоуз позднее, в 1991 г., утверждал, что развитие мировых событий и научные открытия к этому времени подтвердили эффективность использованных подходов, правильность сделанных в работе прогнозов и выводов [Пределы роста, 1991, с. 8]. Именно в работе «Пределы ро-

ста» был заложен фундамент научной концепции Римского клуба. Затем последовали доклады «За пределами роста» Э. Пестеля в 1987 г. [Пестель, 1997, с. 149-193], «Первая глобальная революция» А. Кинга и Б. Шнайдера в 1990 г. [Кинг, Шнайдер, 1997, с. 197-253]. В упомянутых докладах научная концепция Римского клуба дополнялась и расширялась за счет возрастания перечня проблем окружающей среды, выявленных в последующие годы (таких как глобальное потепление климата). В них еще более наглядно демонстрировалась тесная взаимосвязь проблем окружающей среды с проблемами экономического, социального и политического характера.

При написании доклада «Пределы роста» использовался метод системного анализа, разработанный в Массачусетском технологическом институте, в сочетании с компьютерным моделированием [Римский клуб: история..., 1997, с. 126]. В ходе работы группа ученых во главе с Деннисом Медоузом создала двенадцать компьютерных моделей, каждая из которых представляла собой возможный «сценарий глобального будущего», вариант развития событий в мире. Во всех моделях исследовались пять основных составляющих, определенных учеными как наиболее существенные, – это пять тенденций мирового развития: ускоряющаяся индустриализация, быстрый рост населения, широко распространенная необеспеченность продуктами питания, истощение невозобновляемых ресурсов и ухудшение состояния окружающей среды [Пределы роста, 1991, с. 23]. Первая модель, созданная группой Медоуза, по замыслу авторов, должна была отражать картину мира в наиболее приближенном к действительности виде. Здесь подразумевалось, что все пять тенденций мирового развития остаются неизменными. Другими словами, ав-

торы пытались показать, какая судьба ожидает человечество и окружающую среду при стихийном развитии событий. Глубинное противоречие в системе «мир – человек» виделось ученым в ограниченности невозобновляемых ресурсов и возможностей Земли нейтрализовать негативные последствия хозяйственной деятельности человека, с одной стороны, и безудержным (экспоненциальным) ростом промышленности и численности населения – с другой.

Указанное главное противоречие приводило в состояние кризиса расчетную систему-модель и, соответственно, было способно привести к такому же итогу реально существующую систему «мир – человек» [Пределы роста, 1991, с. 176]. В докладе «Пределы роста» отмечалось, что кризис может сначала затронуть лишь отдельные регионы мира, а может охватить сразу весь мир целиком, проявить свою разрушительную силу за краткий срок или растянуться во времени. Крах системы должен привести к значительному снижению способности Земли поддерживать жизнь растений и животных, вследствие чего возможно полное их уничтожение. После завершения процессов у человечества практически не останется ресурсов и возможностей для построения нового общества [Пределы роста, 1991, с. 177]. В связи с наличием нескольких переменных в моделях эксперты Римского клуба затруднялись с прогнозом точного времени наступления всемирной катастрофы, но для нас имеет значение, что, по их мнению, рост необходимо остановить задолго до 2100 г. [Пределы роста, 1991, с. 131].

Очевидно, что, по мнению экспертов Римского клуба, катастрофа и крах системы должны наступить в любом случае. В частности, в случае реализации первой модели крах наступит в результате истощения невозобновляемых

природных ресурсов [Пределы роста, 1991, с. 130]. В других моделях при изменении некоторых из пяти тенденций мирового развития (пяти переменных) система всё равно идет к кризису, который лишь принимает иные формы. Например, при удвоении количества полезных ископаемых в связи с разведкой новых месторождений или научно-технической революцией рост и падение системы повторяет предыдущий вариант: ведь для того, чтобы израсходовать эти дополнительные ресурсы, достаточно всего нескольких лет экспоненциального роста промышленности [Пределы роста, 1991, с. 131]. В случае использования такого источника «неограниченных запасов энергии», как атомная энергия, рост всё равно будет остановлен возросшим уровнем загрязнения окружающей среды [Пределы роста, 1991, с. 138]. Еще в одном случае – при использовании атомной энергии в сочетании с жестким контролем над загрязнением окружающей среды – на первый план в качестве главной проблемы выходит дефицит орошаемых земель [Пределы роста, 1991, с. 142].

Специалисты группы Медоуза предвидели множество возражений со стороны лиц, убежденных во всемогуществе технического прогресса и в том, что катастрофа непременно будет преодолена силой человеческого гения. Именно поэтому они пытались показать на различных примерах, что ни одно из технических новшеств – даже таких, на которые можно было бы рассчитывать в перспективе, а на тот момент рассматривать в качестве научной фантастики, – не спасет человечество. Ни использование атомной энергетики как источника неисчерпаемой энергии (вроде бы, решение вопроса об ограниченности ресурсов), ни очередная «зеленая революция», способная повысить среднемировую урожайность в 2 раза (казалось бы, возможность накормить

возрастающее население), ни что-либо другое не может в корне изменить ситуацию. Дело в том, что речь идет о системе очень тесно связанных элементов. И на примере моделей видно, что для того, чтобы изменить ход событий, недостаточно внести коррективы в какой-либо один элемент системы «общество – природа» и даже во все ее элементы. Здесь необходимо сделать важное замечание о том, что члены Римского клуба вовсе не являются противниками технических новшеств, в чём они неоднократно обвинялись.

Они, напротив, были глубоко убеждены в том, что для обеспечения будущего существования человечества многие из технических нововведений станут жизненно важными [Пределы роста, 1991, с. 131]. Мысль получает дальнейшее развитие в докладе «Микроэлектроника: на благо или на горе» 1982 г. [Чумаков, 1994, с. 72]. Однако, по мнению экспертов Римского клуба, есть круг проблем, не имеющих технического решения, именно к ним относится кризисная ситуация, сложившаяся в системе «мир – человек». Пути преодоления кризиса они видели не столько в поиске гениального технического решения или комплекса решений, сколько в пересмотре сложившегося типа развития, в переходе к качественно новому этапу существования системы. Как известно, Римскому клубу часто приписывают теорию «нулевого роста населения и промышленности» как якобы достаточного условия для стабилизации системы. Однако в докладах Римскому клубу подчеркивается, что сама по себе стратегия нулевого прироста промышленности и численности населения может лишь ненадолго отсрочить наступление кризиса, но не предотвратить его [Пределы роста, 1991, с. 169].

Нулевой прирост численности населения и промышленности рассма-

тривается как минимальное необходимое, но совершенно недостаточное условие достижения стабильного состояния, называемого «глобальное равновесие». В соответствии с предлагаемой Римским клубом концепцией глобального равновесия для его достижения необходим ряд радикальных перемен, а именно:

1. В сфере экономики: экономика переориентируется на более рациональное использование ресурсов. Развитие получает такая отрасль экономики, как производство услуг (таких как образование и медицинское обслуживание), в то время как материальное производство сокращается [Пределы роста, 1991, с. 170].

2. В сфере экологии: вводится жесткий контроль над загрязнением, что приводит к сокращению уровня загрязнения.

3. В социальной сфере должны произойти самые значимые перемены: уменьшатся потребительские запросы общества в целом и каждого отдельного индивида в частности, в связи с чем материальное производство получит возможность сократиться. Общество должно переориентироваться на нематериальные ценности.

Осуществление подобной программы потребует либо тесной координации усилий национальных правительств, либо твердой политики «правительства» глобального масштаба. Члены Римского клуба пропагандируют активное вмешательство государства в процессы, происходящие в экономике и различных сферах общественной жизни, — ведь не все осознают опасность, нависшую над человечеством.

В кругах экономистов существует точка зрения, что глобальное противоречие может быть преодолено при стихийном развитии событий благодаря способности мировой экономики к саморегуляции. Автор известной кни-

ги «Экономика» П. Самуэльсон, в частности, не мог согласиться с тем, что авторы доклада «Пределы роста» реалистично воспринимают возможную модель будущего и видел в их концепции изъяны и фактические неточности, но всё же в главе 38 второго тома согласился с тем, что Медоуз и соавторы уловили некоторые угрожающие тенденции [Самуэльсон, 1997, с. 375]. Так или иначе, благодаря концепции глобального равновесия за прошедшие годы сильно изменились взгляды на всю систему «человек – мир». Стало очевидным, что существующая модель социально-экономического развития не отвечает интересам будущего общества. Возникла потребность в создании новой концепции, которая реально могла бы быть принята и практически реализована всем мировым сообществом.

В 1990 г. своеобразным подведением итогов, отчетом Римского клуба за его многолетнюю деятельность, стала книга «Первая глобальная революция» [Кинг, Шнайдер, 1997, с. 197-253]. Интересно, что, вопреки сложившейся традиции, этот доклад не был написан по заказу Клуба каким-либо специалистом или научной группой. Его создали сами члены Римского клуба, и он выражал мнение всех членов организации. В докладе под «глобальной революцией», или «Великим переходом», понималась вся совокупность тенденций и событий, стремительно, стихийно и непредсказуемо меняющих облик мира и, по убеждению авторов, ведущих к формированию нового типа мирового общества. «Глобальная революция не имеет идеологической основы. Она формируется под воздействием геостратегических потрясений, социальных, технологических, культурных и этнических факторов, сочетание которых ведет в неизвестность» [Кинг, Шнайдер, 1997, с. 198]. Это основной тезис доклада.

В докладе в целом не чувствовалось ни твердой уверенности в возможности предсказания глобального будущего, ни веры в реальные силы, способные повлиять на ход дальнейших событий. В нем преобладало почти интуитивное усмотрение тенденций мирового развития и делалась попытка добиться изменений путем перехода к принципу устойчивого развития. В первой части доклада в ряду проблем глобальной значимости рассматривались последствия негативного влияния хозяйственной деятельности общества на окружающую среду. Усиление «парникового эффекта» воспринималось как наиболее серьезный ограничитель дальнейшего промышленного развития, поскольку оно ведет к таким непредсказуемым последствиям, как изменение климата, учащение ураганов и стихийных бедствий, подъем уровня моря. Как отмечалось в докладе, расточительная и деструктивная по отношению к биосфере деятельность человека будет продолжаться до тех пор, пока существует потребление в его современной форме. Поэтому, по мнению авторов доклада, весь мир должен перейти на принципы концепции устойчивого развития, которая подразумевает в том числе и разумное ограничение потребностей.

Выработка концепции устойчивого развития

Термин «устойчивое развитие» появился в печати и научных кругах в 80-х годах XX в. В самом широком смысле он обозначал общественное развитие, направленное на сохранение мира, природной среды и улучшение качества жизни людей при ориентации на разумное удовлетворение потребностей [Man, Hills, 1998]. Утверждению стратегии устойчивого развития всячески способствовала ООН.

Еще в 1949 г. под ее эгидой проводилась первая научно-техническая конференция по охране природы. А в 1972 г. была создана специальная международная организация по разработке и проведению природоохранных программ – ЮНЕП. В 1983 г. ООН поручает недавно созданной Международной комиссии по окружающей среде и развитию разработку глобальной эколого-экономической программы – проекта, впоследствии названного «Наше общее будущее». В нем были впервые сформулированы основные положения концепции устойчивого развития, впоследствии принятой ООН [Наше общее будущее, 1989].

По решению Генеральной Ассамблеи ООН доклад «Наше общее будущее», содержащий принципы концепции устойчивого развития, был разослан правительствам всех стран мира для составления и реализации на практике национальных программ. Теория устойчивого развития стала не только самой популярной, но и вполне практической теорией: все развитые государства мира выразили стремление следовать по направлению к «устойчивому развитию». Материалы Римского клуба (а всего им было опубликовано около 20 докладов) сыграли огромную роль при разработке концепции устойчивого развития. Как писали в своем докладе специалисты группы Медоуза, у человечества есть два способа избежать кризисной ситуации: 1) существовать, не выходя за рамки пределов роста, 2) продолжать содействовать дальнейшему росту в надежде на то, что новый технический скачок позволит продлить рост [Пределы роста, 1991, с. 157].

Концепция устойчивого развития явно отдает предпочтение второму варианту. В той ее части, которая касается экологии, предполагается создание экологически безопасной экономики путем постепенного перехода к безотход-

ному производству по замкнутому циклу, а также путем развития биотехнологии, перехода к альтернативной энергетике, использующей энергию солнца, воды, ветра, подземного тепла и т.д. Иными словами, имеется в виду теоретическая разработка и практическая реализация методов эффективного использования природных ресурсов. Одновременно предполагается совершенствование административных, экономических и правовых методов защиты природы, эколого-воспитательная работа среди населения, разработка и неукоснительное соблюдение требований эколого-нравственного кодекса. Ключевым пунктом можно назвать восстановление относительной гармонии между человеком и биосферой, переход от современного общества, получившего наименование индустриально-потребительского, к ноосферной цивилизации [Экология и экономика природопользования, 1998, с. 126].

В последнем обозначенном выше пункте происходит своего рода синтез теории ноосферы и идей Римского клуба. Концепция устойчивого развития стала особенно популярной после Международной конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. Несмотря на то, что концепция носит до некоторой степени утопичный характер – особенно в части воспитания населения в духе снижения потребностей, – она была принята как руководство к действию многими развивающимися странами и в первую очередь Китаем. При участии всех правительственных структур, министерств и ведомств в Китае в 1993–1997 гг. был разработан подробный и детализированный план принятия мер, отвечающих духу этой концепции. Этот документ известен под названием «Китайская повестка дня на XXI век», или «Белая книга» [China's Agenda 21, 1994]. Были предусмотрены государственные

бюджетные затраты и иностранные инвестиции, направленные на улучшение состояния окружающей среды в КНР, которое признавалось критичным.

Ситуация, сложившаяся в Китае, – это своего рода гигантский эксперимент, поставленный самим ходом развития этой страны, эксперимент, результаты которого могут помочь человечеству в поисках путей выхода из глобальной кризисной ситуации. Сегодня КНР можно признать мировым лидером в реализации на практике концепции устойчивого развития: в стране за последние годы качественно изменились многие параметры социально-экономического роста и развития.

При обсуждении устойчивого развития Китая уместно привести достаточно неожиданный прогноз относительно роста его населения, сделанный экспертами ООН. Прогноз заключается в том, что в последующие 30 лет население Китая перестанет расти, а после 2050 г. прирост сменится сокращением: 2019 г. – 1,434 млрд чел. → 2050 г. – 1,402 млрд чел. → 2100 г. – 1,065 млрд чел. [World Population Prospects, 2019, p. 14].

На рубеже XX–XXI вв. главным препятствием на пути экономического роста КНР стало масштабное разрушение природных комплексов и неэффективное использование ресурсов. Главная отличительная черта национальной концепции устойчивого развития Китая – отказ от идеи ограничения экономического роста. Эффективность политики устойчивого развития в КНР с исторической точки зрения объясняется ее созвучием планам социально-экономического развития страны. Тридцать лет спустя можно говорить не просто об успехах, но и об изменении моделей экономического роста, их направленности на ресурсосбережение и учет экологической составляющей [Roach, 2019].

За годы, прошедшие со времени принятия концепции устойчивого развития, в Китае значительно повысилась эффективность использования ресурсов [The Great Tech Rivalry..., 2021]. Состояние атмосферы и водных ресурсов в целом было поставлено под контроль, неуклонно снижается уровень промышленных выбросов основных веществ, загрязняющих жизнеобеспечивающие элементы окружающей среды: атмосферу, водные и земельные ресурсы. Изменению характеристик техногенного воздействия на окружающую среду во многом способствовал значительный рост доли третичного сектора экономики, отмечаемый в последние 20 лет. Опыт Китая на практике доказывает, что стремительный промышленный рост может сопровождаться сбалансированным развитием трех сфер: экономики, общества, окружающей среды [Petushkova, 2022].

В последние годы отечественные и зарубежные исследователи по-разному оценивают деятельность Римского клуба, но не могут не признать, что его деятельность сыграла огромную роль в развитии глобалистики и формировании концепции устойчивого развития. Появившись в связи с обострением глобальных проблем, Римский клуб стал первой организацией, исследовавшей и их взаимозависимость. Появление доклада «Пределы роста» стало целым этапом в развитии глобалистики и глобального прогнозирования [Римский клуб: идея..., 2017].

Прошло полвека с того момента, когда первоначальный доклад Римскому клубу «Пределы роста» потряс весь мир, заставив осознать, что мы живем на планете, ресурсные возможности которой не безграничны. В 2022 г. Римским клубом опубликован новый доклад «Пределы роста и за предела-

ми роста: 50 лет спустя. Чему мы научились и что будет дальше?» [Limits and Beyond..., 2022]. В 2022 г. Римский клуб пригласил двух знаменитых авторов книги 1972 г., Денниса Медоуза и Йоргена Рандерса, чтобы вместе со множеством других всемирно известных мыслителей, ученых, аналитиков и экономистов со всего мира ответить на актуальные вопросы и найти подходы к решению одной из самых острых проблем нашего времени.

В первом разделе нового доклада, который называется «Отголоски великой книги», Уго Барди углубленно изучает оригинальный доклад и его влияние на мировые процессы. Затем Йорген Рандерс и Деннис Медоуз разъясняют, что на самом деле имелось в виду в первой книге, и отвечают на самые распространенные вопросы, которые люди задают о книге и прогрессе с тех пор. В разделе «Экономика, но какого рода?» авторы рассматривают экономические идеи, которые легли в основу и возникли после доклада «Пределы роста» в последующие десятилетия. Они пытаются понять, что же должно измениться в обществе, если мы собираемся оставаться в пределах, установленных природой. В разделе «Новые линзы для будущего развития» мыслители, принадлежащие к разным континентам и культурам, рассказывают о своем уникальном опыте наблюдения за миром, который может израсходовать все свои ресурсы, прежде чем мы «проснемся и будем действовать».

Глава «Научились ли мы? Будем ли мы?» посвящена размышлениям о том, в каком направлении движется человечество. Восприняло ли человечество уроки «Пределов роста»? Чему мы научились за это время? И самое главное – что мы можем сделать сейчас? В книге «За пределами роста: 50 лет спустя. Чему мы научились и что будет дальше?» рассматриваются перспективы развития

системы «человек – планета» на последующие 50 лет [Limits and Beyond..., 2022].

Вслед за авторами упомянутого юбилейного издания Римского клуба и основываясь на изложенном материале, постараемся понять, каким образом идеи организации изменили модели мирового развития. Ведь если развитые и развивающиеся страны с целью сохранения окружающей среды придерживались бы выдвинутой концепции «нулевого роста», это послужило бы лишь усугублению неравенства между ними. Даже если развивающиеся страны смогли бы полностью отказаться от экономического роста и «заморозить» прирост населения, результатом была бы консервация бедности и отсталость большинства стран. Ни одна из развивающихся стран не приняла теорию глобального равновесия, сохранившую принцип «нулевого роста» как руководство к действию.

В то же время концепцию устойчивого развития, при разработке которой использовались доклады Римскому клубу, можно рассматривать как своего рода их продолжение и компромисс между дальнейшим экономическим ростом и сохранением окружающей среды. В отличие от теории глобального равновесия, выдвинутой Римским клубом, устойчивое развитие не предполагает отказа от экономического роста. Можно даже сказать, что центральной идеей концепции является прежде всего развитие, улучшение качества жизни, ликвидация бедности и разрыва в условиях существования «богатого Севера» и «бедного Юга». Другое дело, что достижение перечисленных целей должно предусматривать минимизацию ущерба и издержек для окружающей среды. Основополагающая идея концепции устойчивого развития заключается в комплексном решении проблем экономических, социальных и окружающей среды.

По мнению автора, всемирный кризис на данном историческом этапе удалось предотвратить именно благодаря тому, что он был своевременно предсказан в докладах Римскому клубу. А также в связи с тем, что в последние несколько десятилетий под влиянием концепции устойчивого развития в мире произошла заметная «экологизация» экономического развития. Устойчивое развитие стало всеобщим императивом для государств, национальных экономик, отдельных территорий.

Список литературы

Бобылев С. Н. Экологизация экономического развития. – Москва : Изд-во МГУ, 1993. – 78 с.

Борисов Е. Ф. Хрестоматия по экономической теории. – Москва : Юрист, 1997. – 533 с.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция // Римский клуб: история создания, избранные доклады, официальные материалы/под ред. Д. М. Гвишиани. – Москва : URSS, 1997. – С. 197–253.

Мировая экономика/под ред. А. С. Булатова. – Москва : Юрист, 1999. – 734 с.

Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика. – Москва : Молодая гвардия, 1988. – 251 с.

Наше общее будущее/Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию/пер. с англ., под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. – Москва : Прогресс, 1989. – 371 с.

Пестель Э. За пределами роста // Римский клуб: история создания, избранные доклады, официальные материалы/под ред. Д. М. Гвишиани. – Москва : URSS, 1997. – С. 149–193.

Петушкова В. В. Опыт и перспективы устойчивого развития Китая // Вестник Российской академии наук. – 2022 – Т. 92, № 4. – С. 384–393. – DOI: 10.31857/S0869587322040065.

Пределы роста / Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Беренс В.В.: пер. с англ. – Москва: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.

Римский клуб: идея устойчивого развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 2. – С. 213–225.

Римский клуб: история создания, избранные доклады, официальные материалы / под ред. Д.М. Гвишиани. – Москва: URSS, 1997. – 388 с.

Самуэльсон П. Экономика. Том 2. – Москва: НПО «Алгон», 1997. – 413 с.

Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. – Москва: Знание, 1994. – 159 с.

Экология и экономика природопользования / Гирусов Э.В., Бобылев С.Н., Новоселов А.Л., Чепурных Н.В. – Москва: ЮНИТИ, 1998. – 456 с.

China's Agenda 21: White paper on China's population, environment, and development in the 21st century // China Population Today. – 1994. – Vol. 11, N 4. – P. 5-8.

Limits and Beyond: 50 years on from The Limits to Growth, what did we learn and what's next?/Ed. by U. Bardi, C.A. Pereira. – Exapt Press, 2022. – 304 p.

Man Chin Sum, Hills P. Interpreting Sustainable Development // Journal of Environmental Sciences. – 1998. – Vol. 10, N 2. – P. 129-143.

Petushkova V.V. China's Experience and Prospects for Sustainable Development // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – Vol. 92, N 2 – P. 207-215. – DOI: 10.1134/S1019331622020095.

Roach S. China is leading the world in sustainable development // World Economic Forum – 2019. – September 24. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/09/china-leading-sustainable-development/>(дата обращения: 15.11.2021).

The Club of Rome Shifting from The Limits to Growth to Global Equity for a Healthy Planet: How do we ensure transformational governance?/The Club of Rome Annual Conference 2022. – Costa Rica, 4-5 December 2022. – URL: <https://www.clubofrome.org/featured-news/conference-22/>(дата обращения: 13.12.2022).

The Great Tech Rivalry: China vs the U. S./Allison G., Klyman K., Barbesino K., Yen H. // Belfer Center for Science and International Affairs – 2021. – URL: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatTechRivalry_ChinavsUS_211207.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

World Population Prospects 2019: Highlights // United Nations Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2019. – 39 p. – URL: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo/>(дата обращения: 16.11.2020).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.03

From the Limits to Growth to Sustainable Development: to the 50th Anniversary of the Report to the Club of Rome “Limits to Growth”

Vlada V. PETUSHKOVA

Ph. D. (Econ.), Senior Researcher of the Department of Economics
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: vladapetushkova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1228-1471

CITATION: Petushkova V. V. (2023). From the Limits to Growth to Sustainable Development: to the 50th Anniversary of the Report to the Club of Rome “Limits to Growth”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 53–68 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.03

Received: 23.12.2022.

Revised: 25.02.2023.

ACKNOWLEDGEMENTS. The author expresses his gratitude to the Head of the Project – a well-known economist and orientalist, Doctor of Economic Sciences A. I. Salitsky, untimely left in 2022.

ABSTRACT. *Half a century has passed since the report to the Club of Rome “Limits to Growth” shocked the whole world, making it realize that we live on the finite planet in terms of its resource capabilities. The work is directly related to such concepts as “resource and environmental constraints to economic growth”, “limits to growth” and “sustainable development”. The Club of Rome is often credited with the idea of “zero population and industrial growth” as supposedly sufficient conditions for stabilizing the system. However, the organization’s reports emphasize that a strategy of zero industrial and population growth alone can only briefly delay the onset of a crisis, but*

not prevent it. Not all economists accept the ideas of the Club of Rome, this being only one of the theories of the development of society. At the same time, it is impossible not to mention the contribution that the theory of the Club of Rome made to the development of modern concepts of development, taking into account the task of preserving the environment, the planet as a whole. It is necessary to mention the concept of “sustainable development”, which became especially popular after the UN International Conference on Environment and Development (1992). The concept was adopted as a guide to action by many developed and developing countries, and first of all by China. It is not-

ed that China is a world leader in the implementation of the concept of “sustainable development” in practice and has achieved significant success in this area. The predicted crisis at this stage was overcome due to the fact that in the last few decades there has been a noticeable turn to the green economic development in the world. In this process, the author sees the undoubted merit of the Club of Rome. The purpose of the article is to show its role in these processes. According to UN experts, China's population growth in the next thirty years will stop, and after 2050 it will be replaced by a reduction. China's rapidly growing economy in many indicators of sustainable development (resource and energy conservation, as well as servitization) has reached Western standards, in many respects surpassing them.

KEYWORDS: Club of Rome, the concept of «sustainable development», international organizations, economic growth, resource limits to economic growth, environment, theories of long-term development of society, China.

References

- Bobylev S.N. (1993). *Ecologization of Economic Development*. Moscow: MSU Publishing, 78 pp. (in Russian).
- Borisov E. F. (1997). *Anthology on Economic Theory*. Moscow: Publishing Group “Jurist”, 533 pp. (in Russian).
- China's Agenda 21 (1994). White paper on China's population, environment, and development in the 21st century. *China Population Today*. Vol. 11, no. 4, pp. 5-8.
- Chumakov A.N. (1994). *Philosophy of Global Problems*. Moscow: Znaniye, 159 pp.
- Ekologiya i ekonomika prirodopol'zovaniya (1998). Girusov E. V., Bobylev S.N., Novoselov A.L., Chepurnykh N.V. *Ecology and Economics of Nature Management*. Moscow: UNITI, 456 pp. (in Russian).
- King A., Schneider B. (1997). The First Global Revolution. In: Gvishiani D.M. (ed.) *The Club of Rome: history of creation, selected reports, official materials*. Moscow: URSS, pp. 197–253 (in Russian).
- Limits and Beyond (2022). Bardi U., Pereira C.A. (eds.). *50 years on from The Limits to Growth, what did we learn and what's next?* Exapt Press, 304 pp.
- Man Chin Sum, Hills P. (1998). *Interpreting Sustainable Development*. *Journal of Environmental Sciences*. Vol. 10, no. 2, pp. 129–143.
- Mirovaya ekonomika (1999). Bulatov A.S. (ed.). *World Economy*. Moscow: Publishing Group “Jurist”, 734 pp. (in Russian).
- Moiseev N.N. (1988). *Ecology of mankind by the eyes of mathematics*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 251 pp. (in Russian).
- Nashe obscheye buduscheye... (1989). *Our Common Future. Report of the International Commission on Environment and Development*. Moscow: Progress, 371 pp. (in Russian).
- Pestel E. (1997). Beyond the limits to growth. In: Gvishiani D.M. (ed.) *The Club of Rome: history of creation, selected reports, official materials*. Moscow: URSS, pp. 149–193 (in Russian).
- Petushkova V.V. (2022). *China's Experience and Prospects for Sustainable Development*. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92, no. 2, pp. 207–215. DOI: 10.1134/S1019331622020095.
- Petushkova V.V. (2022). *China's Experience and Prospects for Sustainable Development*. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92, no. 4, pp. 384–393 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869587322040065.
- Predeli rosta (1991). Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. *Limits to Growth*. Moscow: MSU Publishing, 205 pp. (in Russian).
- Rimskiy klub: ideya... (2017). *The Club of Rome: idea of sustainable development*. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 2, pp. 213–225 (in Russian).

Rimskiy klub: istoriya... (1997). Gvishiani D.M. (ed.) *The Club of Rome: history of creation, selected reports, official materials*. Moscow: URSS, 388 pp. (in Russian).

Roach S. (2019). *China is leading the world in sustainable development*. *World Economic Forum*, September 24. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/09/china-leading-sustainable-development/>, accessed 15.11.2021.

Samuelson P. (1997). *Economics*. Volume 2. Moscow: NPO Algon, 413 pp. (in Russian).

The Great Tech Rivalry... (2021): Alison G. et. al. *The Great Tech Rivalry: China vs the U.S. Belfer Center for Science and International Affairs*. Available

at: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatTechRivalry_ChinaUS_211207.pdf, accessed 15.11.2021.

The Club of Rome Shifting from The Limits to Growth to Global Equity for a Healthy Planet (2022). *How do we ensure transformational governance? The Club of Rome Annual Conference 2022, Costa Rica, 4-5 December*. Available at: <https://www.clubofrome.org/featured-news/conference-22/>, accessed 13.12.2022.

World Population Prospects 2019: Highlights (2019). *United Nations Department of Economic and Social Affairs*. New York: United Nations, 2019. 39 pp. Available at: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/igo/>, accessed 16.11.2020.

Особенности современного экономического развития

УДК 338.45

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.04

Роль зеленой электроэнергетики в экологизации европейской черной металлургии

Андрей Владимирович ЗИМАКОВ

кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)

Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: zimakov@newmail.ru

ORCID: 0000-0001-6574-6258

ЦИТИРОВАНИЕ: Зимаков А.В. Роль зеленой электроэнергетики в экологизации европейской черной металлургии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 69–85.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.04

Статья поступила в редакцию 12.01.2023.

Исправленный текст представлен 21.02.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются перспективы декарбонизации европейской сталелитейной промышленности в условиях стремления Евросоюза к достижению климатической нейтральности с точки зрения той роли, которую в данном процессе играет электроэнергетика ЕС. Экологизация экономики ЕС начиналась с декарбонизации электроэнергетики, но постепенно фокус климатической политики Евросоюза стал расширяться, вовлекая в процесс более сложные для экологизации отрасли промышленности, и в первую очередь черную металлургию, учитывая высокий уровень выбросов доменно-конвертерного производства, связанного со сгоранием металлургических углей. Как показано в статье, в решении данного вопроса опыт

декарбонизации электроэнергетики по замещению угля биомассой и дооснащению системами улавливания CO₂ лишь ограниченно применим и не дает требуемого снижения выбросов. Наиболее высокие результаты по снижению выбросов дают только новые бескоксовые технологии (восстановительная плавка и прямое восстановление железа), модифицированные с целью максимального снижения выбросов CO₂. Анализируя процесс становления бескоксовых технологий в странах Евросоюза, автор показывает, что их ключевой уязвимостью является зависимость от наличия стабильного зеленого энергоснабжения. Тем самым перспективы развития производства «зеленой» стали находятся в прямой зависимости от наличия достаточного количества

зеленой электроэнергии, а следовательно, от прогресса в трансформации европейской энергетики. Немаловажную роль в данном процессе будет также играть выбранная модель энергосистемы, что будет предопределять привлекательность размещения металлургических производств, а в конечном итоге – конкурентоспособность «зеленой» стали на внутреннем европейском и глобальном рынках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЕС, черная металлургия, декарбонизация, энергетика, металлизация, прямое восстановление железа, биомасса, уголь.

В начале нового тысячелетия страны Евросоюза сделали осознанный выбор в пользу экологизации своих экономик, что нашло отражение в ряде общеевропейских программных документов, содержащих конкретные целевые параметры по достижению экологических задач в горизонте 2020, 2030 и 2050 гг. в рамках более широкой задачи достижения «климатической нейтральности». Это касается таких показателей, как снижение уровня выбросов парниковых газов в атмосферу, увеличение доли зеленой энергетики в конечном потреблении, повышение энергоэффективности. Первоначально основной акцент экологической политики был сделан на трансформации энергетического сектора. Причин этому несколько. Прежде всего, как в Европе, так и в мировых масштабах энергетика традиционно имеет наибольшую долю в выбросах парниковых газов (по данным Международного энергетического агентства, 41% глобальных выбросов CO₂ в 2017 г.). С другой стороны, в силу имеющихся экологических технологий энергетика (в первую очередь электроэнергетика) обладает наибольшим потенциалом среди других секторов по их минимизации. На-

ращивание генерирующих мощностей ВИЭ с постепенным вытеснением ими традиционных тепловых электростанций, работающих на буром и каменном угле, представлялось европейским политикам относительно легко достижимой задачей (*low hanging fruit*), по мере решения которой полученные результаты можно было бы использовать для экологизации других отраслей, прежде всего промышленных. Постепенно, по мере достижения определенных успехов в декарбонизации европейской энергетики, фокус климатической политики Евросоюза стал расширяться, вовлекая в процесс новые, более сложные для экологизации (*hard to abate*) отрасли индустрии [An industrial policy..., 2021]. В рамках «Зеленой сделки» особо выделена необходимость декарбонизации энергоинтенсивных отраслей промышленности, ответственных за 20% всех выбросов. Среди отраслей с высоким уровнем выбросов парниковых газов в атмосферу в прицеле экологической политики ЕС в первую очередь оказалась металлургическая промышленность, и прежде всего черная металлургия.

Европейская черная металлургия в фокусе климатической политики Евросоюза

Внимание европейской экологической политики к вопросу декарбонизации предприятий черной металлургии вполне закономерно. После европейской энергетики черная металлургия является вторым крупнейшим потребителем угля (18%) [IEA, 2018] и одним из лидеров в части выбросов парниковых газов. По данным Европейской схемы торговли квотами, учитывающей выбросы крупных предприятий и охватывающей около 40% выбросов парниковых газов всего Евросоюза, в 2021 г. на долю пред-

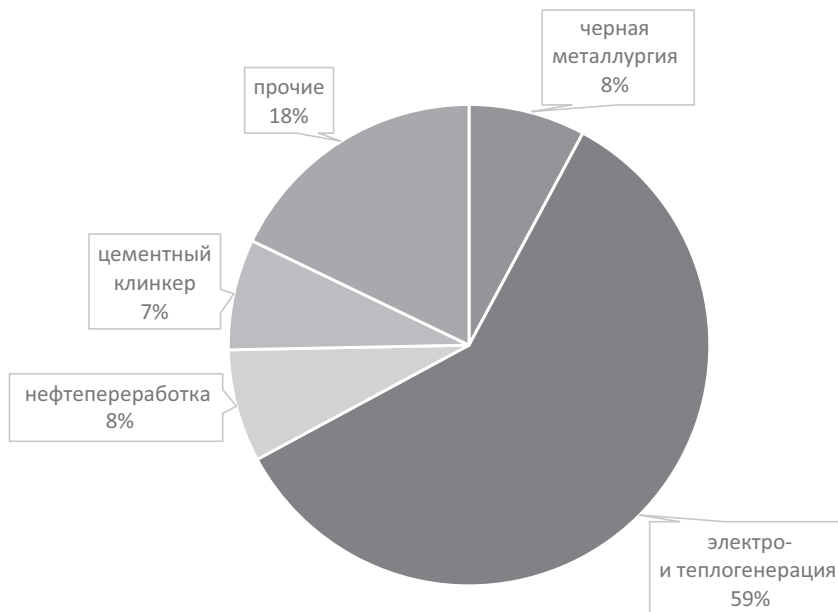

Рисунок 1. Выбросы CO_2 в атмосферу предприятий, учитываемых ЕСТК ЕС, по отраслям в 2021 г., %

Figure 1. CO_2 -emissions of EU ETS covered utilities, by industry activity in 2021, %

Источник: расчеты автора по данным реестра Европейской схемы торговли квотами на выбросы парниковых газов. – URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/ets/registry_en#tab-0-1 (дата обращения: 27.12.2022).

приятий черной металлургии приходилось почти 7,8% всех выбросов, учитываемых системой. Это намного меньше предприятий электроэнергетики (59%), традиционно образующих «костяк» (около десятка) наиболее экологически грязных предприятий Европы, но сопоставимо с другими отраслями-лидерами – нефтепереработкой и производством цементного клинкера (рисунок 1).

Тем не менее именно предприятия черной металлургии являются следующими после угольных ТЭС крупнейшими точечными эмитентами парниковых газов. Об этом свидетельствует антирейтинг наиболее грязных предприятий, в котором металлургические предприятия прочно занимают вторую десятку, в отдельные годы «прорываясь» в первую [Zimakov, 2021].

При этом, учитывая масштабы предприятий черной металлургии и неравномерность их географического размещения в ЕС, по отдельным странам картина доли выбросов металлургической промышленности существенно различается. Например, в Германии на долю черной металлургии приходится около 30% всех промышленных выбросов CO_2 [Handlungskonzept Stahl, 2020].

На долю европейской черной металлургии приходится 8% мирового производства стали. Еврокомиссия в своих коммюнике обычно указывает, что ЕС является вторым по объемам производителем в мире после Китая (54%), хотя такое сопоставление не совсем корректно, так как ЕС – это объединение, а в рамках самого Евросоюза пред-

Таблица 1. Производство стали в странах ЕС в 2021 г, млн т
Table 1. Steel production in EU countries in 2021, mln t

Страна ЕС	Производство
Германия	40,1
Италия	24,4
Испания	14,2
Франция	13,9
Польша	8,5
Австрия	7,9
Бельгия	6,9
Нидерланды	6,6
Словакия	4,9
Чехия	4,8
Швеция	4,7
Финляндия	4,3
Румыния	3,4
Люксембург	2,1
Греция	1,5
Венгрия	1,1
Словения	0,7
Болгария	0,5
Хорватия	0,2
Прочие страны ЕС	2,0
Всего ЕС	152,6

Источник: составлено автором по данным EUROFER. – URL: <https://www.eurofer.eu/> (дата обращения: 27.12.2022).

приятия черной металлургии расположены достаточно неравномерно. Среди стран ЕС наибольший объем производства – у Германии (26%), далее идут Италия (16%), Испания и Франция (по 9%). Значимые объемы выплавки стали имеются также в Польше, Австрии, Бельгии, Нидерландах, а также в Словакии и Чехии (таблица 1).

Согласно данным Европейской ассоциации стали (EUROFER), по технологии производства примерно 44%

приходится на электротермический способ и 56% – на конвертерный. В плане экологичности эти два способа довольно-таки существенно различаются. Углеродный след электросталеплавильного производства существенно ниже, так как, с одной стороны, он определяется в основном источником генерации используемой электроэнергии, а с другой – по большей части использует металлолом в качестве сырья, что означает отсутствие агломерационного процесса [Буторина И., Буторина М., 2019]. Озабоченность европейской климатической политики в основном адресована цепочке доменного производства с кислородным конвертером, в котором основная часть выбросов связана с доменным процессом (61%) и ассоциированным с ним производством металлургического кокса (27%) [Pardo, Moya, Vatoopoulos, 2012].

Не вдаваясь в детали металлургического производства, отметим, что при выплавке чугуна в домне используется преимущественно железорудное сырье, которое поступает в домну в форме агломерата одновременно с угольной шихтой. В процессе коксоаглодоменного передела происходит восстановление оксидов железа оксидом углерода, водородом и твердым углеродом, выделяющимся при сгорании топлива и кокса в доменной печи. Таким образом, доменный процесс неразрывно связан со сгоранием металлургических углей, что приводит к высоким выбросам CO₂.

В то же время энергетический уголь, сжигаемый на тепловых электростанциях, уже достаточно давно находится в прицеле климатической политики ЕС. За последнее десятилетие количество угольных электростанций в Евросоюзе значительно сократилось, ряд стран полностью прекратили угольную генерацию или установили сроки для остановки угольных ТЭС в стране. В ря-

де стран в качестве одного из инструментов, за счет которого дальнейшая эксплуатация угольных электростанций оказалась экономически неэффективной, стал углеродный налог. В других случаях было достигнуто политическое соглашение с энергетическими компаниями о закрытии электростанций. Вместе с тем данная политическая победа в интересах экологии привела к углублению экономической деградации европейской угледобывающих регионов, значительно обострив социально-экономические проблемы.

В этом плане для европейской черной металлургии, прямо и косвенно обеспечивающей занятость около 2,5 млн человек, давление климатической политики может оказаться фатальным и имеет все шансы привести к деиндустриализации с закрытием производств. Сталелитейные предприятия ЕС и без того находятся в условиях жесткой международной конкуренции, с трудом удерживая свои позиции в условиях мирового профицита металлургических мощностей [Хардтке, 2016; Керкхофф, 2018]. Поэтому экологизация европейской черной металлургии без существенного ущерба для отрасли является достаточно нетривиальной задачей.

Необходимо упомянуть еще одну причину, по которой черная металлургия привлекает внимание экологической политики Евросоюза. Это роль ее продукции как исходного материала в различных цепочках добавленной стоимости [Vogl, Åhman, Nilsson, 2021]. Климатическая политика ЕС делает особый акцент на последовательной декарбонизации всей цепочки, поэтому если в ее основе будет исходный материал с высоким углеродным следом, усилия по декарбонизации на последующих звеньях будут иметь малую эффективность для экологичности конечного продукта. В этой связи пере-

ход черной металлургии к производству «зеленой» стали как базового материала для множества прочих отраслей промышленности приобретает для Евросоюза особое значение.

Опыт декарбонизации электроэнергетики для экологизации европейской черной металлургии

Какие опции существуют у предприятий черной металлургии, чтобы всё же соответствовать постоянно ужесточающимся экологическим требованиям? Полное замещение доменно-конвертерного производства электродуговой плавкой (ЭДП) затруднительно по целому ряду причин: разный масштаб производства, разные виды производимой стали и, наконец, разное сырье. В этом случае кратно возросшую потребность в металлоломе было бы невозможно удовлетворить [Люнген, Шпрехер, 2017]. Поэтому необходимы технологические решения, позволяющие получать чугун и сталь из железной руды при низких выбросах CO_2 .

Прежде всего, определенной основой, от которой можно отталкиваться в поиске этих решений, могут стать разработки, полученные в ходе декарбонизации европейской электроэнергетики и даже, скорее, теплоэнергетики. Дело в том, что основные усилия климатической политики Евросоюза изначально были направлены на развитие генерации ВИЭ, которая должна постепенно вытеснить тепловые электростанции: сперва те, которые используют уголь или мазут, а в перспективе – и работающие на природном газе. Однако в процессе вывода из эксплуатации мощностей угольных электростанций европейские страны столкнулись с необходимостью модернизации когенерационных установок ТЭЦ, основной функцией которых наряду с выработ-

кой электроэнергии было обеспечение теплоснабжения. Одним из найденных решений стал перевод тепловых электростанций на более экологичный вид топлива, а именно на сжигание биомассы. Совместное сжигание с углем 10-30% биомассы не требует серьезного переоборудования ТЭС, и при этом позволяет улучшить экологические показатели предприятия. Полноценная конвертация на биотопливо требует дополнительных инвестиций, однако позволяет сохранить как само предприятие, так и всю используемую инфраструктуру. В результате практика перевода угольных ТЭС на биомассу получила в Европе достаточное распространение [Зимаков, 2020].

Европейские металлурги также уже достаточно давно изучают возможности использования различных видов биомассы для замещения угля на разных стадиях металлургического процесса. Из всех видов твердой биомассы для целей использования в металлургии наиболее пригодным оказался древесный уголь. В целом, согласно различным исследованиям, если рассматривать всю производственную цепочку, в доменно-конвертерном процессе древесный уголь может быть использован на разных стадиях, замещая частично или полностью традиционно используемый каменный уголь. Как правило, речь идет о замещении каменного угля биомассой на вспомогательных производствах и вторичных функциях: на агломерационной фабрике, в домне вместо коксовой мелочи и кокса более крупных фракций (кокового орешка). При этом ожидаемый уровень замещения варьируется в зависимости от функции в диапазоне от 50 до 100% [Possibilities..., 2018]. Что касается замены кокса в шихте, где тот выполняет роль не столько топлива, сколько восстановителя железа и опоры, то в этом случае без модернизации произ-

водства древесный уголь может играть лишь ограниченную роль. Вместе с тем при всех ограничениях в применимости использование древесного угля только во вспомогательных процессах, как заявляется, способно снизить уровень выбросов приблизительно на 20%. При этом не требуется принципиальное изменение технологического процесса выплавки чугуна и стали и, следовательно, сохраняются производственные мощности в текущей конфигурации при относительно незначительной модернизации.

Несмотря на привлекательность, у данного способа экологизации много недостатков. Прежде всего, надо понимать, что при замещении каменного угля биомассой речь не идет собственно о снижении уровня выбросов. При сжигании биомассы точно так же выделяется CO_2 , а абсолютный уровень выбросов может быть даже выше, что обусловлено меньшей теплотворностью и, следовательно, необходимостью в использовании большего количества древесного угля. Однако климатическая политика ЕС оценивает экологичность биомассы с позиции жизненного цикла: за период вегетации деревья поглощают как минимум столько же CO_2 , сколько потом выделяет биомасса при горении. Тем самым выращиваемые и используемые для получения биомассы леса компенсируют выбросы CO_2 . Этот подход «углеродной нейтральности» неоднократно подвергался критике, и поэтому Еврокомиссия вынуждена разрабатывать различные требования и ограничения на соответствие критерию «устойчивости», предъявляемые к используемой биомассе. Это, в свою очередь, ограничивает доступное предложение, потому что биоресурсы Европы достаточно лимитированы. Уместно напомнить, что в Европе в средние века технологический прорыв в выплавке чу-

гуна, связанный с переходом на кокс, был в том числе обусловлен запретом на вырубку лесов для производства древесного угля в металлургических целях, масштабы которой создавали угрозу дефорестации (в частности, в Англии в XV в.). Учитывая высокий спрос со стороны электро- и теплоэнергетики, вопрос источников доступной для европейской металлургии биомассы остается открытым.

Проблему выбросов парниковых газов при сжигании биомассы также планируется решать за счет систем улавливания и утилизации CO₂. Дооборудование данными системами традиционных электростанций рассматривается как допустимый способ их экологизации, хотя при этом не происходит перехода на возобновляемый источник энергии. Данный способ также может быть в ряде случаев применим для экологизации металлургических производств. Согласно оценкам, дооснащение традиционного доменно-конвертерного производства системами улавливания CO₂ способно снизить его уровень выбросов примерно в 2 раза. А наиболее оптимальный результат будет достигаться при использовании систем улавливания в комбинации с переходом на биомассу.

Среди европейских металлургических предприятий данный способ декарбонизации рассматривается как экономически жизнеспособный: об этом, в частности, заявляет руководство *ArcelorMittal*¹. В настоящий момент компания строит завод Генте (Бельгия) с преобразованием отходящих газов металлургического производства в биоэтанол. Вместе с тем уровень развития технологии системы улавливания и захоронения CO₂ по-

ка что находится на начальном этапе, в то время как ожидаемые масштабы его применения требуют сооружения значительных объемов мощностей по утилизации и захоронению, а также соответствующей транспортной инфраструктуры. А это пока в ЕС не просматривается.

Таким образом, опыт европейской энергетики по замещению угля на ТЭС биомассой оказывается лишь ограничено применимым для декарбонизации черной металлургии. По сути, он не решает главного вопроса – снижения абсолютного выброса парниковых газов в атмосферу. Кроме того, биомасса является не лучшей заменой кокса в качестве восстановителя металла, а значит, не способна обеспечить экологизацию основного процесса – источника выбросов CO₂. Более глубокая декарбонизация предприятий черной металлургии требует применения иных технологий.

Новые технологии получения «зеленой» стали в Евросоюзе

С точки зрения технологий черная металлургия является достаточно консервативной отраслью, что отчасти связано с высокими капитальными затратами. Например, последние мартеновские печи были закрыты в Европе только в 1995 г., а в России – в 2018. Если же говорить о доменном производстве, то его история насчитывает, по разным оценкам, как минимум 500 лет. Безусловно, за это время процесс достиг крайне высокой степени технологического совершенства: оптимизированы все составляющие, эффективность производства приближается к теоретически возможной. Вместе с тем, несмо-

1 BECCS beats hydrogen for decarbonizing steel in Europe: ArcelorMittal. // S&P Global Platts. – 2021. – May 18. – URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/electric-power/051721-beccs-beats-hydrogen-for-decarbonizing-steel-in-europe-arcelo%E2%80%A6> (дата обращения: 29.12.2022).

тря на достигнутое снижение уровня выбросов на передовых предприятиях за счет высокой эффективности процесса (1,8 тонны CO_2 на тонну чугуна против среднего показателя 2,8 тонны) [Technologies and policies..., 2020], само по себе использование кокса (что также подразумевает его изготовление) неизбежно влечет за собой высокий уровень выбросов, несовместимый с целями декарбонизации. Поэтому в мировой черной металлургии уже достаточно давно ведется поиск альтернативных технологий получения чугуна или восстановленного железа в иной форме. Обобщая имеющиеся на сегодняшний момент бескоксовые технологии, обычно называют два способа: восстановительная плавка и прямое восстановление железа. По сути, это две большие группы различных технологий, имеющих в своей основе первый или второй способ [Zhiyuan, Friedmann, 2021]. Мотивы этих инновационных разработок были различными, но среди прочих с течением времени всё большую роль постепенно стал приобретать экологический аспект, то есть тот эффект снижения выбросов CO_2 , который потенциально мог быть получен в рамках данных технологий получения железа.

Потенциал подобных инновационных разработок для экологизации отрасли был своевременно оценен Евросоюзом. В частности, под эгидой и при софинансировании Евросоюза в 2004 г. появился проект разработки технологии сверхнизкоуглеродной выплавки стали (ULCOS) в составе консорциума, в который вошли 48 предприятий из 15 стран ЕС. На начальных этапах перед участниками проекта стояла задача оценки имеющихся перспективных разработок с позиции потенциала для создания полноценного производства стали при низких выбросах CO_2 . Среди прочих технологий наибольшее развитие получил про-

ект *HISARNA*, который предполагает восстановительную плавку с получением жидкого металла из руды без использования кокса, хотя и с применением угля, в двухстадийном процессе: предварительное восстановление руды в циклонной конвертерной печи и последующее восстановление до жидкого чугуна в плавильно-восстановительной емкости. Не вдаваясь в технологические подробности, достаточно будет сказать, что в данном процессе исключаются агломерационное и коксовое производства, а значит, и связанные с ними выбросы. При этом используемый уголь может быть полностью заменен на древесный. На выходе получается жидкий чугун, практически идентичный доменному, который далее может поступать в кислородный конвертер для выплавки стали.

Опытно-промышленная установка по данной технологии была построена в городе Эймёден в Нидерландах в 2010 г. Согласно полученным данным, применение этой технологии потенциально позволяет снизить количество выбросов CO_2 на 50-80% по сравнению с доменным производством. Данная технология восстановительной плавки является наиболее многообещающей по сравнению с другими способами, например коммерчески успешно реализованной технологией восстановительной плавки *Corex* (разработанной в Европе в 1970-1980-е гг.), где всё-таки приходится использовать кокс и не такое существенное снижение выбросов. В настоящее время компания *Tata Steel*, выкупившая права на технологию *Hisarna*, планирует строительство полномасштабного производства.

Другой наиболее развитой технологией получения железа без применения кокса является процесс прямого восстановления железа, или металлизация: процесс проходит при умеренных температурах с использованием

газа-восстановителя. Из всех известных вариантов этой технологии наибольшее развитие получила металлизация с использованием природного газа, который в результате конверсии разлагается на водород и угарный газ (технология *MIDREX*). В процессе металлизации под воздействием газа-восстановителя из железной руды получается губчатое железо, которое затем, как правило, поступает в электродуговую печь для выплавки стали.

Несмотря на отсутствие кокса, в процессе металлизации используется природный газ, а следовательно, такое производство не может рассматриваться как зеленая технология. В этой связи европейская металлургия модифицирует процесс металлизации с использованием в качестве газа-восстановителя водорода, получаемого без использования углеводородного сырья [Bhaskar, Assadi, Somehsaraei, 2020]. В 2020 г. в Лилле (Швеция) было введено в эксплуатацию опытно-промышленное производство губчатого железа по технологии *HYBRIT*, разрабатываемой консорциумом компаний *SSAB*, *LKAB* и *Vattenfall* при поддержке ЕС. Данная технология предполагает прямое восстановление железа из руды с использованием водорода, получаемого за счет электролиза воды. В марте 2021 г. этот же консорциум начал строительство первого завода промышленного масштаба в Елливаре. Согласно производственным планам компании *SSAB*, губчатое железо, получаемое по бескоксовой технологии, далее будет поступать в электродуговые печи для выплавки стали. С этой целью компания ведет реконструкцию доменной печи в Укселёсунд с ее преобразованием в электродуговую печь. Наряду с собственно металлургическими мощностями консорциум также строит подземное хранилище для накопления вырабатываемого водорода, который затем будет использовать-

ся на производстве. Тем самым будут обеспечиваться его бесперебойные поставки. Отметим, что поддержка данного проекта со стороны ЕС из фонда инноваций составит 143 млн евро.

В целом текущая бизнес-модель *SSAB* по строительству производств по технологии *HYBRIT* предполагает выбор в пользу менее крупных предприятий с технологической цепочкой металлизации и электродуговой плавки [SSAB, 2022]. По всей видимости, это решение обусловлено ключевой уязвимостью данной технологии, а именно зависимостью от наличия достаточного и стабильного источника энергоснабжения. Только в том случае, если весь цикл по производству водорода электролизом, прямому восстановлению железа и выплавке электростали будет осуществляться за счет зеленой электроэнергии, получаемый итоговый продукт может полноценно называться экологически чистой или «зеленой» сталью. Тем самым масштабирование и тиражирование такого энергоемкого предприятия оказывается напрямую ограничено наличием источников зеленой электроэнергии достаточной мощности [Decarbonising..., 2016].

Отсутствием достаточного гарантированного количества зеленой электроэнергии также обусловлены проблемы с конверсией производств прямого восстановления железа, работающих по классической технологии с использованием природного газа. Так, *ArcelorMittal* в сотрудничестве с *Midrex Technologies* работают над промежуточным решением, в котором для восстановления железа использовался бы исключительно водород, однако получаемый по-прежнему из природного газа. Данная технология в настоящий момент апробируется на предприятии металлизации *ArcelorMittal* в Гамбурге (Германия). Предполагается, что в дальнейшем, когда вопрос с получе-

нием зеленой электроэнергии будет решен, процесс получения водорода из природного газа можно будет заменить на электролиз воды.

Декарбонизированная электроэнергия и экологизация черной металлургии: проблемы и перспективы

В чем же заключается проблема с поставками зеленой электроэнергии? Ведь декарбонизация электроэнергетики в Евросоюзе, как декларируется, идет достаточно успешно. Доля ВИЭ в потреблении электроэнергии составила в 2020 г. свыше 37% в целом по ЕС, а в отдельных странах этот показатель значительно выше, например в Австрии (78%), Швеции (75%), Дании (65%), Португалии (58%). Вместе с тем процесс декарбонизации электроэнергетики Евросоюза имеет ряд проблем, которые только предстоит решить. Причем некоторые из них имеют критически важное значение для энергоемкой европейской черной металлургии.

Декарбонизация европейской энергетики представляет собой сложный комплексный процесс, который предполагает не просто замену одних источников электроэнергии (тепловых электростанций на угле и природном газе) другими (генерацией ВИЭ), но фактически означает смену действующей в настоящей момент парадигмы традиционной энергетики. Традиционная модель построена на принципах централизации генерирующих мощностей и ведущей роли потребителя – «производство электроэнергии следует за потреблением». Под эту модель создавалась сетевая инфраструктура, строились крупные электростанции, размещаемые как можно ближе к крупным потребителям (например, к металлургическим предприятиям). Стабильность поставок электроэнергии обе-

спечивалась в том числе за счет имеющейся гибкости в единой энергосистеме: часть генерирующих мощностей работала в базовом режиме на постоянной мощности, а другие («маневренные», пиковые) электростанции обеспечивали быстрое наращивание мощности при всплесках потребления.

Возобновляемая электроэнергетика (в первую очередь ветровая и солнечная) не обладает подобной гибкостью. Наоборот, генерация этих ВИЭ зависит от внешних природных условий и имеет переменный характер. Гидроэнергетика располагает большим запасом стабильности, но и в этом случае есть зависимость от природных факторов (засушливые годы, бесснежные зимы). Кроме того, строительство генерирующих мощностей ограничено наличием геофизических условий (ветроэнергетический потенциал, гидроресурсы и пр.), и масштабирование достаточно затруднительно. В целом электроэнергетика ВИЭ сделала ставку на децентрализацию генерации, а проблему с обеспечением стабильности достаточных объемов электроэнергии планирует решить за счет избыточных мощностей и создания более сложной сетевой архитектуры, включающей в себя накопители энергии, а также допускающей большую мобильность межсетевых перетоков электроэнергии.

Однако пока что построение такой сетевой архитектуры остается делом будущего, а в настоящее время энергосистемы ЕС вынуждены справляться с негативными явлениями, обусловленными процессом постепенной трансформации системы и связанными с этим периодически возникающими перекосами в генерации и потреблении. В целом энергосистемы ЕС достаточно успешно абсорбируют рост генерирующих мощностей ВИЭ и постепенное вытеснение традиционных мощностей. Однако для обеспечения

стабильными поставками крупнейших энергопотребителей именно зеленой электроэнергией еще предстоит пройти большой путь. А для предприятий черной металлургии, имеющих непрерывный производственный цикл, стабильность и надежность энергоснабжения является ключевым фактором.

Наличие достаточного количества зеленой электроэнергии ограничивает и другой путь экологизации европейской черной металлургии. Это постепенное увеличение доли металлургических предприятий с электродуговой плавкой, чей углеродный след при условии снабжения зеленой электроэнергией снижается до абсолютного минимума, на 99%, по сравнению с доменно-конвертерным производством. Как уже говорилось, вторым ограничивающим фактором является наличие сырья, а именно металлолома. С другой стороны, расширение производств, ориентированных на повторную переработку стали, хорошо укладывается в концепцию экономики замкнутого цикла, взятой на вооружение Евросоюзом. Кроме того, расширение производств по технологии прямого восстановления железа способно также отчасти преодолеть проблему дефицита металлолома. В целом в ЕС уже достаточно высокая доля электросталеплавильных предприятий (44%) по сравнению с соответствующим показателем в мировой черной металлургии (29%), однако есть потенциал для увеличения этой доли.

Согласно различным оценкам, в целом переход европейской металлургии на новые технологии получения стали приведет к трех-пятикратному росту потребления электроэнергии к 2050 г., а в абсолютных цифрах энергопотребление может составить от 200 до 350 тераватт-часов [Material Economics..., 2019]. Впрочем, есть и более пессимистичные оценки, предполагающие семикратный рост потребления электро-

энергии [EUROFER, 2019]. Основной прирост связывается с энергозатратами на получение водорода электролизом и электродуговой плавкой. Таким образом, европейская декарбонизованная электроэнергетика должна обеспечить достаточное количество электроэнергии с соответствующими характеристиками по надежности и стабильности поставок.

По сути, экологизация европейской черной металлургии ставится в прямую зависимость от успехов в сфере декарбонизации европейской электроэнергетики. Трансформация энергетики в разных европейских странах имеет свои особенности, обусловленные исходным укладом энергетического сектора. Вместе с тем обобщенно можно выделить две основные траектории этого процесса, имеющие своей целью следующие идеальные модели энергосистем: базирующаяся практически полностью на экологически чистой генерации (в различной комбинации постоянных и переменных ВИЭ) и модель, дополняемая использованием атомной энергии. С точки зрения перспектив декарбонизации черной металлургии в более выигрышном положении в этом плане оказались предприятия, размещенные в странах Евросоюза, где имеется развитая гидроэнергетика и/или АЭС, производство которыми электроэнергии является стабильным и надежным.

Ярким примером является Швеция, «энергомикс» которой обеспечивается на 39% АЭС, на 39% – ГЭС и на 19% – ветровыми электростанциями [Energy in Sweden..., 2021]. Неслучайно именно здесь размещается передовое предприятие по производству «зеленой» стали по технологии HYBRIT. Однако даже в таких условиях выбор делается в пользу ряда производств меньших размеров вместо одного крупного, так как это позволит снизить проблемы

со стабильностью поставок электроэнергии. Еще один пример строительства предприятия прямого восстановления железа на экологически чистом водороде в стране с АЭС и гидроэнергетикой – проект *ArcelorMittal* в Хихоне (Испания).

Следует оговориться, что наличие АЭС не является необходимой предпосылкой для декарбонизации сталелитейных предприятий. Австрийская *Voestalpine* взяла курс на полную декарбонизацию производства стали к 2035 г., в том числе на своем крупнейшем металлургическом предприятии в Линце (Австрия) с постепенным отказом от доменного производства в пользу процесса прямого восстановления на основе водорода и ЭДП. Высокий уровень электроэнергии ВИЭ (78% в потреблении) в стране обеспечивается в первую очередь развитой гидроэнергетикой.

Помимо упомянутых вопросов о необходимом количестве зеленой электроэнергии и ее качестве важным вопросом для черной металлургии является вопрос о ее стоимости. Ведь в структуре затрат «зеленого» металлургического предприятия будущего электроэнергия будет играть определяющую роль, особенно в случае прямого восстановления железа при помощи водорода [Axelson, Oberthür, Nilsson, 2021]. В настоящее время в ЕС активно обсуждается будущее и роль водорода, возможности синергии различных отраслей промышленности в водородной энергетике и промышленности будущего. Данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи, отметим только, что появление рынка водорода ограничено тем, что сейчас отсутствуют как достаточный спрос на него, так и предложение, а также вся посредническая инфраструктура. Возможно, что со временем становление водорода как товара сможет каким-то об-

разом снизить затраты металлургических предприятий, но пока что им приходится рассчитывать на собственные производственные мощности. Даже если появятся внешние поставщики водорода, произведенного экологически чистым способом, то, скорее всего, это будут просто более крупные предприятия с электролизом воды, а стоимость зеленой электроэнергии останется определяющим фактором.

Таким образом, декарбонизация электроэнергетики, с чего, по сути, началась экологизация экономик стран ЕС, оказалась не просто наиболее легкодоступным решением, а основой для процесса декарбонизации не только других сфер энергетики – транспорта и теплоснабжения, но и крупных отраслей промышленности, ответственных за высокие выбросы парниковых газов в атмосферу. С одной стороны, опыт и инновационные наработки, использованные при отказе от сжигания угля на тепловых электростанциях, нашли в определенных объемах применение для снижения уровня выбросов предприятий черной металлургии. Это замещение каменного угля древесным и иной биомассой, а также дооснащение системами улавливания и захоронения CO₂. С другой стороны, фактическая электрификация новых процессов получения экологичной стали на основе декарбонизированной электроэнергии оказалась одним из наиболее жизнеспособных путей развития европейской черной металлургии.

Разумеется, это далекий от завершения процесс, и его успешность будет зависеть от множества факторов, таких как наличие финансирования замены основных средств металлургических производств, наличие достаточного и платежеспособного спроса на «зеленую» сталь, стоимость которой, оче-

видно, будет как минимум на 20% выше получаемой традиционным доменно-конвертерным способом, а также ее конкурентоспособность в контексте специально создаваемых торговых трансграничных механизмов (СВАМ) и прочих. Однако наряду с этим комплексом проблемных вопросов процесс экологизации европейской черной металлургии будет находиться в непосредственной зависимости от темпов трансформации европейской электроэнергетики, ее результатов, а также выбранной модели энергосистемы, которая, в свою очередь, будет предопределять привлекательность размещения металлургических производств, а также итоговую стоимость «зеленой» стали и ее конкурентоспособность на внутреннем европейском и глобальном рынках.

Список литературы

- Буторина И.В., Буторина М.В. Проблемы внедрения наилучших доступных технологий в черной металлургии // *Черные металлы*. – 2019. – № 1. – С. 43–48.
- Зимаков А.В. Биоэнергетика в ЕС: проблемы и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64, № 8. – С. 81–90. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-81-90.
- Керкхофф Х.Ю. Черная металлургия: растущая неопределенность // *Черные металлы*. – 2018. – № 5. – С. 61–65.
- Люнген Х.Б., Шпрехер М. Гибкие решения в сталелитейной отрасли для сокращения выбросов CO₂ и повышения эффективности производства // *Черные металлы*. – 2017. – № 11. – С. 64–71.
- Хардтке К. Европейская черная металлургия в тяжелом положении // *Черные металлы*. – 2016. – № 11. – С. 72–76.
- An industrial policy framework for transforming energy and emissions intensive industries towards zero emissions / Nilsson L.J., Bauer F., Åhman M., Andersson F.N.G., Bataille Ch., de la Rue du Can S., Ericsson K., Hansen T., Johansson B., Lechtenböhmer S., van Sluisvel-da M., Vogl V. // *Climate Policy*. – 2021. – Vol. 21, N 8. – P. 1053–1065. – DOI: – 10.1080/14693062.2021.1957665.
- Axelsson M., Oberthür S., Nilsson L.J. Emission reduction strategies in the EU steel industry: Implications for business model innovation // *Journal of Industrial Ecology*. – 2021. – Vol. 25, issue 2. – P. 390–402. – DOI: 10.1111/jiec.13124.
- Bhaskar A., Assadi M., Somehsaraei H. Decarbonization of the Iron and Steel Industry with Direct Reduction of Iron Ore with Green Hydrogen // *Energies*. – 2020. – Vol. 13, N 3. – P. 1–23. – DOI: 10.3390/en13030758.
- Decarbonising the energy intensive basic materials industry through electrification – Implications for future EU electricity demand / Lechtenböhmer S., Nilsson L.J., Åhman M., Schneider C. // *Energy*. – 2016. – Vol. 115, November. – P. 1623–1631. – DOI: 10.1016/j.energy.2016.07.110.
- Energy in Sweden 2021, an Overview. – Eskilstuna : Swedish Energy Agency, 2021. – 18 p. – URL: <https://www.energimyndigheten.se/en/news/2021/an-overview-of-energy-in-sweden-2021-now-available/> (дата обращения: 29.12.2022).
- EUROFER Low carbon roadmap: Pathways to a CO₂-neutral European steel industry. – Brussel : EUROFER AISB, 2019. – 18 p. – URL: <https://www.eurofer.eu/assets/Uploads/EUROFER-Low-Carbon-Roadmap-Pathways-to-a-CO2-neutral-European-Steel-Industry.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).
- Handlungskonzept Stahl. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. – 24 S. – URL: <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Wirtschaft/handlungskonzept-stahl.html> (дата обращения: 29.12.2022).
- IEA Coal 2018. – Paris: IEA, 2018. – 153p. – URL: <https://iea.blob.core.windows.net/as->

sets/85b9fc1b-74a6-477e-8052-81bb0d-821f4a/Coal_2018.pdf (дата обращения: 29.12.2022).

Material Economics Industrial Transformation 2050 – Pathways to Net-Zero Emissions from EU Heavy Industry. – Cambridge : University of Cambridge Institute for Sustainability Leadership, 2019. – 208 p. – URL: <https://materialeconomics.com/material-economics-industrial-transformation-2050.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).

Pardo N., Moya J.A., Vatopoulos K. Prospective Scenarios on Energy Efficiency and CO₂ Emissions in the EU Iron & Steel Industry. – Luxembourg : Joint Research Council, 2012. – 50 p. – DOI: 10.2790/64264.

Possibilities for CO₂ emission reduction using biomass in European integrated steel plants / Mandova H., Leduc S., Wang C., Wetterlund E., Patrizio P., Gale W., Kraxner F. // Biomass and Bioenergy. – 2018. – Vol. 115, August. – P. 231–243. – DOI: 10.1016/j.biombioe.2018.04.021.

SSAB plans a new Nordic production system and to bring forward the green transition. Regulatory press release. January 28, 2022. URL: <https://www.ssab.com/en/news/2022/01/ssab-plans-a-new-nordic-production-system-and-to-bring-forward-the-green-transition> (дата обращения: 29.12.2022).

Technology and policies to decarbonize global industry: Review and assessment of mitigation drivers through 2070 / Rissman J. [et al.] // Applied Energy. – 2020. – Vol. 266, May. – Article number: 114848. – DOI: 10.1016/j.apenergy.2020.114848.

Vogl V., Åhman M., Nilsson L.J. The making of green steel in the EU: a policy evaluation for the early commercialization phase // Climate Policy. – 2021. – Vol. 21, N 1. – P. 78–92. – DOI: 10.1080/14693062.2020.1803040.

Zimakov A. The EU ETS top ten polluters list as a policy tool of climate action organisations // European Journal of Sustainable Development. – 2021. – Vol. 10, N 2. – P. 201–218. – DOI: 10.14207/ejsd.2021.v10n2p201.

Zhiyuan F., Friedmann S. Low-carbon production of iron and steel: Technology options, economic assessment, and policy // Joule. – 2021. – N 5. – P. 829–862. – DOI: 10.1016/j.joule.2021.02.018.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.04

The Role of Green Electricity in European Steel Industry Decarbonization

Andrei V. ZIMAKOV

PhD (Econ.), Research Fellow, Center for European Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)

Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: zimakov@newmail.ru

ORCID: 0000-0001-6574-6258

CITATION: Zimakov A.V. (2023). The Role of Green Electricity in European Steel Industry Decarbonization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 69–85 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.04

Received: 12.01.2023.

Revised: 21.02.2023.

ABSTRACT. *The article analyses the prospects of European steel industry decarbonization as part of the general accord to achieve climate neutrality and the role of decarbonized electricity in this process. The decarbonization of the EU economy started with energy sector but the focus of the EU climate policy gradually shifted to other carbon-intensive hard-to-abate industries, with steel industry as a major polluter due to Blast Furnace – Oxygen Converter cycle coal burning. The article shows that the positive experience of power sector decarbonization through coal substitution by biomass and carbon-capture retrofits are only partially applicable and do not deliver desired results. A much better solution is new low-carbon technologies of smelting reduction and direct reduction of iron, modified to achieve significant drop in CO₂ emissions. Analyzing the development and implementation of low-carbon iron production technologies in EU countries the author shows that their natural limit rests with*

its dependence on secure green power supply. That means that the development of European green steel production is linked to availability of sufficient amounts of decarbonized electricity, and therefore, is dependent on the progress in EU energy sector decarbonization and its outcome. The chosen model of the energy system is also of high importance, because it will determine the ability of the countries to attract new production sites, and ultimately whether European green steel will be competitive on local and global markets.

KEYWORDS: EU, steel industry, decarbonization, energy, direct reduction of iron, biomass, coal.

References

An industrial policy... (2021). Nilsson L.J. et al. An industrial policy framework for transforming energy and emissions intensive industries towards zero emissions. *Cli-*

mate Policy. Vol. 21, no. 8, pp. 1053–1065. DOI: 10.1080/14693062.2021.1957665.

Axelson M., Oberthür S., Nilsson L.J. (2021). Emission reduction strategies in the EU steel industry: Implications for business model innovation. *Journal of Industrial Ecology*. Vol. 25, Issue 2, pp. 390–402. DOI: 10.1111/jiec.13124.

Bhaskar A., Assadi M., Somehsaraei H. (2020). Decarbonization of the Iron and Steel Industry with Direct Reduction of Iron Ore with Green Hydrogen *Energies*. Vol. 13, no. 3, pp. 1–23. DOI:10.3390/en13030758.

Butorina I.V., Butorina M.V. (2019). Problems of best available technologies implementation in steel industry. *Chiornye metally*. No. 1, pp. 43–48 (in Russian).

Decarbonising... (2016). Lechtenböhrer S. Decarbonising the energy intensive basic materials industry through electrification – Implications for future EU electricity demand. *Energy*. Vol. 115, November, pp. 1623–1631. DOI: 10.1016/j.energy.2016.07.110.

Energy in Sweden 2021, an Overview (2021). Eskilstuna: Swedish Energy Agency, 18 pp. Available at: <https://www.energimyndigheten.se/en/news/2021/an-overview-of-energy-in-sweden-2021-now-available/>, accessed 29.12.2022.

EUROFER (2019). *Low carbon roadmap: Pathways to a CO₂-neutral European steel industry*. Brussel: EUROFER AISB, 18 pp. Available at: <https://www.eurofer.eu/assets/Uploads/EUROFER-Low-Carbon-Roadmap-Pathways-to-a-CO2-neutral-European-Steel-Industry.pdf>, accessed 29.12.2022.

Handlungskonzept Stahl (2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 24 pp. Available at: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Wirtschaft/handlungskonzept-stahl.html>, accessed 29.12.2022.

Hardtke K. (2016). European steel industry in hard situation *Chiornye metally*. No. 11, pp. 72–76 (in Russian).

IEA (2018). *Coal 2018*. Paris: IEA, 153 pp. Available at: https://iea.blob.core.windows.net/assets/85b9fc1b-74a6-477e-8052-81bb0d821f4a/Coal_2018.pdf, accessed 29.12.2022.

Kerkhoff H.Y. (2018). Steel industry: growing instability. *Chiornye metally*. No. 5, pp. 61–65 (in Russian).

Lungen H.B., Spracher M. (2017). Flexible solutions in steel industry to reduce CO₂ emissions and improve productivity. *Chiornye metally*. No. 11, pp. 64–71 (in Russian).

Material Economics (2019) *Industrial Transformation 2050 – Pathways to Net-Zero Emissions from EU Heavy Industry*. Cambridge: University of Cambridge Institute for Sustainability Leadership, 208 p. Available at: <https://materialeconomics.com/material-economics-industrial-transformation-2050.pdf>, accessed 29.12.2022.

Pardo N., Moya J.A., Vatopoulos K. (2012). *Prospective Scenarios on Energy Efficiency and CO₂ Emissions in the EU Iron & Steel Industry*. Luxemburg: Joint Research Council, 50 pp. DOI: 10.2790/64264.

Possibilities... (2018). Mandova H. et al. Possibilities for CO₂ emission reduction using biomass in European integrated steel plants. *Biomass and Bioenergy*. Vol. 115, August, pp. 231–243. DOI: 10.1016/j.biombioe.2018.04.021.

SSAB plans a new Nordic production system and to bring forward the green transition (2022). Regulatory press release. January 28. Available at: <https://www.ssab.com/en/news/2022/01/ssab-plans-a-new-nordic-production-system-and-to-bring-forward-the-green-transition>, accessed: 29.12.2022.

Technologies and policies... (2020). Rissman J. et al. Technologies and policies to decarbonize global industry: Review and assessment of mitigation drivers through 2070. *Applied Energy*, Vol. 266, May, pp. 114848. DOI: 10.1016/j.apenergy.2020.114848.

Vogl V., Åhman M., Nilsson L.J. (2021). The making of green steel in the EU: a policy evaluation for the early commercialization phase. *Climate Policy*. Vol. 21, no. 1, pp. 78–92. DOI: 10.1080/14693062.2020.1803040.

Zimakov A. (2020). Bioenergy in EU: problems and prospects. *Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya*. Vol. 64, no. 8, pp. 81–90. (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-81-90.

Zimakov A. (2021). The EU ETS top ten polluters list as a policy tool of climate action organizations. *European Journal of Sustainable Development*. Vol. 10, no. 2, pp. 201–218. DOI: 10.14207/ejsd.2021.v10n2p201.

Zhiyuan F., Friedmann S. (2021). Low-carbon production of iron and steel: Technology options, economic assessment, and policy. *Joule*. Vol. 5, pp. 829–862. DOI: 10.1016/j.joule.2021.02.018.

УДК 338.48

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.05

Цикличность как закономерность развития мирового туризма

Анна Юрьевна АЛЕКСАНДРОВАдоктор географических наук, профессор географического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991

E-mail: analexan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1772-8431

Вероника Евгеньевна ДОМБРОВСКАЯкандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры туризма
и природопользования

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

улица Прошина, д. 3, г. Тверь, 170021

E-mail: Dombrovskaya.VE@tversu.ru

ORCID: 0000-0002-7138-1774

ЦИТИРОВАНИЕ: Александрова А.Ю., Домбровская В.Е. Цикличность как закономерность развития мирового туризма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 86–106.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.05

Статья поступила в редакцию 18.01.2023.

Исправленный текст представлен 12.03.2023.

АННОТАЦИЯ. Исследование цикличности экономического развития стало предметом научного интереса еще в XIX в. История доказала, что поступательное движение любой экономической системы происходит не линейно. Периоды интенсивного роста сменяются глубокими кризисными явлениями. Именно тяжелые глобальные кризисы XXI в. заставили снова обратить внимание на тему цикличности и рассмотреть специфику данного вопроса в различных отраслях, в частности на примере сферы туризма. Исследования колебательных процессов в сфере туризма способствуют прогнозированию туристской деятельности, что имеет большое значение для прак-

тики регулирования туризма, особенно в период циклического кризиса.

Характерная для процесса развития туризма неравномерность находит проявление на всех уровнях: глобальном, региональном, локальном. В одних государствах международный туризм развивается быстрее, в других – медленнее, подчиняясь влиянию как внешних, так и внутренних факторов. Эта ярко выраженная пространственно-временная организация циклических колебаний международного туризма представляет особый интерес. Однако декомпозиция временных рядов въездных туристских потоков по отдельным странам показывает существенно различающиеся результаты и по признаку яркости

проявления, и по величине периодов выявленных циклов. Цель данной работы – исследовать математически обоснованные проявления цикличности в сфере туризма на примере ряда стран мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: туризм, цикличность развития туризма, цикл туристской деятельности, туристский поток, автокорреляция, спектральный анализ, моделирование цикличности.

Введение

Понятие периодичности развития, проявляющейся в регулярном повторении экономических процессов и явлений, привлекло к себе внимание исследователей еще в начале XIX в. Вопросы причин и следствий цикличности в научной экономической литературе XIX–XX вв. обсуждались довольно активно. Стоит отметить, что после первоначальной вспышки интерес к этой тематике в последние десятилетия XX столетия стал явно угасать на фоне сглаживания экономического цикла, изменения формы проявления кризисов, существенного уменьшения их силы и продолжительности. Однако тяжелые и внезапные глобальные кризисы XXI в. поставили проблему с новой силой и вернули в актуальную повестку дня.

Цикличность, в отличие от сезонности, проявление которой носит строго регулярный характер, относится к изменению, вызванному обстоятельствами, повторяющимися с нерегулярными интервалами. Выявление причин, приводящих к колебательному изменению основных макроэкономических показателей, а вместе с тем значительному увеличению или уменьшению деловой активности в большинстве секто-

ров экономики, раскрытие механизма появления подобных циклов – одна из важнейших и чрезвычайно сложных задач экономической науки. Мнения ученых на этот счет существенно расходятся. Во-первых, можно выделить три подхода:

1) Экзогенный. Объясняет природу циклов внешними для экономики факторами. Они могут иметь как естественный, так и социальный характер, например, масштабные природные явления, политические катаклизмы, мощные прорывы в технико-технологической области и проч.

2) Эндогенный, согласно которому циклический характер экономического развития обусловлен прежде всего появлением, обострением и разрешением противоречий внутри самой экономической системы.

3) Гибридный, суть которого в предположении, что источником первоначальных импульсов являются внешние источники. Эти импульсы уже в свою очередь пробуждают и задействуют внутренние факторы, которые трансформируют их в фазовые колебания экономической системы¹.

Во-вторых, к настоящему времени в экономике сложились разные теории цикличности [Бабурин, 2010; Носонов, 2012; Яковец, 1999]:

1. Марксистская теория, согласно которой причина кризисов кроется в противоречии между общественным характером производства и частным присвоением результатов труда.

2. Инновационная теория И. Шумпетера объясняет экономическую динамику распространением различных нововведений, которые приносят прибыль заинтересованным в них предпринимателям.

¹ Экономические циклы // Центральная научная библиотека.– URL: http://www.0ck.ru/ekonomika_i_ekonomicheskaya_teoriya/ekonomicheskie_cikly.html (дата обращения: 09.01.2023).

3. Теория перенакопления в капитальном секторе, выдвинутая в середине 70-х годов XX столетия основоположником теории системной динамики Д. Форрестером. Построенная им сложная математическая модель охватывала два сектора экономики – производство потребительских товаров и производство средств производства, которые меняются хотя и однонаправленно, но неравномерно, что приводит к отклонениям от точки равновесия.

4. Теории, связанные с рабочей силой, в ряду которых выделяется подход К. Фримена, совместившего концепции длинных волн, идеи инновационного развития с проблемами занятости и социальными аспектами. По его мнению, логика процесса такова: инновации генерируют спрос на высококвалифицированную рабочую силу, растущее производство требует больше факторов производства, в частности труда, но по мере насыщения рынка новым товаром объемы производства сокращаются, а следовательно, падает спрос на рабочую силу.

5. Ценовые теории, в которых цикличность в развитии экономики определяется ценами на сырье и товары. Один из ярких представителей этой научной школы У. Ростоу искал и другие причины существования длинных волн в экономике, объясняя их действием демографического фактора, влиянием жилищного строительства и изменением структуры рабочей силы. Таким образом, по его мнению, сложились три направления: демографическое, инновационно-инвестиционное и аграрно-ценовое.

6. Кейнсианские и некейнсианские теории, согласно которым экономическая система испытывает влияние разного рода шоков, которые выводят ее из равновесия. Стремясь вернуться в сбалансированное состояние,

на каждый импульс она реагирует бизнес-циклом.

7. Интеграционный подход (одним из видных теоретиков является бельгийский ученый Й. Дельбеке) предполагает исследование длинных волн с использованием целого ряда однопричинных моделей.

8. Также в последние годы в науке заявило о себе новое направление в изучении социально-экономических циклов – исследование цикличности развития территориальных систем. Странники этого подхода взаимосвязывают концептуальные идеи из разных областей науки. Авторы убедительно доказывают, что в развитии территорий прослеживается определенная ритмика и циклическая динамика. В их фокусе находятся средне- и долгосрочные циклы, которые лучше отражают существующие колебания в экономических, демографических, социальных и политических процессах, протекающих на тех или иных территориях.

Цель данной работы – исследовать математически обоснованные проявления цикличности в сфере туризма на примере ряда стран мира.

Обзор литературы

Туризм – понятие весьма многогранное: это и путешествие, и направление в образовании, и отдельно взятый бизнес, но масштабное рассмотрение этого явления позволяет увидеть чрезвычайно сложный по структуре объект исследования, имеющий социально-экономическую природу. Будучи встроенным в глобальную экономическую систему, мировой туристский рынок обладает способностью к развитию, в котором прослеживаются циклично-волновые колебания.

Превалирующее большинство современных научных трудов, посвященных вопросам цикличности, строятся

либо на рассмотрении теории циклов, циклических проявлений и методологии прогнозирования кризисных периодов в различных сферах жизни общества, либо на исследованиях макроэкономических показателей [Анаева, Климчук, 2014; Буторина, Баталова, Фукалова, 2012; Гончаренко, 2017; Яковец, 1999].

Стоит заметить, что в отличие от экономической теории, где цикличности развития социально-экономических систем уделяется большое внимание, в исследованиях туризма данная проблема до последнего времени практически не звучала. Лишь некоторые работы были посвящены данной тематике. Так, например, в монографии Ю. А. Веденина «Динамика территориальных рекреационных систем» территориальная рекреационная система представлена как набор циклов действий, из числа которых особой ролью обладает цикл рекреационных занятий – «обособленная во времени, периодически повторяющаяся устойчивая комбинация разнообразных занятий отдыхающих, непосредственно направленных на удовлетворение рекреационных потребностей» [Веденин, 1982, с. 52]. Ю. А. Веденин выделяет суточный, недельный, годовой и жизненный циклы рекреационных занятий, а также обосновывает их избирательность к пространственно-временным структурам среды.

В официальных документах, посвященных комплексному регулированию туризма на уровне государства, под устойчиво повторяющимися изменениями циклического характера в отрасли понимается прежде всего сезонность². Известно, что сезонные колебания обусловлены в первую очередь сменой времен года, диктующей

закономерные снижение или рост спроса на туристские услуги. Этот подход характерен и для ряда исследований, посвященных поиску решений для сглаживания негативного влияния сезонности посредством разработки эффективных стратегий повышения конкурентоспособности туристских предприятий в течение всего года [Очирова, 2009].

Настоящая работа опирается на более широкое толкование лексемы «цикличность». В монографиях «Структура туристского рынка» [Александрова, 2002] и «Туризм в условиях кризиса» [Александрова, Кокшаров, 2022] цикличность рассматривается как нарушение и восстановление экономического равновесия на туристском рынке. Этот подход опирается на ряд исходных положений общей теории экономического цикла: 1) цикл – постоянно повторяющиеся колебания деловой активности; 2) экономическая динамика полициклична; 3) циклическое колебание происходит относительно положения равновесия; 4) циклические колебания происходят независимо от долговременного экономического роста. Методы математического моделирования, примененные в отношении рядов динамики, доказали наличие тренда и циклических колебаний вокруг основной (трендовой) траектории развития процесса.

Выявлению присутствия цикличности в отдельной отрасли может способствовать оценка чувствительности к показателям экономического цикла, которую хорошо демонстрируют коэффициенты корреляции. Так, например, в работе «Цикличность отрасли и стратегическое планирование в туризме» определена сила корреляции между параметрами развития туризма и ин-

2 Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503> (дата обращения: 09.01.2023).

дикаторами, отражающими экономические циклы. Утверждается, что наибольшая корреляция наблюдается между ВВП и занятостью населения, в том числе в гостиничном бизнесе; между въездом иностранных жителей в Россию и туристическими платными услугами, а также прямыми инвестициями в Российской Федерации и т. д. [Елина, Дедусенко, Елин, 2018].

Материалы и методы

Существует множество показателей, иллюстрирующих уровень развития туризма на определенный момент времени: инвестиции в сферу туризма, общее количество средств размещения, число рабочих мест в туристической индустрии и т. д. Но для исследования циклической динамики необходимы большие ряды значений, имеющих единые для всех стран единицы измерения. В данной статье использовались показатели числа международных туристских прибытий, наблюдаемые с послевоенного периода³. Они дают достаточно полную и надежную картину состояния мирового туристского рынка и происходящих на нем пульсирующих изменений. Наиболее ярко картину циклическости демонстрируют цепные показатели темпов роста и темпов прироста значений туристских прибытий.

Информация по динамике въездного туристского потока относится к временному типу данных, то есть значения показателя по одному объекту фиксируются, как правило, через равные промежутки времени. Таким образом формируются временные ряды. Однако подход к исследованию временного ряда как к простому упорядочению неких количественных величин во времени

не является полноценным. Существует мнение, что социально-экономические процессы можно рассматривать с позиций двух подходов – статического и динамического. Для первого основной предпосылкой анализа экономического процесса является неизменяемость, тождественность структуры реальности, в которой развивается изучаемый критерий. Для второго же в качестве изначального условия рассматривается непрерывность процессов изменения всех взаимосвязей и показателей, влияющих на исследуемое явление. В качестве факторов, влияющих на развитие въездного туризма, можно предложить политическую, экологическую, социальную, эпидемиологическую, культурную, природную и другие составляющие. Внутренняя структура временного ряда выявляется посредством декомпозиции – разложения на составляющие (компоненты), которые с экономической точки зрения несут разную содержательную нагрузку. К наиболее важным из них, к тому же имеющим заметное проявление в туризме, можно отнести:

1. Тренд – долговременное движение, тенденция, которая сохраняется в течение значительного промежутка времени.
2. Сезонные колебания, наблюдаемые регулярно в течение года, что связано прежде всего со сменой климатических условий, в большей или меньшей степени благоприятствующих отдыху.
3. Циклические колебания, о которых и идет речь в данной статье.
4. Календарные эффекты – это отклонения, связанные с определенными предсказуемыми календарными событиями, такими как праздничные дни, фестивали, спортивные мероприятия и т. д.

3 Global and regional tourism performance // UNWTO.– URL: <https://www.unwto.org/tourism-data/global-and-regional-tourism-performance> (дата обращения: 09.01.2023).

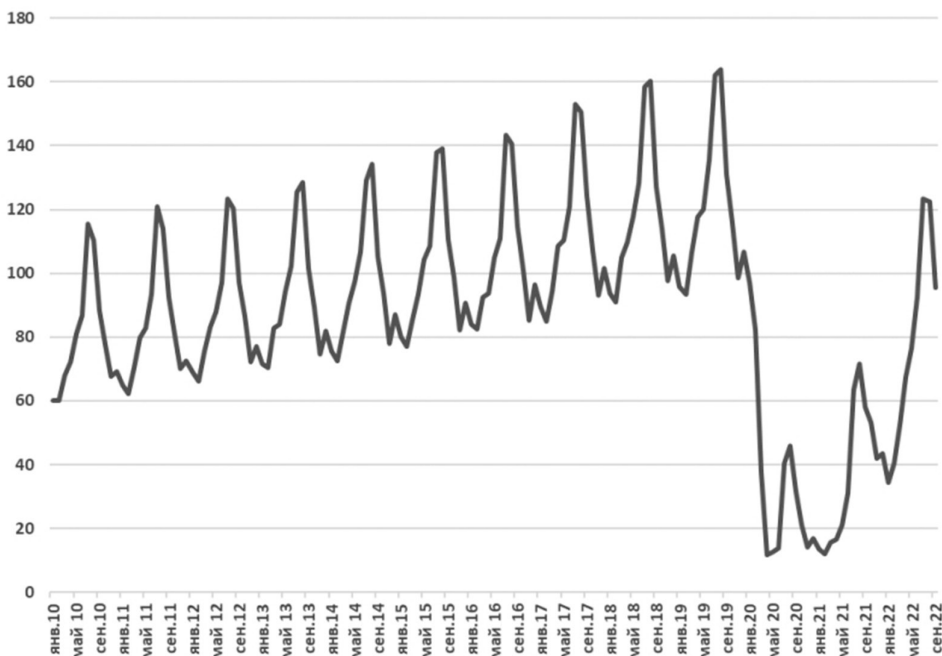

Рисунок 1. Мировая динамика международных туристских прибытий в разбивке по месяцам за период с января 2010 г. по сентябрь 2022 г., млн поездок (по данным ЮНВТО)

Figure 1. Global dynamics of international tourist arrivals by month for the period from January 2010 to September 2022, million trips (according to UNWTO data)

5. Выбросы – величины показателя, резко выделяющиеся в общей совокупности данных. Это явление связано с редко происходящими событиями, которые резко, но очень кратковременно отклоняют ряд от общего закона, по которому он движется.

6. Случайные флуктуации («шум») – беспорядочные движения, которые являются результатом действия относительно слабых второстепенных факторов.

7. Структурные сдвиги – это внезапные скачкообразные аномальные изменения временного ряда, которые вызваны редко происходящими событиями, преобразовывающими предыдущую тенденцию развития [Обзор современных моделей..., 2020; Лога-

чев, Хрущев, 2017; Левагин, Польшин, 2009].

В научной литературе в 2007 г. даже появился термин «черные лебеди», автор которого Нассим Николас Талеб предложил критерии выделения и ошибки, приводящие к невозможности предугадать подобные явления [Талеб, 2011].

Элементы приведенной выше структуры можно заметить даже на рядах относительно небольшой длины. Так, на рисунке 1, иллюстрирующем мировую динамику международных туристских прибытий по месяцам за период 2010-2022 гг., заметно прослеживаются явления сезонности, а также ярко выраженный структурный сдвиг, соответствующий периоду 2020-2021 гг., что очевидно вызвано пандемией COVID-19.

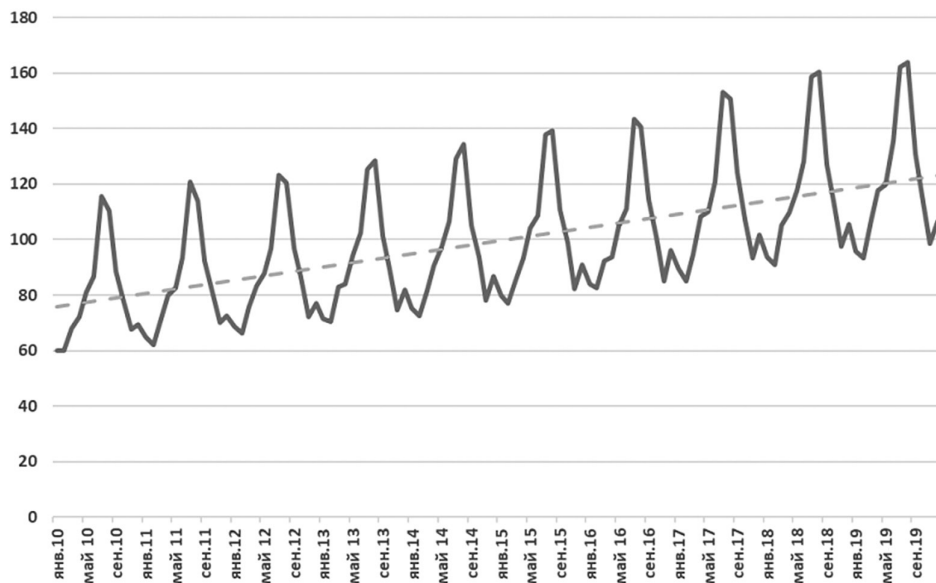

Рисунок 2. Общемировая тенденция динамики международных туристских прибытий в разбивке по месяцам за период 2010-2019 гг., млн поездок (по данным ЮНВТО)

Figure 2. Global trend in the dynamics of international tourist arrivals by month for the period 2010-2019, million trips (according to UNWTO)

Без учета этого сложного для мирового туризма периода внутри выделяемого временного ряда наблюдается линейный рост числа туристов. Иными словами, общая тенденция суммарного количественного показателя въездных туристских потоков в целом по миру за период с 2010 по 2019 г. может быть описана с помощью линейного тренда (рисунок 2).

Выявление же цикличности, длина волны в которой значительно превышает проявление сезонности, нуждается в рассмотрении гораздо большего количества уровней, то есть значений ряда наблюдений.

Циклические колебания международного туризма имеют закономерную пространственно-временную организацию. Они хорошо прослеживаются на уровне туристских макро- и субрегионов мира. На рисунке 3 представ-

лены временные ряды коэффициентов роста туристских потоков по европейским субрегионам.

Анализ рядов динамики расчетного показателя коэффициентов роста по данным въездных туристских потоков в страны, входящие в обозначенную выше структуру мирового пространства (рисунок 3), раскрывает специфику развития процессов. Например, наименьшие колебания уровней демонстрирует Западная Европа (размах колебаний составляет 0,1, или 10%), тогда как Восточная Европа характеризуется одноименной величиной 0,27, или 27%. Однако при всей уникальности каждого ряда можно заметить единые закономерности. Так, на графике хорошо прослеживается подъем темпа роста в 2000 г., а также присущее всем субрегионам падение показателя в 2001 и 2009 гг., что могло быть вызвано общими эконо-

коэф. роста

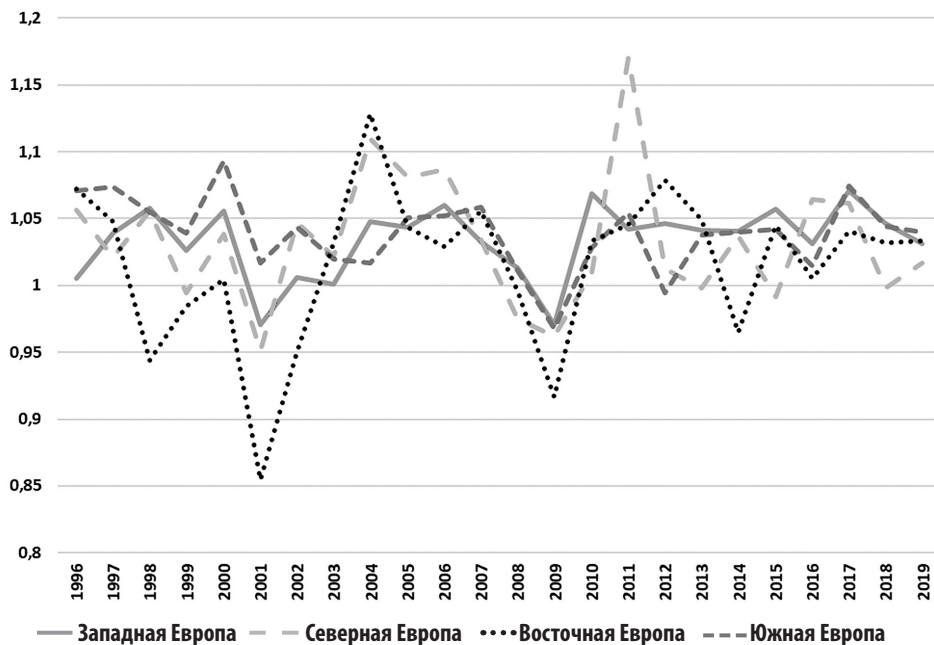

Рисунок 3. Динамика коэффициентов роста въездных туристских потоков в субрегионы Европы за период 1995–2019 гг.

Figure 3. Dynamics of the growth coefficients of inbound tourist flows to the subregions of Europe for the period 1995–2019

мическими тенденциями (резким снижением цен на нефть в 2001 г., мировым финансовым кризисом 2008 г.).

Аналогичную тенденцию, хотя и с присутствующими сдвигами по времени, можно заметить и на показателях субрегионов Восточной и Южной Африки (рисунок 4).

Также широкой известностью в исследованиях мирового туризма пользуется центр-периферическая структура, в которой можно выделить:

1. «Центр» мирового туристского пространства. Его образуют экономически высокоразвитые страны со зрелой системой международного туризма и комплексной туристской специализацией – США, Франция, Великобритания, Италия, Испания и др.

2. «Полупериферию». К ней относятся среднеразвитые, часто относительно новые на туристской карте страны с интенсивно формирующейся при поддержке государства полифункциональной системой международного туризма, преимущественно внутрирегиональной ориентированностью туристских потоков и растущим межрегиональным туристским обменом – Китай, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Турция, Объединённые Арабские Эмираты, а также страны Центрально-Восточной Европы – Польша, Чешская Республика, Словения и др.

3. «Периферию» мирового туристского пространства. Она включает экономически отсталые страны со слабо развитым рынком международно-

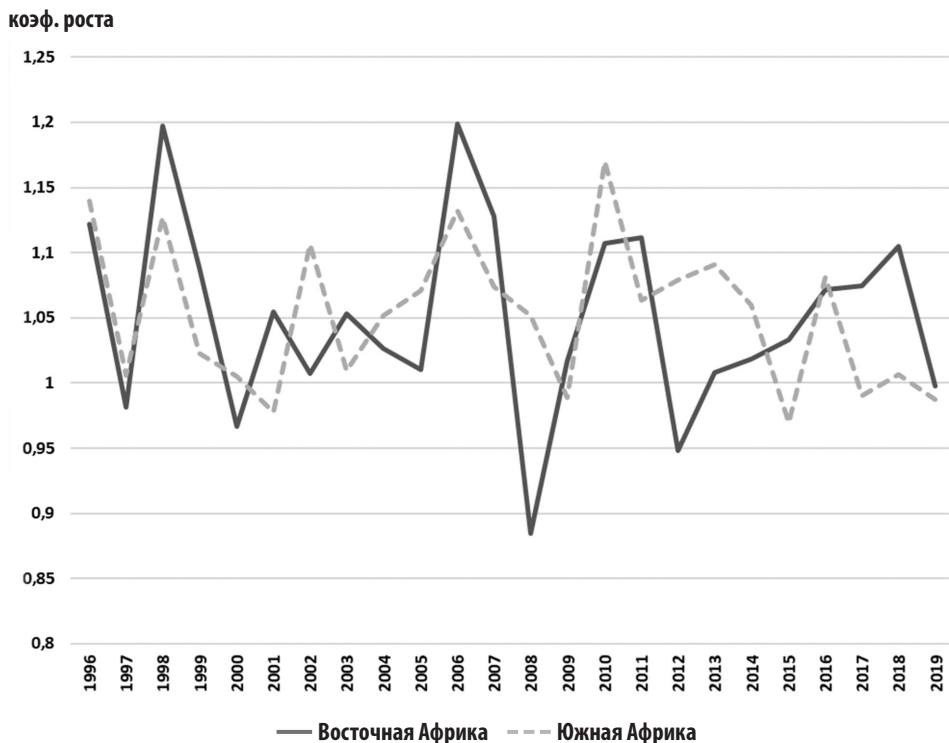

Рисунок 4. Динамика коэффициентов роста въездных туристских потоков в субрегионы Восточной и Южной Африки за период 1995-2019 гг.

Figure 4. Dynamics of growth rates of inbound tourist flows to the subregions of Eastern and Southern Africa for the period 1995-2019

го туризма, анклавным характером развития и преимущественно природоориентированными видами международного туризма. В ней выделяется «продвинутая периферия», в частности малые островные страны и территории Карибского бассейна, и «глубокая периферия» (Намибия, Ботсвана, Зимбабве и т. д.) [Александрова, 2009].

Однако декомпозиция временных рядов въездных туристских потоков по отдельным странам показывает существенно различающиеся результаты как по признаку яркости проявления, так и по величине периодов выявленных циклов. Если рассматривать динамику значений по принципу волно-

вого процесса, то при суммировании показателей по группам стран или же в целом по миру можно столкнуться с принципом суперпозиции, когда волны могут как усиливать друг друга, так и полностью гасить, поэтому в дальнейшем исследование будет опираться на информацию по отдельным странам.

Свойственная процессу развития туризма неравномерность находит проявление на всех уровнях: глобальном, региональном, локальном. В одних государствах международный туризм развивается быстрее, в других – медленнее, подчиняясь влиянию как внешних, так и внутренних факторов. В силу специфики туризма существенное влия-

ние оказывают природные явления, которые могут привести как к всплескам, так и к затуханиям туристской активности. Выявление особенностей динамики в каждом конкретном случае возможно с помощью деления временного ряда на структурные компоненты (декомпозиции), о которых говорилось выше. Этот анализ способствует пониманию сложности происходящих процессов, ставит вопросы о причинах появления, длине циклов, выявлении экономической обусловленности фаз – кризиса, депрессии, оживления и подъема [Яковенко, 2008]. Важно упомянуть, что во многих источниках при анализе декомпозиции рядов динамики трендовая составляющая носит название «тренд-циклическая компонента», что указывает на то, что во время декомпозиции различные циклы не отделяются от исходного ряда данных, а как бы автоматически «входят» в тренд [Гергет, Милёшин, 2013; Исмиханов, Магомедбеков, Магомедова, 2015]. Задачей же данного исследования является вычленение циклической составляющей, для чего применялись автокорреляционный анализ (позволяет определить периодические компоненты ряда) и спектральный (Фурье) анализ (служит для определения скрытых периодичностей в данных стационарных временных рядов).

Метод, построенный на нахождении автокорреляции, работает в предположении, что цикличность проявляется в виде периодической зависимости между последовательностями величин одного ряда, взятыми со сдвигом по времени. Данную зависимость оценивают автокорреляционная функция *ACF* (*Autocorrelation function*) и частная автокорреляционная функция *PACF* (*Partial autocorrelation function*). Второй метод – спектральный анализ – позволяет разложить временные ряды с циклическими компонентами на не-

сколько основных синусоидальных функций с определенной длиной волн, играющей наиболее важную и существенную роль в описании процесса. Для нахождения частот основных периодических составляющих временного ряда вычисляется периодограмма, на графике которой значения соответствуют выявленным циклам. Расчетные работы и построение графиков выполнялись с помощью кросс-платформенного программного обеспечения эконометрического анализа *Gretl*. Выбор данного статистического пакета обусловлен возможностями использования для решения широкого круга задач, в том числе построения моделей временных процессов.

Еще одним важным направлением в исследованиях цикличности является моделирование процесса с оценкой перспективы получения прогноза. Существует ряд методик построения модели. Достаточно часто они идентичны для описания сезонности и цикличности и различаются только построением исходного ряда данных: для моделирования сезонности используются месячные или поквартальные значения показателей, а для цикличности – показатели с лагом в 1 год. Однако существует точка зрения, что в случае модели циклов необходим особый алгоритм, построенный на выявлении и выравнивании циклических значений [Юсов, Касаткина, 2015]. Применение этой методики на примере рядов динамики в туризме будет рассмотрено ниже.

Результаты исследования

Характеристики выявленной цикличности в рядах динамики въездных туристских потоков на территорию различных стран существенно отличаются друг от друга. Как видно на рисунке 5, временные ряды абсолютных значений прибытий иностранных ту-

ристов на примере Великобритании (страна «центра»), Израиля (государство, относящееся к «полупериферии») и Марокко (страна «периферии») имеют различную конфигурацию.

Закономерны и выявленные отличия в автокорреляционных ACF и $PACF$ -функциях (рисунок 6).

Периодограммы также не демонстрируют ярко выраженной цикличности, как видно на рисунке 7, отсутствуют яркие «всплески», небольшие же колебания графика могут быть расценены как «шум».

Однако при замене абсолютных показателей числа прибытий на показатели темпов роста ситуация выглядит иначе. На рисунке 8 представлены функции ACF и $PACF$, а также периодограмма для ряда темпов роста значений туристских прибытий в Великобританию.

Совместное рассмотрение значений автокорреляционных функций и функции спектральной плотности позволяет предположить наличие цикла с периодом в 9-10 лет при уровне значимости, равном 0,05. Аргументами в пользу такого вывода служат наибольшее значение автокорреляционной функции непервого порядка (в нашем случае порядок соответствует 10) и максимальная из фиксируемых амплитуд на периодограмме, также соответствующая 9-10 периодам. Все остальные всплески на данном графике меньше, поэтому могут рассматриваться как ложные циклы или «шумы».

Аналогичный анализ для Израиля (рисунок 9) приводит к гипотезе наличия циклов с длиной периода в 5-6 и 11-12 лет при уровне значимости, равном 0,05.

В Марокко также можно проследить наличие цикла с длиной периода около 3 лет при уровне значимости, равном 0,01, а также 17-19-летнего цикла, но уровень значимости у этого варианта существенно ниже – 0,1 (рисунок 10).

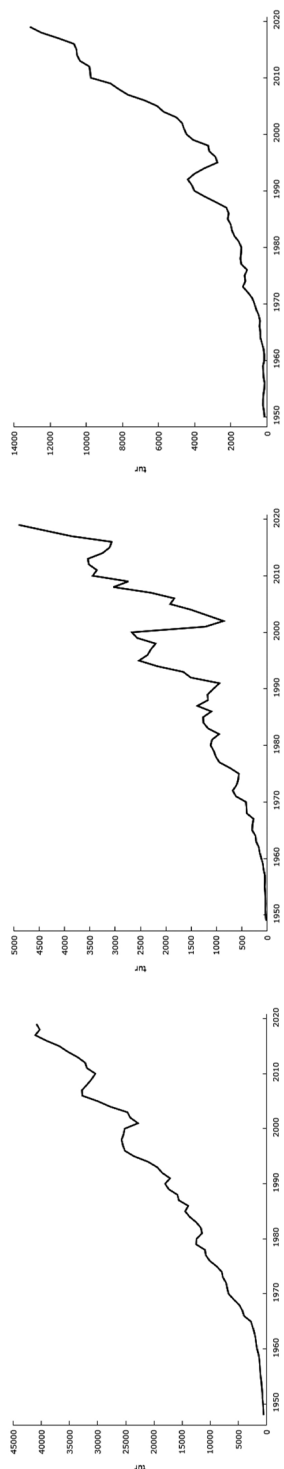

Рисунок 5. Динамика въездного туризма в Великобританию, Израиле и Марокко, 1948-2019 гг.
Figure 5. Dynamics of inbound tourism in the UK, Israel and Morocco, 1948-2019

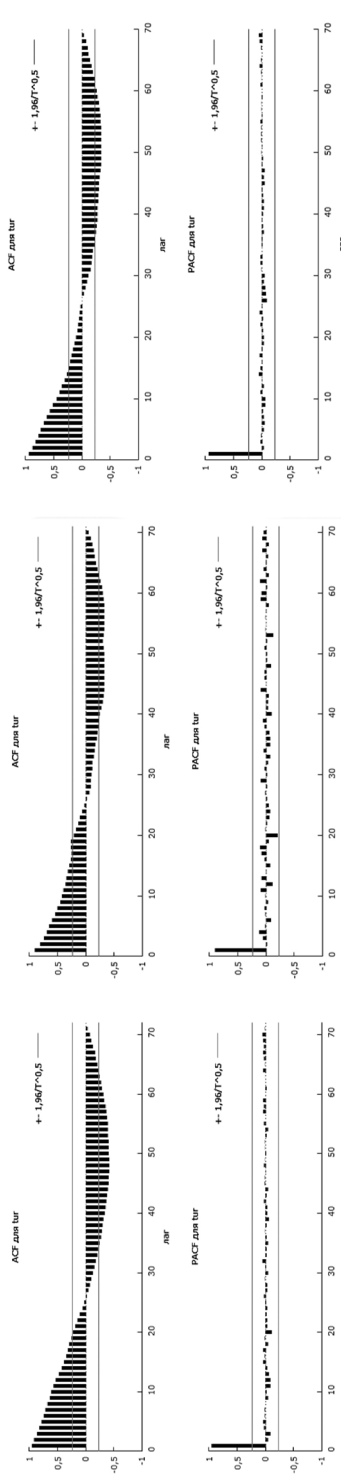

Рисунок 6. Автокорреляционные функции временных рядов въездного туризма в Великобритании, Израиле и Марокко за период с 1948 по 2019 г.

Figure 6. Autocorrelation functions of time series of inbound tourism in the UK, Israel and Morocco for the period from 1948 to 2019

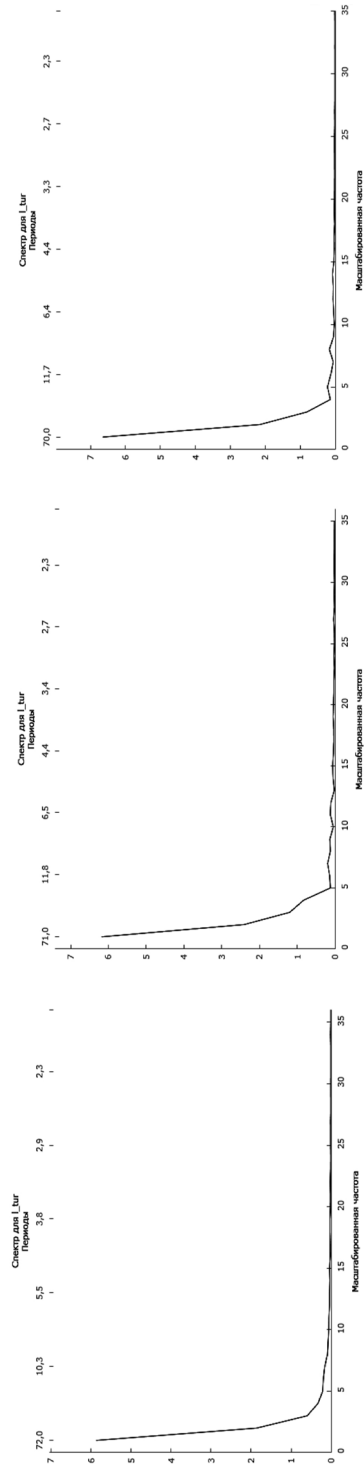
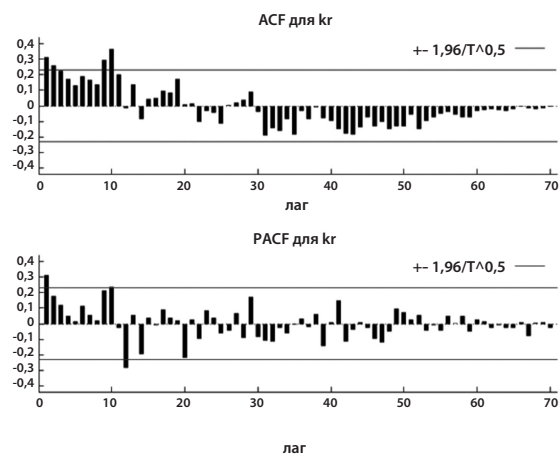

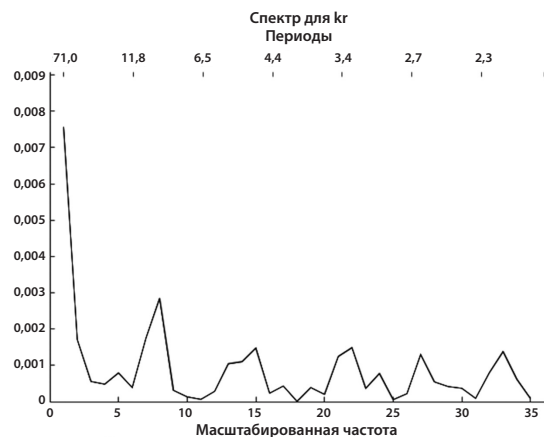
Рисунок 7. Результаты оценивания функции спектральной плотности временных рядов въездного туризма в Великобритании, Израиле и Марокко за период с 1948 по 2019 г.

Figure 7. The results of estimating the spectral density function of time series of inbound tourism in the UK, Israel and Morocco for the period from 1948 to 2019

Автокорреляционная функция для kr
 *** ** * indicate significance at the 1%, 5%, 10% levels
 using standard error $1/T^{0.5}$

Лag	ACF	PACF	Q-стат.	[p-значение]
1	0,3165 ***	0,3165 ***	7,4167	[0,006]
2	0,2604 **	0,1780	12,5091	[0,002]
3	0,2287 *	0,1201	16,4957	[0,001]
4	0,1757	0,0523	18,8846	[0,001]
5	0,1310	0,0161	20,2328	[0,001]
6	0,1934	0,1134	23,2147	[0,001]
7	0,1662	0,0559	25,4515	[0,001]
8	0,1389	0,0230	27,0380	[0,001]
9	0,2938 **	0,2145 *	34,2539	[0,000]
10	0,3655 ***	0,2368 **	45,6036	[0,000]
11	0,2025 *	-0,0240	49,1443	[0,000]
12	-0,0150	-0,2812 **	49,1640	[0,000]
13	0,1353	0,0545	50,8007	[0,000]
14	-0,0827	-0,1938	51,4219	[0,000]
15	0,0422	0,0385	51,5871	[0,000]
16	0,0488	-0,0094	51,8112	[0,000]
17	0,0980	0,0926	52,7326	[0,000]
18	0,0844	0,0405	53,4296	[0,000]
19	0,1723	0,0230	56,3880	[0,000]
20	0,0119	-0,2218 *	56,4024	[0,000]
21	0,0151	0,0282	56,4261	[0,000]
22	-0,0999	-0,0963	57,4822	[0,000]
23	-0,0330	0,0838	57,6001	[0,000]

Периодограмма для kr
 Количество наблюдений =71

Омега	Масштаб. Частота	Периоды	Спектрал. частота
0,08850	1	71,00	0,0075664
0,17699	2	35,50	0,0017118
0,26549	3	23,67	0,00055866
0,35398	4	17,75	0,00048496
0,44248	5	14,20	0,00079551
0,53097	6	11,83	0,00039053
0,61947	7	10,14	0,0017517
0,70796	8	8,88	0,0028512
0,79646	9	7,89	0,00031420
0,88496	10	7,10	0,00013505
0,97345	11	6,45	6,5237e-05
1,06195	12	5,92	0,00028675
1,15044	13	5,46	0,0010471
1,23894	14	5,07	0,0011039
1,32743	15	4,73	0,0014793
1,41593	16	4,44	0,00023405
1,50442	17	4,18	0,00043347
1,59292	18	3,94	8,1306e-06
1,68142	19	3,74	0,00039097
1,76991	20	3,55	0,00020233
1,85841	21	3,38	0,0012470
1,94690	22	3,23	0,0014902
2,03540	23	3,09	0,00036979
2,12389	24	2,96	0,00077994

Рисунок 8. Иллюстрация показателей цикличности в рядах динамики темпов роста въездного туризма в Великобритании за период с 1948 по 2019 г.

Figure 8. Illustration of cyclical indicators in the series of dynamics of the growth rate of inbound tourism in the UK for the period from 1948 to 2019

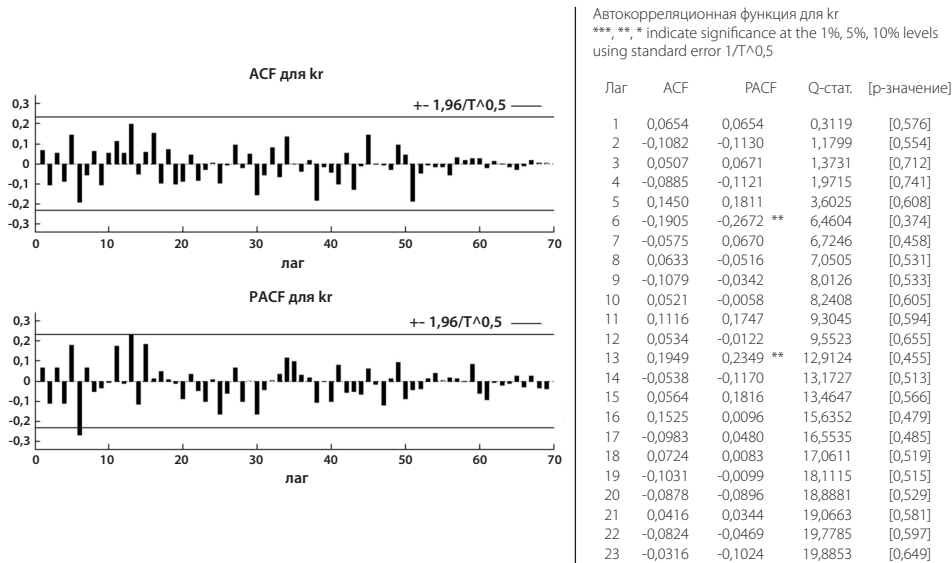

Рисунок 9. Иллюстрация показателей цикличности в рядах динамики темпов роста въездного туризма в Израиле за период с 1949 по 2019 г.

Figure 9. Illustration of cyclical indicators in the series of dynamics of the growth rate of inbound tourism in Israel for the period from 1949 to 2019

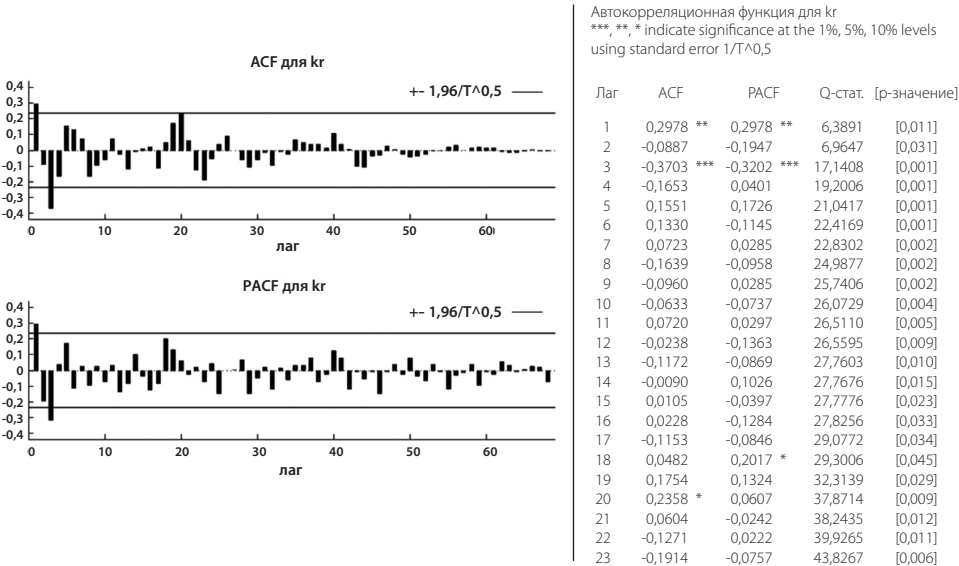

Рисунок 10. Иллюстрация показателей цикличности в рядах динамики темпов роста въездного туризма в Марокко за период с 1950 по 2019 г.

Figure 10. An illustration of the cyclical indicators in the series of the dynamics of the growth rate of inbound tourism in Morocco for the period from 1950 to 2019

Вышеперечисленные методики позволили выявить циклы и длины их периодов. Небезынтересным аспектом является моделирование влияния циклической составляющей на развитие процесса. Для этого, согласно упомянутому выше алгоритму, выстраивается общая модель временного ряда в предположении, что он состоит из тренда, циклической и случайной ком-

понент [Юсов, 2015]. Затем находится уравнение тренда, из остаточных фактических величин вычлняются циклические значения за обозначенный период, найденный с помощью автокорреляционной функции. Полученные значения выравниваются и масштабируются на все последующие уровни. Рассчитанные и выровненные значения периодов цикла представлены в таблице 1.

Таблица 1. Выровненные циклические значения темпов роста въездного международного туризма в Великобритании

Table 1. Aligned cyclical values of the growth rates of inbound international tourism in the UK

Период цикла, лет	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Значение	0,013	-0,006	-0,056	-0,029	0,003	0,023	0,035	0,055	-0,003	-0,033

коэф. роста

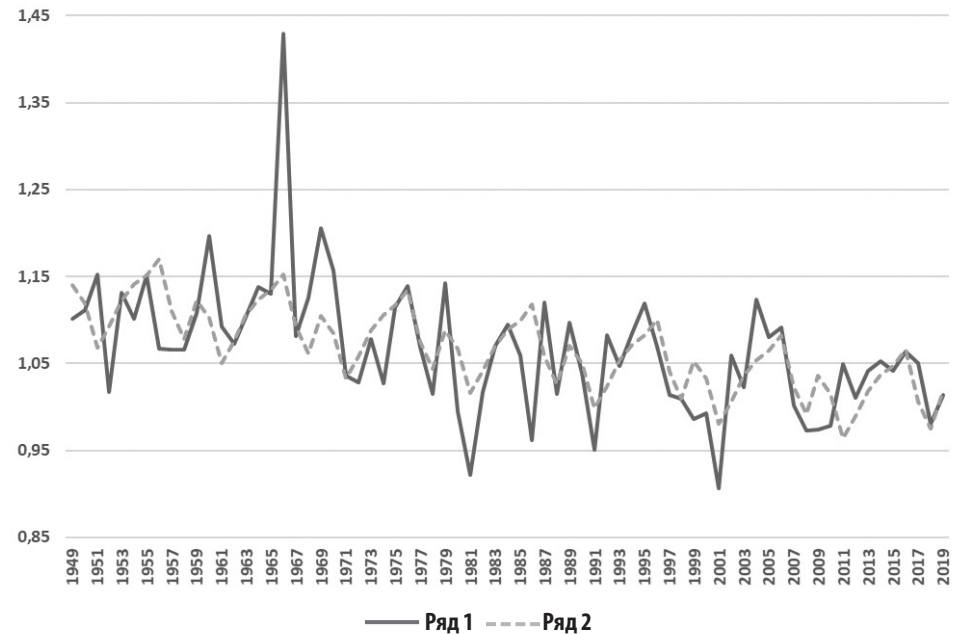

Рисунок 11. Фактический (ряд 1) и смоделированный (ряд 2) с учетом цикличности ряды динамики темпов роста въездного туризма в Великобритании за период с 1948 по 2019 г.

Figure 11. The actual (row 1) and modeled (row 2), taking into account the cyclical series of the dynamics of the growth rate of inbound tourism in the UK for the period from 1948 to 2019

На рисунке 11 представлен результат моделирования временного ряда темпов роста въездного туризма в Великобританию с учетом цикличности.

Качество полученной модели можно определить с помощью расчета средней абсолютной ошибки MAPE по формуле

$$\delta = \left(\frac{1}{n} \sum_{t=1}^n \frac{|x_t - \hat{x}_t|}{x_t} \right) \cdot 100\%.$$

Так как вычисленная величина данной ошибки составляет 3,6%, модель обладает достаточной высокой точностью.

Обсуждение и заключение

В индустрии туризма существует большое количество показателей, исследование которых может дать ответ на вопрос об эффективности ее развития. Так, в «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» в число целевых показателей включены валовая добавленная стоимость туристской индустрии, экспорт туристских услуг, инвестиции в сферу туризма. Также ярким критерием успешности служат показатели числа рабочих мест, общее количество средств размещения, средние расходы одного туриста на поездку внутри страны или же зарубежное путешествие и т.д. Примечательным является тот факт, что всё это разнообразие величин может быть представлено в виде рядов динамики, декомпозиция которых позволяет выявить как основные тенденции, присущие либо всему процессу, либо выделяемым временным отрезкам, так и колебания с разной длиной волны. Как показывает опыт, на результаты исследования заметно влияет выбор вида значений анализируемого ряда. Так, например, переход от абсолютных показателей числа туристских прибытий к показателям темпов роста одноименного критерия

позволил получить более яркое проявление цикличности. Благодаря этому примененные в данной работе математические методы – автокорреляционный и спектральный (Фурье) анализы – подтвердили наличие циклической составляющей на примере временных рядов въездных туристских потоков.

Вместе с тем необходимо отметить, что цикличность в туризме обладает определенной спецификой по сравнению с другими отраслевыми рынками. Это связано с тем, что, несмотря на наличие элементов унификации в развитии международного туризма, каждая страна характеризуется особым набором условий, факторов и тенденций становления и совершенствования туристского рынка. Как известно, данная отрасль не может существовать в отрыве от территории. Туризм существует, взаимодействуя с прочими секторами экономики. Эти отношения могут строиться как на взаимовыгодном сотрудничестве, порождая мультипликативный эффект, так и на условиях конкурентной борьбы за использование ограниченных ресурсов региона. В любом случае история государства, политические процессы, экономическая конъюнктура не могли не повлиять на формирование уникального «профиля» динамики туристской отрасли. Отсюда расхождение результатов выявления цикличности в рядах показателей туризма разных стран и по силе выраженности, и по длинам волн. Это приводит к проблематичности получения общей картины по группам стран, поскольку сумма некогерентных волн может создавать интерференцию, которая приведет к искажению реальной ситуации.

Современные исследования цикличности в туризме также могут столкнуться с трудностями, одна из которых заключается в периодической корректировке методик сбора статистической

информации по объему туристского потока. В результате возникают вынужденные разрывы рядов наблюдений, делающие невозможным мониторинг динамики за достаточно продолжительный период. Это, в свою очередь, ставит под сомнение осуществимость циклического анализа, так как известные в теории экономические циклы варьируются по продолжительности от 3,31 года (циклы Китчина) до 41,8 лет (циклы Кондратьева). Таким образом, для выявления длинноволнового процесса необходим временной ряд с длиной более 80 уровней.

Дополнительно стоит отметить сложности современной мировой экономической ситуации, приводящие к кризисам и неопределенностям, что существенно сказывается как на самом туризме, так и на факторах, косвенно влияющих на его развитие. Построение моделей в таких условиях требует соответствующей экономико-математической платформы, новых подходов, специфических инструментальных средств. Современные исследователи указывают на то, что сложная архитектура мировой экономики обязывает «тонко» представлять процессы, обнаруживая всплески уже не самих показателей, а их тенденций, производных, статистических моментов, изучать «цвет шума» и т. д. [Боташева, 2010]. Так, одним из новых направлений в цикломатическом анализе выступает метод фазового анализа, построение «фазовых портретов», представляющих собой зависимость первой производной $Y'(t)$ непрерывной функции $Y(t)$ от самой же переменной $Y(t)$. Время t в данном случае выполняет роль параметра. Полученная замкнутая кривая фазового портрета указывает на периодические колебания переменной $Y(t)$. Расширяющаяся спираль свидетельствует о росте амплитуды колебаний со временем, «сворачивающаяся» спи-

раль соответствует затуханию колебаний и т. д. [Ильясов, 2018]. Помимо подтверждения наличия циклов в изучаемом процессе методика составления фазового портрета позволяет провести оценку устойчивости и даже предсказать кризисные ситуации при заданных начальных условиях. Всё это позволяет считать данный подход перспективным для продолжения и развития темы цикличности в туризме.

Список литературы

Александрова А.Ю. Структура туристского рынка. – Москва : Пресс-Со-ло, 2002. – 384 с.

Александрова А.Ю. Структурно-функциональный анализ туристического пространства мира // Вестник Московского университета. Сер. 5 : География. – 2009. – № 4. – С. 21–25.

Александрова А.Ю., Кокшаров А.А. Туризм в условиях кризиса. – Москва : Кнорус, 2022. – 168 с.

Анаева З.К., Климук В.В. Цикличность как закономерность и форма социально-экономического развития России // Вестник КрасГАУ. – 2014. – № 11. – С. 13–20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklichnost-kak-zakonomernost-i-forma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii/viewer> (дата обращения: 09.01.2023).

Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : КРАСАНД, 2010. – 216 с.

Боташева Ф.Б. Формирование и анализ фазовых портретов российской макроэкономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2010. – № 1. – С. 15–22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-analiz-fazovyh-portretov-rossiyskoy-makroekonomiki/pdf> (дата обращения: 09.01.2023).

Буторина О.В., Баталова Е.В., Фукалова Ю.С. Исследование циклических

процессов экономики России с учетом межциклической рекуррентности // Вестник Пермского университета. Экономика. – 2012. – Вып. 4 (15). – С. 64–74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsiklicheskih-protsessov-ekonomiki-rossii-s-uchetom-mezhtsiklicheskoj-rekurrentnosti/viewer> (дата обращения: 09.01.2023).

Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. – Москва : Наука, 1982. – 190 с.

Гергет О.М., Милёшин А.А. Информационные технологии выявления основных закономерностей временного изменения показателей биосистемы // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10775> (дата обращения: 11.03.2023).

Гончаренко Л.С. Теоретические проблемы исследования экономического цикла России на современном этапе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 5 (401). – С. 48–54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-problemy-issledovaniya-ekonomicheskogo-tsikla-rossii-na-sovremennom-etape/viewer> (дата обращения: 09.01.2023).

Елина О.А., Дедусенко Е.А., Елин А.В. Цикличность отрасли и стратегическое планирование в туризме // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). – 2018. – № 2(14). – С. 36–41. – DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2.5.

Ильясов Р.Х. Сплайн-моделирование и анализ взаимосвязей в экономике при возможном наличии точек переключения регрессии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 165–175. – DOI: 10.18721/JE.11412.

Исмиханов З.Н., Магомедбеков Г.У., Магомедова М.А. Анализ и прогнозирование временного ряда уровня безработицы в России // Фундаментальные

исследования. – 2015. – № 5 (часть 2). – С. 410–414. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38231> (дата обращения: 11.03.2023).

Левагин И.В., Польшин О.В. Тестирование календарных эффектов на российском фондовом рынке на основе моделей с условной гетероскедастичностью. – Нижний Новгород : НФ ГУ ВШЭ, 2009. – 18 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2010/05/17/1217230924/Препринт%20НУЛ%20КАМЭ%202010%2002%20Левагин%20И%20В%20%20П..стирование%20календарных%20эффектов.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).

Логачев А.В., Хрущев С.Е. О проверке наличия структурных сдвигов в исследованиях временных рядов // Вестник НГУЭУ. – 2017. – № 2. – С. 328–332. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-proverke-nalichiya-strukturnyh-sdvigov-v-issledovaniyah-vremennyh-ryadov/viewer> (дата обращения: 11.03.2023).

Носонов А.М. Концептуальные основы циклического развития // Псковский регионологический журнал. – 2012. – № 14. – С. 36–47.

Обзор современных моделей и методов анализа временных рядов динамики процессов в социальных, экономических и социотехнических системах / Андрианова Е.Г., Головин С.А., Зыков С.В., Лесько С.А., Чукалина Е.Р. // Russian Technological Journal. Информационные системы. Информатика. Проблемы информационной безопасности. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 7–45. – DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-7-45.

Очирова Т.Б. Цикличность экономического роста и формирование конкурентных стратегий в туризме // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2009. – № 2. – С. 153–157.

Талей Н. Черный лебедь. Под знаком неопределенности. – Москва : Колibri, 2011. – 528 с.

Юсов А.Б., Касаткина А.А. Моделирование циклов в экономических моделях // Статистика и математические методы в экономике. – 2015. – № 1. – С. 176–178.

Яковенко В.С. Обнаружение, выделение и визуализация циклов экономической динамики фазовыми мето-

дами // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2008. – № 5. – С. 302–308. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-vydelenie-i-vizualizatsiya-tsiklov-ekonomicheskoy-dinamiki-fazovymi-metodami/viewer>.

Яковец В.Ю. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – Москва : Наука, 1999. – 448 с.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.05

Cyclicity as a Pattern of Development of World Tourism

Anna Ju. ALEKSANDROVA

Dr. Sc. (Geography), Professor, Faculty of Geography
Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991
E-mail: analexan@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1772-8431

Veronika E. DOMBROVSKAYA

PhD (Physical and Mathematical Sciences), Associate Professor, Department
of Recreation Geography and Tourism
Tver State University
Proshina Street, 3, Tver, Russian Federation, 170021
E-mail: Dombrovskaya.VE@tversu.ru
ORCID: 0000-0002-7138-1774

CITATION: Aleksandrova A.Ju., Dombrovskaya V.E. (2023). Cyclicity as a Pattern of Development of World Tourism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 86–106 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.05

Received: 18.01.2023.

Revised: 12.03.2023.

ABSTRACT. *The study of the cyclical nature of economic development became a subject of scientific interest in the 19th century. History has proved that the progressive movement of any economic system is not linearly. Periods of intensive growth are replaced by deep crisis phenomena. It was the severe global crises of the 21st century that forced us to pay attention to the topic*

of cyclicity again and consider the specifics of this issue in various economic sectors, in particular, in tourism. Studies of oscillatory processes in tourism contribute to the prediction of tourist activity, which is of great importance for the practice of tourism regulating, especially during a cyclic crisis.

The uneven development of tourism is manifested at all levels: global, region-

al, local. In some countries, international tourism is developing faster, in others – slower, subject to the influence of both external and internal factors. This pronounced spatio-temporal organization of cyclical fluctuations of international tourism is of particular interest. However, the time series decomposition of inbound tourist flows by individual countries shows significantly different results both on the basis of the manifestation clarity and by the magnitude of the cyclical fluctuations. The purpose of this work is to investigate mathematically justified manifestations of cyclicity in the field of tourism on the example of a number of countries around the world.

KEYWORDS: *tourism, cyclical nature of tourism development, cycle of tourist activity, tourist flow, auto-correction, spectral analysis, modeling of cyclicity.*

References

- Aleksandrova A.Yu. (2002). *The structure of the tourist market*, Moscow: Press-Solo, 384 pp. (in Russian).
- Aleksandrova A.Yu. (2009). Structural and functional analysis of the tourism space of the world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografija*. No. 14, pp. 21–25 (in Russian).
- Aleksandrova A.Yu., Koksharov A.A. (2022). *Tourism in a crisis*, Moscow: Knorus, 168 pp. (in Russian).
- Anaeva Z.K., Klimuk V.V. (2014). Cyclicity as a pattern and form of socio-economic development of Russia. *Vestnik KrasGAU*. No. 11, pp. 13–20 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklichnost-kak-zakonovernost-i-forma-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii/viewer>, accessed 09.01.2023.
- Baburin V.L. (2010). *Innovative cycles in the Russian economy*. Moscow: KRASAND, 216 pp. (in Russian).
- Botasheva F.B. (2010). Formation and analysis of phase portraits of Russian macroeconomics. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU*. No. 1, pp. 15–22 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-analiz-fazovyh-portretov-rossiyskoy-makroekonomiki/pdf>, accessed 09.01.2023.
- Butorina O.V., Batalova E.V., Fukalova Ju.S. (2012). The study of the cyclic processes of the Russian economy, taking into account inter-cyclic recurrence. *Vestnik Permskogo universiteta. Ekonomika*. No. 4(15), pp. 64–74 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-tsiklicheskih-protsessov-ekonomiki-rossii-s-uchetom-mezhtsiklicheskoy-rekurrentnosti/viewer>, accessed 09.01.2023.
- Elina O.A., Dedusenko E.A., Elin A.V. (2018). The cyclicity of the industry and strategic planning in tourism. *Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj vysshej shkoly biznesa (MIRBIS)*. No. 2 (14), pp. 36–41 (in Russian). DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.2.5.
- Gerget O.M., Milyoshin A.A. (2013). Information technologies for identifying the main patterns of temporary changes in biosystem indicators. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 6 (in Russian). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10775>, accessed 11.03.2023.
- Goncharenko L.S. (2017). Theoretical problems of research on the economic cycle of Russia at the present stage. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (401), pp. 48–54 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-problemy-issledovaniya-ekonomicheskogo-tsikla-rossii-na-sovremennom-etape/viewer>, accessed 09.01.2023.
- Ilyasov R.H. (2018). Splin modeling and analysis of interactions in the economy with the possible presence of switching points of regression. *St. Petersburg State*

Polytechnical University Journal. Economics. Vol. 11, no. 4, pp. 165–175 (in Russian). DOI: 10.18721/JE.11412.

Ismihanov Z.N., Magomedbekov G.U., Magomedova M.A. (2015). Analysis and forecasting of the time series of the unemployment rate in Russia. *Fundamental Research*. No. 5 (part 2), pp. 410–414 (in Russian). Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38231>, accessed 11.03.2023.

Levagin I.V., Pol'din O.V. (2009). *Testing calendar effects on the Russian stock market based on models with conditional heteroscedasticity*. Nizhny Novgorod: NN affiliate of the HSE, 18 pp. (in Russian). Available at: <https://www.hse.ru/data/2010/05/17/1217230924/Препринт%20НУЛ%20КАМЭ%202010%2002%20Левагин%20И%20В%20%20П..стирование%20календарных%20эффектов.pdf>, accessed 11.03.2023.

Logachev A.V., Hrushchev S.E. (2017). On checking for structural shifts in time series studies. *Vestnik NGUEU*. No. 2, pp. 328–332 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-proverke-nalichiya-strukturnyh-sdvigov-v-issledovaniyah-vremennyh-ryadov/viewer>, accessed 11.03.2023.

Nosonov A.M. (2012). Conceptual foundations of cyclic development. *Pskov Journal of Regional Studies*. No. 14, pp. 36–47 (in Russian).

Obzor sovremennyh modeley... (2020). Andrianova E.G. et al. An over-

view of modern models and methods for analyzing time series of process dynamics in social, economic and sociotechnical systems. *Russian Technological Journal*. No. 8, pp. 7–45 (in Russian). DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-7-45.

Ochirova T.B. Cyclicity of economic growth and the formation of competitive strategies in tourism. *Teoriya i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii*. No. 2, pp. 153–157 (in Russian).

Taleb N. *The Black Swan. The Impact of Highly Improbable*. Moscow: KoLibri, 528 pp. (in Russian).

Vedenin Yu.A. (1982). *Dynamics of territorial recreational systems*. Moscow: Nauka, 190 pp. (in Russian).

Yakovlev V.Ju. (1999). *Cycles. Crises. Forecasts*. Moscow: Nauka, 448 pp. (in Russian).

Yakovlenko V.S. (2008). Detection, selection and visualization of cycles of economic dynamics phase methods. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal*. No. 5, pp. 302–308 (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-vydelenie-i-vizualizatsiya-tsiklov-ekonomicheskoy-dinamiki-fazovymi-metodami/viewer>, accessed 09.01.2023.

Yusov A.B., Kasatkina A.A. (2015). Modeling cycles in economic models. *Statistika i matematicheskie metody v jekonomike*. No. 1, pp. 176–178 (in Russian).

Азия: вызовы и перспективы

УДК 327.8

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.06

Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах

Кирилл Владимирович БАБАЕВ

доктор филологических наук, профессор, директор

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117218

E-mail: kbabaev@iccaras.ru

ORCID: 0000-0001-5731-8667

ЦИТИРОВАНИЕ: Бабаев К.В. Вся «Индо-Тихоокеанская» рать: система военно-политических союзов США в Индийском и Тихом океанах // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 107–127. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.06

Статья поступила в редакцию 02.11.2022.

Исправленный текст представлен 12.12.2022.

АННОТАЦИЯ. Статья призвана очертить краткую историю и текущий статус развития многосторонних военно-политических и экономических инициатив США в акваториях Индийского и Тихого океанов, основной целью которых является сдерживание экспансии Китая и противостояние его растущей военной и экономической мощи. Предпринимается попытка рассмотреть указанные инициативы и объединения именно как системы – даже несмотря на то, что с первого взгляда они кажутся несколько противоречивыми, хаотично создаваемыми и стратегически весьма разнородными.

В работе также делается попытка оценить возможности США и их союзников в регионе по дальнейшему усилению указанных инициатив в той напряженной фазе, которую обрело

противостояние Америки и Китая в 2022 г. в связи с «тайваньской проблемой». Межгосударственный конфликт, инициированный США летом 2022 г., сегодня всё чаще оценивают с точки зрения возможности перерастания в конфликт военный, так что важно оценить, насколько созданные Вашингтоном многосторонние механизмы военно-политического и экономического сотрудничества в регионе имеют потенциал для решения задач США в случае входа конфликта вокруг Тайваня в «горячую» стадию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР, Индо-Тихоокеанский регион, ИТР, американо-китайская торговая война, AUKUS, QUAD, сдерживание Китая, Five Eyes, CHIP 4, партнерство в Тихом океане, PBP, кризис вокруг Тайваня.

Основной задачей внешней политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе сегодня является сдерживание Китая (*Containment of China*) [Larson, 2021]. Эта стратегия имеет прежде всего экономическую подоплеку. Очевидно, что стремительный экономический рост КНР и угроза потери экономического доминирования в АТР стали главным фактором формирования стратегии США по сдерживанию Китая. Главным фактором соперничества двух держав в регионе является вопрос о богатстве и экономическом влиянии, а политический порядок и военно-политические процессы в современном мире имеют экономическую основу. Согласно широко распространенным взглядам Р. Гилпина, трансформация политического порядка в регионе станет отправной точкой для изменения и экономических процессов [Gilpin, 2001]. Именно поэтому в настоящей работе опущены собственно экономические и финансовые аспекты противостояния, а фокус сделан на военно-политическую сферу противостояния США растущей мощи КНР.

О грядущем соперничестве между двумя державами высказался еще Дж. Буш-младший в своей инаугурационной речи в 2001 г. [Wanli, 2020], и с тех пор озабоченность этой проблемой в США только росла. В первом десятилетии нынешнего века в Вашингтоне обсуждались и другие форматы выстраивания отношений с Китаем: часть американского истеблишмента полагала, что по мере вовлечения в мировой рынок Китай будет отходить от коммунистических идей и двигаться в сторону либеральной демократии. Рассматривался концепт «трансформационной дипломатии», выдвигавшийся бывшим госсекретарем США Кондользой Райс, и создание G2, «двойки» сверхдержав мира при лидирующей роли Вашингтона [Худайкулова, Рамич,

2020]. Однако эти идеи не соответствовали общим представлениям американской элиты о главенствующей роли Америки в мире, так что они не могли быть приняты на вооружение. Как и сегодня, в начале века США не были склонны договариваться о монополизации мирового господства.

Стратегия сдерживания Китая была, по-видимому, принята вашингтонским истеблишментом в конце первого десятилетия XXI в. и окончательно оформилась в период второй администрации президента Барака Обамы (2013–2017), когда КНР получил в докладах советников президента США статус основного геополитического противника Америки в Тихом океане [Tellis, 2014]. Тихий океан начиная со второй половины XIX столетия является для США сферой исключительных внешнеполитических интересов, а в нынешнем столетии после окончания холодной войны в результате бурного роста тихоокеанской морской торговли он снова стал главным для внешней политики Вашингтона: о «Тихоокеанском веке Америки» писала госсекретарь Х. Клинтон [Clinton, 2011], а «поворот к Азии» (*Pivot to Asia*) стал одним из важнейших направлений внешней политики администрации Б. Обамы [Davidson, 2014]. Вполне логично, что стратегия сдерживания Китая очень быстро стала мейнстримом как американской внешней политики на огромном пространстве от Японии до Афганистана, так и американского политического дискурса.

Стремительный рост экономики КНР и особенно курс на более активную внешнеполитическую линию Китая, на «выход из тени», провозглашенный в 2012–2013 гг. новым главой страны Си Цзиньпином [Денисов, 2017], не могли не вызвать реакции со стороны Соединённых Штатов, для которых появление усиливающегося соперника по другую сторону Тихого океана озна-

чает глобальный политический и экономический вызов. Уже начиная примерно с 2011–2012 гг. в американской научной и публицистической литературе начинает утверждаться картина нового Китая как опасного соперника, державы ревизионистов, стремящейся подорвать могущество Америки в Азии и на Тихом океане [Navarro, Autry, 2011; Benner, 2017]. Этот взгляд, поначалу дискуссионный даже в самих США, постепенно стал доминирующим и завоевал относительный консенсус как в руководстве внешнеполитического блока правительства США, так и в Конгрессе. И демократическая, и республиканская часть американской элиты пришли к выводу, что противодействие Китаю, его экономической экспансии и усилению его политического влияния является важнейшей целью США, так что приход к власти республиканской администрации Дональда Трампа в 2017 г. привел лишь к усилению антикитайской риторики и в конечном итоге к торговой войне США и КНР в 2018–2020 гг. [Юннушкина, Шаповалова, Каткова, 2021].

Именно Трамп сформулировал тезис о том, что КНР является противником номер один для Соединённых Штатов на мировой арене [O'Brien, 2020]. Учитывая постоянное ухудшение взаимоотношений США с Россией в период обеих администраций Б. Обамы (2009–2017 гг.), для политического истеблишмента такой поворот политики Трампа был неожиданным и, как известно, воспринят весьма негативно в обеих фракциях Конгресса. Предложенная президентом Трампом стратегия достижения глобальной геополитической договоренности с Россией для совместного противостояния растущему Китаю не встретила понимания у американской элиты, и противодействие этой политике со стороны как Конгресса, так и Госдепартамента и силовых ведомств

вынудило в конечном итоге президента США отказаться от нее.

Однако экономическое и политическое противодействие Китаю, резко усилившееся в период каденции президента Трампа (2017–2021 гг.), после его ухода из Белого дома вовсе не ослабло. Напротив, стратегия сдерживания Китая стала, пожалуй, единственной крупной внешнеполитической идеей, которая была полностью взята на вооружение демократической администрацией Дж. Байдена и даже усилена. При этом если Д. Трамп как в большей степени бизнесмен, нежели политик, основное внимание в этой стратегии уделял экономике и торговле, то при Байдене важнейшую роль снова стали играть внешнеполитические инициативы, преимущественно нацеленные на формирование системы альянсов в зоне, называемой в США Индо-Тихоокеанским регионом (*Indo-Pacific*). Создание этой системы альянсов, имеющих как политическое, так и военное и в меньшей степени экономическое измерение, является на сегодняшний день важнейшей зоной активности Соединённых Штатов на пространстве от Аравийского залива Индийского океана до Японских островов.

Настоящая статья имеет целью суммировать краткую историю и текущий статус развития многосторонних военно-политических и экономических инициатив США в Индийском и Тихом океанах, основной целью которых является сдерживание экспансии Китая и противостояние его растущей военной мощи. Важно предпринять попытку рассмотреть указанные инициативы и объединения именно как систему – даже несмотря на то, что с первого взгляда они кажутся несколько противоречивыми, хаотично создаваемыми и стратегически весьма разнородными.

Важно, кроме того, оценить будущие возможности США и их союзни-

ков в регионе по дальнейшему усилению указанных инициатив в той напряженной фазе, которую обрело противостояние Америки и Китая в 2022 г. в связи с «тайваньской проблемой». Политический конфликт, созданный по инициативе США летом 2022 г., сегодня всё чаще оценивают с точки зрения возможности перерастания в конфликт военный, так что имеет смысл оценить, насколько созданные Вашингтоном многосторонние механизмы военно-политического сотрудничества в регионе имеют потенциал для решения задач США в случае выхода конфликта вокруг Тайваня в «горячую» стадию.

Подчеркнем, что в настоящей работе речь пойдет только о тех инициативах, где США по-прежнему являются участником. Именно поэтому в статье опущены подробности формирования такого объединения, как Транстихоокеанское партнерство (ТТП, *Trans-Pacific Partnership*), которое, будучи оформленным в 2016 г., уже в следующем году осталось без участия США и в результате так и не было создано. Безусловно, ТТП также задумывалось демократической администрацией Б. Обамы как инструмент интеграции рынков АТР вокруг США и сдерживания Китая [Кадочников, Стапран, 2016], однако на этих планах был поставлен крест сразу же после прихода в Белый дом президента Д. Трампа. Без ратификации партнерство не вступило в силу, и одиннадцать его членов в 2018 г. договорились о создании нового объединения – Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения для Транстихоокеанского партнерства (CPTPP), куда осенью 2021 г. подал заявку и Китай. Перспективы этого объединения и возможность возвращения в него США остаются неясными¹.

Индо-Тихоокеанское пространство

Вначале целесообразно кратко рассмотреть само понятие «Индо-Тихоокеанская зона», которым обозначают регион или пространство в контексте политики США.

История этого понятия весьма интересна, ибо восходит к политическому дискурсу германского шовинизма начала XX столетия. Термин «Индо-Тихоокеанский» еще ранее употреблялся в научной океанографической литературе с точки зрения биоразнообразия флоры и фауны, сходной в морях обоих океанов в тропических и экваториальных широтах. Однако в геополитическом контексте этот термин был впервые употреблен в работах немецкого философа Карла Хаусхофера, одного из идеологов германского национал-социализма, чьи взгляды наиболее повлияли на формирование внешнеполитических и геополитических взглядов Гитлера [Li, 2021]. В своих работах [Haushofer, 1924; Haushofer, 1928] К. Хаусхофер указывал на Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии как единый регион, где борьба против европейского колониализма может в перспективе привести к важным политическим изменениям, прежде всего к крушению британской и французской колониальных империй, враждебных Германии. В 1939 г. уже в нацистской Германии К. Хаусхофер публикует статью [Haushofer, 1939], где понятие «Индо-Тихоокеанское пространство» вынесено в заголовок. К этому времени уже наметился геополитический альянс между Рейхом и Японской империей, которые, по мнению автора, должны будут вместе противостоять господству европейских колониальных

1 Портанский А. Китай стремится в Транстихоокеанское партнерство // Независимая газета. – 2021. – 17 октября. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-10-17/10_8279_china.html (дата обращения: 11.12.2022).

держав в Азии и на островах Тихого океана.

Теория была позитивно воспринята в Японии того времени, где Индо-Тихоокеанский регион стали воспринимать как пространство «Большой Азии», свободной от иностранного господства и имеющей право выбирать свою собственную судьбу, разумеется, под руководством Великой Японии как наиболее развитой из азиатских держав того времени. «Индо-Пасифика» как азиатская цивилизация в японской литературе периода войны на Тихом океане (1937–1945 гг.) противопоставлялась «Евро-Америке» как региону европейской цивилизации. Как известно, именно в эти годы Япония попыталась осуществить свою стратегию объединения Азии военным путем, планируя обеспечить свое политическое господство на обширном пространстве от Британской Индии до Новой Гвинеи и островов Полинезии: именно доктрина «Индо-Тихоокеанского» политического, культурного, цивилизационного пространства играла важнейшую роль в идеологическом обосновании японских завоеваний.

Затем термин надолго исчез из обращения, чтобы быть извлеченным на свет заново японскими политологами и официальными лицами в 2007 г. Это также произошло в Японии, премьер-министр которой Синдзо Абэ в своем выступлении перед индийским парламентом говорил о «слиянии Тихого и Индийского океанов»², обеспечивающем свободу и процветание народам, живущим на берегах обоих океанов. Термин «Индо-Тихоокеанский» был

позитивно воспринят в индийском научном и политическом сообществе, в том же году появились первые публикации с его использованием [Khurana, 2007]. Таким образом, хорошо видна преемственность между нынешним использованием данного термина и его истоками в колониальных амбициях Японии первой половины XX столетия.

Однако в нынешнюю эпоху сотрудничество между Японией, с одной стороны, и Индией и другими странами Южной и Юго-Восточной Азии, с другой, представлялось как защита их интересов не только и не столько от Запада, сколько от растущего влияния Китая. Именно в этом качестве «Индо-Тихоокеанская» доктрина была замечена в США и с 2011 г. начинает активно мелькать в американской прессе, научных работах и политической аналитике, а также в Австралии, Индонезии и Южной Корее [Полякова, Шеметова, 2022].

Именно США предприняли максимальные усилия для того, чтобы «забрать» термин, сделав его основой своей политики в акваториях двух океанов [Батюк, 2021]. С 2017 г. «Индо-Тихоокеанский» регион становится важнейшим обозначением зоны американского внешнеполитического и экономического влияния в Азии и Океании. Рамочное видение идеи было изложено в конце 2017 г. [Петровский, 2022], в том же году термин впервые был несколько раз употреблен в Стратегии национальной безопасности США (National Security Strategy)³, а в следующем – в Стратегии национальной обороны (National Defense Strategy)⁴ и в издании

2 Confluence of the Two Seas/Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India. – 2007. – August 22. – URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmvo708/speech-2.html> (дата обращения: 11.12.2022).

3 National Security Strategy. – 2022. – October 12. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

4 National Defence Strategy of the USA. – 2022. – October 27. – URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 11.12.2022).

Министерства обороны США *Nuclear Posture Review*⁵, освещающем среднесрочные и долгосрочные планы США по проблемам ядерной безопасности.

Таким образом, в 2017-2018 гг. термин «Индо-Тихоокеанский» для США оставался связанным преимущественно с понятиями в области обороны, безопасности и военного сотрудничества. В мае 2018 г. Тихоокеанское командование США, которое и ранее включало в свою орбиту акваторию Индийского океана, было переименовано в Индо-Тихоокеанское, а спустя несколько дней на одной из международных конференций идея ИТР была подробно освещена в докладе министра обороны США, который рассматривал ее именно в контексте проблем безопасности.

Наконец, в 2019 г. Государственный департамент США выпускает в свет документ, формализующий концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*Free and Open Indo-Pacific, FOIP*)⁶, в результате чего термин приобретает не только военное, но и внешнеполитическое измерение. По сути, с этого момента термин «ИТР» становится синонимом стратегии сдерживания Китая, так как никаких иных серьезных угроз или вызовов для США в данном регионе не существует. В документе о *FOIP* говорилось об угрозах для США, исходящих со стороны Китая, в первую очередь в Южно-Китайском море.

Отметим, что период формирования «Индо-Тихоокеанской» концепции

(2017-2019 гг.) пришелся на период пребывания у власти администрации президента Д. Трампа. Однако после смены в Белом доме республиканского кабинета на демократический концепция осталась прежней и была лишь усилена. Уже в январе 2021 г., сразу после избрания Дж. Байдена, были опубликованы «Контурь стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» (*U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific*)⁷, позже расширены в документе «Индо-Тихоокеанская стратегия США» (*Indo-Pacific Strategy of the United States*)⁸. Этот документ действительно наметил контуры для всей доктрины политического противодействия Китаю в американской внешней и оборонной политике: именно он стал основой для принятых в последние годы прикладных американских планов и программ, таких как «Стратегический подход США к КНР»⁹, «Стратегический план США по противодействию экономической агрессии Китая», «План кампании США по противодействию пагубному влиянию Китая в международных организациях» и других документов [Петровский, 2022, с. 53].

Соответственно, все многосторонние инициативы, формируемые США с 2017 г. в Индийском и Тихом океанах, имеют в качестве основы доктрины единого «ИТР» – термина, который был создан в Третьем Рейхе и уже однажды использовался для обоснования силового захвата государств Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии и контроля над ними.

5 Nuclear Posture Review/U.S. Department of Defense. – URL: <https://dod.defense.gov/News/Special-Reports/NPR> (дата обращения: 11.12.2022).

6 A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision. – 2019. – November 4. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

7 U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. – 2018. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

8 Indo-Pacific Strategy of the United States. – 2022. – February. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

9 United States Strategic Approach to the People's Republic of China. – 2020. – May. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD)

Идея альянса QUAD, как и термин «Индо-Тихоокеанский регион», не является детищем самих США. Она родилась из двусторонних и трехсторонних переговоров и соглашений первых лет XXI столетия, когда США, Австралия и Япония начали координацию своих усилий в области безопасности. В 2002 г. была оформлена структура «Трехстороннего диалога по безопасности» в составе трех указанных государств, в 2004 г. началась координация между ними и Индией для ликвидации последствий разрушительного цунами в Индийском океане (была создана четырехсторонняя группа под названием *Tsunami Core Group*).

В 2007 г., одновременно с выдвижением идеи Индо-Тихоокеанского сотрудничества, премьер-министр Японии Синдзо Абэ предложил создать «Четырехстороннюю инициативу», которая могла бы объединить четыре государства, уже сотрудничавшие по нескольким направлениям в сфере безопасности. Абэ видел такое объединение как необходимый базис для формирования «дуги азиатских демократий» от Японии через Южную Корею, Тайвань, Филиппины, Сингапур, Шри-Ланку и Индию. Его концепция базировалась на теории «демократического мира» [Bell, Quek, 2017], согласно которой страны с демократическим устройством не могут и не желают воевать друг с другом, а следовательно, должны находиться в союзнических или по крайней мере в дружеских отношениях.

Идея о создании четырехстороннего партнерства получила умеренную

поддержку в руководстве Индии, Австралии и США. Однако партнерство (ныне обычно называемое QUAD 1.0) не получило своего развития. В мае 2007 г. представители четырех стран встретились в Маниле для обсуждения вопросов запуска объединения, а уже в июне Пекин выступил с жесткими предостережениями, разослав дипломатические ноты протеста всем четырем участникам предполагаемого альянса, в китайской и азиатской прессе замелькало сравнение инициативы QUAD с «азиатским НАТО». На тот момент страны, входившие в объединение, уже активно проводили в двух- и трехстороннем формате военные учения, так что военно-политический характер «Четырехсторонней инициативы» был налицо.

Китаю удалось довольно виртуозно купировать риск окончательного оформления партнерства. Ушедшего в отставку премьера Японии С. Абэ сменил Таро Асо, который не обладал ни политическим влиянием, ни желанием для продолжения активной внешнеполитической линии своего предшественника. Вскоре и индийский премьер Манмохан Сингх в преддверии своего визита в КНР в январе 2008 г. сообщил, что «Индия не будет частью никакого движения по так называемому сдерживанию Китая»¹⁰. Наконец, в декабре 2007 г. в Австралии приходит к власти правительство Кевина Радда, который был значительно более расположен к КНР, хорошо знал Китай и даже говорил по-китайски. В первые же месяцы работы своего правительства К. Радд заявил на встрече с министром иностранных дел КНР, что Австралия не планирует участвовать в дальнейшей работе QUAD. Таким образом, Ки-

¹⁰ Speech by Prime Minister Dr. Manmohan Singh at the Chinese Academy of Social Sciences. – Beijing, 15.01.2008. – URL: <https://mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?1445/Speech+by+Prime+Minister+Dr+Manmohan+Singh+at+the+Chinese+Academy+of+Social+Sciences+Beijing> (дата обращения: 11.12.2022).

таю удалось выиграть у Соединённых Штатов «первый раунд».

Однако всё изменилось в 2017 г., и этому было несколько причин. Во-первых, внешнеполитическая активность КНР под руководством Си Цзиньпина, особенно ускоренное строительство рукотворных островов в Южно-Китайском море, не могло не тревожить его соседей, а через них – и крупных игроков в регионе. Растущая напряженность в отношениях между КНР и США вернули в повестку внешней политики США задачу сдерживания Китая, и деятельность администрации президента Д. Трампа сосредоточилась на решении этой задачи. Кроме того, пограничные стычки в районе Доклам на китайско-индийской границе в августе 2017 г. вызвали сильную негативную реакцию в Дели, в результате чего индийское правительство решило вернуться к обсуждению вопроса переговоров в области безопасности с США и их союзниками [Гарусова, 2019].

Таким образом, 2017 г. фактически стал поворотным в геополитической ситуации в акваториях Индийского и Тихого океанов с точки зрения политики сдерживания КНР. Начиная с этого года администрация Д. Трампа полностью перешла от использования термина «АТР» к использованию термина «ИТР», одновременно вводя лозунг об открытом и свободном Индо-Тихоокеанском регионе (FOIP) и возводя на этой идеологической базе конкретную договорную конструкцию – воссоздание QUAD версии 2.0. Новая конструкция безопасности прозвучала из уст Д. Трампа на саммите АТЭС в Дананге в 2017 г., тогда же в Маниле прошла встреча лидеров стран QUAD, а уже в январе 2018 г. в Индии состоялись консультации командующих военно-морскими флотами стран нового объединения. «Азиатское НАТО» наконец оформилось в военно-полити-

ческий союз, пусть пока и «клубного типа», и КНР на этот раз не смог помешать этому.

Встречи высоких должностных лиц четырех государств в формате QUAD интенсивно проводились начиная с 2017 г., а в марте 2021 г. состоялся первый саммит членов объединения. К этому моменту отношения между КНР и Индией еще более ухудшились вследствие пограничного инцидента в Ладакхе в 2020 г., наметилось и охлаждение отношений между Австралией и Китаем. Начиная с 2021 г. саммиты QUAD проводились с удивительной интенсивностью: в сентябре 2021 г. в Вашингтоне, в марте 2022 г. в онлайн-формате, в мае 2022 г. вновь очно в Токио. Следующий саммит должен пройти в начале 2023 г., он состоится в Австралии.

Разумеется, сравнение сегодняшнего дня QUAD с НАТО не совсем корректно. В объединении QUAD нет обязательств союзнического типа, нет ни единого командования, ни даже единой стратегии. Это действительно скорее элемент «клубной дипломатии», созданный, во-первых, для координации стратегий в области безопасности прежде всего между США и Индией (Австралия и Япония и так во всем действуют в фарватере политики США) и, во-вторых, в качестве сигнала Китаю о том, что его внешнеполитическая активность вызывает противодействие.

Кроме того, QUAD является своего рода знаменем для всех государств, опасющихся стремительного роста военной и экономической мощи КНР и стремящихся обезопасить себя от китайского влияния. Для системного контакта с такими государствами США активно используют недавно созданный формат QUAD+, предусматривающий участие других стран региона во встречах объединения. Правда, QUAD+ не имеет открытой антикитайской на-

правленности: первая встреча в этом формате в марте 2020 г. была посвящена согласованию усилий по борьбе с пандемией (участие приняли представители Новой Зеландии, Южной Кореи и Вьетнама); вторая, в мае 2021 г., – обсуждению взаимопомощи в области вакцин против COVID-19 (участвовали представители Бразилии и Израиля, которые и вовсе трудно заподозрить в принадлежности к «свободному и открытому ИТР»). В 2021 г. в морских маневрах стран QUAD участвовали ВМФ Канады.

Соединённым Штатам наверняка не будет стоить больших усилий привлечь в формат QUAD+ своих союзников: Южную Корею, Новую Зеландию, возможно, Филиппины, – однако Вашингтон не идет на это, по всей вероятности, чтобы не вызвать раздражения у Индии, которая всё же стремится сохранить некоторую дистанцию от военно-политического союза с США. Эта позиция Дели – на сегодняшний день главный фактор, мешающий QUAD развиваться в полноценный военно-политический альянс, так что судьба его, по нашему мнению, целиком зависит сегодня от взаимоотношений Индии и Китая. В случае, если эти отношения будут развиваться позитивно в сторону стратегического партнерства, Индия не будет активно участвовать в развитии «Четырехстороннего диалога», который без ее участия теряет всякий смысл и влияние. Если же противоречия Индии и КНР разрешить не удастся, высока вероятность того, что формат QUAD может дрейфовать в сторону союза с подключением к его орбите других зависимых от США стран АТР. Членство Индии в QUAD и БРИКС, двух крупнейших объединениях «клубного типа», – яркое свидетельство сбалансированной внешней политики, которую пытается проводить Дели в условиях обостряю-

щегося противостояния между США, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой.

AUKUS

В отличие от QUAD, объединение трех англосаксонских стран – США, Австралии и Великобритании, – получившее название по первым буквам их названий, изначально создается как формализованный военный и, если точнее, военно-морской союз.

История этого союза, о создании которого было объявлено главами трех государств 15 сентября 2021 г., связана со скандалом, разразившимся между Францией и Австралией из-за срыва последней большого контракта на строительство подводных лодок. Французская компания *Naval Group* в 2016 г. заключила контракт с австралийским правительством на создание 16 современных подводных лодок для австралийского ВМФ. Стоимость контракта пересматривалась несколько раз и достигла к 2019 г. 56 млрд евро, сроки также постоянно сдвигались производителем. В результате возникли трения между французским и австралийским правительством, и последнее стало склоняться к разрыву сделки.

Происходившее одновременно ухудшение отношений между Австралией и Китаем оказало влияние на позицию австралийских властей, которые в 2021 г. начали негласные консультации с правительствами США и Великобритании о строительстве атомных подводных лодок, более мощных, чем лодки класса *Attack*, строившиеся *Naval Group*. В сентябре 2021 г. стороны достигли соглашения о том, что Австралия получит не менее восьми атомных подводных лодок от США, и контракт с французами был разорван, что вызвало громкий дипломатический скандал с отзывом послов

Франции из США и Австралии¹¹. Как и для Франции, для других союзников США создание AUKUS стало полной неожиданностью [Ермаков, 2022, с. 132].

Альянс AUKUS охватывает несколько важных сфер взаимодействия между участниками. Это не столько строительство подводных лодок (Австралия не получит их раньше 2036 г., так что пока это вопрос чисто теоретический), сколько координация вооруженных сил, генеральных штабов и специальных служб трех государств по вопросам киберразведки и кибербезопасности, квантовых технологий, подводного вооружения, средств радиоэлектронной борьбы, а также по обмену разведывательной и иной информацией. Это делает альянс в большей степени военным, нежели политическим – однако политическая координация между тремя странами и так налажена неплохо, Австралия и Великобритания действуют в полной мере в рамках внешнеполитической парадигмы США.

Альянс AUKUS является очевидным правопреемником союзов времен холодной войны – ANZUS (1951-1986 гг.) и ANZUK (1971-1975 гг.). Несколько удивило наблюдателей отсутствие в этом альянсе Новой Зеландии. Однако, согласно заявлениям официальных лиц этой страны, тщательно оберегающая свой безъядерный статус Новая Зеландия не проявляет желания непосредственно входить в союз, связанный с поставками атомных подводных лодок.

При этом присутствие в составе AUKUS Великобритании, напротив, представляется вполне логичным. Альянс трех морских держав охватывает практически весь мировой океан в связи с тем, что владения Великобритании, а значит, и точки базирования

ВМФ союзников расположены и в Индийском, и в Тихом океанах.

Основная критика союза со стороны как КНР, так и России, а также ряда стран АТР (сделку осудили в том числе Индонезия и Малайзия) заключается в нарушении его участниками принципа нераспространения ядерного оружия. Австралия, неядерная держава, в случае получения атомных подводных лодок де-факто спровоцирует таковую, что неизбежно спровоцирует Китай, и официальные лица КНР открыто заявляют об этом. Правительство КНР многократно резко реагировало на создание AUKUS, логично предполагая, что он создан прежде всего для сдерживания Китая. В то же время формально официальные лица стран-участников никак не подтверждают этого намерения. Более того, в состав альянса не входят союзники США, непосредственно близкие к границам Китая. Ни Япония, ни Южная Корея, ни Филиппины ни разу не участвовали ни в одном формате встреч AUKUS, хотя все три страны поддерживали его создание. Премьер Японии Синдзо Абэ даже выразил публичную надежду на более тесное сотрудничество между AUKUS и Японией, однако приглашения от альянса не последовало.

Это может свидетельствовать о том, что США заняли осторожную позицию по вопросу о создании реального военного союза в непосредственной близости от китайских морских границ. В то время как деятельность QUAD, «клубного союза», сосредоточена вблизи от КНР, «настоящий» военный альянс США создается вдалеке от Китая.

Представляется, что в среднесрочной перспективе альянс AUKUS не сыграет никакой значительной роли ни

11 France recalls its ambassadors to US and Australia in submarine deal backlash // Reuters. – 2021. – September 17. – URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210917-france-recalls-its-ambassadors-to-us-and-australia-in-submarine-deal-backlash> (дата обращения: 11.12.2022).

в выстраивании Соединёнными Штатами системы сдерживания Китая в АТР, ни в геополитическом и военном балансе в регионе. Три страны-участника договора и без *AUKUS* являлись союзниками, действовали в едином политическом фарватере, а о расширении союза за последний год не было сказано ни единого слова. Даже власти Канады воздерживаются от участия в его работе, официально объясняя это «отсутствием необходимости в атомных подводных лодках». В случае обострения ситуации в Тайваньском проливе альянс *AUKUS*, безусловно, будет способствовать вовлечению Великобритании и Австралии в прямое военное противостояние с КНР, однако их ресурсы в регионе не настолько велики, чтобы сыграть весомую роль в гипотетическом конфликте.

UKUSA, или союз «Пять глаз» (Five Eyes)

Разведывательный альянс «Пять глаз» считается одним из старейших союзов в области разведки и контрразведки. Он берет начало еще из структур взаимодействия между специальными службами стран-союзников во время Второй мировой войны и объединяет пять англосаксонских государств: США, Великобританию, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Из них первые два были основателями данного объединения, отсюда и более официальное название *UKUSA* («Соглашение Великобритании и Соединённых Штатов»).

Разумеется, включение *UKUSA* в данный анализ может быть лишь условным: альянс создан и функционирует для более широких целей, нежели

сдерживание Китая в АТР. В течение второй половины XX в. его цели были в основном направлены на противостояние с Советским Союзом. Однако начиная с 2018 г. «Пять глаз» начинают всё более внимательно смотреть на КНР. О деятельности союза активно заговорили в декабре 2018 г., когда канадские спецслужбы арестовали в аэропорту Ванкувера финансового директора китайской корпорации *Huawei* Мэн Ваньчжоу по обвинению в мошенничестве на территории США. Аналитики сочли этот случай началом прямого конфликта между КНР и альянсом «Пять глаз»¹².

Это предположение подтвердилось, когда спустя несколько месяцев американские и британские власти ввели масштабные санкции против компании *Huawei*, что ознаменовало собой длинную череду рестриктивных мер США против китайской технологической индустрии. Как можно судить, именно разведывательные структуры альянса «Пять глаз» отвечают за разработку указанных мер, играющих всё возрастающую роль в американо-китайском противостоянии, или по крайней мере за подбор материальной и документальной базы для американских технологических санкций.

Слабым звеном в союзе является Новая Зеландия. Обмен разведывательной информацией не вызывал никаких нареканий у правительства страны, однако переход «Пяти глаз» к конфронтации с КНР, которая является крупнейшим торговым партнером Новой Зеландии, серьезно беспокоит правительство страны. В апреле 2021 г. министр иностранных дел Новой Зеландии прямым текстом заявил, что Веллингтон не позволит альянсу препятствовать

12 How the 'Five Eyes' cooked up the campaign to kill Huawei // Sydney Morning Herald. – 2008. – December 13. – URL: <https://www.smh.com.au/business/companies/how-the-five-eyes-cooked-up-the-campaign-to-kill-huawei-20181213-p50m24.html> (дата обращения: 11.12.2022).

двусторонним отношениям с Китаем. В заявлении также говорилось, что расширение деятельности союза, то есть его фокус на противостояние с каким-либо иным государством, для Новой Зеландии крайне нежелателен. Впоследствии и глава правительства страны Дж. Ардерн подтвердила, что Новая Зеландия не позволит использовать свою инфраструктуру для иных целей, кроме обмена информацией с союзниками по *Five Eyes*.

Эти заявления свидетельствуют, что Новая Зеландия на сегодняшний день не готова присоединяться ни к какой инфраструктуре, направленной на сдерживание КНР, и планирует сохранять свой нейтральный политический статус в противостоянии США и Китая в АТР. Это важный вывод, который объясняет и неучастие страны в альянсах типа *AUKUS*.

И тем не менее США продолжают оказывать на Новую Зеландию давление в этом вопросе. В декабре 2021 г. министры иностранных дел стран альянса «Пять глаз» выпустили совместное заявление в защиту прав человека в Гонконге, критикуя действия Пекина по отношению к гонконгской оппозиции. Китайское правительство в ответ осудило вмешательство стран «пятерки» во внутренние дела КНР, причем в заявлении конкретно упоминался альянс «Пять глаз». Таким образом, Новую Зеландию всё же поставили в положение, когда она является участником антикитайского объединения, преследующего политические цели. Та же задача стоит, в частности, перед новым объединением «Партнерство в открытом Тихом океане» (*PBP*), созданным США в 2022 г.

«Партнерство в открытом Тихом океане»

2022 год уже ознаменовался рождением двух альянсов в АТР, сформированных напрямую по инициативе США. Оба они (см. параграф ниже) имеют ярко выраженную антикитайскую направленность.

В июне 2022 г. правительства пяти государств АТР: США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Японии – выпустили совместное заявление о формировании очередного объединения «клубного типа», не имеющего обязывающих договоренностей. Это объединение получило название «Партнерство в открытом Тихом океане» (*Partners in the Blue Pacific, PBP*)¹³.

Данная политическая инициатива имеет весьма определенную цель: она должна воспрепятствовать Китаю расширять свое влияние на островные государства Тихого океана, имеющие стратегическое значение в контексте обостряющегося противостояния между КНР и США.

Дипломатическая активность в регионе начала набирать обороты весной 2022 г. В апреле Китай объявил о подписании важного договора с Соломоновыми Островами, по которому обязался оказывать помощь в обеспечении внутренней безопасности островного государства. В американской и западной прессе договор был однозначно трактован как установление военного контроля Китая над Соломоновыми Островами, которые еще во время Второй мировой войны играли важную стратегическую роль для воюющих держав и их позиций в центральной части Океании.

¹³ Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). – 2022. – June 24. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/> (дата обращения: 11.12.2022).

И хотя как Китай, так и правительство Соломоновых Островов подчеркивали, что договор вовсе не предусматривает строительства военных баз КНР на территории страны, для США это событие стало триггером для активного формирования антикитайского союза на Тихом океане. Сделка между КНР и Соломоновыми Островами не могла не взволновать также Австралию и Новую Зеландию, традиционно опекающие целый ряд небольших островных государств Океании.

Еще через месяц, в мае 2022 г., в американской прессе появилась информация о том, что Китай готовит пакт с десятью государствами Океании, предусматривающий помощь последним со стороны КНР в области обеспечения безопасности, тренировки полицейских сил и рыболовства. И хотя эта информация не была подтверждена официально, в распоряжении *Associated Press* даже якобы находился проект такого соглашения¹⁴.

Безусловно, активизация экономической и внешнеполитической деятельности КНР в Тихом океане на сегодняшний день очевидна. Китай активно и вполне успешно привлекает островные государства к сотрудничеству в рамках своей глобальной инициативы «Один пояс – один путь» и уже объявлял о совместных проектах с Самоа, Вануату и даже Островами Кука, государством, ассоциированным с Великобританией. В прессе в течение последнего времени фигурировали слухи о переговорах по созданию военной инфраструктуры Китая на островах Фиджи и Кирибати, в Папуа – Новой

Гвинее и Вануату. А учитывая, что из стран Океании лишь несколько имеют постоянно действующие вооруженные силы (это Папуа – Новая Гвинея, Фиджи и Тонга) [Gray, 2022], помощь Китая в области обеспечения безопасности может быть вполне востребована правительствами многочисленных государств региона.

Этим и вызвано формирование объединения *PBP*. В заявлении о создании альянса указывалось, что его участники-основатели объединяются для поддержки государств – участников Форума тихоокеанских островов (*Pacific Islands Forum*), для инвестиций в указанные государства и расширение их возможностей взаимодействия с внешним миром¹⁵. Разумеется, об антикитайской направленности объединения не упоминалось, однако его логика вполне прослеживается.

В сентябре 2022 г. в Вашингтоне состоялась встреча министров иностранных дел участников *PBP*, а сразу за ней – встреча президента США Дж. Байдена с главами правительств государств Океании (присутствовали премьер-министры девяти независимых государств, трех зависимых территорий, а также представители Вануату, Науру и членов объединения *PBP* – Австралии и Новой Зеландии). На саммите вновь были сформулированы основные цели объединения, которое, согласно словам Дж. Байдена, не будет иметь политической или военной направленности, однако будет служить для развития экономического сотрудничества, инвестиций, борьбы с климатическими изменениями и повышения

14 China wants 10 Pacific nations to endorse sweeping agreement // Associated Press. – 2022. – May 26. – URL: <https://apnews.com/article/wang-yi-beijing-china-new-zealand-96f78c97071116055ebc3e7c216a0ef8> (дата обращения: 11.12.2022).

15 Joint Statement on Partners in the Blue Pacific Foreign Ministers Meeting. – 2022. – September 22. – URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-partners-in-the-blue-pacific-foreign-ministers-meeting/#:~:text=Australia%2C%20Japan%2C%20New%20Zealand%2C%20the%20United%20Kingdom%2C%20and,Partners%20in%20the%20Blue%20Pacific> (дата обращения: 11.12.2022).

уровня жизни жителей тихоокеанских островов¹⁶.

Тем не менее нельзя исключать, что инициатива, пока не носящая никакого обязывающего характера, является основой для создания нового политического союза между США, их союзниками и государствами Океании, с возможным военным компонентом. Инвестиции в инфраструктуру и экономику государств Тихого океана будут неизбежно использованы как рычаг для вытеснения КНР из их экономики. Следовательно, инициативы Пекина по поддержке государств Океании в сфере безопасности будут поставлены под вопрос. В среде аналитиков остается мало сомнений, что в ближайшие годы развернется острая конкуренция между США и Китаем за экономическое и политическое влияние на тихоокеанские государства, так что, вероятно, создаваемые обеими сторонами многосторонние инициативы будут всё более обретать характер военно-политических союзов. Эта участь наверняка ждёт и *PBP*, которая может превратиться в аналог *QUAD+* в Океании.

CHIP 4

Еще одной инициативой 2022 г. в области сдерживания Китая среди союзников США стало объявление о предполагаемом создании технологического союза в области производства и поставок полупроводников (чипов) между США, Японией, Южной Кореей и Тайванем.

Эта инициатива интересна сразу в нескольких отношениях. Во-первых,

CHIP 4 не имеет политического измерения и касается исключительно экономических и технологических аспектов взаимодействия участников. Во-вторых, она напрямую включает Тайвань – государство, не имеющее официальных дипломатических отношений с тремя остальными участниками альянса и признанное всеми ими частью «одного Китая». И наконец, в-третьих, антикитайская направленность инициативы не вызывает никаких сомнений и открыто декларируется ее участниками. Таким образом, впервые Тайвань становится участником явно антикитайского по своей сути и форме альянса, пусть пока и технологического.

Первые заявления о планируемом создании объединения в сфере цепочки поставок полупроводников прозвучали в марте 2022 г., в частности, в газете *South China Morning Post*¹⁷. Инициатива создания альянса исходила от США, стремящихся обезопасить свой рынок от поставок полупроводников из КНР. Цепочка поставок этого важнейшего компонента электроники испытала серьезные нагрузки в период пандемии, и США озаботились вопросом о том, каким образом минимизировать риски зависимости от Китая в столь важной сфере, напрямую влияющей и на военную, и на космическую промышленность.

Страны *CHIP 4* действительно обладают всеми компонентами мировой цепочки производства и поставки полупроводников. Дизайн и патенты обеспечиваются в основном американской индустрией. Тайваньские гиганты *TSMC* и *UMC* производят около 60%

¹⁶ Joe Biden Endorses 'Free and Open' Indo-Pacific after Key Pacific Islands Summit // Republic World. – 2022. October 2. – URL: <https://www.republicworld.com/world-news/us-news/joe-biden-endorses-free-and-open-indo-pacific-after-key-pacific-islands-summit-articleshow.html> (дата обращения: 11.12.2022).

¹⁷ US-China tech war: Washington said to eye chip alliance with Japan, South Korea, Taiwan to squeeze China // South China Morning Post. – 2022. – March 30. – URL: <https://www.scmp.com/tech/trends/article/3172418/us-china-tech-war-washington-said-eye-chip-alliance-japan-south> (дата обращения: 11.12.2022).

мирового объема полупроводников, а компании *Foxconn*, *Winstron* и другие лидируют в сфере маркировки, тестирования и упаковки чипов. Южная Корея представлена на мировом рынке таким гигантом, как *Samsung* с его мощностями как в области дизайна, так и производства полупроводников. Наконец, Япония производит некоторые критически важные материалы и оборудование для индустрии, например фоторезисторы. Таким образом, казалось бы, четыре страны в случае объединения усилий вполне могут развить самодостаточную цепочку производства и поставки столь ценного элемента современной технологичной экономики.

Однако слабые звенья обнаружились и в этом союзе. Южная Корея изначально настороженно отнеслась к идее противостояния с Китаем, на территории которого находятся основные производственные мощности корейских производителей чипов. В августе 2022 г. президент республики заявил, что Южная Корея не планирует вступать в противоборство с КНР. Страна опасается ответных санкций со стороны Китая, которые нанесут удар и по самой китайской экономике, однако могут серьезно сказаться на промышленности Южной Кореи. В итоге страна с большой осторожностью будет следовать пожеланиям США в этом вопросе.

Серьезный урон понесет и экономика других участников объединения, в том числе самих Соединённых Штатов, в случае, если они попытаются исключить КНР из мирового рынка полупроводников. Дело в том, что именно Китай сегодня является крупнейшим экономическим и торговым партнером всех четырех участников *CHIP 4*, а также крупнейшим мировым потребителем полупроводников. В 2021 г. КНР импортировала этой продукции на 350 млрд долларов, причем основны-

ми поставщиками были именно США и Южная Корея. Китайский рынок потребляет 70% мирового объема продаж ноутбуков и 80% – мобильных телефонов [Gargeyas, 2022]. Как Южная Корея, так и Тайвань, и США инвестировали десятки миллиардов долларов в создание производственных мощностей на территории КНР. Эти цифры свидетельствуют о том, что по крайней мере в краткосрочной перспективе участникам *CHIP 4* никак не удастся исключить Китай из мировой цепочки поставок чипов без гигантского ущерба для своих собственных экономик.

Пока же США действуют в этой сфере в одностороннем порядке. В октябре 2022 г. Вашингтон объявил о введении ограничений на поставки полупроводников и оборудования для производства микросхем в Китай. Цель этой нашумевшей и весьма продуманной акции – усложнить доступ Пекина к ключевым технологиям, необходимым в самых разных секторах экономики. Одно из указаний Министерства торговли США запрещает поставку продукции широкого спектра товаров, произведенных в Америке с использованием американских технологий, 28 китайским компаниям. Тем не менее подключить к этому фронту борьбы с КНР своих союзников у США пока не получается, и альянс *CHIP 4*, по всей вероятности, в ближайшее время скорее останется площадкой для координации намерений, нежели превратится в полноценный инструмент совместных действий против Китая.

Выводы

Мы рассмотрели актуальное состояние и ближайшие перспективы пяти основных межгосударственных объединений, при помощи которых США планирует выстраивать свою стратегию сдерживания Китая в акваториях

Индийского и Тихого океанов. Разумеется, этим усилия США по созданию «санитарного» кордона по периметру китайских морских границ и контролю морских торговых путей в обоих океанах не ограничиваются. Вашингтон ведет гораздо более интенсивную работу в двустороннем формате с такими государствами, как Индия, Вьетнам, Филиппины, Индонезия, не говоря уже об углублении военно-политического сотрудничества со своими ближайшими союзниками в регионе, прежде всего с Японией и Южной Кореей. Помимо этого, с 2022 г. резко активизируется военно-техническое взаимодействие с Тайванем, который США в ближайшее время будут превращать в непотопляемый авианосец при помощи массированных поставок вооружений, военной техники и технологий, обучения вооруженных сил.

Тем не менее задача формирования в Индо-Тихоокеанском регионе аналога Евроатлантического военно-политического пространства Соединёнными Штатами пока не реализована и вряд ли будет реализована в краткосрочной перспективе. Наиболее вероятным прообразом полноценного военно-политического альянса является формат QUAD+, в состав которого могли бы уже в ближайшем будущем войти Южная Корея, Филиппины, Сингапур и ряд других стран, политически близких США. Однако эта идея на сегодняшний день нереализуема, в первую очередь из-за позиции Индии, не желающей вовлекаться в орбиту прямых союзнических отношений с США. Но для сохранения «Индо-Тихоокеанского» формата союза наличие Индии в американской системе союзов необходимо.

Другие рассмотренные выше объединения на сегодняшний день реша-

ют довольно ситуативные, прикладные задачи в отдельных регионах или областях сотрудничества и не могут являться основой для полноценного военно-политического блока, сравнимого с НАТО¹⁸. Легко видеть, что все они в совокупности не представляют собой логичной системы альянсов ни с точки зрения регионального охвата, ни с точки зрения наполнения.

Ситуация может резко измениться в случае перехода ситуации в Тайваньском проливе. Весьма вероятно, что в случае выбора Пекином военного решения для воссоединения страны целый ряд государств как Южной, так и Юго-Восточной Азии воспримет это как резкое повышение политического риска. Ощущение опасности, исходящей от Пекина, вполне может подтолкнуть многие государства АТР в сторону более тесного сотрудничества с США. Это особенно важно понимать, учитывая наличие территориальных споров между КНР и практически всеми его соседями на Востоке, Юге и Юго-Западе, включая Японию, Филиппины, Вьетнам, Бутан и Индию.

Представляется, что действия США по нагнетанию напряженности во взаимоотношениях КНР и Тайваня, провоцированию Китая применить военную силу или усилить военное давление на Тайвань имеют целью именно это.

Список литературы

Батюк В.И. Индо-Тихоокеанская стратегия США и Евразия // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 1. – С. 135–153. – DOI: 10.31249/ape/2021.01.06.

Гарусова Л.Н. Треугольник «Россия – Индия – США» в Индо-Тихоокеанском геополитическом пространстве // Азиатско-тихоокеанские исследования: со-

18 Беляев Д. Друзья в квадрате. Может ли QUAD стать азиатским НАТО // ТАСС. – 2020. – November 30. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10116857> (дата обращения: 11.12.2022).

циум, культура, политика: сборник материалов. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2019. – С. 54–55.

Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Том 10, № 5. – С. 83–98. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98.

Ермаков С.М. Влияние AUKUS на систему международной безопасности // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 1 (70). – С. 130–152. – DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_130.

Заболотский А.В. О геополитических и экономических причинах создания AUKUS // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 9. – С. 167–172. – DOI: 10.31857/S032150750012175-4.

Кадочников П.А., Стапран Н.В. Транстихоокеанское партнерство: основные обязательства участников и последствия для международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 2. – С. 21–31.

Петровский В.Е. Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» как попытка переформатирования региона // Аналитические записки ИКСА РАН. – 2022. – № 1. – С. 52–56.

Полякова Н.В., Шеметова Ю.Н. QUAD в Индо-Тихоокеанской стратегии США // Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории / под ред. А.А. Маркова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 74–79.

Худайкулова А.В., Рамич М.С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. – 2020. –

№ 3. – С. 23–43. – DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03.

Юнюшкина А.С., Шаповалова К.А., Каткова Е.Ю. Торговая война США с Китаем как попытка вернуть глобальное лидерство // Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 55–68. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.2.35748.

Bell M., Quek K. Authoritarian Public Opinion and the Democratic Peace // International Organization. – 2017. – Vol. 72, N 1. – P. 227–242.

Benner T. An Era of Authoritarian Influence? // Foreign Affairs. – 2017. – September 15. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-09-15/era-authoritarian-influence> (дата обращения: 15.09.2017).

Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. – 2011. – URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/america-pacific-century/> (дата обращения: 25.03.2020).

Davidson J. The U.S. Pivot to Asia // American Journal of Chinese Studies. – 2014. – Vol. 21, June (special issue). – P. 77–82.

Gargeyas A. The Chip 4 Alliance Might Work on Paper, But Problems Will Persist // The Diplomat. – 2022. – URL: <https://thediplomat.com/2022/08/the-chip4-alliance-might-work-on-paper-but-problems-will-persist/> (дата обращения: 25.08.2022).

Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. – Princeton University Press, 2001. – 440 p.

Gray A. Guarding the Pacific: how Washington can counter China in the Solomons and beyond // War on Rocks. National Security. – 2022. – URL: <https://warontherocks.com/2022/09/guarding-the-pacific-how-washington-can-counter-china-in-the-solomons-and-beyond/> (дата обращения: 30.09.2022).

Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans. – Berlin : Vowinckel, 1924. – 339 S.

Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – Berlin, Grünewald : Kurt Vowinckel, 1928. – 349 S.

Haushofer K. Deutsche Kulturpolitik im Indo-pazifischen Raum. – Hamburg : Hoffmann und Campe, 1939. – 287 S.

Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // Strategic Analysis. – 2007. – Vol. 31, N 1. – P. 139–153.

Larson D.W. The Return of Containment: What the Cold War policy means for our current moment // Foreign Policy. – 2021. – January 15. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/15/containment-russia-china-kennan-today/> (дата обращения: 15.01.2021).

Li H. The “Indo-Pacific”: Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts // Modern Intellectual History. – 2021. – Vol. 19, N 3. – P. 1–27.

Navarro P., Autry G. Death by China: Confronting the Dragon – a Global Call to Action. – Pearson Education, 2011. – 320 p.

O’Brien R. President Trump on China: Putting America First. A collection of speeches laying out the most significant United States foreign policy shift in a generation. – Washington : National Security Council Archives, 2020. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/11/Trump-on-China-Putting-America-First.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

Tellis A. Balancing Without Containment: An American Strategy for Managing China. – Carnegie Endowment for International Peace, 2014. – URL: <https://carnegieendowment.org/2014/01/22/balancing-without-containment-american-strategy-for-managing-china-pub-54273> (дата обращения: 22.01.2014).

Wanli Y. Breaking the cycle?: Sino-US relations under George W. Bush Administration // The National Institute for Defense Studies. Japan. – 2020. – URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series3/pdf/3-4.pdf (дата обращения: 11.12.2022).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.06

“All the Indo-Pacific Men”: The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific

Kirill V. BABAEV

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117218

E-mail: kbabaev@iccaras.ru

ORCID: 0000-0001-5731-8667

CITATION: Babaev K.V. (2023). “All the Indo-Pacific Men”: The System of US Political and Military Pacts in the Indian Ocean and Asia Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 107–127 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.01.06

Received: 02.11.2022.

Revised: 12.12.2022.

ABSTRACT. *The article aims at summarising the brief history and the current status of development of multilateral military, political and economic initiatives of the USA in the Indian and the Pacific oceans which target at containing the expansion of China and its growing economic and military power. An attempt is made to analyse these initiatives and alliances as a system, even though they may seem controversial at times, strategically heterogeneous and chaotic.*

The paper also attempts to evaluate the opportunities for the USA and their allies in the region to further strengthen these initiatives in the context of a sharp rise of tensions between the US and China in 2022 around the problem of Taiwan. This political clash instigated by Washington in the summer of 2022 is often regarded as a potential threat of a military conflict, so it is important to estimate to which extent the US-formed mechanisms of political

and defense cooperation in the region have a potential for the solution of purposes of the USA in case of a “hot” stage of the Taiwan crisis.

KEYWORDS: *Asia Pacific, Indo-Pacific, US-China trade war, AUKUS, QUAD, containment of China, Five Eyes, CHIP4, Partnership in the Blue Pacific, Taiwan crisis.*

References

Batiuk V.I. (2021). US Indo-Pacific Strategy and Eurasia. *Current Problems of Europe*. No. 1, pp. 135-153 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2021.01.06.

Bell M., Quek K. (2017). Authoritarian Public Opinion and the Democratic Peace. *International Organization*. Vol. 72, no. 1, pp. 227-242.

Benner T. (2017). An Era of Authoritarian Influence? *Foreign Affairs*.

September 15. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-09-15/era-authoritarian-influence>, accessed 15.09.2017.

Clinton H. (2011). America's Pacific Century. *Foreign Policy*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/>, accessed 25.03.2020.

Davidson J. (2014). The U.S. «Pivot to Asia». *American Journal of Chinese Studies*. Vol. 21, June (special issue), pp. 77-82.

Denisov I.E. (2017). Chinese foreign policy under Xi Jinping: continuity and innovation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 10, no. 5, pp. 83-98 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98.

Ermakov S.M. (2022). Aukus's influence on the system of international security. *Problemy natsional'noi strategii*. No. 1 (70), pp. 130-152 (in Russian). DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_130.

Gargeyas A. (2022). The Chip 4 Alliance Might Work on Paper, But Problems Will Persist. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2022/08/the-chip4-alliance-might-work-on-paper-but-problems-will-persist/>, accessed 25.08.2022.

Garusova L.N. (2019). The triangle "Russia-India-USA" in the Indo-Pacific geopolitical space. *Asia-Pacific studies: society, culture, politics: a collection of materials*. Vladivostok: Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet, pp. 54-55 (in Russian).

Gilpin R. (2001). *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton University Press, 440 pp.

Gray A. (2022). Guarding the Pacific: how Washington can counter China in the Solomons and beyond. *War on Rocks. National Security*. Available at: <https://warontherocks.com/2022/09/guarding-the-pacific-how-washington-can-counter-china-in-the-solomons-and-beyond/>, accessed 30.09.2022.

Haushofer K. (1924). *Geopolitics of the Pacific Ocean* [Geopolitik des Pazifischen Ozeans]. Berlin: Vowinckel, 339 pp. (in German).

Haushofer K. (1928). *Building Blocks for Geopolitics* [Bausteine zur Geopolitik]. Berlin – Grunewald: Kurt Vowinckel, 349 pp. (in German).

Haushofer K. (1939). *German Cultural Policy in the Indo-Pacific Area* [Deutsche Kulturpolitik im Indo-pazifischen Raum]. Hamburg: Hoffmann und Campe, 287 pp. (in German).

Hudaikulova A.V., Ramich M.S. (2020). "Quad 2.0": A quadrilateral dialogue to counterbalance the PRC in the Indo-Pacific region. *Polis. Politicheskoe issledovaniia*. No. 3, pp. 23-43 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03.

Kadochnikov P.A., Stapran N.V. (2016). Transpacific partnership: the main obligations of participants and a consequence for international trade. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 2, pp. 21-31 (in Russian).

Khurana G.S. (2007). Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation. *Strategic Analysis*. Vol. 31, no. 1, pp. 139-153.

Larson D.W. (2021). The Return of Containment: What the Cold War policy means for our current moment. *Foreign Policy*. January 15. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/01/15/containment-russia-china-kennan-today/>, accessed 15.01.2021.

Li H. (2021). The "Indo-Pacific": Intellectual Origins and International Visions in Global Contexts. *Modern Intellectual History*. Vol. 19, no. 3, pp. 1-27.

Navarro P., Autry G. (2011). *Death by China: Confronting the Dragon – a Global Call to Action*. Pearson Education, 320 pp.

O'Brien R. (2020). *President Trump on China: Putting America First. A collection of speeches laying out the most significant United States foreign policy shift in a generation*. Washington: National Security

Council Archives. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/11/Trump-on-China-Putting-America-First.pdf>, accessed 11.12.2022.

Petrovskii V.E. (2022). The concept of the “Indo-Pacific region” as an attempt to reform the region. *Analytical notes of the ICCA RAS*. No. 1, pp. 52-56 (in Russian).

Poliakova N.V., Hemetova U.N. (2022). Quad in the USA Indo-Pacific Strategy. *Collection of articles by the Department of International Relations, Media Studies, Political Science and History*. Pp. 74-79 (in Russian).

Tellis A. (2014). *Balancing Without Containment: An American Strategy for Managing China*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://carnegieendowment.org/2014/01/22/balancing-without-containment-american-strat->

[egy-for-managing-china-pub-54273](https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/11/Trump-on-China-Putting-America-First.pdf), accessed 22.01.2014.

Uniushkina A.S., Shapovalova K.A., Katkova E.U. (2021). The USA trade war with China as an attempt to regain global leadership. *Mezhdunarodnye otnosheniia*. No. 2, pp. 55-68 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0641.2021.2.35748.

Wanli Y. (2020). *Breaking the cycle? Sino-US relations under George W. Bush Administration*. The National Institute for Defense Studies, Japan. Available at: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/joint_research/series3/pdf/3-4.pdf, accessed 11.12.2022.

Zabolotskiy A.V. (2020). Scientific-industrial cooperation with China: Analysis of models and forms of interaction. *Asia and Africa Today*. No. 11, pp. 4-10 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750012175-4.

УДК 332.1 (510)

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07

Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации

Денис Борисович КАЛАШНИКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики

МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

Ирина Борисовна МИТРОФАНОВА

кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета

международных отношений

МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: i.mitrofanova@inno.mgimo.ru

ORCID: NA

ЦИТИРОВАНИЕ: Калашников Д.Б., Митрофанова И.Б. Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 128–146. DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07

Статья поступила в редакцию 30.11.2022.

Исправленный текст представлен 07.02.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье показано, как различные подходы к развитию регионов помогают ускорить и повысить эффективность модернизации экономики Китая. Выводы авторов опираются на анализ динамики показателей промышленного развития и постиндустриализации регионов Китая на макро- и микроотраслевом уровнях, а также официальных планов территориального развития. Установлено, что Китай проводит два вида региональной промышленной политики. На макроотраслевом уровне политика резко изменилась. С начала реформ, в период активной фазы индустриализации, который китайским руковод-

ством виделся как временный этап модернизации, развивались отдельные города и ареалы там, где это можно было сделать максимально дешево и быстро, с привлечением сотен миллионов трудовых мигрантов. Переход в 2010-е годы к построению постиндустриального зажиточного общества потребовал развития системы городов как основы потребительского спроса и промышленности как основы большинства отраслей сферы услуг одновременно во всех регионах страны. Создано доступное для жителей и бизнеса всех регионов информационно-коммуникационное пространство. На микроотраслевом уровне региональная политика осталась

прежней – каждая местность имеет уникальную промышленную или сервисную специализацию и интегрирована в цепочки китайского разделения труда. Это называется «блочной экономикой» из тысяч узкоспециализированных кластеров, в каждом из которых многочисленные предприятия производят узкую линейку однотипной продукции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, индустриализация, постиндустриализация, модернизация, региональная политика, кластеры, пространственное планирование.

Введение

Китай объявил о начале нового этапа – опережающего (а не догоняющего) развития в 2021–2049 гг.¹ Цель исследования – выявить: 1) какие изменения происходят в региональном развитии Китая в связи с переходом к новому этапу модернизации экономики, 2) какой вклад региональная политика вносит в эффективность реформ, 3) какие территориальные дисбалансы скрываются за позитивной динамикой статистических показателей роста китайской экономики в целом, 4) равномерно, одновременно и одинаково ли КНР развивает свои регионы. Китай, судя по макроэкономическим показателям, поочередно проходит новые стадии роста. Но на каких стадиях роста находятся отдельные его провинции, можно ли строить в государстве цифровое общество знаний поочередно, отдельными городами и территориями? Несмотря на «внутренний» характер этих вопросов, ответы на них помогут понять новые факторы международной

конкурентоспособности экономики Китая и обоснованность его планов достижения мирового технологического и экономического лидерства к 2049 г.

Процедура исследования включает анализ структуры ВВП и занятости КНР, а также структуры валового регионального продукта ее регионов на макро-, мезо- и микроотраслевом уровнях. Также в региональном разрезе проанализированы динамика зарплат и потребления, производства основных видов промышленной продукции, количества промышленных предприятий и организаций сферы услуг по видам деятельности, объем финансовых и страховых услуг. Также проведен анализ ключевых показателей, позволяющих измерить ход процесса постиндустриализации в регионах, таких как количество пользователей Интернета и мобильной связи, обладателей компьютеров и смартфонов, трафик мобильного Интернета, объем и доля интернет-продаж и предприятий, их использующих, расходы на науку и образование, количество ученых и студентов.

В каждой группе показателей проанализированы изменения удельного веса регионов, проведено их сравнение с весом регионов в населении и ВВП страны, а также скорость роста показателей по сравнению со средними по Китаю значениями. Если не указан иной источник, данные по Китаю и его регионам взяты с сайта Национального бюро статистики КНР².

Исследование опирается на теории модернизации, стадий экономического роста и новой экономической географии. В отечественной и зарубежной науке нет однозначного определения

1 National Development and Reform Commission. Четырнадцатый пятилетний план социально-экономического развития КНР и долгосрочные цели на 2035 год. – Кит. яз. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/ghwb/202103/t20210323_1270124.html?code=&state=123 (дата обращения: 12.10.2022).

2 URL: <https://data.stats.gov.cn> (дата обращения: 10.10.2022).

термина «региональная политика» и направлений ее исследования [Региональная..., 2015]. В статье под регионами понимаются административно-территориальные единицы (АТЕ) Китая, и применительно к цели исследования под региональным развитием понимается совершенствование отраслевой структуры хозяйства и постиндустриальной инфраструктуры регионов. Соответственно, под региональной промышленной политикой понимается совокупность действий органов власти, влияющих на указанный процесс. В статье не рассматриваются Тайвань, Гонконг и Макао, так как они являются суверенными экономиками со своими валютами и законодательством, и экономическая статистика КНР рассматривает их как зарубежье.

Современные исследования размещения хозяйства Китая

По мнению китайских ученых, полноценная модернизация развивающейся страны делится на два этапа – индустриализацию и постиндустриализацию, или этапы имитационного и инновационного развития [He, 2012]. При этом вершиной этапа индустриализации является овладение критическим количеством ключевых на данный момент времени макротехнологий, создание на их основе комплекса современных отраслей производства и приобретение национального промышленного суверенитета. Это дает возможность повысить добавленную стоимость выпускаемой продукции, что позволяет решить проблему бедности. На этапе постиндустриализации главными показателями становятся развитие информационно-коммуни-

кационной среды, внедрение интернет-технологий в промышленность и сельское хозяйство, развитие человеческого капитала [Chung, 2017].

Китайские экономисты отмечают важность проблемы очередности освоения регионов и их специализации, адаптируют современный опыт территориального планирования развитых стран [Zhang, Xia, 2019]. Региональное неравенство и размещение отраслей хозяйства остаются доминирующими вопросами в китайской экономической географии, получающей заказы и финансирование от государственных учреждений, которые оказывают значительное влияние на формирование региональной политики в Китае как на национальном, так и на региональном уровне [Liu, Song, Liu, 2016]. Большое внимание уделяется новой специализации старых промышленных зон [Hu, Hassink, 2017], особенно в связи с хозяйственным освоением новых районов [He, Pan, Chen, 2016].

Установлено, что изменение отраслевой структуры экономики является одним из основных факторов экономического роста, особенно в развивающихся странах. При этом разрыв в макроотраслевой структуре хозяйств регионов становится сдерживающим фактором для дальнейшего развития экономики страны в целом³. Несбалансированное региональное развитие препятствует реализации инновационной стратегии Китая [Chen, Liu, Ma, 2017], и поэтому многие ТНК и исследователи часто ошибочно рассматривают весь Китай как одну монолитную страну [Li, Tellis, 2016].

Для перехода к постиндустриальному обществу обязательно, но недостаточно иметь передовые технологии

3 Сюй Цзяньвэй, Хун Цюньлянь. Содействовать «интеграции двух отраслей», чтобы придать новый импульс качественному развитию. – Кит. яз. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/ztzl/rhsdjy/fz/cwjjjd/202012/t20201218_1254988.html (дата обращения: 10.10.2022).

и образованное население. Более сложной задачей является обеспечение возможности получать адекватную отдачу от человеческого капитала и развивать потребление. Доказано, что развитие телекоммуникационных и облачных технологий, обеспечение дешевого доступа к высокоскоростному Интернету и мобильных платежей на территории всей страны создают новые возможности для бизнеса и покупателей, то есть создают новые рынки постиндустриальных услуг с высокой добавленной стоимостью, которые не возникли бы при прочих равных условиях [Yin, Xue, Guo, 2019].

В Китае уверены в стратегической необходимости использования правительством региональной политики размещения хозяйства, без которой невозможно избежать «ловушки среднего дохода» [Lin, Wang, 2020]. При этом особой популярностью пользуются идеи «экономики агломерации» и кластеров, которые во многом обеспечили современную международную конкурентоспособность стран развитого капитализма, в которых пространственно сконцентрированные сети преимущественно малых и средних предприятий используют гибкие технологии производства и обширные местные межфирменные связи [Harrison, 1992; Otsuka, 2006].

По Майклу Портеру, под кластером понимается географическая концентрация взаимосвязанных компаний и институтов определенной отрасли. На примере капиталистических стран было показано, что правительство играет новую важную роль в конкурентоспособности национальных кластеров – обеспечивает их высококвалифицированными кадрами, инфраструктурой, установлением правил конкуренции, направлением бизнеса на предоставление общественных благ и развитие новейших отраслей [Porter, 1998].

Сам факт расположения компаний отрасли рядом друг с другом повышает производительность каждой отдельной фирмы [Porter, 2003], это же подтверждается эмпирическими исследованиями в Китае [Zhu, He, Xia, 2019], выявившими эффект «экономии от локализации» [Entrepreneurship..., 2019]. К преимуществам кластеров относят быстрый информационный обмен знаниями, новостями индустрии, сведениями о репутации поставщиков и платежеспособности покупателей; ускоренное внедрение технологий и нового оборудования; общий рынок квалифицированного труда, повышение эффективности труда (работники имеют множество вариантов трудоустройства и не боятся проявлять инициативу); удобство посещения клиентами отраслевых выставок; огромные резервные мощности (если предприятие загружено заказами, оно не отказывается от новых и выполняет их субподрядом у соседей-конкурентов); координация ценовой политики [Gilbert, 2020].

Кластеры конечной продукции часто возникают рядом с кластерами производителей промежуточной продукции. И те и другие получают дополнительные выгоды от снижения транспортных затрат и большего рынка, или эффекта масштаба [Maskell, 2001]. Отдельно отметим, что для получения максимального эффекта от кластеров часто требуется большая концентрация производства, чем имеющиеся в данном районе ресурсы, например, трудовые. Поэтому принципиальную значимость приобретает мобильность трудовых ресурсов страны [Venables, 1996].

Большое внимание уделяется разработке и применению комбинированных индексов географической концентрации [Liu, 2014]. Эмпирически установлено, что развитие связи, вопреки ожиданиям, способствует усилению геогра-

фической концентрации отраслей, в том числе сферы услуг [Hong, Fu, 2011].

В менее развитых странах кластерные сети обычно создаются на основе аутсорсинговых отношений с компаниями из развитых стран. Экспортно-ориентированные отрасли имеют более высокую степень агломерации, чем другие [Ge, 2009], географически агломерированные отрасли особенно привлекательны для иностранных инвестиций [He, 2008]. Однако анализ данных предприятий электронной промышленности Китая показывает, что иностранные ТНК не способствуют развитию национальных кластеров [Yang, Huang, 2018]. А в отраслях, связанных с национальной безопасностью, например телекоммуникационной, правительству приходится создавать кластеры, преодолевая ограничения, накладываемые западными ТНК [Ai, Wu, 2017]. Таким образом, в Китае не происходит соагломерации иностранных и национальных предприятий, их схемы размещения различаются [He, Wang, 2010].

При этом в сфере телекоммуникаций большинство фирм Китая получили свои основные технологии за счет внутренних НИОКР и не проявляют интереса к сотрудничеству на основе знаний и технологий с другими фирмами в том же кластере [Wang, Lin, Li, 2010].

В Китае государственные пятилетние планы уточняются на провинциальном и местном (города и уезды) уровнях, однако, по мнению китайских ученых, до недавнего времени не использовались все возможности воздействия территориального планирования на модернизацию экономики. Работа созданной недавно «унифицированной системы долгосрочного национального территориально-пространственного планиро-

вания» сталкивается с серьезными проблемами законодательства и конфликта интересов на местах, частыми корректировками планов, что по-прежнему приводит к дисбалансам в уровне развития регионов, нерациональному использованию ресурсов и экологическим проблемам [Liu, Zhou, 2021].

Однако одной из главных задач, над которой работают китайские экономисты в рамках данной системы, является инновационный переход от отдельных «многоотраслевых» планов к единому «интеграционному» плану, представляющему всю экономику в виде связанных производственных цепочек [Углубленный..., 2020]. В рамках новой системы территориального планирования китайские ученые активно разрабатывают концепции создания и размещения связанных кластеров [Development..., 2018]. Информация о планах развития отраслей хозяйства на территории каждого региона КНР имеется на официальных сайтах Национального комитета по развитию и реформам⁴, НИИ перспективных отраслевых исследований⁵ и НИИ городского и сельского планирования и дизайна⁶.

При этом ряд ученых предостерегают от использования такого компьютерно-математического подхода к созданию и развитию кластеров и специализированных городов. Они доказывают, что без учета исторических и культурных особенностей провинций Китая, когда в центре планирования оказывается «место», а не проживающие там люди, реализация программы не приведет к ожидаемым результатам [Hu, Xu, Miao, 2021].

Отечественное китаеведение уделяет большое внимание вопросам регионального развития Китая. Так, в моно-

4 URL: <https://www.ndrc.gov.cn> (дата обращения: 10.10.2022).

5 URL: <https://f.qianzhan.com> (дата обращения: 10.10.2022).

6 URL: <http://www.chanyeguihua.com> (дата обращения: 10.10.2022).

графии Л. Кондрашовой и Н. Корнейчук детально исследованы факторы и проблемы трех основных концепций региональной экономической политики, осуществлявшихся на практике от момента создания КНР до первых десятилетий реформ [Кондрашова, Корнейчук, 1998]: первой – единого внутрикитайского разделения труда, специализации и кооперирования производства на основе теоретических наработок советских ученых; второй, с конца 1950-х годов, – равномерного размещения производства, создания дублирующих автономных промышленных комплексов, что снижало экономическую эффективность, но должно было обеспечить выживание экономики КНР в случае военного захвата приграничных или приморских территорий; третьей, с началом реформ, – ускоренного развития приморского пояса, то есть сознательного усиления неравномерности уровня социально-экономического развития отдельных регионов на определенное время.

Доказаны большое значение политики выравнивания социально-экономических дисбалансов отдельных регионов для успешного экономического развития Китая и России и, соответственно, большая ответственность органов власти за ее разработку и осуществление [Макеева, 2021]. Выбор концепции регионального развития Китая и ее корректировка в ответ на внутренние и внешние вызовы сопровождаются научными дискуссиями, рассмотрением альтернативных вариантов [Лесцов, 2019]. В преддверии нового этапа развития КНР остро стоит проблема переосмысления достижений и провалов региональной политики предыдущих лет [Чубаров, 2020].

В 2015 г. отечественные синологи подготовили объемное исследование «КНР: экономика регионов», где представлены детальные социально-эко-

мические характеристики китайских регионов, показана проблема дисбалансов территориального развития [КНР..., 2015]. Стоит отметить и современное фундаментальное исследование социально-экономического неравенства регионов Китая, где большое внимание уделено неравномерности обеспеченности факторами роста и инвестиций в развитие физического и человеческого капитала, а также региональной политике преодоления этих диспропорций [Мозиас, 2023]. Однако в указанных работах сделан акцент на макрорегионах, а для ответа на поставленные во введении вопросы требуется рассмотреть неравномерность отраслевой структуры регионов в рамках полной картины китайского разделения труда, увидеть место регионов в единой стратегии модернизации экономики Китая.

Индустриализация и постиндустриализация Китая и его регионов

Анализ динамики макроотраслевой структуры ВВП показывает, что к началу реформ Дэн Сяопина (1978 г.) Китай уже являлся страной с преобладанием промышленности в экономике. Далеко не все страны в период индустриализации достигают вклада вторичного сектора в ВВП более 40%, а Китай преодолел эту планку еще в 1970 г. и к 1980 г. достиг максимального за свою историю значения 48,1%.

На протяжении 1980-1990-х годов высокая доля вторичного сектора ВВП Китая обеспечивалась за счет индустриальной структуры экономики регионов востока (кроме Хайнаня) и северо-востока. Да и в этих регионах промышленность была сконцентрирована лишь в отдельных центрах, которые постепенно срастались в промышленные базы узкой полосы вдоль морского побережья Китая. В 2000-е годы пооче-

редно стали индустриально развитыми (с долей вторичного сектора более 40%) все остальные АТЕ (кроме Тибета, но к 2019 г. и в Тибете возникли промышленные центры, и доля вторичного сектора увеличилась до 37%). К 2010 г. в 26 из 31 АТЕ доля вторичного сектора составляла 45-57% валового регионального продукта (ВРП). При этом доля сферы услуг в ВРП практически всех регионов составляла 35-40%, исключение составляли такие специфические АТЕ, как города центрального подчинения Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и туристический Тибет.

К 2019 г. в 27 из 31 АТЕ доля сферы услуг в ВРП превысила 50%, причем за счет сокращения доли не аграрного сектора, а промышленного. Остались только 9 АТЕ, в которых доля вторичного сектора в ВРП превышала 40%. Таким образом, если формирование индустриальной структуры ВРП всех регионов КНР было осуществлено поочередно за первые 30 лет реформ, то на создание примерно одинаковой во всех АТЕ макроотраслевой структуры начальной фазы постиндустриализации потребовалось всего 10 лет. Особо подчеркнем, что все АТЕ перед началом постиндустриализации хотя бы на несколько лет выходили на высокие значения доли промышленности в ВРП. Это свидетельствует о том, что сфера услуг в Китае развивается вокруг обслуживания производства.

Структура занятости по трем секторам экономики КНР менее прогрессивна, но имеет подобную динамику. С 1980-х годов основную массу крестьян поглощает сфера услуг, а не промышленность. С 2012 г. по настоящее время в КНР создаются новые отрасли промышленности, увеличиваются вы-

ручка, добавленная стоимость, активы и капитал промышленных предприятий, но абсолютное число занятых в промышленности сокращается. Индустриализация внутренних регионов Китая осуществляется за счет сокращения числа рабочих на Востоке Китая, а не за счет вовлечения новых трудовых ресурсов.

Таким образом, в 2010-е годы Китай осуществил подготовку к активной фазе постиндустриализации, кульминацией которой станет переход к опережающему развитию. Промышленное развитие продолжается, но это уже не первичная индустриализация аграрной страны, а реиндустриализация, как в развитых странах.

Этап «мировой фабрики»: индустриализация без урбанизации

Анализ статистики ввода и выбытия основных фондов промышленных предприятий позволяет подсчитать, что примерно 99% промышленных объектов (основных фондов) Китая были созданы за последние 30 лет, более 89% – за последние 20 лет, и примерно 65% китайских производственных мощностей созданы за период 2008-2020 гг. Это означает, что современные региональные дисбалансы – целенаправленный результат региональной политики современных реформ, а не историческое наследие.

За 2000-2020 гг. доля Востока в населении Китая увеличилась с 35 до 37%, а в ВВП незначительно изменилась – с 53 до 51%. Это означает, что Восток не был и сегодня не обеспечен собственными трудовыми ресурсами. И наоборот, густонаселенный Центр Китая не обеспе-

7 Уведомление Главного управления Национального Комитета по развитию и реформам о проверке выполнения «Плана содействия расселению 100 миллионов незарегистрированных граждан в городах» № 1190. 2018 г. – Кит. яз. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/ztlz/xxczhjs/ghzc/202012/t20201224_1260125.html (дата обращения: 11.10.2022).

чивался рабочими местами⁷. В 2020 г. численность внутренних трудовых мигрантов, преимущественно в узкой приморской полосе Востока, составила 285,6 млн чел.,⁸ а общежития стали неотъемлемой частью государственных и частных предприятий.

Одной из главных причин концентрации промышленного строительства на Востоке является временный характер создававшейся там экономики, которую необходимо было быстро построить, а затем быть в готовности также быстро ее ликвидировать. С начала экономических преобразований Дэн Сяопин понимал, что этап промышленно-развитой страны будет временным, на 3-4 десятилетия. А планы реформаторов были составлены на 70-100 лет вперед. «Мировая фабрика» в виде сборочного цеха филиалов иностранных ТНК, которые производили 59% китайского экспорта в 2008 г., была нужна Китаю лишь на первом этапе модернизации.

В странах Запада и в СССР индустриализация сопровождалась строительством городов. Параллельно с промышленными предприятиями строилась городская инфраструктура: система здравоохранения, коммунальные сети, общественный транспорт, учреждения культуры и образования и т.п. Это занимало десятилетия и требовало огромных непроизводственных капиталовложений. Китай пошел своим путем. Побережье Востока имело огромное сравнительное преимущество своего местоположения. Здесь находились основные промышленные базы Китая. При неразвитой транспортной системе, когда даже в некоторых крупнейших портах Китая не было железной доро-

ги, логичным решением стало развитие промышленности вокруг портовых городов, куда можно было также завозить недостающие иностранное сырье и комплектующие на переработку, а обратно отправлять готовую продукцию на экспорт.

Первое время в прибрежном поясе Востока было задействовано местное сельское население под лозунгом «крестьяне должны уйти из сельского хозяйства, но не из деревни» [Cheng, Hu, Li, 2020], затем дефицит рабочей силы восполнялся сотнями миллионов мигрантов в общежитиях при заводах, расположенных за пределами городской застройки [Liang, Wang, 2020]. Например, в 2015 г. доля провинции Гуандун в населении КНР составляла 8,2%, а в численности рабочих – 19,4% [Ma, 2018]. Как пишут китайские ученые, произошла урбанизация территории без урбанизации населения⁹.

Подготовка к постиндустриализации: выравнивание информационно- коммуникационного пространства

Смена в 2010-х годах экономической модели Китая на «новую нормальность» с акцентом на развитие внутреннего потребления и создания «среднезажиточного общества сяокан» потребовала создания полноценных городов со всей необходимой инфраструктурой [Human..., 2017]. Действительно, сложно представить многочисленный средний класс потребителей, проживающий в общежитиях за городом. Рост населения городов Востока законода-

8 Отчет о Седьмой Всекитайской переписи населения. Часть 7. – Кит. яз. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/202106/t20210628_1818826.html (дата обращения: 12.10.2022).

9 Национальный Комитет по развитию и реформам. Национальный план новой урбанизации (2014-2020 гг.). – Кит. яз. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/ztzl/xxczhjs/ghzc/201605/t20160505_971882.html (дата обращения: 10.10.2022).

тельно ограничивается, и сотни миллионов трудовых мигрантов, выходцев из деревни, должны трудоустроиться и обжиться в старых и в основном небольших новых городах вблизи своих исторических мест проживания.

Подготовка к перемещению началась с реализацией проектов «Большое открытие Запада» (1999 г.), «Возрождение Северо-Востока» (2003 г.), «Подъем Центрального Китая» (2006 г.). Заранее были построены и десятки «городов-призраков», в которых теперь государство субсидирует приобретение квартир миллионам бывших мигрантов. Новый импульс указанные программы получили в годы 13-й пятилетки. Так, в 2016 г. Госсовет КНР принял «Положение о комплексном возрождении старопромышленных баз Северо-Востока», а Национальная комиссия по развитию и реформам приняла «План подъема Центрального Китая» и «План большого открытия Запада», предполагающие развитие более 100 городов по периметру КНР и вдоль внутрикитайских коридоров инициативы «Один пояс, один путь»¹⁰.

Китайские экономисты считают, что урбанизация – единственный путь постиндустриализации, носитель и платформа развития и информатизации, главный инструмент решения проблемы региональных дисбалансов¹¹. Сотни миллионов трудовых мигрантов и члены их семей оказались отрезанными от образования, медицинского обслуживания и прочих общественных услуг, доступных городским жителям. Это обострило проблему брошенных детей, женщин и стариков в сельских районах Китая, создав множество

скрытых рисков для социально-экономического развития. Также вскрылось противоречие между огромными производственными мощностями и ограниченным рыночным пространством Востока.

Поэтому переход к новому этапу развития экономики КНР ознаменовался изменением региональной политики. Постиндустриализацию невозможно осуществлять как индустриализацию, поочередно осваивая зоны, города, полосы. Должно быть подготовлено единое виртуальное, не привязанное к отдельным населенным пунктам информационно-коммуникационное пространство, с помощью которого на основе потребителей – жителей новых городов и созданных в них производственных предприятий одновременно на территории всего Китая можно осуществить развитие личных и деловых услуг.

Для создания и выравнивания такого пространства Госсовет КНР утвердил план строительства «основной национальной научно-технической инфраструктуры», который должен быть выполнен к 2030 г.¹² На местах эта стратегическая цель разбивается на ряд краткосрочных уточняющих задач. Например, в городе Цзясин провинции Чжэцзян принята программа «33333» – к 2022 г. решить задачи «пяти троек»: построить более 3 узлов анализа промышленной идентификации в Интернете; создать 30 промышленных интернет-платформ выше провинциального уровня; содействовать 3 тыс. промышленных предприятий для внедрения цифровизации; модернизация 30 тыс. малых и средних предприятий

10 Большое открытие Запада. План на 13-ю пятилетку. – Кит. яз. – URL: <https://www.ndrc.gov.cn> (дата обращения: 13.10.2022).

11 URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/ztl/xzczhs/ghzc/201605/t20160505_971882.html (дата обращения: 13.10.2022).

12 Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. Уведомление Государственного совета о выпуске среднесрочного и долгосрочного плана строительства основной национальной научно-технической инфраструктуры (2012-2030 гг.). – Кит. яз. – URL: http://www.most.gov.cn/yw/201303/t20130306_99983.htm (дата обращения: 12.10.2022).

на облачной платформе; подключение к информационным технологиям 3 млн устройств. При этом операционная прибыль предприятий услуг программного обеспечения и информационных технологий в городе должна увеличиваться на 20% в год¹³.

Разница между регионами по ВРП на душу населения за 2000–2019 гг. сократилась с 11 до 5 раз, но разница между регионами по средним зарплатам осталась без изменений – до 2,5 раз. То есть за указанный период произошел одинаковый десятикратный рост зарплат во всех АТЕ Китая. Китайские реформаторы и не планируют достижения материального равенства всех членов общества. Так, предполагается, что в отдельных городах, прежде всего наукоградах, в долгосрочной перспективе доходы населения будут до 2 раз выше, чем даже в Пекине или Шанхае.

Важнейшее значение уделяется преодолению цифрового разрыва между регионами, а в регионах – между городом и деревней. В 2013 г. Госсовет КНР начал реализацию национального плана по внедрению широкополосного Интернета, для чего было выделено 22 млрд долларов на подключение 50 тыс. отдаленных деревень к скоростному Интернету. В 2017 г. китайское правительство выделило еще 181 млрд долларов на прокладку 90 тыс. километров высокоскоростных оптоволоконных линий. В результате к 2019 г. широкополосный интернет стал доступным для жителей 98% сельских населенных пунктов.

Китай построил первую в мире сеть мобильной связи пятого поколения 5G, охватывающую все города. Количе-

ство конечных пользователей сотового Интернета вещей в 2021 г. составило 1,399 млрд человек. Интернетом пользовались 1,032 млрд человек, в том числе 1,029 млрд человек заходили в Интернет через мобильные телефоны. Пользователи мобильного Интернета получили доступ к 221,6 млрд гигабайт трафика, что на 33,9% больше, чем в предыдущем году. По состоянию на конец мая 2022 г. число пользователей мобильной связи 5G в Китае достигло 428 млн.¹⁴ К июлю 2022 г. в Китае уже было введено в эксплуатацию более 1,85 млн базовых станций 5G, и до конца года ожидается строительство еще 600 тыс. базовых станций 5G¹⁵. В 2020 г. в Китае было реализовано 163 млн смартфонов, поддерживающих технологию 5G, в 2021 г. – 218 млн. При этом стоимость такого смартфона в течение года снизилась с 5 тыс. до 1 тыс. юаней, что сделало его доступным даже для сельских жителей.

Если постиндустриальные страны Запада в течение 40 лет поочередно прошли 4 технологические волны создания информационно-коммуникационного пространства, то Китай за прошедшие 10 лет прошел все эти 4 стадии (информатизация; облачные технологии, или *SaaSization*; мобилизация; ИИ) одновременно и вырвался в мировые лидеры в указанных сферах¹⁶.

Кластеры – общее в старой и новой региональной политике

Итак, макроотраслевая структура ВРП и информационно-коммуникационное пространство практически всех

13 План действий по содействию развитию промышленного Интернета в городе Цзясян, Чжэцзян (2021–2022). – Кит. яз. – URL: <https://f.qianzhan.com/chanyeguihua/detail/210205-9355ba01.html> (дата обращения: 10.10.2022).

14 URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0713/c31517-10122255.html> (дата обращения: 10.10.2022).

15 URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/0720/c31517-10125004.html> (дата обращения: 24.10.2022).

16 Next 10 Years: Predictions From 10 Experts On China's Artificial Intelligence Future. – URL: <https://www.chinamoneynetwork.com/next-10-years-predictions-from-10-experts-on-chinas-artificial-intelligence-future> (дата обращения: 10.10.2022).

регионов Китая выровнялись. Однако анализ мезо- и микроотраслевой структуры ВРП показывает, что регионы всё больше отличаются друг от друга. Увеличивается концентрация производства и специализация регионов. Например, по многим видам конструкционных материалов и полуфабрикатов можно выделить провинцию, на которую приходится 15-25% объема китайского производства, а на ведущие 5 АТЕ приходится около 50%. По многим видам конечной продукции концентрация выросла еще больше: на регион-лидер приходится 20-35%, на пятерку лидеров – 70-90% объема производства КНР. По отдельным видам продукции лидерами сразу становились провинции Центра или Запада, и такая специализация является частью целенаправленной региональной политики¹⁷.

В сфере услуг наблюдается такая же картина. Только транспортно-логистические и информационно-телекоммуникационные услуги развиваются равномерно во всех АТЕ Китая. Во всех остальных видах услуг увеличивается концентрация в отдельных регионах. Несмотря на ускоренный рост расходов на НИОКР и удвоение каждые 3 года числа научных коллективов в Китае, по числу ученых, научных организаций и расходов на НИОКР укрепляется лидерство трех провинций: Гуандун, Цзянсу и Шаньдун. Их доля по указанным показателям составляет 35-43%, в то время как их доля в населении – 21%, а в ВВП Китая – 28%. Опережающими темпами развивается наука в новых промышленных центрах – провинциях Хунань, Юньнань, Внутренняя Монголия, Аньхой, Синьцзян, Тибет, Нинся. При этом значение четырех мегаполисов Китая с особым административным статусом (Пекин, Шанхай, Тянь-

цзинь, Чунцин) как научных центров резко снижается. Это говорит о политике развития науки вокруг ведущих промышленных центров для ускорения внедрения разработок [Li, Kovacs, Choi, 2021].

Анализ размещения предприятий внутри регионов выявляет еще более интересную картину: часто производство того или иного товара и услуги сконцентрировано не просто в провинции, а всего лишь в одном городе или уезде. Каждый город имеет уникальную узкую специализацию в рамках китайского разделения труда на отдельных видах товаров или услуг. Например, в городе Юньци провинции Чжэцзян создан кластер платформ ИИ, в котором работают 2100 фирм, в том числе 1400 занимаются облачными вычислениями. Если на уровне отрасли доля провинции может достигать 15-35%, то на уровне отдельных продуктов – до 90% китайского (а это иногда 20-40% мирового) объема производства. Вокруг крупнейших городов может быть несколько промышленных зон, в каждой из которых работают тысячи конкурирующих предприятий не просто одной отрасли, а одной узкой линейки продукции.

Китайские ученые пишут, что такой территориальной организацией хозяйства строится «блочная экономика», состоящая из «производственных кластеров», что существенно повышает международную конкурентоспособность отраслей экономики и инновационный потенциал предприятий [Современное..., 2020]. Крупнейшим кластером считается Хуацян Бэй в городе Шэньчжэнь провинции Гуандун, где работают более 10 тыс. высокотехнологичных предприятий электронной промышленности.

17 URL: <https://f.qianzhan.com/chanyeguihua/detail/201231-1c76ccb9.html> (дата обращения: 24.10.2022).

Трудно оценить количество кластеров в Китае. Еще в 2014 г. упоминалось о 947 тыс. предприятиях, собранных в 2530 кластерах¹⁸. Только в Чжэцзяне создано свыше 500 кластеров, а в 60 специализированных городах Гуандуна работают 240 кластеров, которые обеспечивают 90% объема промышленного производства региона¹⁹. Например, в Республике Корея, которая по площади меньше многих провинций Китая, действуют 1375 промышленных кластеров [Kim, Kim, Lee, 2022].

Синергетический эффект в промышленности распространяется на большие площади, а в сфере услуг ограничен радиусом нескольких километров, поэтому промышленные кластеры занимают пригороды, а кластеры бизнес-услуг, как правило, находятся в центральных частях городов. Большинство промышленных кластеров имеют радиус менее 2,5 километров и содержат 20-60% предприятий и 60-86% работников каждой выбранной отрасли [Geographic..., 2021].

Китайские кластеры по уровню зрелости часто отстают от зарубежных аналогов. Так, зрелый авиастроительный кластер, как правило, состоит из 7 отраслевых подгрупп, включая собственно авиастроение, производство металлов и изделий из них, производство машин и оборудования, электронную промышленность, производство приборов и автоматики, промышленность современных материалов. Китаю только предстоит наладить взаимодействие между смежными отраслями промышленности [Chu, Zhang, Jin, 2010].

Программа инновационного развития «Сделано в Китае 2025» предусма-

тривает создание новых отраслей промышленности и сферы услуг путем такой же территориальной организации. При этом особое внимание уделяется предотвращению дублирования и конкуренции кластеров между собой²⁰. В рамках национальной стратегии в каждой провинции принимаются уточняющие планы, предусматривающие значительные льготы, субсидии и гарантии компаниям, которые приходят работать в создаваемые кластеры. Например, в провинции Цзянсу в период 2021-2023 гг. должны быть созданы 13 инновационных кластеров, интегрированных в 531 производственную цепочку в рамках китайского разделения труда²¹.

Заключение

Таким образом, региональная промышленная политика вносит вклад в эффективность и ускорение реформ в Китае. На этапе «мировой фабрики» она обеспечила поэтапное промышленное освоение регионов, использование их сравнительных преимуществ, что можно назвать запланированным увеличением разрыва в структуре экономики и уровне жизни регионов. На этапе подготовки к активной фазе постиндустриализации (2010-е годы) региональная политика обеспечила одновременное и повсеместное создание информационно-коммуникационного пространства и равный доступ к нему всего бизнеса и населения. При этом повсеместный как в разрезе «Запад – Восток», так и в разрезе «город – деревня», а равный означает как технологическую возможность, так и финансо-

18 URL: <http://www.chanyeguihua.com/1801.html> (дата обращения: 16.10.2022).

19 URL: http://www.360doc.com/content/20/0217/20/27822060_892765720.shtml (дата обращения: 16.10.2022).

20 URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwdt/tztzl/xxczhjs/ghzc/202012/t20201225_1260315.html (дата обращения: 16.10.2022).

21 Трехлетний план действий по укреплению производственных цепочек в провинции Цзянсу (2021-2023). – Кит. яз. – URL: <https://f.qianzhan.com/chanyeguihua/detail/210111-c79d4c3c.html> (дата обращения: 16.10.2022).

вую доступность. В целом Китай сделал подготовительную работу и способен в ближайшие пятилетки осуществить быстрый переход в постиндустриальное общество.

Список литературы

КНР: экономика регионов / отв. ред. А.В. Островский. – Москва : Издательство МБА, 2015. – 660 с.

Кондрашова Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика. – Москва : ИМЭПИ РАН, 1998. – 152 с.

Макеева С.Б. Трансформация региональной политики России и Китая в условиях неравномерности развития регионов (1980–2020 гг.): сравнительно-историческое исследование // Сравнительная политика. – 2021. – № 3. – С. 98–111. – DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10030.

Мозиас П.М. Межпровинциальное неравенство и региональная политика в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9 : Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 98–121. – DOI: 10.31249/rva/2023.01.00.

Песцов С.К. Управление региональным развитием: опыт Китая // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 10. – С. 57–63.

Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.

Чубаров И.Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – № 4. – С. 21–33. – DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022.

Ai C.H., Wu H.C. Cross-Regional Corporations and Learning Effects in a Local Telecommunications Industry Cluster of China // Journal of the Knowledge Economy. – 2017. – N 8. – P. 337–355. – DOI: 10.1007/s13132-015-0263-6.

Harrison B. Industrial Districts: Old Wine in New Bottles? // Regional Studies. – 1992. – Vol. 26, N 5. – P. 469–483. – DOI: 10.1080/00343409212331347121.

Chen X., Liu Z., Ma C. Chinese innovation-driving factors: regional structure, innovation effect, and economic development – empirical research based on panel data // The Annals of Regional Science. – 2017. – Vol. 59. – P. 43–68. – DOI: 10.1007/s00168-017-0818-5.

Cheng H., Hu D., Li H. Wage Differential between Rural Migrant and Urban Workers in the People's Republic of China // Asian Development Review. – 2020. – Vol. 37, N 1. – P. 43–60. – DOI: 10.1162/adev_a_00140.

Chu B., Zhang H., Jin, F. Identification and comparison of aircraft industry clusters in China and United States // Chinese Geographical Science. – 2010. – Vol. 20. – P. 471–480. – DOI: 10.1007/s11769-010-0421-5.

Chung L., Tan K.H. The unique Chinese innovation pathways: Lessons from Chinese small and medium sized manufacturing firms // International Journal of Production Economics. – 2017. – Vol. 190. – P. 80–87. – DOI: 10.1016/j.ijpe.2016.09.004.

Development of characteristic towns in China / Y. Wu, Y. Chen, X. Deng, E. Hui // Habitat International. – 2018. – Vol. 77. – P. 21–31. – DOI: 10.1016/j.habitatint.2017.12.008.

Entrepreneurship and industrial clusters: evidence from China industrial census / X. Zhu, Y. Liu, M. He, D. Luo, Y. Wu // Small Business Economics. – 2019. – Vol. 52. – P. 595–616. – DOI: 10.1007/s11187-017-9974-3.

Ge Y. Globalization and Industry Agglomeration in China // World Development. – 2009. – Vol. 37, N 3. – P. 550–559. – DOI: 10.1016/j.worlddev.2008.07.005.

Geographic concentration of industries in Jiangsu, China: a spatial point pattern analysis using micro-geographic data /

X. Zhang, J. Yao, K. Sila-Nowicka, C. Song // *The Annals of Regional Science*. – 2021. – Vol. 66. – P. 439–461. – DOI: 10.1007/s00168-020-01026-x.

Gilbert R.J. *Innovation Matters: Competition Policy for the High-Technology Economy*. – Berkeley : The MIT Press, 2020. – 324 p. – DOI: 10.7551/mitpress/12686.001.0001.

He C. *Foreign Manufacturing Investment in China: The Role of Industrial Agglomeration and Industrial Linkages* // *China and World Economy*. – 2008. – Vol. 16, N. 1. – P. 82–99. – DOI: 10.1111/j.1749-124X.2008.00101.x.

He C. *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. – Berlin : Springer Heidelberg, 2012. – 648 p. – DOI: 10.1007/978-3-642-25459-8.

He C., Pan F., Chen T. Research progress of industrial geography in China // *Journal of Geographical Sciences*. – 2016. – Vol. 26. – P. 1057–1066. – DOI: 10.1007/s11442-016-1315-y.

He C., Wang J. Geographical agglomeration and co-agglomeration of foreign and domestic enterprises: a case study of Chinese manufacturing industries // *Post-Communist Economies*. – 2010. – Vol. 22, N 3. – P. 323–343. – DOI: 10.1080/14631377.2010.498682.

Hu X., Hassink R. New perspectives on restructuring of old industrial areas in China: A critical review and research agenda // *Chinese Geographical Science*. – 2017. – Vol. 27. – P. 110–122. – DOI: 10.1007/s11769-015-0784-8.

Hu X., Xu W., Miao J.T. Think locally, act locally: A critique of China's specialty town program in practice // *Geographical Review*. – 2021. – Vol. 111, N 3. – P. 393–414. – DOI: 10.1080/00167428.2020.1793337.

Hong J., Fu S. Information and Communication Technologies and the Geographical Concentration of Manufacturing Industries: Evidence from China // *Urban Studies*. – 2011. – Vol. 48, N 11. – DOI: 10.1177/0042098010388956.

Human Capital and China's Future Growth / H. Li, L. Prashant, R. Scott, B. Wu // *Journal of Economic Perspectives*. – 2017. – Vol. 31, N 1. – P. 25–48.

Kim D., Kim S., Lee J.S. The rise and fall of industrial clusters: experience from the resilient transformation in South Korea // *The Annals of Regional Science*. – 2022. – DOI: 10.1007/s00168-022-01170-6.

Li Q., Kovacs J.F., Choi G.H. High-technology employment growth in China: geographic disparities in economic structure and sectoral performance // *Economic Change and Restructuring*. – 2021. – Vol. 54. – P. 1025–1064. – DOI: 10.1007/s10644-020-09293-6.

Li Y., Tellis G.J. Is China uniform? Intra-country differences in the takeoff of new products // *Technovation*. – 2016. – Vol. 47. – P. 1–13. – DOI: 10.1016/j.technovation.2015.08.002.

Liang C., Wang S. Low-Skilled Immigrants and Urban Development in China: A Labor Market Perspective // *Asian Economic Papers*. – 2020. – Vol. 19, N 1. – P. 114–128. – DOI: 10.1162/asep_a_00760.

Lin J.Y., Wang Y. Structural Change, Industrial Upgrading, and Middle-Income Trap // *Journal of Industry, Competition and Trade*. – 2020. – Vol. 20. – P. 359–394. – DOI: 10.1007/s10842-019-00330-3.

Liu W., Song Z., Liu Z. Progress of economic geography in China's mainland since 2000 // *Journal of Geographical Sciences*. – 2016. – Vol. 26. – P. 1019–1040. – DOI: 10.1007/s11442-016-1313-0.

Liu Y., Zhou Y. Territory spatial planning and national governance system in China // *Land Use Policy*. – 2021. – Vol. 102. – DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105288.

Liu Z. Global and Local: Measuring Geographical Concentration of China's Manufacturing Industries // *The Professional Geographer*. – 2014. – Vol. 66, N 2. – P. 284–297. – DOI: 10.1080/00330124.2013.784953.

Ma X. Labor Market Segmentation by Industry Sectors and Wage Gaps between Migrants and Local Urban Residents in Urban China // *China Economic Review*. – 2018. – Vol. 47. – P. 96–115.

Maskell P. Towards a Knowledge-Based Theory of the Geographic Cluster // *Industrial and Corporate Change*. – 2001. – Vol. 10. – P. 921–936.

Otsuka K. Cluster-Based Industrial Development: A View From East Asia // *The Japanese Economic Review*. – 2006. – Vol. 57. – P. 361–376. – DOI: 10.1111/j.1468-5876.2006.00376.x.

Porter M.E. Clusters and the new economics of competition // *Harvard Business Review*. – 1998. – Vol. 76, N 6. – P. 77–90.

Porter M.E. The Economic Performance of Regions // *Regional Studies*. – 2003. – Vol. 37. – P. 549–578.

Venables A.J. Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries // *International Economic Review*. – 1996. – Vol. 37, N 2. – P. 341–359.

Wang C., Lin G., Li G. Industrial Clustering and Technological Innovation in China: New Evidence from the ICT Industry in Shenzhen // *Environment and Planning A: Economy and Space*. – 2010. – Vol. 42, N 8. – P. 1987–2010. – DOI: 10.1068/a4356.

Yang C.H., Huang C.H. Agglomeration, ownership, and R&D activity: firm-level evidence from China's electronics industry // *Empirical Economics*. – 2018. – Vol. 54. –

P. 1673–1696. – DOI: 10.1007/s00181-017-1292-8.

Yin Z., Xue G., Guo P. The Impact of Mobile Payment on Entrepreneurship – Micro Evidence from China Household Finance Survey // *China Industrial Economics*. – 2019. – N 3. – P. 119–137.

Zhang J., Xia T. The change and reconstruction of spatial planning system under the goal of modern national governance // *Journal of Natural Resources*. – 2019. – Vol. 34, N 10. – P. 2040–2050. – DOI: 10.31497/zrzyxb.20191002.

Zhu S., He C., Xia X. Geography of productivity: evidence from China's manufacturing industries // *The Annals of Regional Science*. – 2019. – Vol. 62. – P. 141–168. – DOI: 10.1007/s00168-018-0890-5.

Современное состояние и перспективы развития на 14-ю пятилетку промышленности новых материалов Китая 2020. = 中国新材料产业发展现状与十四五前景规划分析报告2020. – Пекин : Чжунъян Чжие Яньцзюсо (Центральный НИИ интеллектуальной промышленности) = 北京 : 中研智业研究院, 2020. – 248 с. – Кит. яз.

Углубленный анализ и стратегия развития регионального промышленного планирования Китая на период 2021–2025 гг. (в 4-х томах) = 2021–2025 年中国区域产业规划深度分析及发展战略研究报告(共四卷). – Шеньчжень : Чжунтоу Гувэнь = 深圳 : 中投顾问, 2020. – 1138 с. – Кит. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07

Regional Development of China on the Eve of the Transition to Post-industrialization

Denis B. KALASHNIKOV

Ph. D. (Econ.), Associate Professor of World Economy Department

MGIMO – University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

Irina B. MITROFANOVA

Ph. D (Econ.), Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Foreign Relations

MGIMO University

Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: i.mitrofanova@inno.mgimo.ru

ORCID: NA

CITATION: Kalashnikov D.B., Mitrofanova I.B. (2023). Regional Development of China on the Eve of the Transition to Post-industrialization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 128–146 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07

Received: 30.11.2022.

Revised: 07.02.2023.

ABSTRACT. *The article shows how different approaches to regional development help accelerate and improve the efficiency of modernizing the Chinese economy. The authors' conclusions are based on the analysis of the dynamics of indicators of industrial development and post-industrialization of China's regions at the macro- and micro-sectoral levels, as well as official plans for territorial development. It has been established that China pursues two types of regional industrial policy. At the macro-sectoral level, policies have changed dramatically. From the beginning of the reforms, during the active phase of industrialization, which the Chinese leadership saw as a temporary stage of modernization, the development took place in the locations where it could be done as cheaply and quickly as possible, with the involvement of hundreds of millions of labor migrants. In*

2010s the transition to the post-industrial prosperous society required the development of a system of cities as the basis of consumer demand and industry as the basis of most branches of the service sector simultaneously in all regions of the country. An information and communication space accessible to residents and businesses of all regions has been created. At the micro-sectoral level, regional policy has remained the same: each locality has a unique industrial or service specialization and is integrated into the chains of the Chinese division of labor. This is called a block economy of several thousand clusters, and each cluster has hundreds of enterprises producing a narrow range of similar products.

KEYWORDS: *China, industrialization, post-industrialization, modernization, regional policy, clusters, spatial planning.*

References

- Ai C.H., Wu H.C. (2017). Cross-Regional Corporations and Learning Effects in a Local Telecommunications Industry Cluster of China. *Journal of the Knowledge Economy*. No. 8, pp. 337-355. DOI: 10.1007/s13132-015-0263-6.
- Chen X., Liu Z., Ma C. (2017). Chinese innovation-driving factors: regional structure, innovation effect, and economic development – empirical research based on panel data. *The Annals of Regional Science*. Vol. 59, pp. 43-68. DOI: 10.1007/s00168-017-0818-5.
- Cheng H., Hu D., Li H. (2020). Wage Differential between Rural Migrant and Urban Workers in the People's Republic of China. *Asian Development Review*. Vol. 37, no. 1, pp. 43-60. DOI: 10.1162/adev_a_00140.
- Chu B., Zhang H., Jin, F. (2010). Identification and comparison of aircraft industry clusters in China and United States. *Chinese Geographical Science*. Vol. 20, pp. 471-480. DOI: 10.1007/s11769-010-0421-5.
- Chubarov I.G. (2020). State-level regional development programs in China. *East Asia: Facts and Analytics*. No. 4, pp. 21-33 (in Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022.
- Chung L., Tan K.H. (2017). The unique Chinese innovation pathways: Lessons from Chinese small and medium sized manufacturing firms. *International Journal of Production Economics*. Vol. 190, pp. 80-87. DOI: 10.1016/j.ijpe.2016.09.004.
- Development... (2018). Wu Y. et al. Development of characteristic towns in China. *Habitat International*. Vol. 77, pp. 21-31. DOI: 10.1016/j.habitatint.2017.12.008.
- Entrepreneurship... (2019). Zhu X. et al. Entrepreneurship and industrial clusters: evidence from China industrial census. *Small Business Economics*. Vol. 52, pp. 595-616. DOI: 10.1007/s11187-017-9974-3.
- Ge Y. (2009). Globalization and Industry Agglomeration in China. *World Development*. Vol. 37, no. 3, pp. 550-559. DOI: 10.1016/j.worlddev.2008.07.005.
- Geographic... (2021). Zhang X. et al. Geographic concentration of industries in Jiangsu, China: a spatial point pattern analysis using micro-geographic data. *The Annals of Regional Science*. Vol. 66, pp. 439-461. DOI: 10.1007/s00168-020-01026-x.
- Gilbert R.J. (2020). *Innovation Matters: Competition Policy for the High-Technology Economy*. Berkeley: The MIT Press, 324 pp. DOI: 10.7551/mitpress/12686.001.0001.
- Harrison B. (1992). Industrial Districts: Old Wine in New Bottles? *Regional Studies*. Vol. 26, no. 5, pp. 469-483. DOI: 10.1080/00343409212331347121.
- He C. (2008). Foreign Manufacturing Investment in China: The Role of Industrial Agglomeration and Industrial Linkages. *China and World Economy*. Vol. 16, no. 1, pp. 82-99. DOI: 10.1111/j.1749-124X.2008.00101.x.
- He C. (2012). *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*, Berlin: Springer Heidelberg. 648 pp. DOI: 10.1007/978-3-642-25459-8.
- He C., Pan F., Chen T. (2016). Research progress of industrial geography in China. *Journal of Geographical Sciences*, vol. 26, pp. 1057-1066. DOI: 10.1007/s11442-016-1315-y.
- He C., Wang J. (2010). Geographical agglomeration and co-agglomeration of foreign and domestic enterprises: a case study of Chinese manufacturing industries. *Post-Communist Economies*, vol. 22, no. 3, pp. 323-343. DOI: 10.1080/14631377.2010.498682.
- Hong J., Fu S. (2011). Information and Communication Technologies and the Geographical Concentration of Manufacturing Industries: Evidence from China. *Urban Studies*. Vol. 48, no. 11. DOI: 10.1177/0042098010388956.

Hu X., Hassink R. (2017). New perspectives on restructuring of old industrial areas in China: A critical review and research agenda. *Chinese Geographical Science*. Vol. 27, pp. 110–122. DOI: 10.1007/s11769-015-0784-8.

Hu X., Xu W., Miao J.T. (2021). Think locally, act locally: A critique of China's specialty town program in practice. *Geographical Review*. Vol. 111, no. 3, pp. 393–414. DOI: 10.1080/00167428.2020.1793337.

Human... (2017). Li H. et al. Human Capital and China's Future Growth. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31, no. 1, pp. 25–48.

Kim D., Kim S., Lee J.S. (2022). The rise and fall of industrial clusters: experience from the resilient transformation in South Korea. *The Annals of Regional Science*. DOI: 10.1007/s00168-022-01170-6.

KNR.... (2015). Ostrovski A.V. (ed.). *P.R. C.: regional economy*. Moscow: MBA, 660 pp. (in Russian).

Kondrashova L., Kornejchuk N. (1998). *P.R. C.: Regional economical policy*. Moscow: IMEPI RAS, 152 pp. (in Russian).

Li Q., Kovacs J.F., Choi G.H. (2021). High-technology employment growth in China: geographic disparities in economic structure and sectoral performance. *Economic Change and Restructuring*. Vol. 54, pp. 1025–1064. DOI: 10.1007/s10644-020-09293-6.

Li Y., Tellis G.J. (2016). Is China uniform? Intra-country differences in the takeoff of new products. *Technovation*. Vol. 47, pp. 1–13. DOI: 10.1016/j.technovation.2015.08.002.

Liang C., Wang S. (2020). Low-Skilled Immigrants and Urban Development in China: A Labor Market Perspective. *Asian Economic Papers*. Vol. 19, no. 1, pp. 114–128. DOI: 10.1162/asep_a_00760.

Lin J.Y., Wang Y. (2020). Structural Change, Industrial Upgrading, and Middle-Income Trap. *Journal of Industry, Com-*

petition and Trade. Vol. 20, pp. 359–394. DOI: 10.1007/s10842-019-00330-3.

Liu W., Song Z., Liu Z. (2016). Progress of economic geography in China's mainland since 2000. *Journal of Geographical Sciences*. Vol. 26, pp. 1019–1040. DOI: 10.1007/s11442-016-1313-0.

Liu Y., Zhou Y. (2021). Territory spatial planning and national governance system in China. *Land Use Policy*. Vol. 102. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105288.

Liu Z. (2014). Global and Local: Measuring Geographical Concentration of China's Manufacturing Industries. *The Professional Geographer*. Vol. 66, no. 2, pp. 284–297. DOI: 10.1080/00330124.2013.784953.

Ma X. (2018). Labor Market Segmentation by Industry Sectors and Wage Gaps between Migrants and Local Urban Residents in Urban China. *China Economic Review*. Vol. 47, pp. 96–115.

Makeeva S.B. (2021). Transformation of the Regional Policy of Russia and China under the Conditions of Unequal Development of Regions (1980–2020): a Comparative Historical Study. *Comparative Politics Russia*. No. 3, pp. 98–111 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10030.

Maskell P. (2001). Towards a Knowledge-Based Theory of the Geographic Cluster. *Industrial and Corporate Change*. Vol. 10, pp. 921–936.

Mozias P.M. (2023). Intraprovincial Inequality and Regional Policy in China. *Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature. Series 9: «Oriental and African Studies»*. No. 1, pp. 98–126 (in Russian). DOI: 10.31249/rva/2023.01.00.

Otsuka K. (2006). Cluster-Based Industrial Development: A View From East Asia. *The Japanese Economic Review*. Vol. 57, pp. 361–376. DOI: 10.1111/j.1468-5876.2006.00376.x.

Pestsov S.K. (2019). Regional development management: China experience. *Fundamental'nyye issledovaniya*. No. 10, pp. 57–63 (in Russian).

Porter M.E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*. Vol. 76, no. 6, pp. 77-90.

Porter M.E. (2003). The Economic Performance of Regions. *Regional Studies*. Vol. 37, pp. 549-578.

Regional'naya... (2015). Kuznetsov A.V., Kuznetsova O.V. (eds.). *Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities*. Moscow: IMEMO, 137 pp. (in Russian).

Sovremennoye... (2020). *China's New Materials Industry Development Status and 14th Five-Year Plan Prospect Analysis Report 2020*. Beijing: Zhongyang Zhiye Yanjiusuo, 248 pp. (in Chinese).

Uglublenniy... (2020) *2021-2025 China's regional industrial planning in-depth analysis and development strategy research report* (in 4 Vol.). Shenzhen: Zhongtougwen, 1138 pp. (in Chinese).

Venables A.J. (1996). Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries. *International Economic Review*. Vol. 37, no. 2, pp. 341-359.

Wang C., Lin G., Li G. (2010). Industrial Clustering and Technological Innovation in China: New Evidence from

the ICT Industry in Shenzhen. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 42, no. 8, pp. 1987-2010. DOI: 10.1068/a4356.

Yang C.H., Huang C.H. (2018). Agglomeration, ownership, and R&D activity: firm-level evidence from China's electronics industry. *Empirical Economics*. Vol. 54, pp. 1673-1696. DOI: 10.1007/s00181-017-1292-8.

Yin Z., Xue G., Guo P. (2019). The Impact of Mobile Payment on Entrepreneurship – Micro Evidence from China Household Finance Survey. *China Industrial Economics*. No. 3, pp. 119-137.

Zhang J., Xia T. (2019). The change and reconstruction of spatial planning system under the goal of modern national governance. *Journal of Natural Resources*. Vol. 34, no. 10, pp. 2040-2050. DOI: 10.31497/zrzyxb.20191002.

Zhu S., He C., Xia X. (2019). Geography of productivity: evidence from China's manufacturing industries. *The Annals of Regional Science*. Vol. 62, pp. 141-168. DOI: 10.1007/s00168-018-0890-5.

УДК 339.5(540)

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.08

А есть ли выгоды? Результаты торговых соглашений с Индией для стран-партнеров в части торговли услугами

Екатерина Владимировна ВАСИЛЬЕВА

аспирант НИУ ВШЭ, консультант отдела системных условий секторального сотрудничества Департамента торговой политики

Евразийская экономическая комиссия

Смоленский бульвар, д. 3/5, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119002

E-mail: 95VKate@gmail.com

ORCID: 0009-0009-1643-5571

ЦИТИРОВАНИЕ: Васильева Е.В. А есть ли выгоды? Результаты торговых соглашений с Индией для стран-партнеров в части торговли услугами // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 147–169.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.08

Статья поступила в редакцию 23.08.2022.

Исправленный текст представлен 13.11.2022.

АННОТАЦИЯ. Индия, являясь одним из крупнейших мировых экспортеров услуг, также имеет и значительный по размерам внутренний рынок их потребления как со стороны домохозяйств, так и со стороны компаний, что ожидаемо привлекает иностранных поставщиков услуг и инвесторов. Чтобы обеспечить своим национальным услугам (поставщикам услуг) преференциальные условия доступа на крупный рынок Индии, многие страны проявляют существенный интерес к заключению с ней всеобъемлющих торговых соглашений. В данной работе проанализированы выгоды, получаемые странами-партнерами от заключения торговых соглашений с Индией, охватывающих торговлю услугами. Рассмо-

трены выгоды от соглашений по двум направлениям: в части наращивания доли присутствия национальных поставщиков услуг стран-партнеров на индийском рынке, а также по факту ощутимого улучшения условий доступа на индийский рынок. Для оценки выгод в части улучшения условий доступа на рынок выполнено сравнение условий доступа, зафиксированных Индией в рамках многосторонней торговой системы и для стран-партнеров как в разрезе отдельных соглашений, так и в секторальном разрезе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: торговля услугами, выгоды от торговых соглашений, торговые соглашения Индии, рынок услуг Индии, услуги в торговых

соглашениях, перечни специфических обязательств.

Введение

Среди развивающихся быстрыми темпами стран Индия отличается экономикой, в которой значимую роль играет сектор услуг. Если многие страны азиатского региона для наращивания своих экономик выбрали путь экспорта трудоемких товаров, Индия по большей части сосредоточилась на услугах [De, 2013; Roy, 2019].

Индия обладает масштабным потребительским рынком, который является шестым в мире по объему потребления (1,9 трлн долларов США в 2021 г.). Внутреннее потребление составляет около 60% ВВП страны¹. Кроме того, по оценкам Всемирного экономического форума, к 2030 г. потребительский рынок Индии займет третье место в мире с показателем 6 трлн долларов США [World Economic Forum, 2019]. Отдельно стоит отметить, что на потребление услуг приходится 52% от общего объема расходов домохозяйств на внутреннем рынке².

Такой перспективный по объему потребления услуг национальный рынок ожидаемо привлекает иностранных поставщиков услуг и инвесторов. По данным за 2021 г., Индия занимает десятое место в мире и третье среди развивающихся стран (после Китая и Сингапура) по объему импорта услуг из третьих стран – 196 млрд долларов США (около 3,5% от общемирового импорта услуг)³.

Услуги также являются сектором экономики, на который приходится наибольший объем прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в экономику Индии – около 18% общего объема ПИИ в экономику страны⁴.

Чтобы обеспечить своим национальным услугам (поставщикам услуг) преференциальные условия доступа на крупный рынок Индии, многие страны проявляют существенный интерес к заключению с ней торговых соглашений. На данный момент Индия обладает достаточно обширной сетью заключенных соглашений о свободной торговле, охватывающих разделы по торговле услугами и инвестициями. Изучение опыта Индии по заключению соглашений о свободной торговле представляется актуальным в части выявления выгод, получаемых странами-партнерами Индии по таким соглашениям. Несмотря на динамичность развития национального сектора услуг, политика по отношению к иностранным поставщикам зачастую может носить достаточно протекционистский характер, что не позволит партнерам получить значимые выгоды от заключаемых соглашений.

Особую актуальность исследованию также придает прорабатываемая уже более 5 лет инициатива по заключению соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Индией⁵. И хотя торговля услугами отнесена к национальной компетенции государств – членов Евразийского экономического союза, а значит,

1 World Bank. Households and NPISHs Final consumption expenditure. – 2022. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.CD?most_recent_value_desc=true&year_high_desc=true (дата обращения: 05.09.2022).

2 Ministry of Statistics and Programme Implementation. National Accounts Statistics 2020. – 2020. – URL: <https://www.mospi.gov.in/web/mospi/reports-publications/-/reports/view/templateFive/901?q=RPCAT> (дата обращения: 06.09.2022).

3 International Trade Centre. Trade Map. – 2021. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 07.07.2022).

4 Reserve Bank of India. Handbook of Statistics on Indian Economy. – 2020. – URL: <https://www.rbi.org.in/Scripts/AnnualPublications.aspx?head=Handbook%20of%20Statistics%20on%20Indian%20Economy> (дата обращения: 20.04.2022).

5 В июне 2017 г. было подписано совместное заявление о начале переговоров по заключению Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Республикой Индия.

каждое государство-член принимает самостоятельно решение о целесообразности заключения двустороннего соглашения по торговле услугами с Индией, анализ выгод, полученных предыдущими партнерами по соглашениям Индии в части услуг, будет достаточно своевременным.

Целью данного исследования является оценка выгод для стран-партнеров от торговых соглашений, заключенных Индией, в части торговли услугами. Выгоды при этом будут рассмотрены с двух взаимосвязанных точек зрения: по объему наращивания экспорта услуг страны-партнера на национальный рынок Индии и по улучшению условий доступа на индийский рынок для услуг (поставщиков услуг) партнера по соглашению.

Торговля Индии со странами-партнерами услугами по соглашениям о свободной торговле

Для оценки результатов и выгод, полученных партнерами от заключения Соглашения о свободной торговле, показательным может быть анализ изменений в объемах и структуре торговли услугами за некоторое время до и через некоторое время после заключения такого Соглашения. По состоянию на июнь 2022 г. Индия является стороной восьми торговых соглашений, которые включают обязательства по торговле услугами⁶.

Трансграничные сделки по предоставлению услуг гораздо сложнее отследить, чем движение материальных товаров через границу; статистические данные по торговле услугами, особенно

на двусторонней основе, достаточно сложно найти. По информации ВТО, данные двусторонней торговли доступны по менее чем 70% мировой торговли услугами⁷.

Резервный банк Индии не публикует в открытом доступе статистику двусторонней торговли услугами со странами-партнерами.

А так как речь в данном исследовании идет об оценке изменений именно в двусторонних потоках, для статистического анализа объемов торговли услугами использована база данных, разработанная ВТО совместно с Организацией экономического сотрудничества и развития, в которой используются как официальные статистические данные национальных органов стран, так и эконометрические оценки недостающих данных. В настоящее время база данных содержит данные за 2005–2019 гг.

Данный временной интервал, с одной стороны, не дает возможности проанализировать последствия пандемии коронавирусной инфекции, которая привела к масштабным сдвигам в мировых торговых цепочках, для национального рынка услуг Индии; с другой стороны, принимая во внимание то, что фокусом исследования является влияние заключения торговых соглашений (а ряд соглашений Индии, включающих в свой охват торговлю услугами, заключен задолго до пандемии), интервал наблюдений, содержащийся в базе данных, можно считать достаточным.

Для проведения анализа влияния соглашений была рассмотрена статистика изменения экспорта услуг партнеров Индии за 5 лет до и в течение 5 лет после вступления в силу соглашений

6 World Trade Organization. Regional Trade Agreements Database. – 2022. – URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicSearchByMember-Result.aspx?membercode=356> (дата обращения: 25.06.2022).

7 World Trade Organization. WTO, OECD launch dataset on bilateral trade in services. – 2021. – URL: https://www.wto.org/english/news_e/news21_e/stat_13jan21_e.htm (дата обращения: 23.06.2022).

Таблица 1. Изменение объемов экспорта услуг Южной Кореи на рынок Индии до и после вступления в силу Соглашения

Table 1. Changes in the exports of services from South Korea to the Indian market before and after the entry into force of the agreement

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Экспорт услуг из Южной Кореи в Индию, млрд долларов США	0,8	0,9	1,2	1,7	1,4	1,7	1,9	2,1	2	2,3	2,1
Рост экспорта услуг из Южной Кореи в Индию, %		19,9	31,4	40,3	-15,9	22,4	9,2	11,1	-2,2	11,9	-9,2
Доля Индии в общем экспорте услуг Южной Кореи в мир, %	1,5	1,6	1,7	1,8	1,9	2,1	2,1	2	2	2	2,1
Доля Южной Кореи в общем импорте услуг Индии из мира, %	2,0	2,0	1,8	1,9	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,1	2,1

Источник: составлено автором на основе WTO. WTO Stats. – URL: <https://stats.wto.org> (дата обращения: 03.07.2022).

о свободной торговле, включающих обязательства по торговле услугами.

Так, в связи с ограниченностью представленных данных временным промежутком с 2005 по 2019 г., изменения в объемах экспорта услуг были проанализированы для следующих соглашений: Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индией и Южной Кореей (вступило в силу в январе 2010 г.) (далее – Соглашение Индия – Южная Корея), Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между Индией и Малайзией (вступило в силу в июле 2011 г.) (далее – Соглашение Индия – Малайзия), Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индией и Японией (вступило в силу в августе 2011 г.) (далее – Соглашение Индия – Япония) и Соглашение о свободной торговле между Индией и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (в части торговли услугами вступило в силу с июля 2015 г.) (далее – Соглашение Индия – АСЕАН).

Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между

Индией и Сингапуром вступило в силу в 2005 г., что не позволяет проследить тенденцию изменения объемов торговли услугами между партнерами до подписания Соглашения. Последние же три соглашения о свободной торговле Индии с Маврикием, ОАЭ и Австралией подписаны совсем недавно – в 2021 и 2022 гг., что также пока не дает возможности сделать какие-либо выводы об их влиянии на торговлю услугами между сторонами.

Из таблицы 1 видно, что экспорт услуг Южной Кореи на индийский рынок в год вступления в силу Соглашения Индия – Южная Корея вырос на 22%, или 300 млн долларов США в стоимостном эквиваленте. В последующие несколько лет рост не носил значимого характера. Если рассматривать изменения в страновой структуре экспорта услуг Южной Кореи в мир, то можно сказать, что доля экспорта в Индию не показала существенных изменений. После вступления в силу Соглашения на Индию стабильно приходилось 2-2,1% от общего объема экспорта услуг Южной Кореи в мир (до вступления в силу Соглашения

Таблица 2. Изменение объемов экспорта услуг Малайзии на рынок Индии до и после вступления в силу Соглашения

Table 2. Changes in the exports of services from Malaysia to the Indian market before and after the entry into force of the agreement

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Экспорт услуг из Малайзии в Индию, млрд долларов США	0,6	0,9	0,9	0,8	1	1,1	1,1	1,2	1,1	1	1,1
Рост экспорта услуг из Малайзии в Индию, %		39,1	4,7	-7,9	25	8,2	3	5,2	-4,4	-8,7	9,2
Доля Индии в общем экспорте услуг Малайзии в мир, %	2,9	2,93	2,9	2,9	2,96	2,86	2,82	2,86	2,73	3	3,22
Доля Малайзии в общем импорте услуг Индии из мира, %	0,67	0,66	0,67	0,60	0,62	0,66	0,69	0,67	0,73	0,69	0,67

Источник: составлено автором на основе WTO. WTO Stats. – URL: <https://stats.wto.org> (дата обращения: 03.07.2022).

Таблица 3. Изменение объемов экспорта услуг Японии на рынок Индии до и после вступления в силу Соглашения

Table 3. Changes in the exports of services from Japan to the Indian market before and after the entry into force of the agreement

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Экспорт услуг из Японии в Индию, млрд долларов США	1,3	1,5	1,7	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	2	2	2,2
Рост экспорта услуг из Японии в Индию, %		10,6	15,8	-13	10,6	3,8	-2,4	-0,7	21,2	0	11,5
Доля Индии в общем экспорте услуг Японии в мир, %	1,22	1,22	1,21	1,23	1,22	1,21	1,21	1,22	1,22	1,23	1,27
Доля Японии в общем импорте услуг Индии из мира, %	2,93	2,86	2,84	2,86	2,87	2,95	3,00	2,84	2,80	2,83	2,92

Источник: составлено автором на основе WTO. WTO Stats. – URL: <https://stats.wto.org> (дата обращения: 03.07.2022).

показатель составлял от 1,5 до 1,9%). Также незаметно заключение Соглашения прошло и в части структуры потребления иностранных услуг на национальном рынке Индии; доля Южной Кореи в общем объеме импортируемых из мира Индией услуг стабильно составляла около 2% на протяжении всего периода наблюдения.

Таблицы 2 и 3 не свидетельствуют и о значимых успехах Малайзии и Японии на национальном рынке услуг Индии вследствие заключения торговых соглашений. Экспорт услуг Малайзии в Индию в год вступления в силу Соглашения вырос на 8%, при этом доля Индии в общем экспорте услуг Малайзии начала сокращаться. Экспорт услуг Японии

Таблица 4. Изменение объемов экспорта услуг из стран АСЕАН на рынок Индии до и после вступления в силу Соглашения**Table 4.** Changes in the exports of services from ASEAN member states to the Indian market before and after the entry into force of the agreement

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Экспорт услуг из стран АСЕАН в Индию, млрд долларов США	5,5	6,3	6,7	7,3	6,8	7,7	8,2	9,3	9,1	10,8
Рост экспорта услуг из стран АСЕАН в Индию, %		14,8	6,3	9,6	-7,3	12,4	6,6	13,6	-2,2	19
Доля Индии в общем экспорте услуг стран АСЕАН в мир, %	2,6	2,5	2,4	2,4	2,2	2,4	2,4	2,5	2,1	2,5
Доля стран АСЕАН в общем импорте услуг Индии из мира, %	4,8	5,1	5,2	5,8	5,3	6	6,1	6	5,2	6

Источник: составлено автором на основе WTO. WTO Stats. – URL: <https://stats.wto.org> (дата обращения: 03.07.2022).

в Индию в год вступления в силу Соглашения вырос на 3,8%, а последующие 2 года изменения объема и вовсе демонстрировали отрицательные значения. Доля Индии в общем экспорте услуг Японии в мир осталась неизменной после вступления в силу Соглашения – на уровне 1,2%. На рынке импортируемых Индией иностранных услуг Японии также не удалось достичь существенного увеличения своей доли.

Относительно Соглашения с АСЕАН отметим, что в год вступления в силу Соглашения в части услуг экспорт услуг стран АСЕАН в Индию вырос на 12%, или чуть менее чем на 1 млрд долларов США; доля услуг стран АСЕАН на рынке Индии в этот год также возросла с 5,3 до 6% всех импортируемых услуг (таблица 4). Однако стоит отметить, что тенденция роста объема экспорта услуг стран АСЕАН в Индию началась еще с 2010 г., когда вступило в силу Соглашение между АСЕАН и Индией в части торговли товарами. Данная закономерность является логичной, так как многие виды услуг (транспортные услуги в части грузоперевозок, финансовые услуги, услуги страхования грузов, услуги по исследованию рынка, реклама и др.) можно

рассматривать в качестве сопровождающих к торговле товарами.

Таким образом, хотя рассмотренные статистические данные демонстрируют некоторые положительные тенденции в торговле стран – партнеров по соглашениям с Индией, о получении существенных стабильных выгод в части наращивания экспорта услуг или доли присутствия на национальном рынке Индии вследствие заключения Соглашения говорить сложно. Учитывая, что одной из целей заключения соглашений о свободной торговле является упрощение условий (либерализация) торговли с партнером, которое должно привести к наращиванию объемов экспорта национальных поставщиков на рынок третьей страны, целесообразность заключения соглашений, не показавших существенных результатов по данному параметру, может оказаться под вопросом.

Среди причин отсутствия ощутимо крупного прироста в торговле может быть, например, то, что партнеры по соглашениям Индии изначально не специализируются на экспорте услуг (отдельных видов услуг, на которые есть спрос на рынке услуг Индии) или их услуги являются недостаточно кон-

курентоспособными на национальном рынке Индии. Однако если для Малайзии и некоторых других стран АСЕАН такое предположение еще может оказаться верным, то для Японии, которая в 2011 г. (год вступления в силу Соглашения) по объему экспорта своих услуг в мир опережала саму Индию, оно вряд ли является релевантным.

Другой причиной может являться недостаточная степень либерализации доступа на рынок услуг для поставщиков партнеров по Соглашению, а также наличие скрытых ограничений в торговле (требований по найму местной рабочей силы, сложных процедур открытия банковских счетов или признания квалификаций зарубежных специалистов, предоставление субсидий, льгот для собственных поставщиков услуг, работающих на национальном рынке и др.).

Уровень доступа к рынку услуг Индии, закрепленный в соглашениях о свободной торговле

Чтобы определить степень либерализации доступа к национальному рынку Индии, необходимо провести анализ обязательств Индии, принятых в рамках многосторонней торговой системы (в перечне специфических обязательств к Генеральному соглашению по торговле услугами (далее – ГАТС)) и соглашений о свободной торговле, в части торговли услугами.

Перечни специфических обязательств по торговле услугами большинства членов ВТО были зафиксированы еще в конце прошлого века. На практике же с учетом существенной активиза-

ции трансграничной торговли услугами и общемирового тренда к либерализации торговли за это время внутреннее регулирование, которое и служит основой доступа для иностранной услуги (поставщика услуги) на национальный рынок, могло существенно смягчиться. Ограничения, зафиксированные в перечнях специфических обязательств членов ВТО, в основном служат некоторыми предельными ориентирами, обеспечивающими неухудшение доступа иностранных услуг (поставщиков услуг), а также определенную долю транспарентности.

Индия является членом ВТО с 1995 г. Перечни специфических обязательств Индии к ГАТС датированы 1994 г. (с изменениями (в части перемещения физических лиц в 1995 г., телекоммуникационных услуг – в 1997 г. и финансовых услуг – в 1998 г.), связанными с дополнительными протоколами к ГАТС)⁸.

Обязательства, принятые Индией в части торговли услугами, нельзя назвать существенными. В рамках своего перечня специфических обязательств Индия взяла на себя обязательства только в 6 из 11 укрупненных секторов услуг по Классификатору услуг ГАТС. Никакие обязательства по таким укрупненным секторам, как дистрибьютерские услуги, услуги в области образования, услуги, связанные с защитой окружающей среды, услуги по организации досуга, культурных и спортивных мероприятий, а также транспортные услуги, не взяты, соответственно, никаких гарантий по доступу в данные сектора иностранных услуг (поставщиков услуг) не предоставляется. При этом в большинстве подсекторов услуг, которые зафикси-

8 World Trade Organization. India-Schedule of Specific Commitments. GATS/SC/42, GATS/SC/42/Suppl.1, GATS/SC/42/Suppl.2, GATS/SC/42/Suppl.3, GATS/SC/42/Suppl.4. – URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_5006.aspx?Query=\(@Symbol=%20gats/sc/*\)%20and%20\(\(%20@Title=%20india%20\)%20or%20\(@CountryConcerned=%20india\)\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_5006.aspx?Query=(@Symbol=%20gats/sc/*)%20and%20((%20@Title=%20india%20)%20or%20(@CountryConcerned=%20india))&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения: 25.04.2022).

рованы в перечне, при трансграничной поставке и потреблении за рубежом (1-й и 2-й способы поставки) обязательства не приняты, а для коммерческого присутствия зафиксированы существенные ограничения по максимальному объему иностранного участия в капитале компаний (по большинству подсекторов – не более 51%).

В рамках исследования проанализированы семь из восьми заключенных Индией торговых соглашений, включающих режимные положения по торговле услугами⁹:

1. Соглашение Индия – Южная Корея.
2. Соглашение Индия – Япония.
3. Соглашение Индия – Малайзия.
4. Соглашение Индия – АСЕАН.

Интересной деталью данного Соглашения является то, что Индия сформировала три отдельных перечня специфических обязательств в торговле услугами (в соответствии со статьей 21 Соглашения): единый перечень для восьми стран АСЕАН (Брунея, Камбоджи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Вьетнама) (далее – Индия – АСЕАН-8) и по отдельному перечню обязательств для Индонезии (далее – Индия – Индонезия) и Филиппин (далее – Индия – Филиппины).

5. Соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве и парт-

нерстве между Индией и Маврикием, вступившее в силу в апреле 2021 г. (далее – Соглашение Индия – Маврикий).

6. Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве между Индией и Объединенными Арабскими Эмиратами, вступившее в силу в мае 2022 г. (далее – Соглашение Индия – ОАЭ).

7. Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве между Индией и Австралией, подписанное в апреле 2022 г. (далее – Соглашение Индия – Австралия).

При первом ознакомлении с торговыми соглашениями Индии, охватывающими торговлю услугами, можно отметить следующие особенности: Индия всегда фиксирует свои специфические обязательства в торговле услугами в позитивном формате¹⁰. Позитивный формат перечней используется Индией даже в последнем Соглашении с Австралией, которая для своего перечня обязательств использовала негативный формат. По общей практике стороны одного соглашения придерживаются одинакового формата перечней специфических обязательств. Однако в статье 8.11 («Переходный период») Соглашения Индия – Австралия зафиксировано, что Индия должна предоставить перечень обязательств, сформированный в негативном форма-

9 Agreement on Trade in Services under the Framework Agreement on Comprehensive Economic Cooperation between the Republic of India and the Association of Southeast Asian Nations. – URL: https://commerce.gov.in/wp-content/uploads/2020/12/MOC_636040205325835433_ServicesAgreement.pdf; Australia-India Comprehensive Economic Cooperation Agreement. – URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/negotiations/aifta/australia-india-ecta-official-text>; Comprehensive Economic Cooperation and Partnership Agreement (CECPA) between the Republic of Mauritius and the Republic of India. – URL: <https://www.mauritiustrade.mu/ressources/pdf/cecpa-trade-agreement.pdf>; Comprehensive Economic Partnership Agreement between India and Korea. – URL: <https://commerce.gov.in/wp-content/uploads/2020/05/INDIA-KOREA-CEPA-2009.pdf>; Comprehensive Economic Partnership Agreement between Japan and the Republic of India. – URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/epa201102/index.html>; Comprehensive Economic Partnership Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the UAE// https://www.moec.gov.ae/documents/20121/1347101/Final+Agreement_UAE+India+CEPA.pdf; Malaysia-India Comprehensive Economic Cooperation Agreement. – URL: <https://fta.miti.gov.my/index.php/pages/view/malaysia-india?mid=44> (дата обращения для всех указанных документов: 30.05.2022).

10 Позитивный формат закрепления обязательств по торговле услугами предполагает, что перечни специфических обязательств формируются по аналогии с перечнями специфических обязательств членов ВТО, где фиксируются ограничения в отдельных секторах по отдельным способам поставки, при этом никакие гарантии доступа на рынок и национального режима в секторах, не включенных в перечень, не предоставляются.

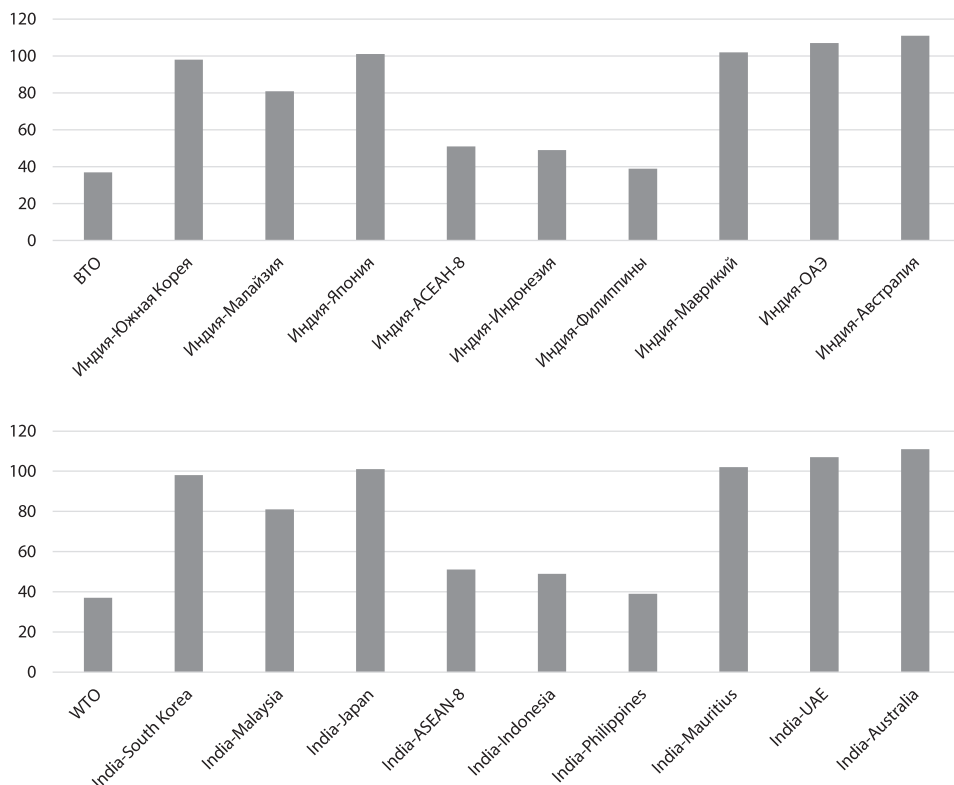

Рисунок 1. Количество подсекторов, по которым приняты обязательства в перечнях специфических обязательств Индии в ВТО и торговых соглашениях

Figure 1. Number of subsectors for which India made commitments in the schedules of commitments in the WTO and its trade agreements

Источник: составлено автором на основе перечней специфических обязательств Индии и Классификатора услуг ГАТС.

те, на рассмотрение Австралии не позднее чем через 5 лет с даты вступления в силу Соглашения.

Предварительно использование позитивного формата перечней может указывать на менее либеральный подход, чем при использовании негативного формата. Однако полноценные выводы о достигнутой степени либерализации можно будет сделать только после проведения содержательного анализа принятых в перечнях обязательств.

Учитывая то, что все перечни специфических обязательств по торговле

услугами Индии сформированы в позитивном формате, важным является количество подсекторов, зафиксированных в таких перечнях, так как гарантии по режиму доступа предоставляются страной только в данных подсекторах. Соответственно, чем больше количество подсекторов, по которым в перечне зафиксированы какие-либо обязательства, тем в большую часть экономики будут иметь гарантии по доступу услуги (поставщики услуг) страны-партнера по Соглашению.

Как видно из рисунка 1, наименьшее количество подсекторов зафиксировано

но Индией в перечнях специфических обязательств к ГАТС (37 из 155 подсекторов Классификатора ГАТС). Количество подсекторов в перечнях специфических обязательств, сформированных Индией для 8 стран АСЕАН, Индонезии и Филиппин, лишь немногим превышает количество подсекторов в перечне к ГАТС. При этом в соглашениях с Южной Кореей, Малайзией и Японией, заключенных раньше Соглашения с АСЕАН, охват секторов существенно больше.

Дальнейшее расширение охвата подсекторов прослеживается в последних двух торговых соглашениях Индии с ОАЭ и Австралией, где условия доступа зафиксированы более чем в 100 подсекторах услуг. В частности, в сравнении с уровнем доступа в перечне специфических обязательств Индии к ГАТС в последних соглашениях Индии 1) увеличено количество подсекторов деловых и строительных услуг, в которые зафиксированы условия доступа, 2) предоставлен доступ в подсектора дистрибьюторских услуг, услуг в области образования, услуг, связанных с защитой окружающей среды, услуг по организации досуга, культурных и спортивных мероприятий, транспортных услуг (преимущественно в сфере морского транспорта).

Стоит отметить, однако, что охват подсекторов в соглашениях 2010–2011 гг. (с Южной Кореей и Японией) не так уж существенно отличается от охвата в соглашениях, заключенных спустя 10 лет (в 2021–2022 гг.).

Чтобы говорить о степени либерализации в торговле услугами, необходимо провести сравнение конкретных обязательств, взятых в том или ином подсекторе, по тому или иному способу поставки. Такой анализ выполнен для трансграничной поставки (1-й способ поставки), потребления услуг за рубежом (2-й способ постав-

ки) и коммерческого присутствия (3-й способ поставки). Для перемещения физических лиц (4-й способ поставки) обязательства по категориям допускаемых лиц фиксируются в горизонтальной части перечней или в отдельных приложениях к соглашениям; в перечнях специфических обязательств по 4-му способу поставки, как правило, фиксируется, что обязательства не приняты.

Так как количество подсекторов, в которые предоставлен доступ, существенно различается в анализируемых перечнях, для проведения сравнения уровня предоставленного доступа рассматривается доля тех или иных условий доступа по каждому способу поставки в общем количестве подсекторов, зафиксированных в каждом отдельном Соглашении.

Основными категориями сравнения условий доступа являются следующие:

1. Без ограничений. Предусмотрено полное отсутствие каких-либо барьеров по доступу услуг (поставщиков услуг) страны-партнера по Соглашению в данный подсектор услуг.

2. Ограничения. Предусмотрено наличие некоторых ограничений по доступу на рынок для услуг (поставщиков услуг) страны-партнера, что может снизить выгодность входа и ведения деятельности на рынке. Однако фиксация в перечне конкретных ограничений обеспечивает определенную долю транспарентности и обязательство по неухудшению доступа.

3. Обязательства не приняты. Предусмотрено отсутствие каких-либо гарантий по недискриминационным условиям доступа услуг (поставщиков услуг) страны-партнера по Соглашению в данный подсектор услуг.

Для начала рассмотрим, как изменялись условия доступа на рынок услуг Индии для партнеров при трансграничной поставке (1-й способ постав-

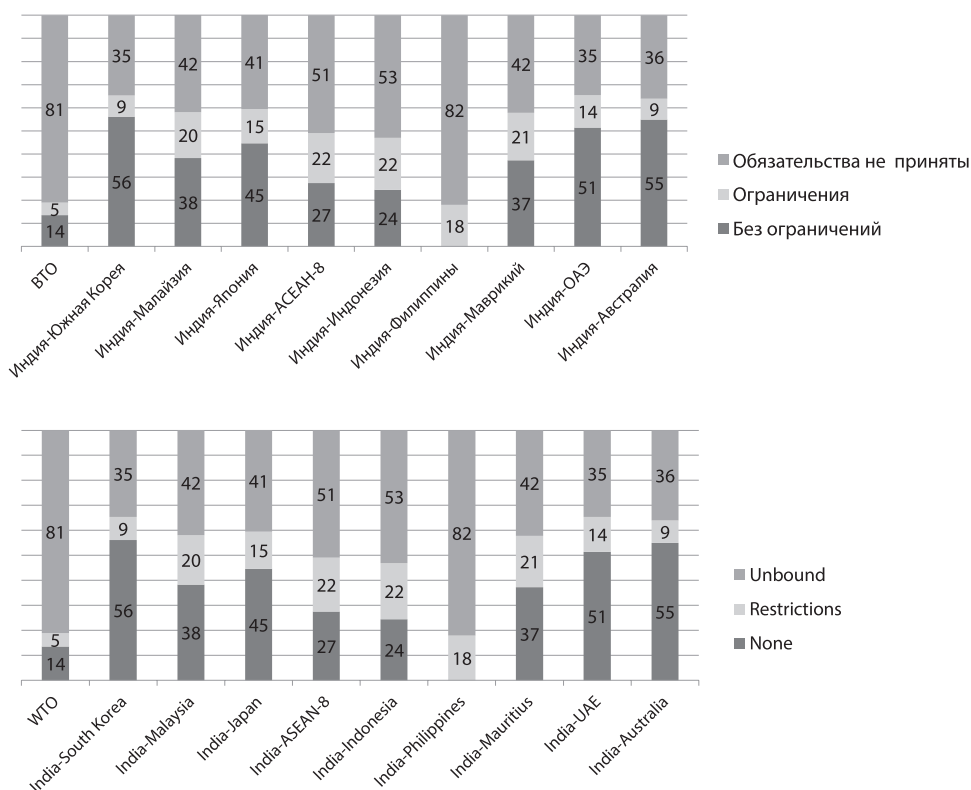

Рисунок 2. Режим, зафиксированный по 1-му способу поставки в ВТО и торговых соглашениях Индии, % от общего количества подсекторов, по которым предоставлен доступ в каждом соглашении

Figure 2. Commitments of India for **Mode 1** in the WTO and trade agreements, percent of number of subsectors for which India made commitments in the agreement

Источник: составлено автором на основе перечней специфических обязательств Индии.

ки), предполагающей предоставление своих услуг иностранными поставщиками, находящимися за пределами Индии, физическим и юридическим лицам, находящимся в Индии. Как видно на рисунке 2, условия доступа на рынок Индии при данном способе поставки были существенно либерализованы с момента присоединения Индии к ВТО. Если в перечнях специфических обязательств Индии к ГАТС по более чем 80% зафиксированных подсекторов услуг условия доступа никак не были урегулированы (то есть, по сути, Ин-

дия могла применять любые дискриминирующие условия доступа иностранных поставщиков при трансграничной поставке), то в последующих торговых соглашениях Индии с Южной Кореей, ОАЭ и Австралией доля таких подсекторов с неурегулированными условиями доступа сократилась до 35–36%. Основную их часть составляют подсектора, где трансграничная поставка физически невозможна (складские услуги в портах, услуги по обработке морских грузов и другие виды вспомогательных услуг морского транспорта), и стратеги-

чески важные сектора для экономики Индии (телекоммуникационные услуги, страхование, большая часть банковских услуг).

Также стоит отметить, что существенно увеличилась доля подсекторов, доступ к которым для иностранных услуг (поставщиков услуг) предоставлен без ограничений. Для торговых соглашений с Южной Кореей, ОАЭ и Австралией доля таких подсекторов превышает 50%. Данная тенденция предположительно объясняется растущей значимостью трансграничного импорта деловых услуг для аутсорсинга бизнес-процессов индийского производственного сектора. Именно на подсектора деловых услуг приходится основной прирост свободного доступа на рынок услуг Индии, тогда как такие крупные сектора, как банковский и страховой, продолжают сохранять значительную неопределенность в условиях доступа для иностранных поставщиков. Интересным фактом также является то, что Соглашение с Южной Кореей, хотя и охватывало чуть меньшее количество секторов услуг, чем последние два соглашения Индии, не уступало им по степени либерализации доступа услуг на индийский рынок, тогда как было заключено более чем 10 годами ранее.

Потребление за рубежом (2-й способ поставки) предполагает ситуацию, когда потребитель из одной страны приобретает и потребляет услугу, находясь на территории другой страны. В рамках перечней специфических обязательств Индии в ВТО практически во всех подсекторах услуг никакие обязательства по 2-му способу поставки не приняты. В последующих торговых соглашениях, начиная с Соглашения с Южной Кореей, в большую часть подсекторов (более 60% подсекторов для всех рассматриваемых перечней обязательств, кроме перечня для Филиппин)

доступ для потребления за рубежом предоставлен без ограничений.

Обязательства по потреблению за рубежом не принимаются в подсекторах страховых и банковских услуг, некоторых видов дистрибьютерских услуг. Стоит отметить, однако, что в части страховых и банковских услуг практика непринятия обязательств является достаточно распространенной, что связано как с экономическими интересами (с точки зрения поддержки национальных страховщиков и поставщиков банковских услуг), так и с интересами национальной безопасности и социальных гарантий. Тенденция достаточно высокой степени совпадения уровня доступа, закрепленного в соглашениях 2010-2011 гг. и последних соглашениях Индии, также сохраняется и для данного способа поставки.

Коммерческое присутствие (3-й способ поставки) зачастую является наиболее востребованным для поставщиков услуг способом поставки для выхода на зарубежные рынки. При данном способе поставки компания, поставщик услуги, открывает представительство, дочернюю компанию или филиал, через которые предоставляет услугу потребителю другой страны. Так как коммерческое присутствие предусматривает непосредственное нахождение и ведение деятельности иностранной компании на национальном рынке и в рамках национального правового поля, зачастую наибольшее количество ограничений в перечнях специфических обязательств стран сосредоточено именно на данном способе поставки. Для более детального анализа природы ограничений, зафиксированных для 3-го способа поставки, помимо предыдущих категорий сравнения были выделены следующие:

1. Ограничения на иностранное участие в капитале компании. В международной практике данный

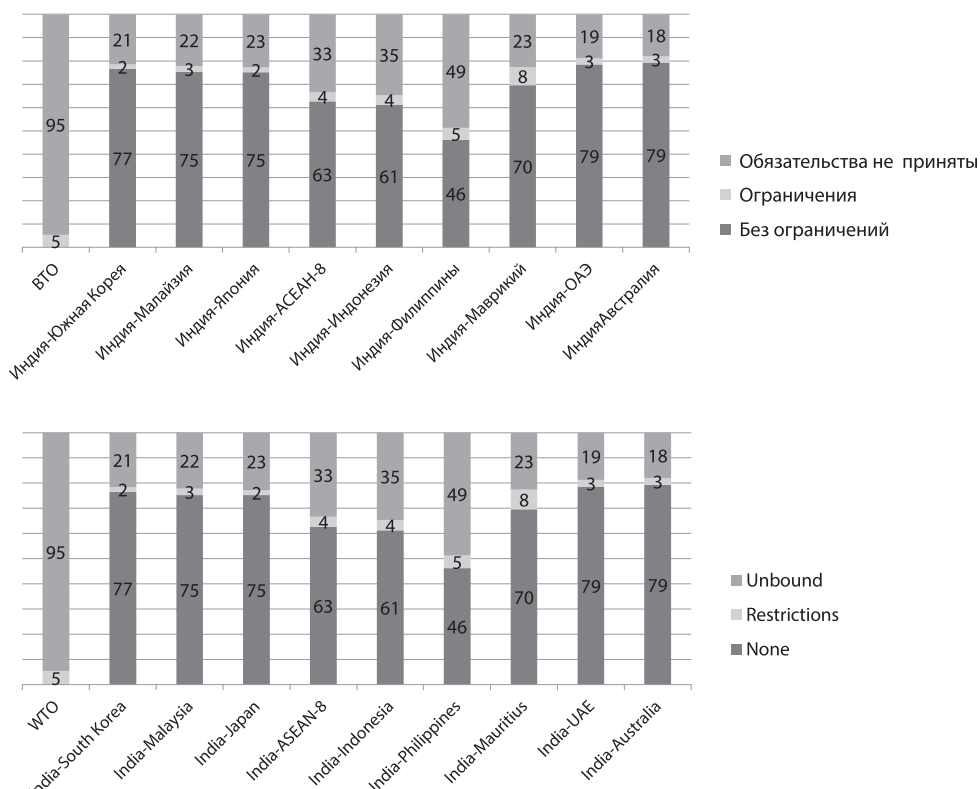

Рисунок 3. Режим, зафиксированный по 2-му способу поставки в ВТО и торговых соглашениях Индии, % от общего количества подсекторов, по которым предоставлен доступ в каждом соглашении

Figure 3. Commitments of India for **Mode 2** in the WTO and trade agreements, percent of number of subsectors for which India made commitments in the agreement

Источник: составлено автором на основе перечней специфических обязательств Индии.

вид ограничений является наиболее распространенным для 3-го способа поставки, так как предполагает ограничения на долю вложений иностранных инвесторов в капитал компании на территории принимающей страны. Такое ограничение может существенно лимитировать свободу деятельности для иностранной компании, а также вынуждает ее искать дополнительных национальных инвесторов принимающей страны. Чем ниже порог допустимого иностранного капитала, тем ниже экономическая целесообраз-

ность для компании учреждать свою дочернюю компанию в принимающей стране.

2. Ограничения на иностранное участие в капитале компании + другое(ие) ограничение(я). Предполагает наличие не только ограничения на иностранное участие в капитале, но и дополнительного(ых) ограничения(й) другого характера (это могут быть ограничения на состав руководителей компаний, форму юридического лица, необходимость получения дополнительных разрешений, лицензий на учреждение

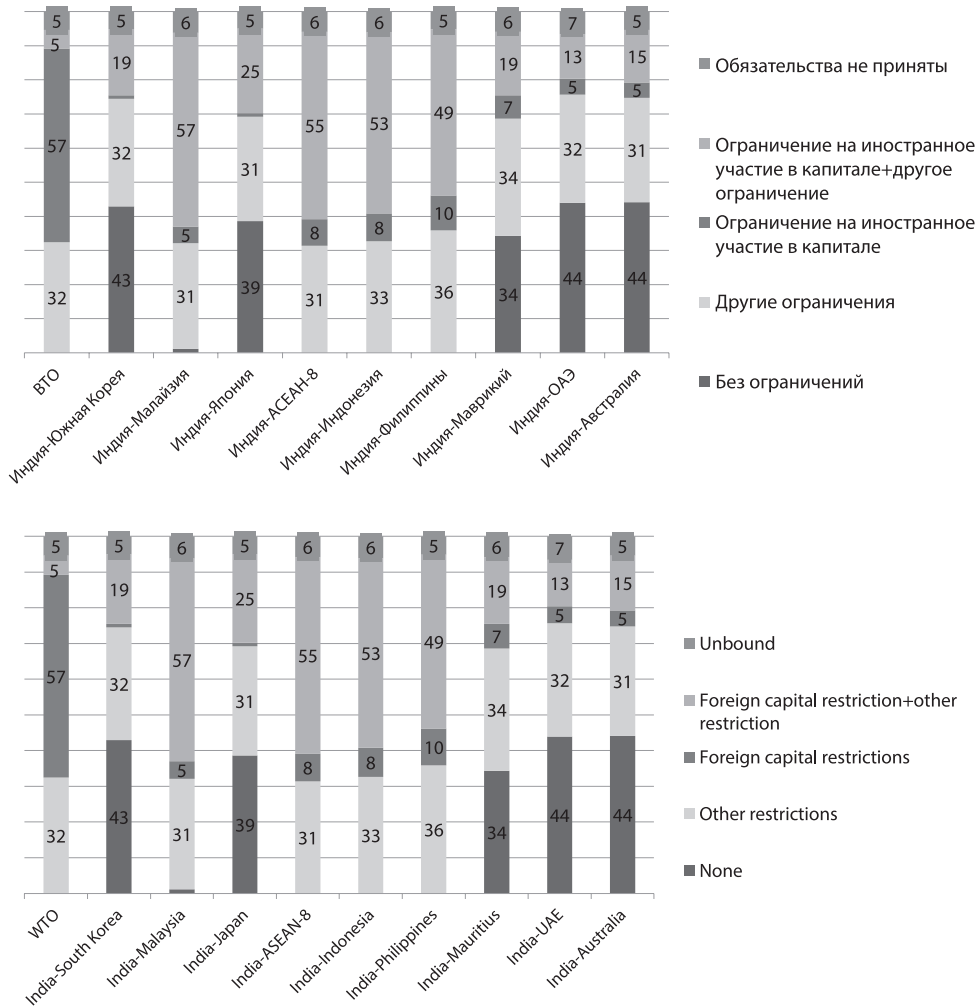

Рисунок 4. Режим, зафиксированный по 3-му способу поставки в ВТО и торговых соглашениях Индии, % от общего количества подсекторов, по которым предоставлен доступ в каждом соглашении

Figure 4. Commitments of India for **Mode 3** in the WTO and trade agreements, percent of number of subsectors for which India made commitments in the agreement

Источник: составлено автором на основе перечней специфических обязательств Индии.

или осуществление деятельности и др.), что соответственно будет усложнять возможность доступа иностранной дочерней компании (филиала) к рынку принимающей страны.

3. Другие ограничения. Предусматривает наличие любых других огра-

ничений доступа к данному подсектору помимо ограничения на размер иностранного капитала.

Как видно из рисунка 4, более чем в 60% подсекторов в перечне Индии в ВТО присутствуют ограничения на иностранное участие в капитале. Ни

в один подсектор доступ без ограничений не предоставлен.

На примере режима, зафиксированного по коммерческому присутствию, явно виден существенный дисбаланс предоставленных условий в соглашениях Индии с ОАЭ, Австралией, Южной Кореей, Японией (где, в частности, доступ без ограничений предоставлен в 39–44% от общего количества подсекторов, по которым приняты обязательства) и условий в соглашениях Индии со странами АСЕАН (Индия – АСЕАН-8, Индия – Индонезия, Индия – Филиппины, где доступ без ограничений не предоставлен).

В целом условия доступа по коммерческому присутствию в соглашениях со странами АСЕАН практически равнозначны условиям, зафиксированным в перечне специфических обязательств Индии к ГАТС. Отличием в условиях доступа является лишь то, что если в перечне специфических обязательств Индии к ГАТС наибольшую часть ограничений (57% от всех ограничений в подсекторах, в которых Индией приняты обязательства), зафиксированных по коммерческому присутствию, составляют ограничения на иностранное участие в капитале, то во многих подсекторах в перечнях Индии для стран АСЕАН к таким ограничениям было также добавлено условие о необходимости получения разрешения регулирующего органа в случае повторного осуществления инвестиций в экономику Индии.

Для коммерческого присутствия так же, как и для 1-го и 2-го способов поставки, сохраняется тенденция сопоставимости степени либерализации в соглашениях с Японией и Южной Кореей и новейших соглашениях с ОАЭ и Австралией.

Таким образом, исходя из сравнения уровней доступа, предоставленных Индией партнерам по соглашениям, можно сделать следующие выводы:

1. Условия доступа на рынок услуг Индии, зафиксированные в рамках многосторонней торговой системы, являются достаточно протекционистскими. Гарантии условий доступа предоставлены в менее чем половину подсекторов по Классификатору услуг ГАТС. В части трансграничной поставки и потребления за рубежом в более чем половине подсекторов, включенных в перечень, обязательства не принимаются, то есть гарантии доступа опять же отсутствуют. По коммерческому присутствию ни в один подсектор доступ без ограничений не предоставлен, более чем в половине подсекторов зафиксированы ограничения на иностранный капитал (51%). Так, можно с уверенностью сказать, что изначальный ориентир сравнения (обязательства, закрепленные в перечне Индии к ГАТС) находится на достаточно низком уровне, то есть достичь уровня «ВТО+», который де-юре указывает на наличие либерализации доступа для страны-партнера, в дальнейших договоренностях достаточно легко.

2. При сравнении перечня специфических обязательств Индии к ГАТС и договоренностей, достигнутых в последующих торговых соглашениях Индии, включающих в свой охват торговлю услугами, прослеживается увеличение количества подсекторов, в которые предоставлен доступ, а также снятие ряда ограничений.

3. Наименьшие выгоды в части снятия ограничений по доступу на национальный рынок отмечаются в перечнях специфических обязательств Индии к Соглашению с АСЕАН. Причиной закрепления гарантий доступа на рынок для услуг (поставщиков услуг) стран АСЕАН на уровне ниже достигнутого в предыдущих соглашениях и в некоторых аспектах близком к уровню ВТО может быть то, что данное Соглашение является первым (и на сегодняшний

день единственным) соглашением Индии с крупным блоком стран. Как было указано в таблице 4, на страны АСЕАН приходилось 5% импортируемых Индией услуг, что превышало доли на национальном рынке предыдущих партнеров Индии по соглашениям. Индия в этом случае могла воздержаться от активной либерализации условий доступа, чтобы избежать угрозы интересам национальных поставщиков услуг со стороны поставщиков услуг сразу 10 стран, входящих в объединение.

4. Условия доступа на национальный рынок услуг, закрепленные в перечнях специфических обязательств в последних соглашениях Индии с ОАЭ и Австралией, сопоставимы с условиями доступа в соглашениях с Южной Кореей и Японией, заключенных десятью годами ранее. Данный факт не позволяет сделать вывод о том, что ОАЭ и Австралии удалось существенно улучшить условия доступа на национальный рынок Индии в сравнении с соглашениями Южной Кореи и Японии.

Еще одним заслуживающим внимания аспектом рассматриваемых соглашений Индии является режим наибольшего благоприятствования в торговле услугами (далее – РНБ), который, согласно статье 2 ГАТС, предусматривает предоставление услугам и поставщикам услуг страны-партнера по соглашению режима не менее благоприятного, чем тот, который предоставляется для аналогичных услуг или поставщиков услуг любой другой страны.

В Соглашении по услугам между Индией и АСЕАН обязательства по предоставлению РНБ не предусмотрены. С учетом того, что даже внутри Соглашения Индией составлены три разных перечня обязательств, а также того, что зафиксированные условия доступа во многом являются менее преференциальными, чем в соглашениях

Индии с Южной Кореей и Японией, заключенных до данного соглашения, отсутствие обязательств по РНБ является объяснимым.

Статья 6.3 Соглашения между Индией и Южной Кореей фиксирует обязательства сторон по предоставлению РНБ, однако формулировку статьи нельзя назвать стандартной. В частности, статья предусматривает, что, если после даты вступления в силу Соглашения одна из его сторон заключит какое-либо соглашение о торговле услугами с третьей страной, такая сторона на рассмотрит запрос другой стороны о предоставлении ей режима не менее благоприятного, чем тот, который предусмотрен в новом соглашении с третьей страной. Данная формулировка оставляет достаточно высокую степень свободы партнеров в распространении будущих договоренностей о режиме доступа услуг и поставщиков услуг третьих стран на стороны Соглашения. Кроме того, обязательства по предоставлению режима не хуже, чем предоставляемый услугам и поставщикам услуг других стран на момент заключения Соглашения, отсутствуют. Такой же подход к фиксации обязательств по РНБ предусмотрен и в соглашениях Индии с Японией, Маврикием и ОАЭ.

В Соглашении Индии с Австралией подход к обязательствам по РНБ модифицирован, в частности, зафиксировано следующее:

1. Стороны Соглашения оставляют за собой право принимать или сохранять любые меры, предоставляющие услугам и поставщикам услуг стороны, не являющейся участником данного Соглашения, более благоприятный режим в соответствии с любым другим международным соглашением, действующим или подписанным до даты вступления в силу данного Соглашения.

2. В части любого двустороннего или многостороннего международного

соглашения, которое Индия может заключить после даты вступления в силу данного Соглашения, Индия оставляет за собой право принимать или сохранять любые меры, которые обеспечивают более благоприятный режим для любой услуги, поставщика услуги стороны такого соглашения во всех секторах, за исключением зафиксированных в приложении. Другая сторона данного Соглашения может запросить консультации для обсуждения возможности распространения режима, предоставленного третьей стороне.

3. Приложение к главе 8 Соглашения фиксирует секторальный охват РНБ для Индии. По отношению к секторам, включенным в данный перечень, Индия принимает обязательства предоставлять услугам и поставщикам услуг другой стороны режим не менее благоприятный, чем тот, который она предоставляет аналогичным услугам и поставщикам услуг третьей стороны, не являющейся участником данного Соглашения. В перечень включена 31 позиция, среди которых 25 подсекторов деловых услуг, аудиовизуальные услуги, строительные и связанные с ними инженерные услуги, услуги в области высшего образования и образования для взрослых, услуги, связанные с защитой окружающей среды, услуги по страхованию, банковские и другие финансовые услуги, услуги больниц, туризм и услуги, связанные с путешествиями. Таким образом, не охваченными в перечне остаются некоторые подсектора деловых услуг, услуги в области связи, дистрибьютерские услуги, услуги по организации досуга и транспортные услуги.

В сравнении с подходом, зафиксированным в предыдущих рассматри-

ваемых соглашениях Индии, подход, используемый Индией в Соглашении с Австралией, предоставляет Австралии значимое преимущество в наличии гарантий РНБ, по крайней мере, в части секторов и подсекторов, перечисленных в перечне.

Секторальный разрез доступа на внутренний рынок услуг Индии

Чтобы более детально изучить доступ на национальный рынок Индии, который получают ее партнеры по соглашениям, рассмотрим конкретные секторальные условия и ограничения, зафиксированные в ее перечнях специфических обязательств. Так как перечни охватывают существенное количество секторов, за основу возьмем сектора, преобладающие в структуре импорта услуг Индии из мира: транспорт, деловые услуги телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги, страхование (35; 31,5; 7; 4% от общего объема импорта услуг Индии из мира в 2020 г. соответственно¹¹).

1. Транспортные услуги. В рамках ВТО никакие обязательства по доступу на рынок транспортных услуг Индии не приняты. В Соглашении с Австралией¹² предоставлен доступ к достаточно существенному количеству подсекторов вспомогательных услуг морского транспорта, однако к ним применяется горизонтальное ограничение в необходимости учреждения компании в Индии для коммерческого присутствия и соблюдения всех требований, предусмотренных внутренним законодательством. Такая оговорка оставляет возможность закреплять в националь-

11 International Trade Centre. Trade Map. – 2021. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 07.07.2022).

12 Для сравнения взят уровень доступа, зафиксированный в соглашении Индия – Австралия, так как данное соглашение является последним из заключенных на текущий момент и, исходя из предыдущего анализа, условия доступа в нем являются одними из наиболее преференциальных.

ном законодательстве (как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов) меры регулирования и требования, являющиеся существенными ограничениями для входа в отрасль.

2. Деловые услуги. Спектр подсекторов деловых услуг, охваченных перечнями обязательств, достаточно обширен. В связи с этим разберем условия доступа лишь к некоторым ключевым подсекторам.

В подсектор юридических услуг доступ ни в рамках ВТО, ни в Соглашении с Австралией не предоставлен.

Пунктом 24 Закона об адвокатах Индии закреплено, что физическое лицо может получить статус адвоката при условии выполнения ряда требований, в том числе при наличии гражданства Индии и степени в области права в одном из признанных Советом адвокатов Индии университетов. Для учреждения юридической фирмы также необходимо иметь статус адвоката. Однако в части наличия гражданства Индии зафиксирована оговорка, что заявитель, не являющийся гражданином Индии, может получить статус адвоката, в случае если граждане Индии с соответствующей квалификацией могут быть признаны адвокатами в стране происхождения данного заявителя. Признание степеней университетов, находящихся вне территории Индии, рассматривается Советом адвокатов Индии.

Так, хотя формально в национальном законодательстве содержится определенный зазор для участия иностранных поставщиков услуг на рынке Индии, гарантии доступа на рынок в торговых соглашениях не закрепляются. На практике вход на индийский рынок предоставления юридических услуг для иностранных поставщиков также закрыт [Subhadarsi, 2015; Office of the United States Trade Representative, 2022].

К рынку услуг в области архитектуры доступ в рамках ВТО не был предо-

ставлен. В Соглашении с Австралией хотя подсектор и присутствует в перечне, однако по всем трем способам поставки содержится оговорка о необходимости наличия статуса архитектора, получение которого регулируется в соответствии с национальным законодательством и на условиях взаимности. Наличие таких оговорок в колонке ограничений на предоставление национального режима оставляет определенную степень возможности контроля за входом на рынок иностранных поставщиков услуг путем установления обременительных требований для признания их квалификации, а также затягивания процесса признания.

В части услуг в области составления отчетности и бухгалтерского учета в рамках ВТО доступ не предоставлен, в рамках Соглашения с Австралией по коммерческому присутствию обязательства по доступу на рынок не приняты, при трансграничной поставке необходимо получение статуса бухгалтера в соответствии с национальным законодательством и на условиях взаимности. Так, фактически никаких гарантий для учреждения филиалов и дочерних компаний не предоставляется, а для трансграничной поставки опять же остается оговорка, которая позволяет контролировать количество ведущих деятельность на национальном рынке специалистов/компаний.

Доступ к услугам в инженерных областях и компьютерным услугам можно назвать либерализованным. Хотя данные подсектора были включены в перечень специфических обязательств Индии к ГАТС, по трансграничной поставке и потреблению за рубежом обязательства не были приняты, а по коммерческому присутствию был зафиксирован максимальный объем иностранного участия в капитале на уровне 51%, в то время как в Соглашении с Австралией к обоим данным подсекторам

доступ предоставлен без ограничений по всем способам поставки.

1. Телекоммуникационные услуги. Телекоммуникационный сектор Индии является вторым по количеству абонентов в мире [Telecom Regulatory Authority of India, 2021], в связи с чем обладает высокой привлекательностью для иностранных компаний.

В рамках перечня специфических обязательств к ГАТС доступ предоставлен к небольшому количеству подсекторов телекоммуникационных услуг. Условия доступа предусматривают отсутствие обязательств в части трансграничной поставки и потребления за рубежом, а также в части предоставления национального режима по всем трем способам поставки. Для доступа на рынок посредством коммерческого присутствия зафиксированы различные ограничения, включая необходимость получения лицензии, ограничение на иностранное участие в капитале в размере 25%.

В Соглашении с Австралией количество подсекторов телекоммуникационных услуг, по которым приняты обязательства, расширено, требования по получению лицензии сохраняются, предел иностранного участия в капитале компаний повышен до 74% (для некоторых подсекторов предел не зафиксирован) с необходимостью получения одобрения правительства от 49%. Для существенного количества включенных подсекторов зафиксированы ограничения национального режима по коммерческому присутствию в части требований к составу совета директоров и некоторых категорий персонала.

Относительно ограничения на иностранное участие в капитале компаний в сфере телекоммуникационных услуг необходимо отметить, что Консолидированная политика в области прямых иностранных инвестиций [Department

for Promotion of Industry and Internal Trade..., 2020] предусматривает возможность иностранных инвестиций в капитал компаний до 100% (с необходимостью получения одобрения Правительства Индии от 49%), тогда как перечнем Индии в Соглашении с Австралией для большинства подсекторов телекоммуникационных услуг предусмотрена возможность ПИИ только до 74%.

Так, в целом по сектору телекоммуникационных услуг ряд ограничений, зафиксированных в рамках многосторонней торговой системы, был снят в рамках Соглашения с Австралией, однако доступ и ведение деятельности на рынке в данном секторе остался под контролем правительства в части выдачи лицензий на осуществление деятельности, а также в части назначения управляющего состава компаний. Кроме того, было выявлено некоторое несовпадение в установленном пределе иностранного капитала в Соглашении с Австралией и национальном законодательстве в сфере ПИИ.

2. Услуги страхования. В перечне специфических обязательств Индии к ГАТС по услугам страхования в части доступа на рынок и предоставления национального режима по трансграничной поставке (за исключением некоторых случаев страхования грузов), потреблению за рубежом и коммерческому присутствию обязательства не приняты. По услугам перестрахования некоторые обязательства по доступу на рынок принимаются, но не обеспечивают открытого доступа на национальный рынок.

В Соглашении с Австралией обязательства по доступу на рынок для трансграничной поставки и потребления за рубежом также не принимаются, национальный режим не гарантируется по всем трем способам поставки. Для доступа на рынок при коммерческом присутствии доля

иностранный капитал ограничена 49% (для оказания посреднических услуг в области страхования доля инвестиций не ограничена). Данные условия доступа можно назвать достаточно ограниченными.

На практике рынок страхования Индии нельзя назвать высококонкурентным. На рынке страхования жизни доминирует государственная компания *Life Insurance Corporation of India*, которой принадлежит около 66% доли рынка. На рынке общего страхования частным компаниям принадлежит около 55% доли рынка [WTO, 2020]. До 2015 г. создание филиалов иностранных компаний, оказывающих услуги в сфере перестрахования, было запрещено; функционировала только одна компания по перестрахованию – *General Insurance Corporation of India* (большая часть акций принадлежит Правительству Индии).

Выводы

Таким образом, оценив изменения в количественных показателях торговли услугами стран-партнеров по торговым соглашениям с Индией, а также проанализировав условия доступа, предоставленные Индией на свой рынок, можно сделать следующие выводы:

1. Исходя из рассмотренных статистических данных, нельзя сделать уверенный вывод о наличии существенных выгод в части наращивания присутствия на национальном рынке услуг Индии партнеров за счет заключения торговых соглашений. Среди проанализированных стран наибольший прирост экспорта в Индию в процентном соотношении получила Южная Корея, что согласуется с выводом о получении ею наиболее преференциальных условий доступа на рынок Индии, полученным в ходе сравнения перечней специфических обязательств.

2. Условия доступа на рынок услуг Индии, зафиксированные в рамках многосторонней торговой системы, являются достаточно жесткими, что делает не таким сложным достижение уровня «ВТО+» в дальнейших договоренностях с партнерами по соглашениям.

При сравнении перечня специфических обязательств Индии к ГАТС и договоренностей, достигнутых в последующих торговых соглашениях Индии, прослеживается увеличение количества подсекторов, в которые предоставлен доступ, а также снятие ряда ограничений.

3. Наименьшие выгоды в части снятия ограничений по доступу на национальный рынок отмечаются в перечнях специфических обязательств Индии к Соглашению с АСЕАН.

Наиболее преференциальные условия доступа на рынок услуг Индии получили Южная Корея, Япония, ОАЭ и Австралия.

4. Последнее Соглашение Индии с Австралией можно рассматривать в качестве определенной переломной точки в стандартной политике Индии по фиксации обязательств по торговле услугами в своих соглашениях. В частности, в Соглашении зафиксировано обязательство Индии предоставлять РНБ по ряду секторов и подсекторов (чего не было в предыдущих соглашениях). Также в текст Соглашения включено обязательство Индии в течение определенного переходного периода сформировать обновленный перечень специфических обязательств в негативном формате. В перечне, сформированном в таком формате, Индии будет труднее сохранить неопределенность условий доступа в некоторые подсектора услуг. Данный кейс может стать отправной точкой и для будущих партнеров Индии по соглашениям.

5. Индия предпочитает сохранять за собой определенную степень контро-

ля за важными для ее экономики и рынка труда секторами (транспортные, телекоммуникационные, страховые услуги, некоторые виды деловых услуг) посредством непринятия обязательств по некоторым из способов поставки, применения механизма лицензирования, необходимости получения одобрения ПИИ, необходимости наличия взаимных договоренностей по признанию квалификации и др. Кроме того, особая осторожность Индии к фиксации каких-либо обязательств по предоставлению РНБ услугам и поставщикам услуг стран-партнеров по соглашениям вкупе с наличием в перечне более жестких ограничений в некоторых секторах, чем закрепленные на законодательном уровне, указывают на сохранение определенной степени протекционизма, которая не позволяет партнерам по соглашениям значительно нарастить свое присутствие на внутреннем рынке услуг.

В дальнейшем для более детального анализа влияния заключенных соглашений на экспортные и импортные потоки услуг стран-партнеров Индии, а также на ряд других взаимосвязанных показателей (таких как ПИИ, потоки рабочей силы) интересным будет перейти к инструментам эконометрического анализа и *ex-post* моделирования. В данном же исследовании заложен существенный базис для понимания качественных характеристик уступок, предоставляемых Индией в рамках заключаемых торговых соглашений, охватывающий торговлю услугами.

Список литературы

- De P. Assessing barriers to trade in services in India: An empirical investigation // Journal of Economic Integration. – 2013. – Vol. 28, N 1. – P. 108–143. – DOI: 10.11130/jei.2013.28.1.108.
- Department for Promotion of Industry and Internal Trade. Ministry of Commerce and Industry. Government of India. Consolidated FDI Policy Circular of 2020. – 2020. – October 15. – 111 p. – URL: <https://static.investindia.gov.in/2020-10/FDI-PolicyCircular-2020.pdf> (дата обращения: 30.05.2022).
- Office of the United States Trade Representative. 2022 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers. – 2022. – 517 p. – URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/2022%20National%20Trade%20Estimate%20Report%20on%20Foreign%20Trade%20Barriers.pdf> (дата обращения: 15.07.2022).
- Roy M. Elevating services: Services trade policy, WTO commitments, and their role in economic development and trade integration // WTO Staff Working Paper. – 2019. – N 1. – 57 p. – DOI: 10.30875/9ac21df6-en.
- Subhadarsi A. The Indian Legal Services Market and GATS // Akademike. Articles on Legal Issues. – 2015. – February 3. – URL: https://www.lawctopus.com/academike/indian-legal-services-market-gats/#_edn6 (дата обращения: 06.09.2022).
- Telecom Regulatory Authority of India. Annual Report 2020–21. – 2021. – 196 p. – URL: https://www.trai.gov.in/sites/default/files/Annual_Report_06042022_0.pdf (дата обращения: 06.09.2022).
- World Economic Forum. Future of Consumption in Fast-Growth Consumer Markets: INDIA. – 2019. – January. – 36 p. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Consumption_Fast-Growth_Consumers_markets_India_report_2019.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
- World Trade Organization. Trade Policy Review: India. Report by Secretariat. – 2020. – November 25. – 175 p. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s403_e.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.08

Are There Any Benefits? Results of Trade Agreements with India for Partner Countries in Terms of Trade in Services

Ekaterina V. VASILEVA

PhD Student of HSE University, Consultant of the Division of Systemic Conditions for Sectoral Cooperation, Department of Trade Policy

Eurasian Economic Commission

Smolensky Boulevard, 3/5, bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 119002

E-mail: 95VKate@gmail.com

ORCID: 0009-0009-1643-5571

CITATION: Vasileva E.V. (2023). Are There Any Benefits? Results of Trade Agreements with India for Partner Countries in Terms of Trade in Services. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 147–169 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.01.08

Received: 23.08.2022.

Revised: 13.11.2022.

ABSTRACT. *Being one of the world largest exporters of services, India also has a significant domestic consumption market, including households and companies, that attracts foreign services suppliers and investors. Many countries express significant interest in concluding comprehensive trade agreements with India to provide their national services (services suppliers) with preferential access to large national market of India. The paper provides analysis of the benefits accruing by partner countries from trade agreements with India that include trade in services. Consideration of the benefits of the agreements is carried out in two aspects: in terms of increasing the share of the presence of national services providers of partner countries in the Indian market, as well as in terms of having tangible improvement in the conditions of access to the Indian market. To assess the benefits in terms of market access conditions, a comparison of market access commitments taken by India in the framework of multilateral trading*

system and of preferential trade agreements with partner countries is carried out. The comparison is fulfilled both in the context of specific trade agreements and of specific services sectors.

KEYWORDS: *trade in services, benefits of trade agreements, trade agreements of India, services market of India, services in trade agreements, schedules of commitments.*

References

De P. (2013). Assessing barriers to trade in services in India: An empirical investigation. *Journal of Economic Integration*. Vol. 28, no. 1, pp. 108–143. DOI: 10.11130/jei.2013.28.1.108.

Department for Promotion of Industry and Internal Trade. Ministry of Commerce and Industry. Government of India (2020). *Consolidated FDI Policy Circular of 2020*. October 15, 111 pp. Available at: <https://>

static.investindia.gov.in/2020-10/FDI-PolicyCircular-2020.pdf, accessed 30.05.2022.

Office of the United States Trade Representative (2022). *2022 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers*. 517 pp. Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/2022%20National%20Trade%20Estimate%20Report%20on%20Foreign%20Trade%20Barriers.pdf>, accessed 15.07.2022.

Roy M. (2019). Elevating services: Services trade policy, WTO commitments, and their role in economic development and trade integration. *WTO Staff Working Paper*. No. 1, 57 pp. DOI: 10.30875/9ac21df6-en.

Subhadarsi A. (2015). The Indian Legal Services Market and GATS. *Akademike. Articles on Legal Issues*. February 3. Available at: <https://www.lawctopus.com/>

academike/indian-legal-services-market-gats/#_edn6, accessed 06.09.2022.

Telecom Regulatory Authority of India (2021). *Annual Report 2020-21*. 196 pp. Available at: https://www.trai.gov.in/sites/default/files/Annual_Report_06042022_0.pdf, accessed 06.09.2022.

World Economic Forum (2019). *Future of Consumption in Fast-Growth Consumer Markets: INDIA*. January, 36 pp. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Consumption_Fast-Growth_Consumers_markets_India_report_2019.pdf, accessed 05.09.2022.

World Trade Organization (2020). *Trade Policy Review: India. Report by Secretariat*. November 25, 175 pp. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/tpr_e/s403_e.pdf, accessed: 06.09.2022.

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 339.5:339.9

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.09

Некоторые аспекты российско-африканского сотрудничества на современном этапе

Евгений Николаевич КОРЕНДЯСОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения
российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: ekorendyasov@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-8127-0909

Ольга Владимировна КОНСТАНТИНОВА

кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра изучения
российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки
Институт Африки РАН

ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001

E-mail: ryabina111@ya.ru

ORCID: 0000-0002-3163-4925

ЦИТИРОВАНИЕ: Корендясов Е.Н., Константинова О.В. Некоторые аспекты
российско-африканского сотрудничества на современном этапе // Контур
ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 170–186.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.09

Статья поступила в редакцию 14.07.2022.

Исправленный текст представлен 30.09.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние геополитических событий, развернувшихся на фоне введения многочисленных санкций против Российской Федерации, на российско-африканские отношения и перспективы их развития. Авторы исходят из того, что вес и роль Африканского континента в мировой политике и экономике повышается. Но несмотря на давление со стороны западных стран, в первую очередь США, страны Африки демонстрируют заинтересованность в рас-

ширении сотрудничества с Россией. И в этой связи требуются достаточно эффективные усилия для расширения российско-африканского партнерства, в частности в тех областях, где Россия обладает конкурентными преимуществами, производственными мощностями, опытом и высокими компетенциями. К таковым можно отнести атомную и гидроэнергетику, разведку и освоение природных ресурсов, военно-техническое сотрудничество, сферу образования, здравоохранения, в том

числе борьбу с эпидемиями. В свою очередь, у Африки появляется всё больше возможностей к ослаблению критической зависимости от Запада и всё больший акцент она делает на странах Юга. Россия, несомненно, интересуется африканские государства как страна, обладающая высоким весом на международной арене, большим военно-техническим арсеналом, отстаивающая концепцию многополярного мира и рассматривающая Африку как перспективного и эффективного партнера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Африка, сотрудничество, перспективы, торговля, инвестиции, ресурсы, технологии.

Введение

Выстраивание взаимозаинтересованных и эффективных отношений и партнерства России со странами Африки в настоящее время приобрело актуальный характер. Рушится гегемония Запада, растут роль и вес государств Юга, ратующих за полицентричное устройство мирового порядка на условиях равенства и уважения суверенитета.

Российская Федерация в настоящее время в условиях санкций со стороны США, ЕС, Японии и ряда других стран наращивает всестороннее партнерство со странами Африки, геополитический и геоэкономический вес которой динамично повышается.

Для стран Африки партнерство с Россией обретает всё большую значимость. Оно, в частности, способствует расширению товарно-сбытовых цепочек, укреплению продовольственной безопасности, созданию новых рабочих мест, предоставляет доступ к новым технологиям в медицине, сельском хозяйстве, энергетике и пр.

Растущая роль Африки в современном глобализирующемся мире и пер-

спективы сотрудничества со странами континента рассматриваются в научных работах российских ученых: И.О. Абрамовой [Абрамова, 2021], А.К. Баринова, А.Ю. Шаровой [Баринов, Шарова, 2021], С.Н. Волкова [Волков, 2022], М.А. Володиной [Володина, 2018], Л.Н. Калининченко, Е.В. Морозенской [Калининченко, Морозенская, 2021], Л.Л. Фитуни [Фитуни, 2019] и др.

Деятельности основных торгово-экономических конкурентов России в Африке посвящены исследования А.В. Кузнецова [Кузнецов, 2019] экономическому взаимодействию стран по линии Юг – Юг посвящены работы Т.Л. Дейч [Дейч, 2018], стратегии Китая на Африканском континенте – труды Е.А. Брагиной [Брагина, 2018], торговле и инвестициям Индии в Африку – работы Т.Л. Дейч, В.А. Усова [Дейч, Усов, 2021], взаимодействию Китая и Индии на континенте в «постковидную эру» – О.С. Кульковой [Кулькова, 2021], перспективам сотрудничества ЕС с африканскими странами в период постковидного восстановления, политике США в Африке – труды А.Ю. Урнова [Урнов, 2022] и др.

Вопросы «возвращения» России в Африку, отмечая усиление российского интереса к континенту, рассматривают зарубежные ученые: Джованни Фалег и Станислав Секрьеру [Faleg, Secrieru, 2020], Самуэл Рамани [Ramani, 2021], Элизабет Сидиропулос и Крис Олден [Sidiropoulos, Alden, 2019, р. 7–27], Пол Стронски [Stronski, 2019].

Дэвинка Качур [Kachur, 2021, pp. 23–44] исследует конкретные области взаимодействия России с африканскими странами (Замбия, Танзания), такие как сфера ядерных исследований, военное сотрудничество, межпарламентские отношения, участие в ООН и смягчение последствий пандемии COVID-19.

Растущее влияние России в Северной Африке и на Ближнем Востоке

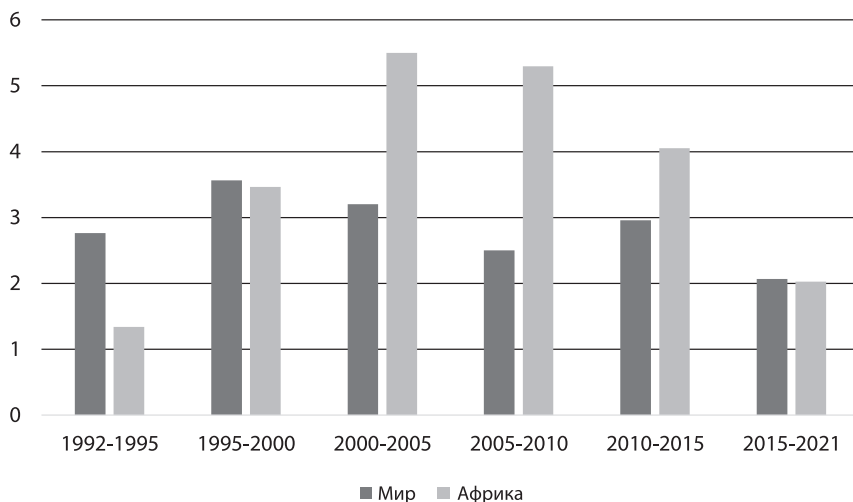

Рисунок 1. Темпы прироста ВВП Африки и мира, 1992–2021 гг., %

Figure 1. African and world GDP growth rates, 1992–2021, %

Источник: по данным Real gross domestic product: Total and per capita, growth rates, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/downloadPrompt.aspx> (дата обращения: 29.09.2022).

отмечают Чен Кейн и Майлз Помпер [Kane, Pomper, 2021, р. 1–5], подчеркивая, что это подрывает инициативы и позиции США в регионе. Эрин Синдл [Sindle, 2021] пишет о «вакцинной дипломатии» (COVID-19), которая также ослабила американское влияние на Африканском континенте и позволила России использовать возможности для создания новых альянсов на материке.

Во многих работах зарубежных авторов присутствуют негативные оценки влияния России в Африке, продиктованные, в частности, обеспокоенностью усилением конкуренции между Россией и странами Запада на Африканском континенте.

Африканский потенциал

В Африке ускорился экономический рост. Ее совокупный ВВП к 2020 г. увеличился в сравнении с 1970 г. в 20,7 раза и соответствовал показателю 2,4 трлн долларов¹. В период с 2000 по 2015 г. Африканский континент имел высокие темпы прироста ВВП в сравнении с общемировыми значениями, затем, в период 2015–2021 гг., они в 2 раза снизились (рисунок 1). К отрицательному значению темпов прироста ВВП континент «откатился» в пандемийный 2020 г. (–2,7%), тогда как годом ранее он был на уровне 2,2%², в 2021 г. увеличился до 5%³.

1 Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/downloadPrompt.aspx> (дата обращения: 26.04.2022).

2 Real gross domestic product: Total and per capita, growth rates, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/downloadPrompt.aspx> (дата обращения: 26.04.2022).

3 Real gross domestic product: Total and per capita, growth rates, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/downloadPrompt.aspx> (дата обращения: 27.09.2022).

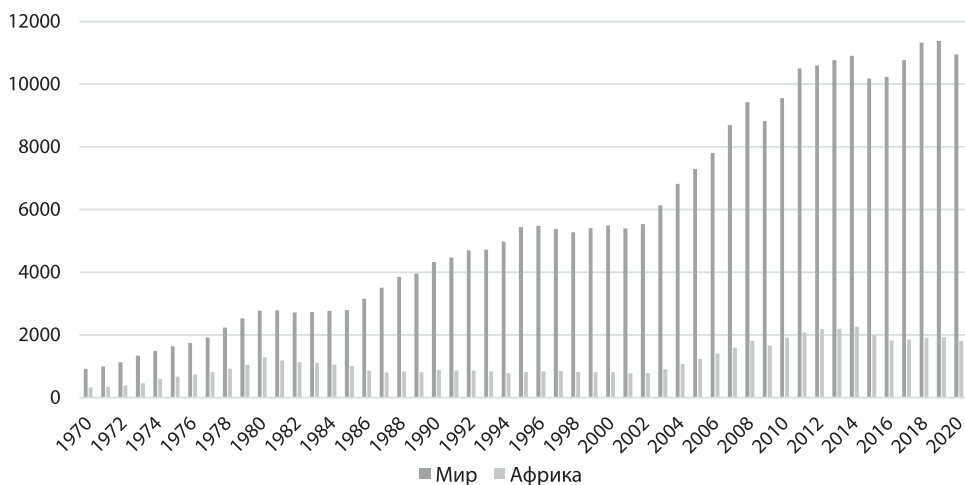

Рисунок 2. Динамика ВВП на душу населения в Африке и в мире в 1970–2020 гг., долларов США

Figure 2. Dynamics of GDP per capita in Africa and in the world in 1970–2020, USD

Источник: по данным Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/downloadPrompt.aspx> (дата обращения: 26.04.2022).

Несомненно, пандемия коронавируса оказала свое негативное влияние на экономику. В 2020 г. показатели прироста ВВП снизились⁴ и максимальные значения на континенте стали следующие: Сан-Томе и Принсипи – 3,1%, Египет и Нигер – по 3,6%, Коморские Острова – 3,9%, Танзания – 4,7%, Эфиопия – 6,1%, Гвинея – 7,1%⁵.

В Африке увеличился ВВП на душу населения. В 2020 г. он был на уровне 1 803,5 долларов США в среднем по континенту, что в 5,6 раза выше по сравнению с 1970 г., когда он находился на уровне 321,6 долларов США. Однако в сравнении с мировым значением ВВП на душу населения в 2020 г. (10 948,8 долларов США) африканский показатель был меньше в 6,1 раза (рисунок 2).

В Африке в 2020 г. высокие значения ВВП на душу населения были в Намибии – 4 215,2 долларов, Ливии – 4 242,8 долларов, ЮАР – 5 094,4 долларов, Ботсване – 6 711 долларов, Габоне – 6 789,4 долларов, Экваториальной Гвинее – 7 143,2 долларов, Маврикий – 8 586,9 долларов, Сейшельских Островах – 10 767,6 долларов США⁶.

Африка остается регионом роста и развития, и этому способствует огромная ресурсная база континента, наличие молодого населения, увеличение числа городов, активное использование новых технологий и пр.

Африка обладает большими запасами полезных ископаемых, среди которых в первую очередь следует указать алмазы, золото, нефть, природный газ,

4 Ibid. Примечание: максимальные темпы роста экономики африканских стран в 2019 г.: Эфиопия – 8,4%, Руанда – 9,5%, Гамбия – 10,5%, Южный Судан – 11,4%.

5 Ibid.

6 Gross domestic product: Total and per capita, current and constant (2015) prices, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/downloadPrompt.aspx> (дата обращения: 26.04.2022).

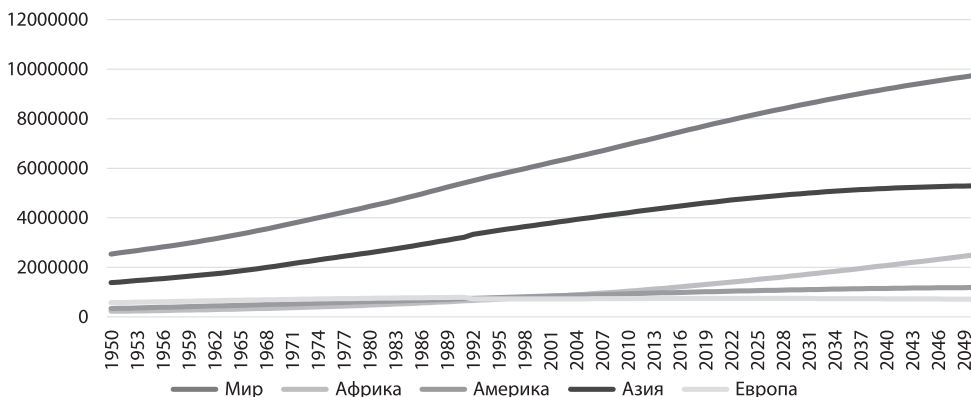

Рисунок 3. Динамика роста населения в 1950–2050 гг., тыс. человек

Figure 3. Dynamics of population growth in 1950–2050, thousand people

Источник: по данным Total and urban population, annual / UNCTAD. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=97> (дата обращения: 09.06.2022).

а также бокситы, вольфрам, железо, кобальт, медь, марганец, олово, уран, тантал, фосфориты и др.⁷ При этом многие африканские месторождения еще не до конца разведаны и здесь Россия была и остается надежным партнером для африканских стран.

На рисунке 3 отмечены графики роста населения мира, Азии, Африки, Америки и Европы. Отметим, что Африка находится на втором месте после Азии по увеличению численности населения. В 2021 г. африканское население составило 1,4 млрд человек, к 2050 г. ожидается его рост до 2,5 млрд., что будет соответствовать более чем одной четверти (25,6%) всего населения нашей планеты, что, несомненно, приведет к увеличению числа работоспособного населения и росту потребительского рынка континента.

Также важный процесс, происходящий в Африке, – стремительная урбанизация, которая содействует превращению городов в драйверы аф-

риканских преобразований [Palleschi, Sempijja, 2022, p. 26].

Таким образом, молодая демография, растущий средний класс, урбанизация – всё это неотъемлемые черты развития Африки, ее преимущества. Однако для того, чтобы они дали положительный результат, необходима молодежная политика, нацеленная не только на решение вопросов занятости африканской молодежи, для чего потребуется увеличение производственного потенциала экономик, но и проведение экономической политики, ориентированной на увеличение инвестиций в социальную сферу [Gebremariam, 2022, p. 59].

«Повестка 2063» (Agenda-2063), принятая в 2013 г. Африканским союзом (АС), предусматривает в числе приоритетных задач развитие цифровых технологий и модернизацию экономики. В ней учитывается, что устойчивый рост, повышение конкурентоспособности и экономические преобразования

⁷ Какими полезными ископаемыми богата Африка / 2CAD. Информационная поддержка горной отрасли. – URL: <https://2cad.ru/blog/minerals/poleznye-iskopaemye-afriki/?ysclid=18ngoac4y931316243> (дата обращения: 27.09.2022).

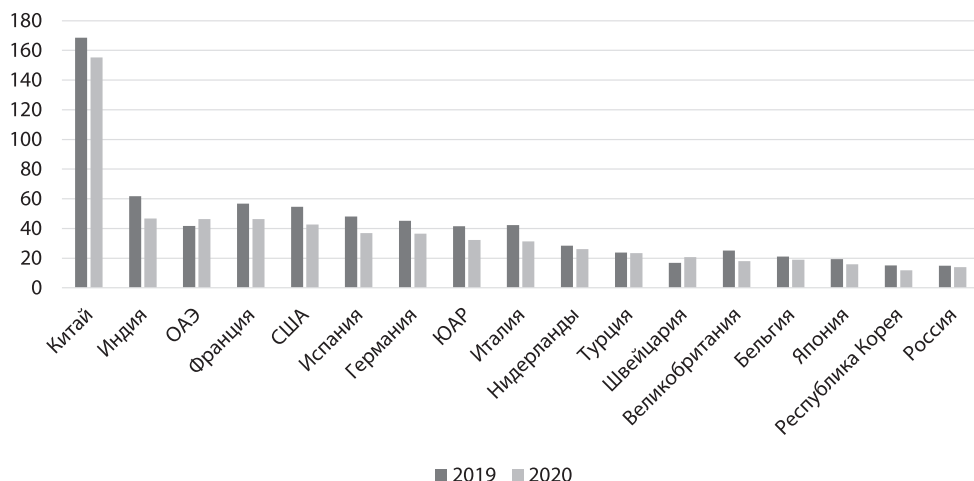

Рисунок 4. Товарооборот Африки с основными партнерами в 2019–2020 гг., млрд долларов США

Figure 4. Africa trade turnover with major partners in 2019–2020, billion USD

Источник: расчеты автора по данным Trade map. ITC. – URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 25.05.2022).

на Африканском континенте потребуют увеличения инвестиций в развитие новых технологий и инноваций во всех сферах экономики.

В 2014 г. АС принял три континентальные стратегии развития образования и науки, которые призваны способствовать ускорению перехода, а может быть, даже и «прыжка» африканских стран к новой, основанной на знаниях экономике посредством повышения научной, технологической и инновационной готовности Африки к реализации программ и стратегий, нацеленных на удовлетворение потребностей африканского населения.

Больших успехов, в частности в области освоения возобновляемых источников энергии, добились в Марокко. Там в 2014 г. была введена в эксплуатацию крупнейшая на континенте ветряная электростанция и завершается разработка солнечной электростанции. Кения занимает лидирующие позиции в использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)

и организационного моделирования. Передовые разработки в сфере биобезопасности, изучения генома человека, вирусологии проводятся в лабораториях Демократической Республики Конго (ДРК), Гвинеи, Кот-д’Ивуара [Фитуни, 2021, с. 21]. И это лишь некоторые примеры возможностей, которые предоставляют новые технологии.

Торговля с африканскими странами

В благополучный допандемийный 2019 г. Китай занимал лидирующую позицию в торговле с Африкой (168,5 млрд долларов), затем следовали Индия (61,7 млрд долларов), Франция (56,8 млрд долларов), США (54,7 млрд долларов), Испания (48,1 млрд долларов), Германия (45,2 млрд долларов) и ряд других стран (рисунок 4).

В 2020 г. наблюдается общая тенденция снижения товарооборота с Африкой. Исключениями стали ОАЭ и Швейцария, которые увеличили показатели

товарооборота на 4,7 млрд и 3,8 млрд долларов США соответственно за счет возросшего импорта товаров из Африки. Товарооборот Российской Федерации с африканскими странами в пандемийный год снизился на 0,9 млрд долларов – до 14,0 млрд долларов США.

В 2021 г. российский экспорт в страны континента составил 14,7 млрд долларов США, импорт – 3 млрд долларов США, то есть экспорт в 4,9 раза превышал импорт. За год товарооборот вырос на 3,7 млрд долларов США (26,4%)⁸, что является положительной тенденцией, говорящей о постепенном выходе из экономического кризиса, вызванного пандемией. Россия поставляла в Африку зерно, минеральное топливо, нефтепродукты, группу товаров без указания наименований⁹, электрические машины (оборудование и их части), животные/растительные жиры, железо и сталь, удобрения¹⁰.

В последнее десятилетие основными торговыми партнерами России в Африке являются Алжир, Египет, Марокко, Нигерия, Сенегал, Судан, Тунис, ЮАР и др. [Константинова, 2021, с. 234].

В 2020 г. в сравнении с предыдущим годом наблюдалось уменьшение товарооборота России со всеми рассматриваемыми странами, за исключением Нигерии и Судана, а в 2021 г. был отмечен рост товарооборота с этими африканскими странами, за исключением Судана, Алжира и Туниса. Высокие показатели прироста товарооборота были у Сенегала – 0,7 млрд долларов США, у Марокко и Нигерии – по 0,4 млрд долларов США (таблица 1), благодаря увеличению российского экспорта в 2,6 раза в Сенегал, в 2,1 раза в Нигерию и в 1,6 раза в Марокко, что указывает на способность российских производителей продвигать свои товары на африканском рынке.

Таблица 1. Динамика товарооборота РФ с основными африканскими партнерами в 2019–2021 гг., млрд долларов

Table 1. Dynamics of trade turnover between the Russian Federation and the main African partners in 2019–2021, billion dollars

	2019	2020	Отклонение	Темпы прироста	2021	Отклонение	Темпы прироста
Египет	6,2	4,5	-1,7	-27,4	4,8	+0,3	6,7
Алжир	3,4	3,0	-0,4	-11,8	3,0	0	0
Марокко	1,3	1,2	-0,1	-7,7	1,6	+0,4	33,3
ЮАР	1,1	1,0	-0,1	-9,1	1,1	+0,1	10
Тунис	0,7	0,5	-0,2	-28,6	0,5	0	0
Сенегал	0,7	0,5	-0,2	-28,6	1,2	+0,7	140
Нигерия	0,4	0,5	+0,1	25,0	0,9	+0,4	80
Судан	0,3	0,4	+0,1	33,3	0,3	-0,1	-25

Источник: расчеты автора по данным ФТС РФ. – URL: <http://stat.customs.ru/documents> (дата обращения: 11.08.2022).

Примечание: товарооборот – в млрд долларов США, темпы прироста – в процентах.

8 Bilateral trade between Africa and Russian Federation / ITC. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c7%7c7%7c643%7c7c7cTOTAL%7c7c7c7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 25.08.2022).

9 Так называемые товары с секретным кодом, подразумевающие главным образом товары военного назначения / вооружение.

10 Данные 2021 г. указаны в порядке убывания стоимости каждой позиции.

Россия стремится упрочить свои позиции на континенте благодаря наличию серьезных достижений в сфере энергетики, военно-промышленном комплексе, сфере образования и науки, области здравоохранения, новейших технологий и пр.

При этом важным условием для взаимовыгодного партнерства со странами Африки является понимание местной специфики рынка, ориентированность на интересы африканцев, умение быстро адаптироваться к меняющимся условиям и использование инновационных подходов.

Важным событием, особенно на фоне глобальной пандемии коронавируса и рецессии, охватившей весь континент, стало начало реализации с 1 января 2021 г. амбициозного проекта формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ), которая призвана ускорить социально-экономическое развитие Африки, улучшить положение континента в мировой экономике, устранить барьеры для торговли и инвестиций, углубить экономические связи между экономиками африканских стран и облегчить свободное перемещение людей, капитала, товаров и услуг по всему континенту [Woolfrey, 2022, p. 43], что может стать прочной основой для расширения торгово-экономических связей России с Африкой.

Инвестиционное взаимодействие

Согласно докладу ЮНКТАД о мировых инвестициях, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Африку достигли рекордной отметки 83 млрд долларов США в 2021 г., что более чем вдвое превышает сумму ПИИ 2020 г. (39 млрд дол-

ларов США), когда пандемия COVID-19 сильно повлияла на потоки инвестиций на континент. При этом, несмотря на уверенный рост, потоки инвестиций в Африку составили лишь 5,2% мировых ПИИ [UNCTAD, 2022, p. 12].

Основными проектами стали: недвижимость (Египет, 1,5 млрд долларов США), инвестиции в нефть и расширение добычи газа (Нигерия, 4,8 млрд долларов), добывающая промышленность (Гана, 2,6 млрд долларов США), проекты, большей частью связанные с возобновляемыми источниками энергии (Эфиопия, 4,3 млрд долларов), привлечение средств в морские нефтяные месторождения и горнодобывающую промышленность (ДРК, 1,9 млрд долларов США). В ЮАР было объявлено о новых проектах по получению энергии (4,6 млрд долларов) и о строительстве первого кампуса центра обработки данных в Африке стоимостью 1 млрд долларов США [UNCTAD, 2022, pp. 12–13].

Накопленные прямые инвестиции РФ в Африке оцениваются в 19,4 млрд долларов США¹¹ [Фитуни, 2020, с. 16]. Основные вложения были направлены в сырьевые отрасли: нефтегазовую, добычу алмазов, редких и цветных металлов, а в последнее время – в инфраструктуру, коммуникационные технологии, сельское хозяйство [Фитуни, 2020, с. 16].

Крупный российский бизнес успешно работает в Африке. Российская компания АЛРОСА с 1993 г. в Анголе занимается гидроэнергетикой и добычей алмазов. Ей принадлежит 55% в уставном капитале АО «Гидрошикапа» и 41% акций «Катоки», занимающейся горнорудным делом. В 2013 г. *Botswana Diamonds Plc.* (британская компания) и дочерние структуры АЛРОСА создали группу *Sunland Minerals Pty Ltd*

11 Оценка в 2019 г. И.О. Абрамовой – директора Института Африки РАН.

для разведки алмазов в Ботсване. В Зимбабве АЛРОСА проводит разведку полезных ископаемых.

ЛУКОЙЛ участвует в Египте в проектах по добыче нефти: Мелейя (с долей 24%), где было открыто несколько месторождений; *WEEM* (50%), на котором возведены важные инфраструктурные объекты: резервуарный парк и экспортный нефтепровод протяженностью 100 километров, связавший месторождения с нефтеналивными терминалами (западное побережье Красного моря); *WEEM Extension* (50%), по которому проведена геологоразведка: 3D-сейсмика, бурение поисково-разведочных скважин.

В 2014 г. ЛУКОЙЛ расширила свое присутствие в Африке, войдя в глубоководные морские проекты Ганы, Нигерии. С 2015 г. компания участвует в проекте в Камеруне (с долей 30%, участок Этинде), в 2019 г. – на континентальном шельфе Республики Конго (25%) в проекте по добыче углеводородов *Marine XII*.

Российская Федерация и Ангола в 2008 г. заключили контракт о создании и запуске первого спутника вещания *AngoSat-1*. В 2011 г. Анголе российскими банками в кредит были предоставлены 278,46 млн долларов США, а стоимость всего контракта составила 327,6 млн долларов США. РПК «Энергия» создала спутник *AngoSat-1*, который был запущен в 2017 г. Однако вскоре от него прекратилось поступление информации, как предполагается, из-за проблем с электроснабжением. В 2018 г. РПК «Энергия» приступила к реализации проекта *AngoSat-2*.

«Росатом» активно продвигает сотрудничество в области мирного освоения атома со странами Африки.

С 18 африканскими странами уже полностью сформирована нормативная база (включая контрактные документы) для сотрудничества. Около половины стран континента обсуждают с «Росатомом» конкретные проекты.

Одним из значимых проектов в Африке является подписанное в 2015 г. соглашение о возведении и эксплуатации первой в Египте АЭС «Эль-Дабаа», которая создаст условия для производства дешевой электроэнергии, ее бесперебойного поступления потребителям, Египет может стать страной-экспортером электроэнергии за рубеж.

Стоимость проекта составляет 30 млрд долларов США, из них 85% – российский кредит. Согласно контракту «Росатом» поставит ядерное топливо на весь период работы АЭС. Обучение персонала, помощь в первые 10 лет эксплуатации и сервисное обслуживание станции в этот период тоже являются частью договора. Несмотря на антироссийские санкции, все этапы проекта идут по намеченному плану – в июле 2022 г. началось строительство АЭС «Эль-Дабаа».

«Роснефть» с 2017 г. участвует в проекте (30%) по разработке месторождения Зохран (Египет), чьи запасы оцениваются в 800 млрд кубометров.

ГК «Ренова» занимается производством ферросплавов, добычей марганцевой руды, разведкой золота и урана в Габоне, Мозамбике, ЮАР¹².

Однако бизнес в Африке, за небольшим исключением, нуждается в активной государственной поддержке. Основными проблемами ведения бизнеса на континенте являются неразвитая инфраструктура, деловая среда в африканских странах, отсутствие знаний о специфике африканских рынков.

12 Крупнейшие российские проекты в Африке // Коммерсантъ. – 2019. – 23 октября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4134272> (дата обращения: 09.06.2022).

Поэтому необходимыми условиями для продвижения российских компаний в Африке являются использование комплексного подхода к сотрудничеству, расширение государственной поддержки, предварительная проработка модели ведения дел в конкретной африканской стране и т. п.

Говоря о поддержке нашего бизнеса в Африке, важно помнить о финансировании и страховании инвестиций. В 1994 г. в России был создан государственный экспортно-импортный банк – АО «Росэксимбанк» – с целью реализации государственной политики по поддержке несырьевого экспорта. Банк дает гарантии на выполнение экспортных контрактов, финансирует зарубежных клиентов и выдает кредиты иностранным банкам-кредиторам для покупки российских товаров, пополняет оборотные средства российских компаний.

С 2015 г. банк вошел в Группу Российского экспортного центра, которая включает и АО «ЭКСАР» – Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, который поддерживает российских экспортеров и банки, оказывая страховую поддержку в реализации экспорта и в инвестиционных проектах.

Российский экспортный центр в декабре 2017 г. стал акционером Афрэксимбанка¹³, что несомненно является важным событием для упрочения позиции России и усиления деятельности российских компаний на Африканском континенте.

Также для развития российского бизнеса в Африке может послужить создание Российской промышленной

зоны (РПЗ) в Египте. Это будет особая зона для отечественных компаний, предприятий с готовой рабочей площадкой, облегченным режимом налогообложения, с возможностью получения каникул по аренде и с льготными энерготарифами¹⁴.

Важнейшим событием проявления российской заинтересованности в сотрудничестве стало проведение в 2019 г. в г. Сочи первого саммита и экономического форума «Россия – Африка», на который прибыли делегации из всех африканских стран. По итогам саммита Комиссией АС были подписаны меморандумы о взаимопонимании с Евразийской экономической комиссией, о взаимопонимании об основах взаимоотношений и сотрудничества с Правительством Российской Федерации. Было подписано 92 соглашения/контракта на сумму 1,004 трлн рублей с приоритетом в следующих областях: торговля, добыча полезных ископаемых и геологоразведка, транспорт и логистика, использование высоких технологий, инвестиции и банковская деятельность.

В 2023 г. планируется второй саммит «Россия – Африка». Ожидается дальнейшее расширение взаимодействия с африканскими странами в таких областях, как продовольственная безопасность, развитие энергетики, науки, образования, медицины.

Военно-техническое сотрудничество

В 2017–2021 гг. крупнейшими поставщиками вооружения в мире были США, Россия, Франция, Китай и Гер-

13 Справочно: Афрэксимбанк – Африканский экспортно-импортный банк. Был основан в г. Абудже (Нигерия) в 1993 г. Основными направлениями деятельности являются стимулирование и развитие торговли между странами Африканского континента и за его пределами.

14 Мирошниченко К. От «торговых ворот» до страхования рисков: что могут предложить нашему бизнесу в Африке // ТАСС. – 2021. – 27 октября. – URL: https://tass.ru/ekonomika/12779929?ysclid=16deqk05j299535620&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 03.08.2022).

мания, а получателями – Азия и Океания (43%), Ближний Восток (32%), Европа (13%), Африка (5,8%) и Америка (5,5%) [Wezeman, Kuimova, Wezeman, 2022, p. 1].

Основной статьей российского экспорта вооружений в этот период были самолеты, а главными получателями (73%) российского оружия – Алжир, Египет, Индия и Китай. На Африку приходилось 14% от российского экспорта вооружений [Wezeman, Kuimova, Wezeman, 2022, p. 4], что соответствовало 44% импорта основных вооружений континента, тогда как из США было импортировано 17%, из Китая – 10%, из Франции – 6,1% [Wezeman, Kuimova, Wezeman, 2022, p. 7].

Россия осуществляет военно-техническое сотрудничество (ВТС) с 30 африканскими странами. При этом она сталкивается с серьезной конкуренцией западных стран, особенно США, которые за последнее десятилетие совершили прорыв в ВТС со странами континента (расходы из бюджета в 2019 г., направленные на эти цели, составили 2,46 млрд долларов США) [Корендясов, 2020, с. 9].

Россия в том же году (2019 г.) поставила странам Африки вооружений на 994 млн долларов США, в 2020 г. – на 1,1 млрд долларов США¹⁵. Объем контрактов АО «Рособоронэкспорт», подписанных в 2021 г. со странами АЮС, приблизился к 2,5 млрд евро¹⁶. И у России есть потенциал для дальнейшего расширения сотрудничества с африканскими странами в сфере ВТС.

Важным событием в ВТС со странами континента стал подписанный

в ноябре 2020 г. указ президента Российской Федерации В.В. Путина о создании первой российской военно-морской базы в Африке, которая будет расположена на побережье Красного моря в Судане. Она рассчитана на размещение свыше 300 военнослужащих, а также гражданских, до четырех боевых кораблей, в том числе оснащенных ядерными силовыми установками¹⁷. База станет значимым стратегическим объектом России в Африке, будет играть важную логистическую роль и станет гарантом безопасности в близлежащей акватории.

Направления гуманитарного сотрудничества

Гуманитарное сотрудничество между Россией и африканскими странами было и остается одним из приоритетных направлений сотрудничества. В 8 странах Африки работают Российские центры науки и культуры (РЦНК). Они проводят различные мероприятия (концерты, спектакли, выставки, кинопоказы), нацеленные на ознакомление африканцев с культурой народов России.

Россотрудничество также занимается популяризацией российского образования за рубежом, привлекает иностранных граждан на обучение в вузах России, осуществляет информационно-координационное сопровождение деятельности российских вузов по развитию международных связей.

В 2021 г. в России учредили Российско-Африканский сетевой университет (РАФУ). Консорциум объединил 12 оте-

15 TIV of arms exports from Russia, 2019-2020 // SIPRI. – URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (дата обращения: 16.06.2022).

16 Объем контрактов «Рособоронэкспорта» со странами Африки приблизился к €2,5 млрд // ТАСС. – 2021. – 30 декабря. – URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/13332043?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.06.2022).

17 Салачанин С. Ворота в Африку: новая военно-морская база России в Судане // Tsargrad.tv. – 2020. – 2 декабря. – URL: https://tsargrad.tv/articles/vorota-v-afriku-novaya-voenno-morskaya-baza-rossii-v-sudane_302890?ysclid=l6xefpyfxy705059382 (дата обращения: 23.08.2022).

чественных вузов и научных центров, которые обладают большим опытом взаимодействия в сфере образования с африканскими странами. Среди них – Астраханский государственный медицинский университет, Государственный институт русского языка им. Пушкина, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Российский государственный гидрометеорологический университет, Южный, Казанский и Крымский федеральные университеты и др.

РАФУ будет работать как объединение дисциплин и курсов, проводя обучение на русском, английском и французском языках. Студенты консорциума смогут получать дипломы сразу нескольких университетов-участников.

По данным на август 2021 г., в российских вузах получают образование около 30 тыс. студентов из Африки¹⁸. Во времена Советского Союза было подготовлено примерно полмиллиона специалистов, из них около половины – непосредственно на Африканском континенте. И по сей день выпускники советских/российских вузов занимают важные должности в своих странах, что является ярким примером «мягкой силы», которую наша страна должна развивать и дальше. Для этого необходимо более активно продвигать российское образование для африканских студентов и предлагать более льготные финансовые условия обучения.

В настоящее время Россия имеет достижения в области ядерной медицины, создания мобильных медицинских комплексов, телемедицины, эпидемиологии. Российские вакцины (от желтой лихорадки, полиомиелита, лихорадки Эбола и др.) помогают африканцам в борьбе с инфекциями.

Пандемия *COVID-19* показала всю важность международного медицинского сотрудничества. И первая в мире вакцина от коронавируса была разработана Россией. Сейчас уже существует несколько российских вакцин, которые показали высокую эффективность. Россия уже поставляла вакцины от ковида для стран Африки и готова к дальнейшему сотрудничеству в этом направлении.

Таким образом, Африканский континент представляет себя на международном уровне прежде всего как обладателя природных ресурсов, высокого демографического потенциала, благоприятных перспектив роста экономики и числа потребителей, что делает его высокопривлекательным партнером для многих игроков на мировой арене. Голос Африки звучит всё громче, и всё больше стран к нему прислушиваются. Континент в ближайшем будущем станет источником не только ресурсной базы, рабочей силы, но и, воспользовавшись «скачком» в научно-техническом прогрессе, сможет достойно представлять свои товары и услуги на мировых рынках, наращивая свою конкурентоспособность, уровень и качество жизни африканского населения.

Россия не должна упустить возможности, появляющиеся с выходом Африки на орбиту полюсной значимости. Новые контракты, продукцию, научные разработки, технологии – вот что ждет Африка от России. И Россия способна это предоставить своим африканским партнерам.

В сложных для России санкционных условиях африканские страны продемонстрировали свою готовность про-

18 Вузы и научные центры объединились в Российско-Африканский сетевой университет // Русский мир. – 2021. – 25 августа. – URL: https://russkiymir.ru/news/291552/?sphrase_id=1243509 (дата обращения: 16.06.2022).

должать диалог с нашей страной и экономическое сотрудничество. Полагаем, что второй саммит «Россия – Африка», планируемый на 2023 г., станет свидетельством нового подъема российско-африканского сотрудничества.

Список литературы

Абрамова И.О. Бизнес-диалог Россия – Африка на ПМЭФ 2021: тенденции, проблемы и перспективы российско-африканского сотрудничества // *Азия и Африка сегодня*. – 2021. – № 8. – С. 5–15. – DOI: 10.31857/S032150750015932-7.

Баринов А.К., Шарова А.Ю. Инфраструктурное развитие Африканского континента (электроэнергетика Восточной Африки) // *Азия и Африка сегодня*. – 2021. – № 10. – С. 38–45. – DOI: 10.31857/S032150750016842-8.

Брагина Е.А. Индия – Африка: торговля и инвестиции в XXI веке // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 182–199. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199.

Волков С.Н. Египет в соревновании за экономическое лидерство в Африке // *Азия и Африка сегодня*. – 2022. – № 5. – С. 46–54. – DOI: 10.31857/S032150750020172-1.

Володина М.А. Внешнеэкономическая стратегия малых африканских стран в глобализирующемся мире // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 22–37. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-22-37.

Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 119–141. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141.

Дейч Т.Л., Усов В.А. Китай и Индия в Африке в постковидную эру // *Азия*

и Африка сегодня. – 2021. – № 10. – С. 5–13. – DOI: 10.31857/S032150750016838-3.

Калиниченко Л.Н., Морозенская Е.В. Кластеры в африканской экономике как перспективная модель организации производства // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 164–175. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-9.

Константинова О.В. Торговля России с Африкой: современное положение дел // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 227–242. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-13.

Корендясов Е.Н. «Сочинский консенсус» // *Азия и Африка сегодня*. – 2020. – № 2. – С. 4–11. – DOI: 10.31857/S032150750008466-4.

Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 30–46. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

Кулькова О.С. ЕС – Африка: новые дилеммы и перспективы сотрудничества в мире постковидного восстановления // *Европейский союз: факты и комментарии*. – 2021. – № 4. – С. 113–118. – DOI: 10.15211/eufacts22021113118.

Урнов А.Ю. США – Африка. Визит Государственного секретаря Э. Блинкена в Кению, Нигерию и Сенегал (ноябрь 2021 г.). Часть 1 // *Азия и Африка сегодня*. – 2022. – № 3. – С. 5–13. – DOI: 10.31857/S032150750019235-0.

Фитуни Л.Л. Иностранный капитал в Африке: теории, стратегии, новации // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1.

Фитуни Л.Л. На пути к новой bipolarности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке // *Контурь глобальных трансформаций: политика,*

экономика, право. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.

Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 4. – С. 15–24. – DOI: 10.31857/S032150750014642-8.

Faleg G., Secieru S. Russia's forays into Sub-Saharan Africa: Do you want to be my friend, again? // Geopolitical Series. EU Institute for Security Studies. – 2020. – Brief 6. – 8 p.

Gebremariam E.B. Chapter 7. Jobs / African Spaces: The New Geopolitical Frontlines / Ed. by G. Faleg. – Paris : European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2022. – (Chaillot Paper 173). – P. 56–60.

Kachur D. Russia's Resurgent Interest in Africa: The Cases of Zambia and Tanzania. – Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2021. – 58 p. – URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2022/01/Special-Report-kachur.pdf> (дата обращения: 18.04.2022).

Kane C., Pomper M. Implications of Russia's Activities in the Middle East and North Africa. – James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS), 2021. – 51 p. – URL: https://nonproliferation.org/wp-content/uploads/2021/12/op541221_implications_russia.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

Palleschi C., Sempijja N. Chapter 3. Cities / African Spaces: The New Geopolitical Frontlines / Ed. by G. Faleg. – Paris : European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2022. – (Chaillot Paper 173). – P. 26–32.

Ramani S. Russia and China in Africa: Prospective Partners or Asymmetric Rivals? // Policy Insights. – 2021. – N 120 (December). – P. 1–16.

Sidiropoulos E., Alden C. Inside the Russia – Africa matryoshka: Summitry,

Geopolitics and Resources. – Johannesburg : South African Institute of International Affairs, 2019. – 35 p. – URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2019/10/Russia-Africa-Summit-2019-working-paper.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).

Sindle E. COVID-19 Assistance to Africa: From Russia with Love // Africa Watch: COVID-19 Edition. – Institute for Defense Analyses, 2021. – URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep29557.5.pdf?refreqid=fastly-default%3Aa7a2cd6b-49ca84351841def2a11093e0&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv%2Fcontrol&origin=search-results (дата обращения: 17.02.2022).

Stronski P. Late to the Party: Russia's Return to the Global Stage. – Carnegie Endowment for International Peace, 2019. – URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep20998.4.pdf?refreqid=fastly-default%3Ad43b3fc1b-0ca95b5c8f41512411a4fe9&ab_segments=0%2F5YC-6294%2Ftest_segment_2&origin=search-results (дата обращения: 18.04.2022).

UNCTAD. World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment. – Geneva, United Nations, 2022. – Xviii, 220 p. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf (дата обращения: 14.06.2022).

Wezeman P.D., Kuimova A., Wezeman S.T. Trends in international arms transfers, 2021 // SIPRI Fact Sheet. – 2022. – URL: https://sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Woolfrey S. Chapter 5. Trade / African Spaces: The New Geopolitical Frontlines / Ed. by G. Faleg. – Paris : European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2022. – (Chaillot Paper 173). – P. 43–48.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.09

Some Aspects of Russian-Africa Cooperation at the Present Stage

Evgenii N. KORENDYASOV

PhD (Econ.), Leading Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: ekorendyasov@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-8127-0909

Olga V. KONSTANTINOVA

PhD (Econ.), Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: ryabina111@ya.ru

ORCID: 0000-0002-3163-4925

CITATION: Korendyasov E.N., Konstantinova O.V. (2023). Some Aspects of Russian-Africa Cooperation at the Present Stage. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 170–186 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.09

Received: 14.07.2022.

Revised: 30.09.2022.

ABSTRACT. *The article analyzes the impact of geopolitical events that unfolded against the background of the introduction of numerous sanctions against the Russian Federation on Russian-African relations and the prospects for their development. The authors proceed from the fact that the weight and role of the African continent in world politics and economy is increasing. And, despite the pressure from Western countries, primarily the United States, African countries are demonstrating their interest in expanding cooperation with Russia. And in this regard, sufficiently effective efforts are required to expand the Russian-African partnership, in particular in those areas where Russia has*

competitive advantages, production capacities, experience and high competencies. These include nuclear and hydro- power, exploration and development of natural resources, military-technical cooperation, education, healthcare, including the fight against epidemics. In turn, Africa has more and more opportunities to reduce its critical dependence on the West and puts more and more emphasis on the countries of the South. Russia is undoubtedly interested in the African states as a country with high weight in the international arena, owning a large military-technical arsenal, upholding the concept of a multipolar world and considering Africa as a promising and effective partner.

KEYWORDS: *Russia, Africa, cooperation, prospects, trade, investments, resources, technologies.*

References

- Abramova I.O. (2021). Russia-Africa Business Dialogue at SPIEF 2021: Trends, Problems and Prospects for Russian-African Cooperation. *Asia and Africa Today*. No. 8, pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750015932-7.
- Barinov A.K., Sharova A.U. (2021). Infrastructure development in Africa (East African electricity sector). *Asia and Africa Today*. No. 10, pp. 38–45 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750016842-8.
- Bragina E.A. (2018). India – Africa: Trade and Investments in the XXI Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 5, pp. 182–199 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-182-199.
- Deych T.L. (2018). China in Africa: Neo-Colonial Power or “Win-Win” Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 5, pp. 119–141 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141.
- Deych T.L., Usov V.A. (2021). China and India In africa in post-COVID-19 era. *Asia and Africa Today*. No. 10, pp. 5–13 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750016838-3.
- Faleg G., Secieru S. (2020). Russia’s forays into Sub-Saharan Africa: Do you want to be my friend, again? *Geopolitical Series. EU Institute for Security Studies*. Brief 6, 8 pp.
- Fituni L.L. (2019). Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, no. 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.
- Fituni L.L. (2020). Foreign Capital in Africa: Theories, Strategies and Novations. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13, no. 6, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1.
- Fituni L.L. (2021). Science, technology and innovation in Africa: Stereotypes, realities and prospects. *Asia and Africa Today*. No. 4, pp. 15–24 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750014642-8.
- Gebremariam E.B. (2022). Chapter 7. Jobs. In: Faleg G. (ed.). *African Spaces: The New Geopolitical Frontlines*. Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS) (Chaillot Paper 173), pp. 56–60.
- Kachur D. (2021). *Russia’s Resurgent Interest in Africa: The Cases of Zambia and Tanzania*. Johannesburg: South African Institute of International Affairs, 58 pp. Available at: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2022/01/Special-Report-kachur.pdf>, accessed 18.04.2022.
- Kalinichenko L.N., Morozenskaya E.V. (2021). Clusters in Africa’s Economy as a Perspective Model of Production. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 14, no. 2, pp. 164–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-9.
- Kane C., Pomper M. (2021). *Implications of Russia’s Activities in the Middle East and North Africa*. James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS), 51 pp. Available at: https://nonproliferation.org/wp-content/uploads/2021/12/op541221_implications_russia.pdf, accessed 18.04.2022.
- Konstantinova O.V. (2021). Russia Trade with Africa: The Current State of Affairs. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 14, no. 3, pp. 227–242 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-13.
- Korendyasov E.N. (2020). “Sochi consensus”. *Asia and Africa Today*. No. 2, pp. 4–11 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750008466-4.
- Kulkova O.S. (2021). EU – Africa: new dilemmas and prospects for cooperation in the post-COVID world. *Euro-*

pean Union: *Facts and Comments*. No. 4, pp. 113–118 (in Russian). DOI: 10.15211/eufacts22021113118.

Kuznetsov A.V. (2019). Concepts of South-South Economic Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, no. 3, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46.

Palleschi C., Sempijja N. (2022). Chapter 3. Cities. In: Faleg G. (ed.). *African Spaces: The New Geopolitical Frontlines*. Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS) (Chaillot Paper 173), pp. 26–32.

Ramani S. (2021). Russia and China in Africa: Prospective Partners or Asymmetric Rivals? *Policy Insights*. No. 120 (December), pp. 1–16.

Sidiropoulos E., Alden C. (2019). *Inside the Russia-Africa matryoshka: Summitry, Geopolitics and Resources*. Johannesburg: South African Institute of International Affairs, 35 pp. Available at: <https://saiaa.org.za/wp-content/uploads/2019/10/Russia-Africa-Summit-2019-working-paper.pdf>, accessed 17.02.2022.

Sindle E. (2021). COVID-19 Assistance to Africa: From Russia with Love. *Africa Watch: COVID-19 Edition*. Institute for Defense Analyses. Available at: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep29557.5.pdf?refreqid=fastly-default%3Aa7a2cd6b49ca84351841def2a11093e0&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results, accessed 17.02.2022.

Stronski P. (2019). *Late to the Party: Russia's Return to the Global Stage*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep20998.4.pdf?re->

[freqid=fastly-default%3Aa7a2cd6b49ca84351841def2a11093e0&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results](https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep20998.4.pdf?refreqid=fastly-default%3Aa7a2cd6b49ca84351841def2a11093e0&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results), accessed 18.04.2022.

UNCTAD (2022). *World Investment Report 2022: International tax reforms and sustainable investment*. Geneva, United Nations, xviii + 220 pp. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf, accessed 14.06.2022.

Urnov A.U. (2022). USA – Africa: Secretary of State Antony J. Blinken's Visit to Kenya, Nigeria, and Senegal (November 2021). Part 1. *Asia and Africa Today*. No. 3, pp. 5–13 (in Russian) DOI: 10.31857/S032150750019235-0.

Volkov S.N. (2022). Egypt in the competition for economic leading in Africa. *Asia and Africa Today*. No. 5, pp. 46–54 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750020172-1.

Volodina M.A. (2018). International Economic Strategy of Small African Countries in a Globalizing World. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 5, pp. 22–37 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-22-37.

Wezeman P.D., Kuimova A., Wezeman S.T. (2022). *Trends in international arms transfers, 2021*. SIPRI Fact Sheet. Available at: https://sipri.org/sites/default/files/2022-03/fs_2203_at_2021.pdf, accessed 17.08.2022.

Woolfrey S. (2022). Chapter 5. Trade. In: Faleg G. (ed.) *African Spaces: The New Geopolitical Frontlines*. Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS) (Chaillot Paper 173), pp. 43–48.

Российский опыт

УДК 327.8

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.10

Национальный имидж, гибридная война и интеллектуальная война: эволюция и раскрытие российской концепции «мягкой силы»

Сюй Хуа

научный сотрудник НИИ России, Восточной Европы и Центральной Азии
Китайская академия общественных наук
Дун Юань, Чжанцзичжунлу, д. 3, г. Пекин, Китайская Народная Республика,
100007

E-mail: xuhua@cass.org.cn

ORCID: NA

Гаоянь Цююй

аспирант, младший научный сотрудник Международной лаборатории
исследований мирового порядка и нового регионализма, департамент мировой
экономики и мировой политики

НИУ Высшая школа экономики

ул. Малая Ордынка, д. 17, г. Москва, Российская Федерация, 119017

e-mail: qgaoyan1@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2017-6383

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья является промежуточным результатом проекта 2021 г. «Прогресс, проблемы и перспективы «локализации» китайско-российской политологии», финансируемого совместно Китайской академией общественных наук (КАОН) и Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 21-514-93002 = 本文是2021年中国社会科学院与俄罗斯基础研究基金会联合资助项目«中俄政治学‘本土化’的进展、问题和前景»的阶段性成果.

ЦИТИРОВАНИЕ: Сюй Хуа, Гаоянь Цююй. Национальный имидж, гибридная война и интеллектуальная война: эволюция и раскрытие российской концепции «мягкой силы» // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 187–206.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.10

Статья поступила в редакцию 13.12.2022.

Исправленный текст представлен 08.03.2023.

АННОТАЦИЯ. За последние 20 лет соперничества с США и Западом российская концепция «мягкой силы» выввалась за рамки традиционного вы-

страивания национального имиджа и публичной дипломатии, созданных на таких понятиях, как «проявление доброй воли», «интеграция» и «мораль-

ное воздействие на Запад», сместила свой стратегический акцент с обретения вовне позитивного имиджа и содействия национальному развитию на усиление военных операций и поддержание собственной национальной безопасности. В этом процессе такие факторы, как информационная конфронтация, когнитивные атаки и интеллектуальная защита, расширили содержание и объем понятия «мягкая сила», в теории и на практике сформировали концепцию «мягкой силы» России с присущими ей характерными чертами. Эволюция концепции «мягкой силы» отражает осознание российской властью жестокости и сложности идеологического противостояния и политической борьбы в современном мире, ее опыт и уроки построения и применения «мягкой силы» заслуживают нашего глубокого изучения и внимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *российская «мягкая сила», гибридная война, международное распространение, соперничество России и Запада.*

Концепция «мягкой силы» была предложена в начале 1990-х годов американским ученым Джозефом С. Наем-младшим. Концепция глубоко повлияла на подходы к международным отношениям. Она не только подробно и широко обсуждалась в академическом сообществе, но и была включена в политику многих стран в качестве стратегического средства и цели реализации. Россия впервые подняла вопрос о «мягкой силе» в 2013 г. в официальном документе «Концепция внешней политики Российской Федерации» и дала понятию «мягкая сила» свою характе-

ристику – «нетрадиционная дипломатия, основанная на силе гражданского общества, объединяющая информационно-коммуникационные технологии и гуманистические обмены»¹. Из этого определения видно, что такие факторы, как публичная дипломатия, информационные технологии, международные коммуникации и культурные обмены, рассматриваются Россией как важный источник «мягкой силы». Это локальная российская трансформация и дополнение идеи «трех источников «мягкой силы» – культуры, идеологии и внешней политики», предложенной Дж.С. Наем.

В последние годы, в связи с быстрыми изменениями международной ситуации, понимание и использование Россией «мягкой силы» претерпело серьезные и фундаментальные изменения. Извлеченные уроки являются важным открытием для других стран мира, включая Китай.

Отказ от «мягкости» и использование «силы»: от формирования национального имиджа до гибридной войны

На начальном этапе выстраивания Россией «мягкой силы» главной целью было найти точки соприкосновения с Западом и «войти в группу», надеясь «интегрироваться в семью западной цивилизации», установив «истинное стратегическое партнерство» с НАТО. Еще до того, как «Концепция внешней политики Российской Федерации 2013» определила стратегию «мягкой силы» в форме официального документа, российское правительство уже начало привлекать ресурсы и активно

1 Концепция внешней политики Российской Федерации / МИД РФ. – 2013. – 18 февраля. – URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения: 29.06.2022).

проводить работу по созданию национального имиджа. В 2009 г. Администрация Президента Российской Федерации учредила комиссию по формированию международного имиджа России, реорганизовала и учредила ряд агентств по публичной дипломатии и внешним коммуникациям, таких как «Соотечественники из стран СНГ и дальнего зарубежья» и Агентство международного гуманитарного сотрудничества, Фонд «Русский мир», Международный комитет по имиджу, Фонд общественной дипломатии имени Горчакова, RT TV и т.д. [Сюй Хуа, 2009]. С 2008 по 2012 г. российское правительство потратило значительные денежные средства на то, чтобы нанять американскую компанию по связям с общественностью *Triumph* для публикации имиджевой рекламы в международных авторитетных СМИ, и сделало всё возможное для проведения крупномасштабных международных конференций и мировых мероприятий, таких как саммит G20, саммит АТЭС и Зимние олимпийские игры в Сочи. Россия надеялась повысить свой государственный статус с помощью таких мероприятий, как публичная дипломатия, распространение влияния собственных СМИ и выстраивание актуальной повестки, чтобы таким образом сформировать хороший национальный имидж, показать миру добрую волю, разрешить неопределенности и заручиться поддержкой на международном уровне.

Кризис на Украине, разразившийся в конце 2013 г., и российско-украинский конфликт едва не провалили национальный имиджевый проект «поиска точек соприкосновения», в ко-

торый Россия вложила значительные средства. Усиление санкций и контрсанкций привело к дальнейшему ухудшению отношений между Россией и Западом. Простое формирование благоприятного национального имиджа больше не соответствовало требованиям новой ситуации. Россия начала исследовать, расширять и пытаться переопределить значение «мягкой силы». Прогресс информационных технологий, появление новых средств массовой информации и быстрое развитие искусственного интеллекта нарушили модель международных коммуникаций, предоставив возможности и пространство для изменения стратегии российской «мягкой силы».

В 2016 г. Россия выпустила новую версию «Концепции внешней политики Российской Федерации». В документе есть отдельные главы, объясняющие важность распространения информации, что рассматривается как ключевой фактор, который может повлиять на международную ситуацию и является таким же важным, как военная и экономическая мощь². Не только российские дипломаты обращают внимание на «мягкую силу». Некоторые исследователи военной теории, как, например, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил России В.В. Герасимов, также думают о том, как интегрировать «мягкую силу» в военные операции. В.В. Герасимов указывал: «В большой международной игре современного мира границы между миром и войной всё более стираются. Информационное пространство и культурные сферы стали важными полями сражений новых типов войны. В военные действия сил специальных операций в целях

2 Концепция внешней политики Российской Федерации, Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 29.06.2022).

эффективного достижения политических целей должны быть интегрированы культурное влияние и деятельность по информационному противодействию»³.

С 2014 г., после присоединения Крыма к России и успеха в сирийской войне, термин «тактика (доктрина) Герасимова», подразумевающий особенный, российский, подход, стал популярным у международных стратегов и в научных кругах. Стратегическая идея интеграции «мягкой силы» с военными операциями, отстаиваемая В.В. Герасимовым, рассматривается как наиболее репрезентативный взгляд на концепцию «гибридной войны» (*Hybrid warfare*), которая привлекает всё больше внимания и дискуссий⁴.

В 2021 г. А.М. Ильницкий, советник министра обороны России, предложил концепцию ментальной войны, также известную как «когнитивная война». Основным содержанием этой тактики является «мягкая сила». Цель ментальной войны состоит в том, чтобы «разрушить самосознание вражеского общества и изменить его ментальную и цивилизационную основу», что подчеркивает агрессивность средств «мягкой силы», таких как насаждение иностранной культуры и информации. А.М. Ильницкий считает, что стратегия национальной безопасности России должна обращать внимание не только на безопасность в военной, территориальной и экологической областях, но и учитывать в качестве всеобъемлющего показателя установление «ментальной безопасности». С этой целью, а также для изучения

мер противодействия ментальной войне необходимо создать единую систему раннего предупреждения об угрозах «русской цивилизации» в области образования, культуры, экономики, науки, национальной обороны и безопасности [Ильницкий, 2021].

Изменения, вносимые в понятия и термины, такие как «национальный образ», «мягкая сила», «доктрина Герасимова», «интеллектуальная война» и «когнитивная война», отражают стратегическую направленность России в процессе от предотвращения цветных революций до противодействия западному культурному вторжению, политическому и военному сдерживанию Запада. В.В. Путин, отвечая на вопрос о «мягкой силе» России на Валдайской конференции 2021 г., подчеркнул: «Не нужно из кожи вон лезть, чтобы кому-то доказывать, что мы хорошие, не надо этого делать»⁵. Можно отметить, что после почти 20 лет конкуренции с США и Западом взгляд России на «мягкую силу» преодолел традиционные концепции формирования национального имиджа и публичной дипломатии через «проявление доброты» и «поиск точек соприкосновения» с этими странами. Использование таких факторов, как поддержание информационной безопасности, информационная конфронтация и активная наступательная позиция, расширило внутреннее содержание и сферу действий концепции «мягкой силы», позволив и в теории, и на практике сформировать «мягкую силу» России с ярко выраженными наступательными характеристиками.

3 Герасимов В. Ценности науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. – 2013. – URL: <https://vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 29.06.2022).

4 Нагорных И. «Цветным революциям» ответят по законам гибридных войн. Военные теоретики готовы разработать концепцию «мягкой силы» // Коммерсантъ. – 2016. – 1 марта. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2927168> (дата обращения: 29.06.2022).

5 Путин: Чтобы «мягкая сила» работала, надо уважать себя // Российская газета. – 2021. – 21 октября. – URL: <https://rg.ru/2021/10/21/putin-chtoby-miagkaia-sila-rabotala-nado-uvazhat-sebia.html> (дата обращения: 29.06.2022).

От содействия международным обменам до укрепления военной безопасности

Российско-украинский конфликт 2014 г. привел к тому, что отношения России с Соединёнными Штатами и Европой быстро ухудшились и в них произошли глубокие изменения. 18 декабря 2014 г. на своей ежегодной пресс-конференции В.В. Путин сравнил отношения между Россией и Западом с «попытками посадить медведя на цепь». Он сказал: «Медвежонок должен был спокойно сидеть и отдыхать, питаясь ягодами и медом. Но они хотели запереть нас, пытались вырвать зубы и когти медведя. Если у медведя нет зубов и когтей, и он ничего не может сделать, он превратится в плюшевую игрушку. Трудно представить, что мы будем сидеть сложа руки и ждать, пока нас убьют. Что мы должны сделать – это защитить свой суверенитет». В 2018 г. В.Ю. Сурков, заместитель директора Администрации президента России и разработчик российской политики, неохотно признал: «2014 год прославился многими известными событиями. Однако самое важное из произошедшего в том году люди осознали только сейчас – завершение эпического путешествия России на Запад, прекращение многократных и бесплодных попыток стать частью западной цивилизации, породиться с «хорошей семьей» европейских народов» [Сурков, 2018].

Разочарование В.Ю. Суркова, возмущение происходящим и чувство опасности В.В. Путина являются не только словесным формулированием политического конфликта, но и отражают изменение внешней политики России, политики безопасности и национальной обороны. Этот дух также полностью отражен в соответствующих официальных документах. С 2014 г.

в российских документах, таких как «Стратегия национальной безопасности», «Военная доктрина», «Доктрина информационной безопасности», постоянно подчеркивается, что западные информационные атаки угрожают национальным интересам, а также большое внимание уделяется взаимосвязи между распространением информации и национальным суверенитетом. Эти документы не только задают направление развития российских сил безопасности, но и играют важную руководящую роль в стратегическом планировании «мягкой силы».

«Стратегия национальной безопасности» является для России важным документом, позволяющим оценивать как международную ситуацию, так и внутреннюю и внешнюю обстановку в области безопасности. Сравнивая стратегические отчеты, опубликованные в 2009, 2015 и 2021 гг., можно увидеть, что интерпретация и оценка Россией международной ситуации, а также внутренней и внешней обстановки в области безопасности за последние десять лет претерпели некоторые фундаментальные изменения. В «Стратегии национальной безопасности» 2009 г. Россия, как и прежде, рассчитывает на «прозрачное и стабильное» стратегическое и экономическое сотрудничество с США и Европейским союзом. Однако в документе, опубликованном в 2015 г., тон идеи сотрудничества с США и Европой изменился: Соединённые Штаты и их союзники представлены как «военные и политические противники», и считается, что их вмешательство в Украину и представление о России как о «враге» являются важными факторами, влияющими на национальную безопасность России. В публикации «Стратегии национальной безопасности» 2021 г. предыдущее содержание об установлении отношений сотрудничества с Со-

единёнными Штатами и осуществлении взаимовыгодного сотрудничества с Европой удалено и утверждается, что «намерение западных стран сохранить гегемонию» является первостепенной угрозой национальной безопасности. В документе впервые в отдельной главе рассматривается содержание информационной безопасности, утверждается, что информационное пространство «активно превращается в новое поле ведения боевых действий», информационно-психологическая диверсия и культурная «вестернизация» усиливают угрозу потери культурного суверенитета и заявляется, что Россия будет использовать «необходимые симметричные и асимметричные меры», чтобы дать отпор. В «Стратегии» «развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» перечислены в качестве одного из восьми важных национальных интересов, а «информационная безопасность» включена в девять приоритетных национальных стратегических направлений⁶.

В «Российской военной доктрине» (2014 г.) указывалось, что информация является одновременно оружием и полем боя. Она занимает более заметное место в современных конфликтах и может быть использована для угрозы суверенитету и национальным интересам России. «Наметилась новая тенденция переноса военных рисков и военных угроз в информационное пространство и на территорию России». «Подрывная деятельность, осу-

ществляемая некоторыми странами и национальными альянсами против России, и действия по вмешательству в информационное пространство угрожают национальному суверенитету, политической независимости и территориальной целостности». «Косвенное вмешательство» стало типичным способом разрешения конфликтов в современном мире, когда определенные страны, исходя из своих собственных интересов, поддерживают оппозиционные, экстремистские или сепаратистские силы, чтобы вызвать беспорядки в других странах⁷.

«Государственная доктрина информационной безопасности России» (2016 г.) определяет, что вопросы информационной безопасности стали общим вызовом для стран всего мира, а средства массовой информации, такие как радио и телевидение, превращаются в основные средства борьбы для достижения политических и военных целей. В репортажах и публикациях некоторых иностранных СМИ усилилась клевета на национальную политику России, и российские СМИ за рубежом часто подвергаются дискриминации. Иностранные спецслужбы пытаются повлиять на российскую молодежь, чтобы она изменила свои традиционные моральные ценности. Доктрина требует «обеспечить информационную безопасность и победить в ожесточенных информационных противостояниях»⁸.

По мере того, как оценка Россией внешних угроз и ее мнение о собственной безопасности изменились, «мягкая сила» из «дипломатической помощи»

6 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 29.06.2022).

7 Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976). – URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2940> (дата обращения: 29.06.2022).

8 Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646, «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 29.06.2022).

превратилась в важную часть гибридной войны и интеллектуальной войны. В последние годы международное соперничество между двумя сторонами в «мягкой силе» продолжало нарастать: Россия использовала традиционные и новые медиа, активно сочетала публичную пропаганду в СМИ и секретные разведывательные данные, а также скрытно проникала в онлайн-СМИ, эффективно вмешивалась в информационные войны и борьбу за общественное мнение, связанные с такими событиями, как украинский кризис, выборы в США и новая коронавирусная эпидемия, часто с очень яркими выступлениями и прорывными результатами, несмотря на слабую структуру пропаганды.

Сравнение подходов в использовании «мягкой силы» в двух российско-украинских конфликтах

Украинский кризис, разразившийся в конце 2013 г., не только нарушил поступательное возрождение России, но и обнажил недостатки развития ее «мягкой силы», наиболее явным проявлением которых стало выражение украинским народом своего неприятия российской модели посредством демонстраций и свержения правительства. Однако как традиционная держава Россия по-прежнему обладает уникальными ресурсами «мягкой силы», и выстраивание этой силы весьма актуально. Зимние Олимпийские игры в Сочи и российско-украинский конфликт 2014 г. показали, что «мягкая сила» России, ее исторические и культурные ресурсы, ее возможности меж-

дународной коммуникации, ее внутренняя сплоченность, центростремительная сила и привлекательность лидера работают на многих уровнях и в разных измерениях. Однако в 2022 г. ситуация в пропагандистской войне в корне меняется, обе стороны в наступлении и обороне поменялись местами. Атакующие и оборонительные действия России, США и Европы в области «мягкой силы» стали более интенсивным. В ответ на успехи российской «мягкой силы» в первом российско-украинском конфликте Соединённые Штаты и Европа нанесли серию хорошо спланированных комбинированных тактических ударов: компрометация, угрозы, подавление, запреты и санкции достигли беспрецедентной интенсивности. «Пропаганда разразилась не после первого выстрела, ее подготовка началась в 2014 г.»⁹.

1. «Мягкая сила» в битве за культуру: «дерусификация» на международной культурной арене.

Богатые культурные ресурсы являются важной частью «мягкой силы» России. На Зимних Олимпийских играх 2014 г. в Сочи церемония открытия под названием «Русская мечта» привлекла мировую аудиторию, а культура представляла собой праздничное представление, в котором имена десятков всемирно известных мастеров искусств были представлены в алфавитном порядке, что позволило зрителям всего за несколько минут почувствовать богатство и глубину русской культуры. В рейтинге «Индекса национальной ценности» (*The National Brand Index*), который отражает репутацию и имидж страны, культура (культурное наследие) России уже много лет входит в первую десятку. Такая оценка наи-

9 Siggins D. When it comes to PR, Russia and Ukraine Aren't Fighting the same War // Newsweek. – 2022. – March 14. – URL: <https://www.newsweek.com/when-it-comes-pr-russia-ukraine-arent-fighting-same-war-opinion-1686902> (дата обращения: 29.06.2022).

лучшим образом отражает культурную значимость России¹⁰.

После начала российско-украинского конфликта в 2022 г. культура быстро стала объектом первой волны западных санкций и репрессий, и большое количество западных культурных учреждений инициировало вал «дерусификации». Связанные с Россией организации, мастера искусств, культурные реликвии и шедевры в области литературы, музыки, изобразительного искусства, танца и других направлений были массово исключены и подвергнуты санкциям. Музыкальные коллективы Метрополитен-опера в Нью-Йорке, Карнеги-Холл, Королевский филармонический оркестр Великобритании и Польский национальный филармонический оркестр отказались ставить и исполнять произведения Чайковского, Шостаковича, Рахманинова и других композиторов. Миланский университет Бикокка в Италии исключил из учебной программы курс аналитики произведений Достоевского. Каннский кинофестиваль объявил, что «официальные российские делегации или люди, связанные с правительством России, не приветствуются», а Марсель объявил об отмене 26-го фестиваля русской драмы. Центр фонда *Louis Vuitton* изъясил часть картин российской выставки из личной коллекции братьев Морозовых, финская таможня арестовала российские экспонаты, возвращавшиеся в Россию через Финляндию,

а Амстердам закрыл выставку русского авангардного искусства. Международная европейская федерация кошек подвергла санкциям российских кошек, а жюри конкурса «Европейское дерево года» отказало в участии дубу, собственноручно посаженному Тургеневым.

Культурная «мягкая сила» – это основанное на культурных ресурсах влияние, создаваемое путем их распространения, обмена и взаимодействия. Политика «дерусификации», принятая США и Европой, направлена на очернение международного имиджа России и ослабление ее «мягкой силы» за счет удаления культурных символов и разрушения культурных мостов, что не только снижает возможность международной моральной поддержки России, но и уничтожает ее способность культурного общения, ведения диалога и интеграции с миром, что в условиях замкнутости и обособленности приводит к изоляции и упадку.

2. Внутренняя сплоченность и центристские силы: сопротивление России интеллектуальной войне.

Западное сдерживание и санкции в российско-украинском конфликте стимулировали общий патриотический энтузиазм российского народа, а вхождение Крыма в состав России усилило внутреннюю сплоченность и центристскую силу. Опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения в октябре

10 Индекс национальных брендов (*Anholt-GfK Roper Nation Brands Index*), именуемый *NBI*, был разработан известным британским ученым Саймоном Анхолтом в сотрудничестве с консалтинговой компанией *GfK* по связям с общественностью и СМИ. Индекс *NBI* составляется на основе шести аспектов экспорта каждой страны, национального качества, культурных традиций, туризма, политического управления, инвестиций и иммиграции. Он основан на анализе большого количества выборочных данных и отражает всесторонний образ страны. Чтобы оценить влияние традиционной и популярной культуры страны, исследователи *NBI* в основном учитывают обратную связь по следующим вопросам: во-первых, оценка жителей других стран традиционной культуры (или культурного наследия) тестируемой страны; во-вторых, интерес жителей других стран к оценке традиционной культуры (или культурного наследия) тестируемой страны, отказ или желание приобретать популярные или коммерческие культурные произведения в стране тестирования, такие как покупка пластинок, прослушивание концертов и просмотр спектаклей; в-третьих, опрос жителей других стран, какие культурные мероприятия они хотели бы увидеть в стране тестирования. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-10/nbi_2020-press_release_-2020-10-27-v1_russia-rus_0.pdf (дата обращения: 29.06.2022).

2014 г., показал удвоение по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. числа респондентов, считающих, что национальное единство России находится в хорошем состоянии¹¹. «Те, кто рассчитывал, что санкции приведут к политическим проблемам внутри страны, сильно ошиблись. Напротив, они сыграли консолидирующую роль»¹².

В 2022 г., в дополнение к внедрению традиционных методов цветной революции, таких как использование возвращаемой в течение многих лет политической оппозиции для организации протестов и маршей, а также подстрекательство людей к выступлению против правительства через средства массовой информации для создания политического кризиса, США, Великобритания и Европейский союз, не колеблясь, разрушили принципы «неприкосновенности частной собственности» и «искусства без границ» и использовали метод «стратегии сдерживания путем демонстрации угроз» («разрушить гору, чтобы напугать тигра»), открыто угрожая и заманивая российскую элиту, намереваясь атаковать российскую экономику и использовать свое влияние для раскола российского общества и оказания давления на принятие политических решений, создавая возможности для разжигания гражданской розни и свержения режима¹³.

В литературных и художественных кругах США и Евросоюз наказали артистов, отказавшихся осудить Россию. Валерия Гергиева сняли с поста главного дирижера Мюнхенской филармонии,

Тугана Сохиева вынудили отказаться от должности музыкального руководителя Национального оркестра Капитолия Тулузы. Отменено сотрудничество певицы Анны Нетребко с Цюрихской оперой и Метрополитен-оперой. Многие российские бизнесмены попали под санкции Запада в экономической и финансовой сферах за «близкие отношения с российским правительством». Активы Р. Абрамовича были заморожены британским правительством, яхта А. Усманова конфискована Германией, особняк А. Мордашова конфискован итальянским правительством, и таких примеров множество. Давление Запада на российские элиты действительно возымело действие, и они наперебой стали отмежевываться от правительства. Гендиректор поисковой системы «Яндекс» Е. Бунина уехала из России и объявила об отставке, а ее преемник на этом посту Т. Худавердян был немедленно внесен Европейским союзом в санкционный список, поэтому тоже впоследствии ушел со всех должностей в «Яндексе»¹⁴. Некоторые артисты Большого театра и Мариинского театра объявили о своей отставке. Писатели Б. Акунин, Д. Быков, Д. Глуховский и ряд ученых российских научно-исследовательских учреждений выступили с антивоенными заявлениями или открытыми письмами в СМИ. О. Дерипаска, глава «Русала», когда-то известный как «твердый сторонник Путина», также сменил тон, призвав к коренным переменам в России: «Раз это реальный кризис, то нужны и реальные кри-

11 Самохвалова М. ВЦИОМ: «Народное единство выросло в два раза с 2012 г.» // Известия. – 2014. – 31 октября. – URL: <http://izvestia.ru/news/578809#ixzz3Hix8Yz2N> (дата обращения: 29.06.2022).

12 Замахина Т. Мотивы Кремля – Вячеслав Володин рассказал «валдайцам» о провале антироссийских санкций // Российская газета. – 2014. – 24 октября. – URL: <https://rg.ru/2014/10/24/valday.html> (дата обращения: 29.06.2022).

13 Двинский К. Первый пошел: Олигархи ждали реванша против Путина 20 лет. // Царьград. – 2022. – 1 апреля. – URL: https://tsargrad.tv/articles/pervyj-poshjol-oligarhi-zhdali-revansha-protiv-putina-20-let_521831 (дата обращения: 29.06.2022).

14 Гендиректор «Яндекса» покинула должность и уехала из России // РБК. – 2022. – 2 апреля. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/02/04/2022/62483e519a7947381ad51bb0?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.06.2022).

зис-менеджеры, а не фантасты с пачкой презенташек. Сейчас, как в 2014-м, пересидеть не удастся. Необходимо менять экономическую политику, нужно заканчивать весь этот госкапитализм». Такие представители бизнес-элиты как М. Фридман и А. Мордашов придерживаются схожих взглядов¹⁵.

Российская «элита» имеет тесные контакты со странами Запада, многие российские миллиардеры, музыканты, художники и другие знаменитости долгое время жили и работали в Европе, и большинство из них имеют двойное гражданство¹⁶. Их действия были осуждены В.В. Путиным, который в телеобращении 16 марта назвал их «пятой колонной» и «предателями»: «Они зарабатывают деньги здесь, у нас, но живут в другом месте. Подобные люди могут и мать родную продать, только лишь бы им разрешили сидеть в прихожей у этой самой высшей касты. И они хотят быть похожими на нее, всячески подражая ей. Но они забывают или не понимают вообще, что этой так называемой высшей касте они если и нужны, то как расходный материал. Они ментально находятся именно там, а не здесь, не с нашим народом, не с Россией».

Образ В.В. Путина является уникальным ресурсом «мягкой силы» России. Его политические достижения, стиль правления, сила личности и духовный темперамент не только поддерживаются российским народом, но и привлекают широкое международное внимание. В ходе российско-украинского конфликта западные СМИ опубликовали большое количество уничижительных и дискредитирующих сообщений об имидже В.В. Путина.

Президент США Джо Байден даже назвал его «убийцей» и «военным преступником» и открыто вмешивался во внутренние дела России, призывая к свержению В.В. Путина: «Этот человек не может продолжать находиться у власти». По поводу подобных попыток Запада Путин однажды дал четкое определение: «Коллективный Запад пытается расколоть наше общество,... спровоцировать гражданское противостояние в России и, используя свою пятую колонну, стремится к достижению своей цели». Факты доказывают, что план Запада по созданию раскола и осуществлению подрывной деятельности не осуществился. Демонизация Путина Западом не вызвала большой волны внутри России, а широкая общественность выступила против упомянутых элит в деловых и художественных кругах. Опросы ВЦИОМ и других центров изучения общественного мнения показывают, что поддержка В.В. Путина населением после начала специальной военной операции продолжила расти, а также возросло доверие к правительству.

3. Блокада интернет-платформ и препоны в международных коммуникациях: репрессивные преимущества США и Запада.

В пропагандистской войне вокруг украинского кризиса в 2013 г. Россия совершила прорыв в расширении своих возможностей в международной коммуникации и значительно улучшила инструменты воздействия, пропагандистские навыки и каналы связи, что оказало влияние на повестку дня украинского кризиса в средствах массовой информации. Преимущество западных СМИ по-прежнему сохраня-

15 Российские элиты в условиях экономического кризиса и санкционного давления // Независимая газета. – 2022. – 5 марта. – URL: https://www.ng.ru/ideas/2022-03-05/100_2203051550.html (дата обращения: 29.06.2022).

16 Ли Цзунлунь = 李宗伦. Уровень поддержки Путина стремительно растет, какова текущая ситуация в Москве = 普京支持率一路飙升, 莫斯科现状究竟如何 // Официальный аккаунт See the World Overseas. – URL: http://m.thepaper.cn/baijiaohao_17501298 (дата обращения: 29.06.2022). – Кит. яз.

ется, но они уже не обладают подавляющим влиянием. Особенного успеха добились российские СМИ в вопросе «вхождения Крыма в состав России». Они нарушили монополию западных СМИ на глобальную новостную повестку. Ролики с логотипом *Russia Today* (RT) были растиражированы СМИ всего мира, что во многом свело на нет дискурсивное преимущество западных стран по украинскому кризису, а Россия благодаря этому нашла понимание и получила признание многих международных аудиторий [Сюй Хуа, 2015].

В российско-украинском конфликте 2022 г. США и Запад, извлекая уроки из опыта медиавойны в украинском кризисе 2013 г., приняли незамедлительные меры на ранних стадиях инцидента, чтобы с двух сторон (международных и внутренних коммуникаций) против России были предприняты такие действия, как нейтрализация дискуссий, блокада каналов и атака на общественное мнение. Международное общение России было парализовано, а пропагандистские материалы, выгодные для Украины, абсолютно доминировали на интернет-платформах и в основных западных СМИ. Американские интернет-компании продемонстрировали свои мощные контролирующие возможности, а российские СМИ были либо прямо запрещены, либо заклеены как транслирующие «фейковые новости». RT, российская информационно-поисковая система и интернет-портал «Спутник» являются ключевыми целями для запрета в западных странах. 28 февраля корпорация *Meta* объявила, что ее страницы в *Facebook* и *Instagram* ограничат доступ пользователей из ЕС к «российским государственным СМИ». В тот же день *Twitter* начал отмечать

аккаунты RT и «Спутника», а также продолжил удалять российские посты о российско-украинском конфликте. Их примеру тут же последовали *Apple*, *Microsoft* и *Google*. *Apple* удалила приложения RT и «Спутника» из *App Store* во всех регионах мира, кроме России; *Microsoft* не только удалила RT и другие российские медиа-приложения, но и прекратила показ сопутствующих российских медиапродуктов и рекламы; *The YouTube* (*Google*) глобально блокирует пользователей от доступа к каналам «российских государственных СМИ».

Чтобы нивелировать и исключить поднятый Россией вопрос о «противодействии неонацизму», западные СМИ изменили свое прежнее определение таких организаций, как батальон «Азов» (ее деятельность запрещена в Российской Федерации). В *Facebook* батальон «Азов» ранее классифицировался как террористическая группа, аналогичная Ку-клукс-клану и Исламскому государству (ИГИЛ, запрещенная в России организация), а его деятельность на данной платформе ограничивалась «политикой в отношении опасных людей и организаций». Но 24 февраля *Facebook* изменил свою политику, разрешив публикации в пользу «Азова». 10 марта *Facebook* разослал сотрудникам внутреннее электронное письмо, в котором говорилось, что пользователи могут в небольших дозах хвалить роль экстремистской группировки батальон «Азов» в «сопротивлении России». Вместе с этим были смягчены первоначальные правила против разжигания ненависти, что позволило пользователям публиковать угрозы смертью и проклятия в адрес российской специальной военной операции и лидеров России и Белоруссии¹⁷. В рамках подобного

17 Vengattill M., Culliford E., Facebook allows war posts urging violence against Russian invaders // Reuters. – 2022. – March 10. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/exclusive-facebook-instagram-temporarily-allow-calls-violence-against-russians-2022-03-10> (дата обращения: 29.06.2022).

избирательного доминирования в общественном мнении пропагандистское наступление, исходящее из Украины, получило решительную поддержку со стороны западных СМИ и социальных сетей, практически монополизировав англоязычные СМИ. Украинцы преподносятся как романтический образ сопротивления внешнему врагу, а Россия – как агрессор, «наносающий тяжелые потери мирному населению», но «бросающий технику, обмундирование и оружие и сдающийся в плен».

США и Запад взломали и уничтожили эффективный набор методов борьбы с негативным общественным мнением и психологической войной, накопленный Россией за последние годы. Ситуация, при которой Россия использует западные платформы для усиления своих позиций в битве с этим самым Западом за общественное мнение, подобна обоюдоострому мечу. В условиях, когда у противника есть план и он занимает командные высоты, легко попасть под огонь точных ударов и оказаться разоруженным. В 2022 г. некогда сыгравшие важную вспомогательную роль в информационной войне России, но скрывающие, что имеют отношения с ее официальными органами СМИ, веб-сайты и платформы, такие как «Геополитика» (*Geopolitica.ru*), Аналитический центр *Katehon*, Фонд стратегической культуры, «Южный фронт» и т.д., были разоблачены Западом и оказались запрещены или подвергнуты санкциям¹⁸. Сайты медиагрупп, контролируемых российской бизнес-элитой, подверглись атакам и были недоступны или заблокированы в Европе и США.

США предприняли в России действия, направленные на раскол общества, углубление разногласий и инспирирование внутренних ответных мер. После того, как Россия ввела войска на территорию Украины, всего за два дня в основных социальных сетях появилось около 1200 привлекающих внимание объявлений, распространяющих ложные новости и призывающих людей выйти на улицы и выступить против правительства. Эти призывы были точно нацелены на русскоязычную аудиторию в социальных сетях¹⁹. *Facebook*, *Twitter* и *Google* используют специальную геолокацию для точной доставки антироссийской информации и рекламы через антироссийские веб-сайты и приложения. ФБР же использует интерактивную конъюнктуру для выявления российских пользователей с антиправительственными настроениями с целью дальнейшего осуществления деятельности по «подпитке» их информацией и вербовке внутренних агентов²⁰.

Следует отметить, что США и Европейский союз давно планировали войну за лидерство в формировании общественного мнения по поводу российско-украинского конфликта, поэтому различные комбинации ударов были нанесены практически единовременно. На практике в ответ на скрытую и тайную войну России в Интернете американские интернет-компании, такие как *Twitter* и *Google*, уже длительное время проводят активные действия в стиле «око за око». Программное обеспечение *Birdwatch* компании *Twitter* может собирать на своей платформе

18 Великобритания ввела новые санкции против российских СМИ и банкиров // ТАСС. – 2022. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14545561?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.06.2022).

19 Истомина М. Дуров призвал с сомнением относиться к информации из Telegram-каналов // Ведомости. – 2022. – 29 июня. – URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/02/27/911152-mogut-ogranichit-telegram-kanalov> (дата обращения: 29.06.2022).

20 Barrett D. Want to talk? FBI trolls Russian Embassy for disgruntled would-be spies // Washington Post. – 2022. – March 23. – URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2022/03/23/fbi-russia-spy-recruiting-ukraine/> (дата обращения: 29.06.2022).

информацию о политических предпочтениях пользователей и активировать сообщество *Twitter* для обнаружения и уточнения ложной информации. *Google Jigsaw* использует поисковые системы и видеоплатформу *YouTube* для отслеживания параметров, типичных для российской государственной пропаганды, и затем применяет режим перенаправления, чтобы заблокировать российское информационное вмешательство. Стоит отметить, что Джаред Коэн, глава *Google Jigsaw*, является представителем технической элиты и государственным чиновником, который сначала работал в Бюро планирования политики Государственного департамента США, а затем в *Google Ideas*, аналитическом центре *Google*. Под его руководством социальные сети внесли важный вклад в акции поддержки дипломатических действий США во время «арабской весны» и войны в Сирии²¹.

Тем не менее Россия, хотя и была в значительной степени заблокирована в сражениях за общественное мнение в связи с российско-украинским конфликтом 2022 г., вовсе не пребывает в отчаянном положении. С одной стороны, Россия предприняла контратаку против американских социальных сетей, чтобы ограничить их распространение на своей территории. Тверской районный суд в Москве признал *Meta* экстремистской организацией за разрешение публикаций агрессивной риторики по отношению к россиянам и российским солдатам. Ее контент *Facebook* и *Instagram* запрещены. Граж-

дане России, оплачивающие ее рекламе или иным образом переводящие средства на *Facebook*, теперь могут быть привлечены к уголовной ответственности за «финансирование экстремистских организаций»²². Многие важные российские СМИ, такие как *RT* и «Точка зрения», удалили со своих страниц иконки приложений *Instagram* и *Facebook*. Россия внесла поправки в свой Уголовный кодекс, которые предусматривают строгое наказание за распространение ложных новостей, экстремистских идей и клеветнической информации о российских военных. После подписания этого законопроекта многие западные СМИ, такие как *BBC*, *CNN* и *Bloomberg*, объявили о прекращении вещания в России, а также были удалены номера некоторых СМИ в российской поисковой системе «Яндекс». *The Moscow Times*, российское интернет-издание «Холод» и некоторые другие запрещены за нарушение вышеуказанных законов²³.

С другой стороны, некоторые приложения в России получили новое пространство для развития: резко возросло влияние *Telegram*, который сочетает в себе двойные функции медиаплатформы и приложения для обмена мгновенными сообщениями. Количество подписок на его новостной канал за первую неделю специальной военной операции выросло до 19,5 миллионов²⁴. *Telegram* стал практически единственной платформой для высказываний, оставшейся в России. Такие знаменитости, как М. Захарова, Р. Кадыров, Д. Рогозин, Д. Медведев, а также

21 «Этим занимается Билл Гейтс» Жириновский назвал коронавирус биологической войной // Комсомольская правда. – 2020. – 4 октября. – URL: <https://www.kp.ru/daily/217190.5/4298221/> (дата обращения: 29.06.2022).

22 Суд запретил в России Instagram и Facebook за экстремистскую деятельность // ТАСС. – 2022. – URL: https://tass.ru/obshchestvo/14135585?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.06.2022).

23 В России заблокировали сайт The Moscow Times // Лента.ру. – 2022. – 15 апреля. – URL: https://lenta.ru/news/2022/04/15/mtimes/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 29.06.2022).

24 Гаврилюк А. Новоленточники // Коммерсантъ. – 2022. – 3 марта. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5239463> (дата обращения: 29.06.2022).

правительственные учреждения, такие как Министерство иностранных дел и Министерство обороны, стали важными каналами международного доступа для получения новостей из российских источников.

В 2022 г., столкнувшись с коллективной блокадой западными социальными сетями, заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрий Медведев заявил в *Telegram*, что он решительно поддержит создание местных социальных сетей, чтобы противостоять попытке Запада «полностью стереть Россию и удалить ее из Интернета»²⁵. По данным опроса ВЦИОМ за апрель 2022 г., показатели *Telegram* значительно выросли, вытеснив *Instagram* и заняв четвертую позицию по проникновению на российский рынок, а доля рынка *Instagram* упала с 53% в сентябре 2021 г. до 25%, а количество ежедневных активных пользователей сократилось с 33 до 9%. За тот же период *Facebook* и *Twitter* также понесли потери в количестве пользователей – с 21 и 11% до 11 и 7% соответственно²⁶. В списке альтернатив социальным сетям и программному обеспечению для обмена мгновенными сообщениями, составленном Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, *Telegram* вместе с известными российскими социальными платформами, такими как «ВКонтакте» и «Одноклассники», официально рекомендован в качестве

альтернативы иностранным продуктам, таким как *Facebook*, *Instagram*, *WhatsApp* и *Twitter*²⁷.

Судя по недавнему опыту и урокам, извлеченным Россией, создание международной платформы социальных сетей, которую она может использовать, является важным условием победы в информационной войне в будущем. Может ли *Telegram*, как и воспользовавшаяся российско-грузинской войной и украинским кризисом 2013 г. RT, стать оружием общественного мнения в будущих международных коммуникациях России? Павел Дуров, основатель и фактический распорядитель *Telegram*, во время российско-украинского конфликта заявил о своей надежде, что *Telegram* не станет инструментом для обострения конфликтов и разжигания межнациональной розни²⁸. В текущей ситуации *Telegram*, хотя явно не связан с национальными интересами России, действительно помогает ей добиться прорыва во внешней пропаганде в российско-украинском конфликте 2022 г. и конъюнктурно еще больше усилил свое влияние на рынке.

Закключение и выводы

«Мягкая сила» представляет собой теоретическую основу, которая всё еще находится в стадии изучения. Эта концепция расширила прежние теоретические представления о государственной власти и получит дальнейшее развитие в будущей международной

25 Медведев: Поддерживаем создание местных социальных сетей в России = 梅德韦杰夫：支持建立俄罗斯本土社交媒体 // Спутник = 卫星网. – 2022. – 18 марта. – URL: <https://sputniknews.cn/20220318/1040145985.html> (дата обращения: 29.06.2022). – Кит. яз.

26 ВЦИОМ назвал самые популярные соцсети в России // Ведомости. – 2022. – 29 июня. – URL: <https://www.vedomosti.ru/media/news/2022/04/18/918515-vtsiom-samie-populyarnie-sotsseti> (дата обращения: 29.06.2022).

27 Минцифры представило российские аналоги иностранных соцсетей и сервисов // Ведомости. – 2022. – 8 апреля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2022/04/08/917232-mintsifri-rossiiskie-analogi-inostrannih-sotssetei> (дата обращения: 29.06.2022).

28 Антипов А. Дуров ограничит работу Telegram-каналов во время конфликта между Россией и Украиной // Securitylab.ru. – 2022. – 27 февраля. – URL: <https://www.securitylab.ru/news/530345.php> (дата обращения: 29.06.2022).

политической практике. Важную эмпирическую роль здесь будут играть теоретические и практические исследования в области российской «мягкой силы».

Сравнение Китая и России в вопросе создания «мягкой силы» очень полезно. И Китай, и Россия – страны с многовековой историей, огромной территорией и большим количеством этнических групп, представляющих культуру, отличную от западной, доминирующей в нынешнем международном политическом и экономическом порядке. Кроме того, в процессе переопределения своего статуса в международном сообществе политические системы и пути развития двух государств были восприняты Западом весьма негативно и пострадали от глубоко укоренившихся предубеждений. В условиях подозрительности, клеветы и широкомасштабной демонизирующей пропаганды со стороны подконтрольного Западу международного общественного мнения формирование «мягкой силы» является стратегической задачей, стоящей перед обеими странами. Таким образом, изучение позитивного и негативного при построении «мягкой силы» России имеет большое значение для Китая. Китайские академические круги изучают источники, конструкцию, методы применения и эффективность реализации российской «мягкой силы» в отношении к внешней политике, международной политике, социальной культуре и медиакоммуникациям, анализируют культурную привлекательность России, международную мобилизацию, технологическое и образовательное влияние, международное общение, влияние на лидерские позиции, а также с помощью международных инструментов оценки и количественных показателей сравнивают и измеряют национальный имидж и «мягкую силу» России.

Два конфликта, произошедшие между Россией и Украиной в последние годы, заставили специалистов из КНР обратить особое внимание на то, как Россия использует средства информационной и гибридной войны в большой международной игре. Китайские ученые считают, что из-за различий в путях развития и внешнеполитических стратегиях двух стран «мягкая сила» Китая и «мягкая сила» России имеют разную направленность. Средства реализации этой силы имеют свои особенности из-за разных потенциалов и условий, сформированных в двух государствах. Россия подчеркивает важную роль информационных технологий и международных коммуникаций в построении «мягкой силы», а китайское академическое сообщество склонно считать, что ядром «мягкой силы» является культура. Изучение классических источников традиционной китайской философии, особенно идеи конфуцианского «добродетельного правления», также подчеркивают, что правительственная стратегия «мягкой силы» должна представлять «культурную мягкую силу».

Инструменты «мягкой силы», выбранные Китаем и Россией, примерно одинаковы и фокусируются на внешней пропаганде, образовательных обменах, продвижении языков, построении национального имиджа, но Россия использует эти инструменты чуть больше, чем Китай, и их проникновение сильнее, чем у Китая. Россия вполне успешна в игре великих держав и способна полностью мобилизовать разные ресурсы, но ресурсы ее «мягкой силы» сейчас не могут удовлетворить внешние стратегические потребности страны. Ресурсы же «мягкой силы» Китая при большем потенциале не используются в полной мере. В целом «мягкой силе» двух стран еще предстоит дорасти до уровня текущей полити-

ческой ситуации [Ван Сяоцзянь, 2015; Сяо Бинь, 2015; Сюй Хуа, 2016; Ма Цян, 2017; Лю Янь, Чжу Люминь, 2020; Сюй Хуа, 2022].

С точки зрения стратегии, тактики, использования средств борьбы за общественное мнение и информационной войны различные практики России не новы: именно США являются мастером, владеющим методом, именуемым «мягкая сила». Четыре доминанты США – вооруженные силы, финансы, технологии и сформированный дискурс – идеально сочетаются и взаимно дополняют друг друга. Дискурсивная доминанта является важным проявлением американской «мягкой силы», а поддерживает ее монопольное положение США в информационном пространстве. Благодаря таким факторам, как преимущества новатора в отрасли и передовые технологии, Соединённые Штаты и Запад построили политический и экономический порядок современного мира, установили операционный порядок информационного пространства. Сегодня мир переживает великие перемены, которых не было уже много лет. Эти перемены не ограничиваются одним моментом, одной страной и одним регионом – это глубокие и масштабные перемены во времени. Вместе с этими переменами в мире обострилась идеологическая и общественно-политическая борьба, игра «мягких сил» в международной политике. Поэтому Китаю следует сохранять высокую степень бдительности и учиться на опыте и уроках России в соперничестве с США и Западом.

1. Диалектика соотношений между развитием и безопасностью.

Конфликт между Россией и Украиной, а также блокада и санкции, введенные в отношении России США и Западом, оказали огромное влияние на существующий международный политический и экономический порядок.

Международная система при доминировании США стала инструментом крупных держав в сдерживании и подавлении инакомыслия, а международные общественные блага оказались приватизированы, политизированы и превращены в инструменты господства. Целый ряд экономических и финансовых правил вместо поддержания мировой стабильности и содействия развитию стал орудием гибридной войны. С развитием национальной мощи Китая структурные и фундаментальные особенности китайско-американского соперничества становятся всё более и более заметными. Борьба между развитием и сдерживанием, открытостью и блокированием в китайско-американских отношениях продолжает обостряться, как растет и конкуренция в повсеместном использовании «мягкой силы» между этими странами. В условиях серьезных корректировок и потрясений в международной обстановке Китай должен точно уловить эти изменения, проявить историческую инициативу, воспользоваться возможностями, а также пересмотреть и скорректировать стратегические цели и отработать методы национальной «мягкой силы».

2. Содействие построению сообщества с общим будущим для человечества и сохранение в процессе общего развития национальной «мягкой силы».

Российско-украинский конфликт ни в коем случае не является конфликтом между «самодержавием и демократией», как это представляют США, он отражает борьбу двух сил, первые из которых сопротивляются американской гегемонии, а вторые поддерживают ее. По мере того, как всё больше и больше стран постепенно понимают уловки американцев по разжиганию повсюду пожаров войны и планированию войн, концепция сообщества с общим

будущим для человечества, за которую выступает Китай, обязательно получит всё большее понимание и признание. По окончании российско-украинского конфликта всё больше и больше стран будут стремиться к самостоятельному развитию, и у Китая будет больше «антиимпериалистических» и «антигегемонистских» попутчиков, что предоставит новые возможности и придаст новый импульс росту китайской «мягкой силы».

3. Сосредоточенность на технологической мощи и инновациях бизнес-моделей, улучшение международной адаптивности «мягкой силы» Китая.

Интернет-пространство не имеет границ, но высокотехнологичные интернет-компании имеют атрибуты национальности или определенных групп капитала. Американские интернет-компании являются мировыми лидерами в разработке прикладного программного обеспечения для социальных сетей, а также предоставляют важную инфраструктуру и технологические платформы для демонстрации национальной «мягкой силы». Если страна сильно зависит от доступа к информационным каналам других стран, у нее изначально будет слабая позиция в противоборстве с этими странами, ей будет сложно поддерживать собственный сетевой суверенитет в ожесточенных международных играх, особенно гибридных войнах. В интернет-индустрии между США и Россией существует огромный разрыв. Из-за отсутствия высокоорганизованных международных социальных сетей Россия может оказывать сопротивление американцам, только скрываясь на основных сайтах СМИ США. Промышленные эффективные методы и оружие России в борьбе за общественное мнение в российско-украинском конфликте 2022 г. неоднократно взламывались и уничтожались США и Западом. Вы-

зовы и трудности, с которыми сегодня столкнулись Китай и Россия, схожи, и интернационализация международных медиаплатформ идет непросто. Поэтому в будущей международной войне за общественное мнение, психологической и информационной войне правительство должно играть ведущую роль, использовать все возможности и прилагать большие усилия для изменения слабой позиции Китая на международных платформах СМИ.

4. Укрепление внутренней сплоченности, контроль и управление общественным мнением и пропагандой.

Доминирование внутреннего общественного мнения является важным ресурсом «мягкой силы», тесно связанным с национальной безопасностью. Есть старая поговорка: «Если будет достаточно еды и достаточно подготовленных солдат и вооружений, у народа будет вера», «Народ без веры не устоит» (Янь Юань «Беседы и суждения»). «Народная вера», то есть доверие народа и приверженность своей стране, является не только основой политики страны, но и основой ее «мягкой силы». Китаю же на исторических этапах противодействия торговым войнам, борьбы с эпидемией и ради будущего завершения великого дела воссоединения необходимо создать чистый и честный дискурс, внедрить новаторские методы в идеологической пропаганде, разработать грандиозные нарративы и применить вдохновляющие лозунги. Еще важнее использовать повествования и экспрессии, сопереживающие народу, чтобы внушать патриотизм самой широкой группе людей; необходимо делать акцент на семейственности и чувстве единства со своей страной, призывать элиту «первой беспокоиться о заботах государства и последней получать от него блага для себя» и посвятить себя защите китайской нации и всей страны. В то же время необходимо укреплять

концепцию национальной безопасности и использовать различную политику, законы и технические средства для предотвращения проникновения и пресечения воздействия враждебных сил.

Список литературы

Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

Сурков В.Ю. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 23-1. – С. 124–129.

Ван Сяоцюань = 王晓泉. Сравнение факторов мягкой силы во внешних стратегиях Китая и России = 中俄对外战略中的软实力因素比较 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究. – 2015. – № 1. – С. 14–22. – Кит. яз.

Лю Янь, Чжу Люминь = 刘燕、朱陆民. Анализ совершенствования российской мягкой силы в Юго-Восточной Азии = 俄罗斯在东南亚的软实力提升路径探析 // Современный мир и социализм = 当代世界与社会主义. – 2020. – № 6. – С. 176–184. – Кит. яз.

Ма Цян = 马强. Российское культурное наследие и создание «мягкой силы» = 俄罗斯文化遗产与软实力生成 // Академический журнал российских исследований = 俄罗斯学刊. – 2017. – № 5. – С. 69–78. – Кит. яз.

Сюй Хуа = 许华. Российская дипломатия мягкой силы и международный имидж = 俄罗斯的软实力外交与国际形象 // Общественные науки за рубежом = 国外社会科学. – 2009. – № 5. – С. 78–82. – Кит. яз.

Сюй Хуа = 许华. Взгляд на международную коммуникационную мощь России в контексте украинского кризиса = 从乌克兰危机看俄罗斯的国际传播力 // Российский академический журнал = 俄罗斯学刊. – 2015. – № 3. – С. 61–69. – Кит. яз.

Сюй Хуа = 许华. Факторы технологий и образования в российской мягкой силе = 俄罗斯软实力的科技和教育因素 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究. – 2016. – № 3. – С. 46–60. – Кит. яз.

Сюй Хуа = 许华. Эволюция и применение российской концепции «мягкой силы» в контексте войны великих держав = 大国混合战背景下俄罗斯软实力观的演进和展现 // Исследования мирового социализма = 世界社会主义研究. – 2022. – № 10. – С. 69–79. – Кит. яз.

Сяо Бинь = 肖斌. Сравнение мягкой силы в региональной политике Китая и России = 中俄地区政策中的软实力比较 // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии = 俄罗斯东欧中亚研究. – 2015. – № 1. – С. 23–31. – Кит. яз.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.10

National Image, Hybrid Warfare and Intellectual Warfare: Evolution and Disclosure of the Russian Concept of Soft Power

XU Hua

Research Fellow, Institute of Russian, Eastern Europe and Central Asia
Chinese Academy of Social Sciences
East Yard, Zhang Zizhong Road, 3, Beijing, China, 100007
E-mail: xuhua@cass.org.cn
ORCID: NA

GAO YAN Qiuyu

PhD Candidate, Associate Researcher at the International Laboratory of World Order Studies and New Regionalism, School of World Economics and International Relations Higher School of Economics University
Malaya Ordynka Street, 17, Moscow, Russian Federation, 119017
E-mail: qgaoyan1@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2017-6383

ACKNOWLEDGEMENT. The article is a phased result of the 2021 project “Progress, problems and prospects for the “localization” of Chinese-Russian political science”, jointly funded by the Chinese Academy of Social Sciences and the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 21-514-93002. = 本文是2021年中国社会科学院与俄罗斯基础研究基金会联合资助项目《中俄政治学‘本土化’的进展、问题和前景》的阶段成果。

CITATION: Xu Hua, Gao Yan Qiuyu. (2023). National Image, Hybrid Warfare and Intellectual Warfare: Evolution and Disclosure of the Russian Concept of Soft Power. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 187–206 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.10

Received: 13.12.2022.
Revised: 08.03.2023.

ABSTRACT. *After almost 20 years of rivalry with the United States and the West, the Russian concept of “soft power” has moved beyond the traditional building of a national image and public diplomacy based on such concepts as “exercising good-*

will” and “search for common ground”, and has expanded its connotation, turning it from an “auxiliary tool of diplomacy” into an important part of “mental warfare” and “hybrid warfare”. In recent years, Russia, using such methods as mutually reinforc-

ing the influence of traditional media and new types of media, closely integrating secret intelligence into the propaganda work of public media, and covertly infiltrating online media, has effectively intervened in the information war and the struggle for public opinion, associated with events such as the Ukrainian crisis, the US elections and the coronavirus epidemic, where, despite the existing structural shortcomings, it achieved striking results and significant breakthroughs. In the 2022 Russian-Ukrainian conflict, the United States and the West countries have launched a series of long-planned combinations of propaganda warfare. The tactics of widespread vilification, suppression, and sanctions have reached unprecedented intensity. Russia's former effective mix of opinion-fighting and hybrid warfare has been hacked and destroyed in recent years, and its soft power has been dealt a heavy blow. Further evolution of the concept of soft power reflects the Russian leadership's understanding of the cruelty and complexity of ideological confrontation and political struggle in the modern world. Its experience and lessons in the construction and application of soft power deserve in-depth study and attention.

KEYWORDS: Russian soft power, hybrid warfare, international spread, rivalry between Russia and the West.

References

- Ilitskiy A.M. (2021). Russia's mental war. *Voennaya mysl*. No. 8, pp. 19–33 (in Russian).
- Liu Yan, Zhu Luming = 刘燕、朱陆民 (2020). Analysis of Russian soft power improving in Southeast Asia = 俄罗斯在东南亚的软实力提升路径探析. *Contemporary World and Socialism* = 当代世界与社会主义. No. 6, pp. 176–184 (in Chinese).
- Ma Qiang = 马强 (2017). Russian Cultural Heritage and Soft Power Generation = 俄罗斯文化遗产与软实力生成. *Academic Journal of Russian Studies* = 俄罗斯学刊. No. 5, pp. 69–78 (in Chinese).
- Surkov V.Y. (2018). The loneliness of a half-breed (14+). *Russia in Global Affairs*. No. 2-3-1, pp. 124–129 (in Russian).
- Wang Xiaoquan = 王晓泉 (2015). The comparison of the soft power factors in foreign strategies between China and Russia = 中俄对外战略中的软实力因素比较. *Russian, East European & Central Asian Studies* = 俄罗斯东欧中亚研究. No. 1, pp. 14–22 (in Chinese).
- Xiao Bing = 肖斌 (2015). Comparative Analysis of the Soft Powers in the Regional Policies of China and Russia = 中俄地区政策中的软实力比较. *Russian, East European & Central Asian Studies* = 俄罗斯东欧中亚研究. No. 1, pp. 23–31 (in Chinese).
- Xu Hua = 许华 (2015). Look at the Russia's International Communication Power Through the Ukrainian Crisis = 从乌克兰危机看俄罗斯的国际传播力. *Russian Academic Journal* = 俄罗斯学刊. No. 3, pp. 61–69 (in Chinese).
- Xu Hua = 许华 (2009). Russia's Soft Power Diplomacy and International Image = 俄罗斯的软实力外交与国际形象. *Social Sciences Abroad* = 国外社会科学. No. 5, pp. 78–82 (in Chinese).
- Xu Hua = 许华 (2016). Science Technology and Education Factors in Russia's Soft Power = 俄罗斯软实力的科技和教育因素. *Russian, East European & Central Asian Studies* = 俄罗斯东欧中亚研究. No. 3, pp. 46–60 (in Chinese).
- Xu Hua = 许华 (2022). The Evolution and Display of Russia's View of Soft Power in the Context of Major Powers' Hybrid War = 大国混合战背景下俄罗斯软实力观的演进和展现. *World Socialism Studies* = 世界社会主义研究. No. 10, pp. 69–79 (in Chinese).

УДК 323.3(470-25)

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.11

О приоритетах в ценностных ориентациях московского студенчества

Денис Сергеевич МУХОРТОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 факультета международных отношений

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

научный сотрудник отдела политической науки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8174-7055

Илья Эрнстович СТРЕЛЕЦ

кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

научный сотрудник отдела политической науки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: sagitil@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3520-2502

ЦИТИРОВАНИЕ: Мухортов Д.С., Стрелец И.Э. О приоритетах в ценностных ориентациях московского студенчества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 207–221.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.11

Статья поступила в редакцию 16.11.2022.

Исправленный текст представлен 12.02.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Механизмы оптимизации процесса формирования созидательных ценностей студенчества (патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семейные традиции) посредством эффективных социально-политических коммуникаций» (государственный номер 122101100027-9), выполняемого в ИНИОН РАН в рамках отбора научных проектов, проведенного Министерством высшего образования и науки Российской Федерации и ЭИСИ.

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты предварительного этапа исследовательского проекта по изучению созидательных ценностей студенческой молодежи. Целью являлось определение нынешнего состояния мировоззренческой сферы студентов для повышения эффективности государственной молодежной политики и, как следствие, предоставление возможности студенческой молодежи продемонстрировать свою субъектность. Эмпирической базой исследования стала проведенная в сентябре-октябре 2022 г. серия полужформализованных интервью с бакалаврами ряда топовых вузов Москвы ($n=178$) по специальностям «политология», «государственное и муниципальное управление», «менеджмент». В результате проведенного исследования были сделаны выводы, свидетельствующие об актуализации аксиологического кризиса, переживаемого нынешней молодежью. Данный кризис характеризуется не столько оригинальностью, сколько охватом как виртуальных сред, так и реальных сфер деятельности. Раскрытие ценностных противоречий в аксиологическом портрете современной молодежи выводит диалектически на нахождение подходов к их разрешению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: созидательная ценность, студенческая молодежь, московские вузы, политическая социализация, семейные традиции, гражданственность, патриотизм, доверие к власти.

Стремительно развивающиеся технологии и изменяющиеся геополитические ландшафты вынуждают сегодня молодого человека непрерывно проводить переоценку своих ценностных ориентиров (см., например, [Володина, 2018]). На смену лозунгу «Кадры решают всё» пришла теория человеческого капитала, когда из социально значи-

мой единицы индивид превратился в единицу, значимую экономически. На протяжении последних двух десятилетий родители убеждали детей в том, что для удовлетворения разнообразных потребностей необходимо овладеть определенным набором компетенций и далее следовать дарвиновской парадигме выживания. При этом на формирование аксиологической составляющей взросления времени и желания уже не оставалось. В результате реализовывалась модель, называемая в психологии *double bind*, когда, с одной стороны, молодежь призывали к сохранению и укреплению национально-культурных «скреп», а с другой – через пропаганду западной либеральной модели с главенствующим принципом «каждый человек – своего счастья кузнец» направляли ценностно-смысловые установки подрастающего поколения в противоположном направлении.

Анализ библиографии по данной тематике указывает, что подавляющее большинство работ носят декларативный характер. Однако мы считаем, что наступает время, когда требуется сфокусироваться на том, о чем говорит молодежь и как она об этом размышляет.

Принципиально важным оказывается не столько фиксирование и ранжирование определенного набора ценностных ориентиров молодежи, сколько выработка конкретных механизмов по оптимизации продвижения укрепляемых ценностей. Как показывает обзор литературы, специфике возрастного фактора с точки зрения когнитивного, эмоционального и деятельностного компонента уделяется недостаточно внимания.

Объектом данного исследования является изучение созидательных ценностей в молодежной среде, а предметом – выработка способов оптимизации указанных ценностей в рядах студенческой молодежи.

Целевая группа и метод исследования

Для выявления отношения студенческой молодежи к жизненно важным и социально значимым ценностям была проведена серия полуформализованных фокусированных индивидуальных интервью с бакалаврами политологических и управленческих специальностей пяти столичных вузов в возрастной категории 18-22 года. Респондентами стали 178 студентов.

Основополагающим для интервью был учет фактора респондента. В данную возрастную категорию входят студенты первого и второго курсов, которые с точки зрения компетентности представляются разнородными, поскольку, как подтверждают исследования (см., например, [Руднова, 2019]), в первые два года учебы в вузе личность студента развивается «без выраженной направленности», а значит, без четко оформленного целеполагания. На старших курсах всё активнее проявляются прагматические интересы. Однако вне зависимости от курса студенты «наиболее высоко оценивают материальное положение, духовную удовлетворенность и достижения. Меньшую значимость для них представляют престиж и креативность» [Руднова, 2019, с. 64]. Это свидетельствует о том, что респонденты являются готовыми к беседе об актуальной проблематике, у них уже есть жизненный и некоторый практический опыт для обсуждения экзистенциальных проблем, а по критериям возрастной психологии их отличает искренность, готовность высказывать свое мнение.

Сформированный для исследования гайд включал пять программных открытых простых прямых вопросов.

1) Какое место, на Ваш взгляд, сегодня занимают созидательные ценности в современном российском об-

ществе вообще и в среде студенческой молодежи в частности?

2) Назовите наиболее значимые лично для Вас пять–семь ценностей и проранжируйте их.

3) Существует ли для Вас разница между понятиями «ценность» и «созидательная ценность»?

4) Какие средства социально-политической коммуникации для Вас важны с точки зрения формирования у Вас созидательных ценностей?

5) Какие агенты социализации должны работать иначе, чтобы нынешняя студенческая молодежь всё чаще задумывалась о ценностях созидания – себя как личности и как неотъемлемой части общества?

Ответы фиксировались средствами аудио- и видеозаписи и после опросов обрабатывались с целью выявления принципиальной позиции респондента (по содержанию) и нетривиальных ответов (по форме).

Особый интерес представляли высказывания монологического характера, в которых респондент делился ситуациями из личного опыта или опыта друзей.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема формирования созидательных ценностей у молодого поколения находится в центре внимания отечественных исследователей с 1970-х годов (см., например, работы Н.И. Лапина, В.С. Магуна, М.В. Энговатова, М.Г. Руднева, В.С. Собкина), и степень ее разработанности со стороны российских ученых заслуживает самой высокой оценки (см., например, обзор литературы Тематической группы ООН по молодежной политике в России [Молодежь в России..., 2010, с. 86]).

Глубинно и основательно тема раскрывается в аналитическом докладе

«Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» Института социологии РАН [Молодежь новой России..., 2007], диссертациях Е.Л. Омельченко «Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI вв.» [Омельченко, 2004] и М.В. Грядунова «Социокультурная регуляция морально-нравственных ценностей студенческой молодежи в современной России» [Грядунов, 2009], коллективных монографиях «Молодежь России: социологический портрет» М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги [Горшков, Шереги, 2010] и «Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе» Ю.А. Зубок и др. [Зубок, Ростовская, Смакотина, 2016], эмпирическом исследовании «Российское «поколение Z»: установки и ценности (2019/2020)» Л. Гудкова и др. [Российское..., 2020], научных статьях О.В. Поповой [Попова, 2017], А.П. Фахретдиновой [Фахретдинова, 2022] и др. Большинство исследователей делают схожие выводы.

Так, постулируя, что иерархия ценностей «находится в диалектическом единстве с конкретным этапом развития общества», М.В. Грядунов справедливо отмечает, что кластер значимых ориентиров одной социально-демографической группы зачастую находится в противоречии с кластером другой. Особенно это касается студенческой молодежи – поколения, которое в скором будущем станет генератором и законодателем смыслов всего общества. При этом настороженность вызывает поколенческая специфика современной студенческой среды, заключающаяся в «преобладании прагматических и гедонистических ценностных установок,

развитии постмодернистского ценностного сознания» [Грядунов, 2009, с. 9].

Система ценностных ориентаций поколения Z трансформируется в связи с появлением новых идентификационных конструкторов, ослаблением конвенциональной роли институтов социализации (семьи, школы, вуза, церкви, общественных объединений, государства, СМИ) и, как следствие, отчужденностью зон ближайшего социального окружения, ориентированностью на западные идеалы, ростом социофобии и социопатии [Российское..., 2020].

Большинство поступков и явлений, которые среди представителей старшего поколения принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными, более 30% опрашиваемых студентов на сегодняшний день рассматривают как приемлемые или не относятся к ним критично¹.

Данные опросов подтвердились тогда, когда в связи с произошедшими февральскими событиями 2022 г. десятки тысяч молодых людей в попытке избежать любых действий, связанных с потенциальной мобилизацией, или из опасений того, что опускающийся на Россию «железный занавес» может навсегда их разлучить с привычным образом жизни, выехали из России в самых разных направлениях².

Как отмечают О.В. Лобза, И.В. Конончук и Е.В. Эгамбердиева, молодежь ориентирована на локус контроля. Жизнь осмысленной делается исключительно за счет ощущения результативности своих действий. Это объясняет то, почему доминирующими ценностями у молодежи являются ценности «утилитарные» (здоровье и материально обеспеченная жизнь) и «аффилиативные»

1 Результаты опроса ВЦИОМ «Качества молодежи» в 2020. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodaya-rossiya-avtoportret-i-vzglyad-so-storony> (дата обращения: 13.11.2022).

2 Можно процитировать свидетельство президента Таджикистана Эмомали Рахмона. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ApvaQvGfSMg> (дата обращения: 13.11.2022).

(семья и любовь). Исследователи указывают, что «в иерархиях доминируют конкурирующие ценностные типы (индивидуальные и групповые), что в свою очередь может отражать сложность процесса ценностно-смыслового самоопределения студентов» [Лобза, Конончук, Эгамбердиева, 2017, с. 304].

Д.В. Башарымова подчеркивает, что «всё меньшее значение имеют ценности, связанные с принесением пользы обществу, стране, относящиеся к творческой деятельности, получением дополнительного профессионального образования» [Башарымова, 2015]. Проведенные исследования [Башарымова, 2015; Володина, 2018] указывают на то, что около 40% предпочли бы трудоустройство за рубежом. «Горизонт планирования» у российских студентов не превышает одного года, тогда как у иностранных студентов часто превышает десять лет [Башарымова, 2015].

Отдельным кластером можно выделить исследования по воспитанию гражданственности у молодежи (см., например, [Халимбекова, 2009; Чаюн, 2011; Сабекия, Аскарова, 2015; Общество..., 2016; Патриотическое..., 2019; Маленков, Мальцева, 2020; Рягузова, Чинчевич, 2020]).

Исследования подтверждают, что процесс воспитания гражданственности и патриотизма, в том числе применительно к старшему подростковому возрасту, представляет собой систематическую, специально организованную деятельность, которая должна выстраиваться с учетом аксиологического, культурологического и деятельностного подходов. Среди педагогических условий ее реализации выделяются три основных: организационные, личностные и дидактические [Анисина, 2019, с. 10–11].

Анализ библиографии по заявленной тематике указывает на то, что ценностной проблематикой занимается большое количество исследователей,

в том числе локализующихся в российских регионах и пишущих про свои регионы и города (в частности, Комсомольск-на-Амуре, Махачкалу, Пермь, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Sterлитамак, Тюмень, Югру, Якутск). Однако работы столичных исследователей про столичных студентов редки и единичны. Среди наиболее показательных в данной связи можно выделить публикации О.А. Зыкиной [Зыкина, 2021; Зыкина, 2022], А.Л. Темницкого [Темницкий, 2015], Т.К. Ростовской, Д.П. Толмачева, Я.В. Шимановской [Ростовская, Толмачева, Шимановская, 2020], О.В. Лобзы, И.В. Конончук и Е.В. Эгамбердиевой [Лобза, Конончук, Эгамбердиева, 2017].

Отечественными исследователями накоплен богатый критический опыт в процессе анализа ценностей молодежи, при этом подавляющее большинство работ носят констатирующий характер.

В связи с этим следует признать, что вопрос исследования приоритетных ценностей молодежи на современном этапе остается злободневным, равно как необходимость выработки конкретных рекомендаций по оптимизации механизмов их формирования, тем более в московском регионе, характеризующемся высокой степенью пассивности и потенциальной опасностью возникновения деструктивных явлений для государственной безопасности. Проведенное эмпирическое исследование частично восполняет эту лакуну.

Анализ результатов эмпирического исследования

Полученные результаты в ходе серии проведенных фокусированных интервью стало возможным представить в виде следующих положений.

1) Созидательная ценность уподобляется студентами «продукту», ее не-

обходимо получить и улучшить, однако она не предназначена для передачи кому-то еще. Поэтому приобретаемое образование, как и планируемая карьера, трактуется в потребительских категориях.

2) Основным слотом фрейма «созидательная ценность» является индивидуальный успех. Данная категория подразумевает выгоду – как сиюминутную (например, получение максимального балла за контрольную работу, чтобы не выслушивать нотации со стороны преподавателя и не тратить время на пересдачу), так и долгосрочную (например, участие в каком-то мероприятии для получения последующего поощрения в виде дополнительных баллов на экзамене, прибавки к стипендии, преимущественной возможности при поступлении в магистратуру).

3) Человек творит для себя, так как чувствует, что именно «творчество ради себя» наполняет его жизнь смыслом. Данная установка не отрицает приверженность созидательным ценностям, однако первенство здесь отдается самому индивиду, нежели обществу.

Для студента данная логика не представляется порочной. С одной стороны, он осознает, что для государства подобный расклад может вызывать опасения, так как человек уже не так сильно связывает себя с конкретной страной, а соответственно, и не гарантирует приверженность к конкретному обществу. Однако, с другой стороны, данный подход позволяет человеку чувствовать себя частью глобального общества, что выражает его космополитическую направленность.

В результате студенты делают вывод о том, что в современном российском обществе определенно наблюдается смена традиционной системы ценностей и, в частности, «ценностей созидания». Однако это является не их от-

меной, а их переосмыслением, в первую очередь связанным с постепенным размытием системы «государство – нация». Другими словами, механизмы общественного взаимодействия, считают респонденты, усложнились, поэтому созидательные ценности «по сути те же, но обрели иную оболочку» (студент, 20 лет). Следовательно, нельзя говорить о том, что нынешнее поколение деградировало по сравнению с предыдущим.

4) Ценность находится в разряде старомодных понятий, они быстро пересматриваются, всё чаще подтверждается феномен «культуры отмены», самореализация подменяется построением карьеры. Но даже гиперактивность в построении карьеры является всего лишь попыткой убежать от себя, и это усугубляет «экзистенциальный вакуум», усиливает ощущение «абсолютной» внутренней неудовлетворенности.

5) Слово «ценность» в коллокации «созидательная ценность» можно характеризовать как производное от слов «цена», «оценивать», «ценить», однако при этом духовно-нравственные категории отходят на второй, а порой третий план; на первый план выдвигаются объекты материальной культуры (всё чаще абстрактного искусства) или же смыслы, генерируемые студентом в процессе ознакомления с этими объектами или обсуждения их.

Ценным становится как просмотр каких-то несущественных видеороликов, фоторепортажей, коллажей, так и обмен мнениями, комментариями, лайками, репостами по поводу увиденного или прочитанного. К концу дискуссии важность приобретает уже не сам объект обсуждения, а высказываемые о нем мнения. Данный процесс может быть охарактеризован как манифестация эгоцентризма, ибо каждый хочет оставить за собой право послед-

него слова, и если чье-то мнение не совпадает с мнением моим, к объекту обсуждения теряется интерес, какой бы художественной ценностью он на самом деле ни обладал.

Более того, формируется поколение, которое делает блогерство средством заработка. Вместо того, чтобы задумываться о карьерном росте, необходимости прохождения производственной практики или способах подработки, студент хорошо понимает те возможности, которые перед ним открывает популярность его аккаунта: с увеличением количества просмотров и ростом интереса к личной странице пропорционально увеличивается заинтересованность к нему со стороны рекламодателей и работодателей.

6) Приученные родителями ценить престиж высшего образования для построения успешной карьеры (в том числе обеспечиваемой, или гарантируемой, самими состоятельными родителями) студенты послушно поступают на управленческие специальности, которые в дальнейшем будут обеспечивать им престиж в обществе.

Массовыми становятся специальности, которые готовят управленцев и руководителей для театров, концертных организаций, музеев, галерей, спортивных площадок, продюсеров теле-, кино- и театральных проектов, госуправленцев, менеджеров делового администрирования. С другой стороны, востребованными остаются специальности, работа по которым требует минимального подчинения начальству (психологов, журналистов, педагогов, лингвистов, политологов, социологов).

Труд физический как таковой не считается благом, следовательно, после окончания бакалавриата по гуманитарной специальности, который не дает никаких практических навыков, требуемых для жизнеобеспечения, никто не планирует идти получать тех-

ническую специальность – подавляющее большинство готовится поступать в магистратуру по тем же или смежным специальностям, несмотря на то, что отдает себе отчет в том, что два года учебы в магистратуре могут оказаться напрасно потраченным временем.

7) Духовно-нравственная сфера ни в каком виде не является ценной. Ни в одном из прозвучавших интервью не упомянут Бог, нет отсылок к религиозной сфере, духовно-нравственным ценностям как важнейшим аксиологическим составляющим личности.

8) Создание семьи не находится в приоритетах, особенно у юношей. Опека, а порой гиперопека со стороны родителей производит обратный эффект. Семье и обществу (в том числе конкретному вузу) молодой человек отводит роль заказчика своих успехов; он готов и способен им их предоставить в качестве услуги взамен на разнообразные стимулы.

Однако он не готов жертвовать собой ради другого, даже если этим другим, обобщенно говоря, является семья и даже страна. Вместе с тем известные военные события 2022 г. послужили катализатором позитивных изменений в сознании молодежи, что сказалось на глубине и качестве некоторых ответов о патриотизме и гражданственности. Тем не менее было выявлено отсутствие какой-либо оценки деятельности властных структур, из чего следует назревшая необходимость поиска точек соприкосновения в диалоге между властью и студенчеством.

9) Испытывая дискомфорт или необходимость в обществе, своей главной «средой обитания» студент выбирает виртуальную реальность, в том числе в виде появившейся сети *Telegram*-каналов, отвечающих его самым разнообразным информационным потребностям, из чего логичным является заключение о том, что основополагающей

в процессе оптимизации общественно значимых ценностей студента является работа государственных и общественных институтов с качественным наполнением контента виртуальной реальности и оперативными усилиями по поиску способов возвращения интереса молодежи к реальности не виртуальной.

10) Развивая тезис о том, что каждое поколение имеет свои трактовки созидательных ценностей, студенты выделяют фактор «месторасположения ценностей»: они переместились в виртуальную среду, то есть практически не имеют физического воплощения. Это произошло в связи с произошедшими изменениями в сознании и мышлении личности и непрерывно набирающим скорость технологическим прогрессом. Бездушный характер этой псевдореальности и присущая ей информационная многоликость формирует у молодежи устойчивое потребительское отношение к окружающей среде, притупляет остроту восприятия морально-нравственных ориентиров. При этом наличие такой виртуальной реальности становится сдерживающим фактором на пути развития «анархо-индивидуалистических настроений» (в терминах М.В. Грядунова).

Часть респондентов считают, что созидательные ценности создаются в технопарках, в «специализированных учреждениях, где целенаправленно развивают свои интеллектуальные и творческие способности, выявляют склонности и таланты, прививают технологические и цифровые навыки» (студент, 19 лет).

Таким образом, созидательные ценности приравняются к обыденным знаниям, умениям и навыкам или, точнее, подменяются ими. Именно получение этих интеллектуальных ресурсов как конкурентных преимуществ позволяет обретать общественное при-

знание, соответствующее вознаграждение, доступ к высокотехнологическим образовательным учреждениям, впоследствии выстраивать карьеру, заниматься наукой, быть освобожденными от службы в армии (для юношей).

11) Возвращенные на либерально-демократической модели политического поведения молодые люди в большинстве своем оказываются либо аполитичными, либо протестно-настроеными. Организовываемые молодежные движения существуют только несколько лет, их однобокая направленность без (четкой) идеологической составляющей, синкретность функционирования – от гранта к гранту без всякой преемственности в короткие сроки, мелькание вывесок и слоганов – всё это не привлекает, а, наоборот, отталкивает молодежь, которая в свою очередь, по рассказам старшего поколения, «ностальгирует» по понятным простым этапам политической социализации «октябренок – пионер – комсомолец – коммунист»; платформы возможностей, или образовательные форумы, типа «Тавриды» носят местечковый характер и предназначаются для ограниченного числа молодых людей.

Если студент участвует в каком-либо молодежном движении, это никак не обусловлено идеологически – он таким образом действует из прагматических интересов (из желания быть замеченным известным политиком, для получения должности в партийной структуре или объемного портфолио ради надбавки к стипендии, а также дополнительных баллов при поступлении в магистратуру) или же приобретает дополнительный опыт работы для более эффектного резюме.

12) Респонденты констатируют наличие у себя низкого уровня созидательных ценностей. Связывают это с тем, что студенчеству тяжело вести осмысленную гармоничную жизнь:

с одной стороны, мешает еще непреодоленный юношеский максимализм, непрестанный, порой хаотичный, поиск смыслов и изнурительное отстаивание своих позиций в обществе, а с другой – из-за чрезмерной опеки со стороны взрослых (многие студенты – либо единственные дети в семье, либо имеют одного сиблинга), которая порождает расхолаживающую инфантильность, беззаботность, безответственность за свои поступки перед самим собой и тем более обществом. У молодого человека отсутствует желание что-либо менять.

13) Ценностью для респондентов не является мир и стабильность в родной стране в частности и на земном шаре в целом. В качестве оправдания такого благодушия можно указать на то, что нынешнее поколение не знает цену миру, оно не жило в эпоху войн, не испытывало нужду и голод.

14) Подавляющее большинство респондентов разделяет основы традиционализма и, следовательно, выступает против либеральных ценностей, которые, по всей очевидности, после многих лет государственной пропаганды должны были бы стать доминирующими в молодом сознании. Традиционализм в первую очередь связывается с семьей, то есть деторождением и продолжением рода. Некоторые студенты убеждены, что любая активизация ЛГБТ-сообщества, проявления радикального феминизма и подобные явления ведут к депопуляции, которая в свою очередь замедляет темпы роста экономики. Молодежь отдает отчет тому, что для функционирования рынка нужен потребитель, для низких цен нужна конкуренция, для повышения производительности труда необходим приток новых кадров.

15) По мнению студентов, существует серьезная разница в том, как молодое поколение оценивает творче-

ство. Некоторые студенты замечают, что каждый человек пытается сегодня стать индивидуальностью, старается отличаться от всех; он будет противиться мысли о том, что ему нужно быть «винтиком в одном большом механизме, как это было полвека назад» (студент, 21 год).

Старшее (советское) поколение называют «студентами-странниками», а молодое поколение – «художниками». Для «художника» характерно личное самосознание и стремление к творческой карьере. Ему легче создать что-нибудь свое, что будет выделяться из толпы, нежели подчиниться старшему поколению и «работать по шаблону». Для представителей поколения X (старшего поколения) характерно не «создание жизни вокруг своей созидательной ценности», а наоборот, «создание ценности вокруг жизни» (студентка, 21 год). Главной ценностью старшего поколения является спокойствие за родных и счастье в семье. Для младшего – сиюминутный успех, радость от достижения заветной мечты, поиск нового занятия, которое принесло бы положительные эмоции.

В результате проведения серии глубинных интервью стало возможным выявить ряд топовых ценностных ориентаций московского студенчества.

На первом месте находится блок, который можно условно назвать «здоровье и безопасность». В него входят такие ценности, как «состояние здоровья (своего и близких), здоровый образ жизни» – 63%, «безопасность личная и ближайшего окружения» – 69%, «психологическая безопасность» – 51%.

На втором месте – блок «забота о близких» с относящимися к нему ценностями «семья (отношения, общение, традиции)» – 64%, «забота о старшем поколении» – 48%.

Третье место – блок с условным названием «материальные стимулы».

В него входят ценности «материальное положение и достаток» – 41% и «социальный статус, карьерный рост» – 44%.

На четвертом месте – блок «самореализация» с входящими в него «творческой самореализацией (в соцсетях, в учебе, в работе и т.п.)» – 40% и «наличием свободного времени и возможностью заняться хобби» – 34%.

На пятом месте в блоке «разное» среди основных находятся такие общественно-значимые ценности, как «доверие к президенту страны и правительству» – 29%, «готовность жертвовать своими интересами ради интересов Родины» – 27%, «доверие к местным властям» – 21%.

Заключение

Использование интервью как формы проведения исследования созидательных ценностей в студенческой среде доказало свою эффективность и как способ выявления эмоционального настроя студента в процессе изучения указанной проблематики, и как способ определения гипотетических механизмов по оптимизации аксиологической сферы студенчества в качестве важнейшей социальной группы.

Проведенное исследование подтвердило необходимость непрерывного многовекторного изучения состояния мировоззренческой сферы российской молодежи. Несмотря на существующие наработки по этой тематике (заметим, что в ходе подготовки статьи было проанализировано более 160 источников за период 2005-2022 гг.), а также намеченные и уже реализуемые планы государственных структур по оптимизации ценностных ориентиров молодежи, пристального внимания заслуживают студенты наиболее востребованных столичных вузов и особенно те, кто обучается на управленческих специальностях, поскольку от наиболее амбици-

озных и успешных их представителей будет зависеть ближайшее будущее страны.

В связи с этим считаем, что мониторинг следует проводить по кластеру ценностей, которые представляются значимыми для консолидации общества и исцеления его от гедонистических и ницшеанских принципов. Первоочередными ориентирами можно назвать гражданственность, патриотизм и семью. С учетом того, что бывшие конвенциональными для старшего поколения средства социально-политической коммуникации безоговорочно уступили место цифровым, высокотехнологичным, следует задаться вопросом о всё возрастающей роли этих новых каналов коммуникации в процессе формирования и укрепления у студентов общественно значимых ценностей.

Поэтому следующим этапом работы планируется провести опрос, целью которого является определение оценки со стороны студенческой молодежи отдельно взятых созидательных ценностей. Особый интерес будет представлять мнение студента относительно способов оптимизации этих ценностей.

Сделанные в ходе проведения серии полуструктурированных интервью обобщения свидетельствуют о том, что при всех озвучиваемых в СМИ затратах на активизацию у молодежи государственно значимых ценностей на сегодняшний день отсутствует тщательно осмысленный, стратегически выверенный курс по формированию и укреплению созидательных ценностей студенчества.

В сложившейся ситуации напрашивается вывод о том, что необходимо усилить воспитательную роль преподавателя вуза. Новой парадигмой общественного договора между государством и преподавателем должна стать установка на то, что личностный

и профессиональный рост будущего специалиста должен формироваться сквозь призму государственных интересов. Через изменения вектора образовательного процесса можно активнее воздействовать на имплицитную мотивационную сферу студента как свободомыслящего человека, аналитика, гражданина своей страны, способного дать адекватную оценку либерально-демократической модели общественно-политических отношений.

Освещение и обсуждение в аудитории вопросов по программе бакалавриата можно и следует делать российско-центричным или, по крайней мере, таким, чтобы оно находилось в фарватере интересов и ценностных установок Российской Федерации, а это невозможно без четко сформулированных идеологических нарративов, которым нужно подчинять весь блок гуманитарных дисциплин, преподаваемых в высшей школе по всей стране.

Произошедшие в 2022 г. социально-политические изменения показали, что молодежь, во многом взращенная на ценностях «коллективного Запада», называет целый ряд антисоциальных ценностей ценностями созидательными. От государства вообще и от высшей школы в частности потребуются понять и принять аксиологическую сферу своих детей такой, какая она есть, и далее думать над тем, как встроить в систему устоявшихся прагматических отношений систему классических ценностных ориентиров.

Ценности и идеалы формируются и развиваются только в условиях продуманной и отлаженной государственной политики в отношении институтов, отвечающих за духовно-нравственное состояние общества. В этом случае на первый план выступают церковь, семья и цифровые медиа. Однако эти вопросы требуют отдельного рассмотрения.

Список литературы

Анисина З.Д. Воспитание гражданственности и патриотизма у старших подростков в условиях дополнительного образования. Магистерская диссертация. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. – 166 с.

Башарымова Д.В. Специфика формирования ценностей у студентов: национальное и интернациональное // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2015. – № II-2. – С. 78–82.

Володина Д.Г. Крен ценностных ориентаций российской молодежи в условиях глобализации // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – Т. 9, № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK118.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – Москва : ЦСПИМ, 2010. – 592 с.

Грядун М.В. Социокультурная регуляция морально-нравственных ценностей студенческой молодежи в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2009. – 146 с.

Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – Москва : ИТД «Перспектива», 2016. – 166 с.

Зыкина О.А. Восприятие общегражданских ценностей студентами Москвы и Кировской области // Вестник антропологии. – 2021. – № 4. – С. 37–48.

Зыкина О.А. Национальные герои России в представлении учащихся школ и вузов Москвы, Санкт-Петербурга и Кировской области // Вестник антропологии. – 2022. – № 2. – С. 42–53.

Лобза О.В., Конончук И.В., Эгамбердиева Е.В. Ценностные и смысло-жизненные ориентации современных российских студентов // Международный

журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 11-2. – С. 300–304.

Маленков В.В., Мальцева Н.В. Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения // Социология. – 2020. – № 5. – С. 152–162.

Молодежь в России: обзор литературы / Охана Я., Луков В.А., Зубок Ю.А., Леонов В.Г., Агранович М.Л. – Москва : Тематическая группа ООН по молодежной политике, 2010. – 96 с.

Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. – Москва : Институт социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ, 2007. – 143 с.

Общество. Культура. Образование : монография. Книга 2 / под общ. ред. В.П. Старостина. – Москва : Издательский дом Академии естествознания, 2016. – 168 с.

Омельченко Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Москва, 2004. – 366 с.

Патриотическое воспитание молодежи в процессе гражданских инициатив и проектов глобального политического значения. Аналитический отчет. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, 2017. – 70 с.

Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 138–162.

Российское «поколение Z»: установки и ценности – 2019/2020 / Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. – Чехов : АО «Первая образцовая типография», 2020. – 148 с.

Ростовская Т.К., Толмачев Д.П., Шимановская Я.В. Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ // Известия Саратовского университета.

Новая серия. Серия : Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, выпуск 4. – С. 394–398.

Руднова Н.А. Исследование жизненных ценностей студентов разных курсов обучения // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2019. – № 1. – С. 59–65.

Рягузова Е.В., Чинчевич Е.В. Ценностные профили современных студентов и преподавателей: согласованность или разрыв? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, выпуск 3. – С. 315–321. – DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321.

Сабекия Р.Б., Аскарова Г.Б. Духовность, гражданственность, патриотизм как базовые национальные ценности российского общества // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/article/view?id=23616> (дата обращения: 15.11.2022).

Темницкий А.Л. Динамика терминальных и инструментальных ценностей учебы у студентов МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1. – С. 226–236.

Фахретдинова А.П., Ларионова А.В., Горчакова О.Ю. Гражданско-политическая активность молодежи: общая характеристика и особенности проявления в Интернет среде // Социодинамика. – 2022. – № 2. – С. 1–12. – DOI: 10.25136/2409-7144.2022.2.37559.

Халимбекова М.Х. О теоретических и практических аспектах патриотического воспитания // Успехи современного естествознания. – 2009. – № 7. – С. 36–38.

Чаян Г.М. Формирование гражданско-патриотического сознания учащихся через комплекс средств, приемов, методов организации урочной и внеурочной деятельности. – Нефтеюганск : НРМОБУ «Куль-Яхская СОШ», 2011. – 34 с.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.11

Priority Value Orientations of the Moscow Student

Denis S. MUKHORTOV

PhD (Philology), Associate Professor of English Department No. 1, School of International Relations

MGIMO-University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Researcher of the Department of Political Science

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8174-7055

Ilya E. STRELETS

PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Comparative Politics, School of Governance and Politics

MGIMO-University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Researcher of the Department of Political Science

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: sagitil@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3520-2502

CITATION: Mukhortov D.S., Strelets I.E. (2023). Priority Value Orientations of the Moscow Student. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. vol. 16, no. 1, pp. 207–221 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.11

Received: 16.11.2022.

Revised: 12.02.2023.

ACKNOWLEDGEMENT. The article was prepared within the framework of project no. 122101100027-9, which was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

ABSTRACT. *The article presents the results of the preliminary stage of a research project to study the values of student youth. The goal was to determine the current state*

of the ideological sphere of students in order to increase the effectiveness of the national youth policy and, as a result, provide students with the opportunity to demonstrate

their subjectivity. The empirical basis of the study was a series of semi-formalized interviews conducted in September-October 2022 with bachelors from a number of prestigious universities in Moscow ($n=178$) majoring in political science, federal and municipal administration, and management. The conclusions drawn during the study testify to the actualization of the axiological crisis experienced by today's youth. This crisis is characterized not so much by originality as by the coverage of both virtual environments and real areas of activity. The assessment of the situation by the young people allows researchers to start looking for mechanisms to optimize value orientations.

KEYWORDS: universal values, student youth, Moscow universities, political socialization, family traditions, citizenship, patriotism, trust in authorities.

References

- Anisina Z.D. (2019). *Education of citizenship and patriotism among older adolescents in the context of additional education*. Master's dissertation. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 166 pp. (in Russian).
- Basharimova D.V. (2015). Specifics of the formation of values among students: national and international. *Scholarly Notes of KNASTU*. No. II-2, pp. 78–82 (in Russian).
- Chayun G.M. (2011). *Formation of civil-patriotic consciousness of students through a set of means, techniques, methods of organizing classroom and extracurricular activities*. Nefteyugansk: Kut'-Yakha School, 34 pp. (in Russian).
- Fakhretidinova A.P., Larionova A.V., Gorchakova O.Yu. (2022). Civic and political activity of young people: general characteristics and features of manifestation in the Internet environment. *Sociodynamics*. No. 2, pp. 1–12 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2022.2.37559.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010). *Youth of Russia: a sociological portrait*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 592 pp. (in Russian).
- Gryadunov M.W. (2009). *Sociocultural regulation of moral values of student youth in modern Russia*. PhD (Sociology) Thesis. Moscow, 146 pp. (in Russian).
- Khalimbekova M.H. (2009). On the theoretical and practical aspects of patriotic education. *Uspekhi Sovremennogo Yestestvoznaniya*. No. 7, pp. 36–38 (in Russian).
- Lobza O.V., Kononchuk I.V., Egamberdieva E.V. (2017). Value and meaning-life orientations of modern Russian students. *Mezhdunarodniy Zhurnal Prikladnih i Fundamental'niy Issledovaniy*. No. 11–2, pp. 300–304 (in Russian).
- Malenkov V.V., Mal'tseva N.V. (2020). Citizenship and patriotism in the views of the post-Soviet generation. *Sociology*. No. 5, pp. 152–162 (in Russian).
- Molodezh novoy Rossii... (2007). *Youth of the new Russia: lifestyle and value priorities*. Analytical report. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, F. Ebert Foundation Representative Office in Russia, 2007, 143 pp. (in Russian).
- Molodezh v Rossii... (2010). Okhanna Ya. et al. *Youth in Russia: literature review*. Moscow: UN Theme Group on Youth Policy, 96 pp. (in Russian).
- Obschestvo... (2016). Starostin V.P. (ed.). *Society. Culture. Education*. Book 2. – Moscow: RAE Publishing house, 168 pp. (in Russian).
- Omelchenko E.L. (2004). *Identities and cultural practices of Russian youth on the verge of the 20th–21st centuries*. DrSc (Sociology) Thesis. Moscow, 366 pp. (in Russian).
- Patrioticheskoye... (2017). *Patriotic education of youth in the process of civic initiatives and projects of global political significance*. Analytical report. Ekaterinburg: URFU, 70 pp. (in Russian).
- Popova O.V. (2017). Features of the political consciousness of modern Russian

youth. *Political Science*. No. 1, pp. 138–162 (in Russian).

Rossiyskoye... (2020). Gudkov L. et al. Russian "Generation Z": attitudes and values – 2019/2020. Chekhov: 1st Exemplary Printing House, 148 pp. (in Russian).

Rostovskaya T.K., Tolmachev D.P., Shimanovskaya Ya.V. (2020). The role of the multi-generation Moscow family in the context of the COVID-19 pandemic: sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. Vol. 20, issue 4, pp. 394–398 (in Russian).

Rudnova N.A. (2019). Study of life values of students of different courses of study. *Vestnik PGGPU: Psychological and Pedagogical Sciences*. No. 1, pp. 59–65 (in Russian).

Ryaguzova E.V., Chinchevich E.V. (2020). Value profiles of modern students and teachers: consistency or discontinuity? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy, Psychology, Pedagogy*. Vol. 20, issue 3, pp. 315–321 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321.

Sabekiya R.B., Askarova G.B. (2015). Spirituality, citizenship, patriotism as basic national values of Russian society.

Sovremenniy problem nauki i obrazovaniya. No. 6 (in Russian). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23616>, accessed 15.11.2022.

Temnitskiy A.L. (2015). Dynamics of terminal and instrumental values of study among MGIMO students. *MGIMO Review of International Relations*. No. 1, pp. 226–236 (in Russian).

Volodina D.G. (2018). The tilt of value orientations of Russian youth in the context of globalization. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 9, no. 1 (in Russian). Available at: <https://sfbk-mn.ru/PDF/02SCSK118.pdf>, accessed 15.11.2022.

Zikina O.A. (2022). National heroes of Russia as presented by students of schools and universities in Moscow, St. Petersburg and the Kirov region. *Herald of Anthropology*. No. 2, pp. 42–53 (in Russian).

Zikina O.A. (2021). Perception of general civic values by students in Moscow and the Kirov region. *Herald of Anthropology*. No. 4, pp. 37–48 (in Russian).

Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. (2016). *Youth and youth policy in modern Russian society*. Moscow: Perspektiva Publishing, 166 pp. (in Russian).

Постсоветское пространство

УДК 327.5:341

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.12

Концепция Европейской политики соседства и распространения права ЕС на постсоветские страны

Александра Фёдоровна ШИШКОВА

аспирант, департамент международного права

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: a.shishkova@hse.ru

ORCID: 0000-0001-5815-0026

ЦИТИРОВАНИЕ: Шишкова А.Ф. Концепция Европейской политики соседства и распространения права ЕС на постсоветские страны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 222–240.
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.12

Статья поступила в редакцию 17.07.2022.

Исправленный текст представлен 30.11.2022.

АННОТАЦИЯ. Европейская политика соседства, несмотря на свою нормативную неопределенность, нашла закрепление в источниках вторичного права Европейского союза. Посредством Восточного партнерства ЕС стремится распространить свое право на постсоветские страны и стать «нормативным актором» в международных отношениях, продвигая свои политические и экономические интересы. Помощь в поддержании и укреплении стабильности, безопасности и процветания в регионе соседства заявлялась в качестве основной цели создания Европейской политики соседства и, в частности, Восточного партнерства. Несмотря на это, проводимая Европейским союзом политика, как показывают последние события в странах СНГ, не смогла способствовать стабильно-

сти на постсоветском пространстве. В статье рассматриваются правовая основа и концепция Европейской политики соседства, особенности ее развития и экономические аспекты ее реализации на постсоветском пространстве, а также выявляются причины возникших противоречий в регионе. ЕС видит свою роль в продвижении универсальных ценностей во внешней политике с опорой на право. Однако в действительности эти ценности используются для прикрытия политической и экономической экспансии. Экономические факторы являются одними из основных причин распространения права ЕС в постсоветских государствах. Развитие правовых отношений Европейского союза с постсоветскими странами дало дополнительные экономические возможности для европейского финан-

сового капитала. Совокупность этих причин спровоцировала возникновение дополнительных источников напряжения и конфликтов на постсоветском пространстве, прежде всего в Молдове, Украине и Грузии, подписавших Соглашения об ассоциации с ЕС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Европейский союз, право Европейского союза, постсоветское пространство, СНГ, Соглашение об ассоциации, Европейская политика соседства, Восточное партнерство, Молдова, Украина.*

Введение

Европейская политика соседства (ЕПС) стала одним из основных инструментов расширения влияния Европейского союза на другие страны. Политика была нацелена на помощь ЕС в поддержании и укреплении стабильности, безопасности и процветания соседства в регионе¹. В рамках Восточного партнерства (ВП) – регионального направления ЕПС – Европейский союз поставил задачу «укрепить стабильность» в таких странах, как Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина. ЕС подкрепил свою политику массивным правовым инструментом – Соглашением об ассоциации (Соглашение), подписав в 2014 г. такого типа Соглашения с Молдавией, Грузией и Украиной. Соглашение об ассоциации содержит как политические, так и экономические положения, уделяет особое внимание вопросам надлежащего управления, демократии и верховенства права, в то же время охватывает Углубленную и всеобъемлющую зону свободной торговли (DCFTA), которая является неотъемлемой его частью. Го-

сударства, подписавшие Соглашения об ассоциации с ЕС, берут на себя масштабные обязательства по имплементации положений документа (более 700 страниц) в национальное законодательство.

Правовые изменения затрагивают абсолютно все государственные сферы стран, подписавших Соглашения. Почему столь масштабные правовые изменения, казалось бы, призванные укрепить стабильность и безопасность, не смогли справиться с заявленной целью? Напротив, Соглашения об ассоциации спровоцировали внутривнутриполитические противоречия в Грузии, Украине, Молдове, а также подтолкнули постсоветские страны к острейшему вооруженному конфликту.

Для ответа на вышеизложенный вопрос планируется прибегнуть к диалектическому методу, оперирующему такими категориями, как *часть и целое, единичное и общее, причина и следствие, необходимость и случайность* [Кашкин, 2019, с. 46]. Осознание причин столкновения противоположностей и появления противоречий в процессе реализации Европейской политики соседства способно выявить причины возникающих конфликтов.

Правовые аспекты Европейской политики соседства

Правом Европейского союза называют особую правовую систему, нормы которой регулируют общественные отношения, формирующиеся в рамках интеграции ЕС. Правоотношения, которые возникают в результате внешней деятельности Европейского союза, и взаимодействие с третьими странами, не входящими в ЕС, также являются

1 The European Neighbourhood Policy (ENP) // EU Neighbours. – 2022. – URL: <https://www.euneighbours.eu/en/policy/european-neighbourhood-policy-enp> (дата обращения: 09.06.2022).

предметом правового регулирования права Союза [Право..., 2022, с. 124].

Нормы права ЕС принято делить на две группы: 1) первичное (первоначальное) право ЕС – нормы учредительных договоров и нормы, которые вносят изменения в учредительные договоры; 2) производное (вторичное) право ЕС – нормы юридических актов, которые основаны на нормах первичного права [Право..., 2022, с. 125].

Основными источниками права Европейского союза являются международные договоры и акты институтов ЕС [Право..., 2022, с. 129]. Учредительные договоры ЕС являются основополагающими источниками права Союза. Договоры, заключаемые с третьими странами, относятся к источникам производного права ЕС, так как основаны на нормах учредительных договоров Союза. В соответствии со ст. 216 Договора о функционировании Европейского союза он может заключать соглашение с третьими странами или международными организациями, которые являются обязательными для институтов ЕС и его государств-членов². Вторым основным источником права Евросоюза являются акты его институтов, важнейшими из которых являются регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения, покрывающие практически все сферы сотрудничества государств-членов [Право..., 2022, с. 151]. Судебная практика Суда Европейского союза также занимает важное место среди источников права ЕС. К вспомогательным источникам права ЕС можно отнести правовые обычаи, общие принципы права Союза, а также правовую доктрину.

В учредительных договорах ЕС не наблюдалось конкретной правовой основы для развития отношений в рамках Европейской политики соседства вплоть до вступления в силу Лиссабонского договора в 2009 г. [Blockmans, 2018, Р. 313].

С Маастрихтского до Лиссабонского договоров право ЕС и правовая основа внешней деятельности Европейского союза претерпели серьезные изменения.

Среди целей общей внешней политики и политики безопасности в главе 5 Маастрихтского договора 1992 г. обозначаются: защита общих ценностей, основных интересов и независимости Союза; укрепление безопасности Союза и его государств-членов во всех отношениях; сохранение мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, а также в соответствии с принципами Хельсинкского заключительного акта и целями Парижской хартии; развитие и укрепление демократии и верховенства права, а также уважение прав человека и основных свобод (ст. J.1 (2))³. С подписанием Маастрихтского договора Европейский союз стал более влиятельным политическим игроком как в отношениях с Россией, так и с другими бывшими советскими республиками, что привело к заключению соглашений о партнерстве и сотрудничестве (СПС), заменивших более старые соглашения между Европейским сообществом и его государствами-членами с Советским Союзом [Togt, 2021, р. 44]. После распада СССР Европейский союз увидел возможность расширения своего влияния на постсоветском про-

2 Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. – 2012. – С326/47. – Р. 144. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (дата обращения: 29.08.2022).

3 Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. – 1992. – С191/01. – Р. 58. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1992:191:FULL&from=EN> (дата обращения: 02.09.2022).

странстве и планомерно начал укреплять правовую основу для более широких действий во внешней политике.

Амстердамский договор 1997 г. еще больше расширил сферу внешнеполитических компетенций ЕС. Договором была учреждена позиция Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности (ст. J.8), который был призван помогать Совету ЕС содействием в формулировании, подготовке и осуществлении политических решений, ведя, когда это уместно, от имени Совета политический диалог с третьими странами⁴.

В Ниццком договоре 2001 г. в главе об экономическом, финансовом и техническом сотрудничестве (ст. 181a) подчеркивается, что политика Европейского союза должна способствовать развитию и укреплению демократии и верховенства права, а также соблюдению прав человека и основных свобод⁵. Указанные принципы были подтверждены ЕС в области экономического взаимодействия, что стало свидетельством дальнейшего их укоренения в праве ЕС и их продвижения во многие сферы внешней деятельности.

В 2007 г. был принят Лиссабонский договор, который, наряду с Амстердамским договором 1997 г. и Ниццким договором 2001 г., внес изменения в Маастрихтский договор 1992 г., то есть в учредительный Договор о Европейском союзе (ДЕС). Лиссабонский договор значительно расширил деятельность и компетенции ЕС во внешних

действиях. Высокий представитель по общей внешней политике и политике безопасности стал именоваться Верховным представителем Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности. Согласно ст. 13a (ст. 27 ДЕС) Верховному представителю ЕС по иностранным делам и политике безопасности должна оказывать помощь Европейская служба внешних действий (ЕПВД), которая работает в сотрудничестве с дипломатическими службами государств-членов⁶. Европейская служба внешних действий была создана по решению Совета министров в 2010 г. на основании предложения бывшего Высокого представителя Кэтрин Эштон и начала свою работу 1 января 2011 г.⁷ Замена определения представителя «общей внешней политики» на представителя «по иностранным делам», создание специализированной службы по внешним действиям и ее тесное взаимодействие с дипломатическими службами стран-членов свидетельствует о стремлении ЕС играть более значимую роль в международных отношениях. ЕС приобрел больше признаков обособленного субъекта международного права, который стремится не просто иметь общую политику, а тщательно сопоставлять ее с внешней деятельностью стран-членов, намереваясь, очевидно, оказывать всё большее влияние на осуществление этой деятельности.

Именно Лиссабонский договор ввел правовую основу для создания и развития Европейской политики соседства.

4 Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // Official Journal of the European Union. – 1997. – C340/01. – P. 13. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (дата обращения: 06.09.2022).

5 Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // Official Journal of the European Union. – 2021. – C80/1. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:63A12001C%2FTXT> (дата обращения: 23.09.2022).

6 Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community // Official Journal of the European Union. – 2007. – C306/1. – P. 27. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:63A12007L%2FTXT> (дата обращения: 02.09.2022).

7 Creation of the European External Action Service // European Union External Action. – 2021. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/creation-european-external-action-service_en accessed 30.08.2022 (дата обращения: 06.09.2022).

В соответствии со статей 8 ныне консолидированного ДЕС Союз «должен развивать особые отношения с соседними странами, стремясь создать зону процветания и соседства, основанную на ценностях Союза и характеризующуюся тесными и мирными отношениями, основанными на сотрудничестве», и для этой цели ЕС может заключать специальные соглашения с соответствующими странами, которые могут содержать взаимные права и обязанности, а также возможность совместного осуществления деятельности⁸.

В данной статье прослеживается стремление ЕС доминировать в развитии отношений со странами ЕПС. Под ценностями ЕС подразумеваются уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, верховенство права и уважение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам (ст. 2 ДЕС). Европейский союз не обязан строить «процветающее соседство» со странами, не разделяющими «его ценности». При этом, опираясь на то, что Союз должен развивать особые отношения с соседними странами (ст. 8 (1) ДЕС), можно утверждать, что ЕС обязан взаимодействовать со всеми соседними странами, и если не с их правительствами, имеющими плохую репутацию, например, в области защиты прав человека, то, по крайней мере, с организациями гражданского общества «именно с целью утверждения собственных ценностей» [Blockmans, 2018, p. 316].

В соответствии со статьей 3 (5) ДЕС Союз отстаивает и продвигает свои ценности в отношениях с миром, способствуя защите своих граждан. При этом

ЕС стремится развивать отношения и строить партнерство с третьими странами и международными организациями, которые разделяют эти принципы права (ст. 21 ДЕС). Продвижение ценностей и принципов ЕС, которые при этом носят универсальный характер и закреплены во Всеобщей декларации права человека ООН 1948 г., играют ключевую роль в развитии отношений с другими странами. Если определенные страны не разделяют эти ценности, то очевидно, что сотрудничество ЕС с ними может быть ограничено. В данных статьях ДЕС международное право рассматривается в качестве инструмента для реализации внешних целей ЕС, оно отражает новое этическое видение международного права, ставя «огромную силу» ЕС на службу распространения данных ценностей: это «новый международный конституционализм», который обретает форму через учредительные договоры ЕС [Cannizzaro, 2021, P. 4]. Европейский союз посредством своего права стремится играть лидирующую роль в продвижении гуманитарного права на мировом уровне. Распространение универсальных ценностей служит подходящим оправданием стремлению ЕС вытеснить Россию на постсоветском пространстве. Подобная гуманистическая тактика при возникновении противоречий и конфликтов способна затенить подлинные экономические и политические интересы ЕС.

Европейская политика соседства берет свое начало в 2003 г., после публикации Сообщения Комиссии ЕС «Расширенная Европа – Соседство: Новые рамки для отношений с нашими восточными и южными соседями»⁹.

8 Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. – 2012. – C326/13. – P. 53. – URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 30.05.2022).

9 Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. – Brussels, 2003. – URL: http://aei.pitt.edu/38141/1/com_2003_104.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

Зарождению Европейской политики соседства способствовало совместное письмо Верховного представителя Европейского союза по общей внешней политике и политике безопасности Хавьера Солана (который, к слову, в 1995–1999 гг. был Генеральным секретарем НАТО) и Комиссара ЕС по внешним связям Криса Паттена в августе 2002 года. Причиной появления ЕПС во многом стало предстоящее расширение ЕС в 2004 г., когда странами – членами ЕС стали Польша, Словакия, Словения, Чехия, Венгрия, Кипр, Мальта и страны Балтии. Территориальные границы ЕС приобретали новые очертания с Россией, «западными новыми независимыми государствами» (Молдовой, Белоруссией и Украиной), а также странами Южного Средиземноморья (Алжиром, Марокко, Египтом, Иорданией, Израилем, Ливией, Ливаном, Палестинской Автономией, Сирией и Тунисом)¹⁰. Комиссия Евросоюза подчеркивала важность развития зоны процветания и дружественного соседства – «кольца друзей», с которыми ЕС будет поддерживать тесные, мирные и партнерские отношения. Согласно Сообщению Комиссии ЕС, в обмен на конкретный прогресс страны ЕПС должны получить выгоду от более тесной интеграции с Союзом: им должна быть предложена перспектива участия во внутреннем рынке ЕС и дальнейшая интеграция и либерализация с целью продвижения четырех свобод: людей, товаров, услуг и капитала. Под прогрессом обозначались приверженность общим ценностям, эффективное выполнение политических, экономических и институциональных реформ, а также приведение законодательства в соответствие с *acquis* ЕС.

Инициатива по созданию ЕПС, исходящая от бывшего Генерального секретаря НАТО, еще больше проясняет истоки внешней политики ЕС. ЕПС была встроена в идею ограничения влияния России на постсоветском пространстве, прикрыла ее демократией, верховенством права и защитой прав человека. За этим стояли прежде всего политические интересы НАТО, а ЕС стал подходящим для этого инструментом. Ведь не случайно пятое расширение НАТО в 2004 г. совпало с расширением ЕС на Восток, когда страны Прибалтики, Словения, Словакия, а в 2007 г. Болгария и Румыния стали его членами. Особую заинтересованность в данной политике также имел и европейский капитал, усмотревший в ЕПС благоприятную почву для получения экономических выгод. Международное право явилось основой в реализации политических и экономических интересов ЕС на постсоветском пространстве, став инструментом в распространении своего права. Угодные ЕС политические режимы в Грузии, Молдове, Украине, подхватив идею «европейского будущего» и активно ее педалируя в обществе, стали интенсивно внедрять *acquis* ЕС в национальные правовые системы. Как писал В.И. Ленин, «господствующее в данном обществе право – это воля господствующего класса, возведенная в закон» [Исторический материализм, 1951, с. 275]. Правящая власть некоторых постсоветских стран сделала выбор в пользу имплементации права ЕС в свое законодательство, соответственно, и в пользу «европейской воли».

ЕПС была призвана обеспечить основу для развития новых отношений, которые в среднесрочной перспективе исключали членство в ЕС, и вопросы

10 Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. – Brussels, 2003. – P. 3. – URL: http://aei.pitt.edu/38141/1/com_2003_104.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

в рамках ЕПС следовало «рассматривать отдельно от вопроса о вступлении в ЕС»¹¹.

С момента создания ЕПС направлена на распространение ценностей и права ЕС, в том числе на постсоветские страны. ЕС задает некую планку – проведение требуемых реформ, при достижении которой страны-соседи «в обмен» могут получить экономические преимущества. И дальнейшее сотрудничество ЕС со странами-партнерами зависит от выполнения поставленных условий.

Сообщение Комиссии ЕС в 2004 г. «Европейская политика соседства. Стратегический документ»¹² стало следующим шагом по формальному утверждению ЕПС. Основным инструментом ЕПС были обозначены Планы действий (ПД), которые предполагалось заключать со странами-партнерами. Планы действий должны содержать общий набор принципов, но отличаться друг от друга в зависимости от отношений ЕС с конкретной страной и общих интересов, а также от возможностей и потребностей этой страны. Дальнейшее развитие отношений ЕС со страной ЕПС зависело от прогресса в выполнении Планов действий.

В рамках ЕПС в 2008 г. в качестве регионального направления было выделено Восточное партнерство. В политику Восточного партнерства вошли такие страны Восточной Европы и Южного Кавказа, как Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина¹³.

В 2011 г. Комиссия ЕС опубликовала Сообщение «Новый ответ на меняющееся соседство», в котором обозначался новый подход к Европейской политике соседства, основанный на взаимной ответственности и общей приверженности универсальным ценностям прав человека, демократии и верховенства права. Обновленная ЕПС предполагала гораздо более дифференцированный подход, позволяющий стране-партнеру развивать отношения с ЕС в зависимости от ее собственных потребностей, устремлений и возможностей. При этом поддержка ЕС своим партнерам должна носить «обусловленный» (*conditional*) характер и зависеть от прогресса страны-партнера в продвижении внутренних реформ (в построении и укреплении демократии, соблюдении верховенства права)¹⁴. Очевидно, дифференцированный подход ЕС зависит от того, как страна-партнер будет выполнять критерий «обусловленности». Тем самым ЕС основывает свою политику на методе поощрений и наказаний, где финансовая и иная поддержка Союза поставлена в зависимость от усилий страны-партнера по проведению реформ.

Соглашения об ассоциации ЕС с Молдовой, Украиной и Грузией, подписанные в 2014 г., стали поворотным этапом в развитии взаимоотношений ЕС со странами Восточного партнерства. Такого типа соглашения содержат масштабные обязательства по имплементации права ЕС в национальное законодательство страны-партнера ЕПС.

11 Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. – Brussels, 2003. – P. 5. – URL: [http://aei.pitt.edu/38141/1/com_\(2003\)_104.pdf](http://aei.pitt.edu/38141/1/com_(2003)_104.pdf) (дата обращения: 06.09.2022).

12 Communication from the Commission. European Neighbourhood Policy. Strategy Paper. – Brussels, 2004. – URL: [http://aei.pitt.edu/96116/1/COM_\(2004\)_373_final.pdf](http://aei.pitt.edu/96116/1/COM_(2004)_373_final.pdf) (дата обращения: 29.08.2022).

13 Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Eastern Partnership. – Brussels, 2008. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/219089/EaP_COM_\(2008\)_823.pdf](https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/219089/EaP_COM_(2008)_823.pdf) (дата обращения: 09.09.2022).

14 Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A New Response to a Changing Neighbourhood. – Brussels, 2011. – URL: <https://www.statewatch.org/media/documents/news/2011/may/eu-com-eeas-neighbourhood-com-303-11.pdf> (дата обращения: 09.09.2022).

Соглашения об ассоциации содержат перечень регламентов и директив, принятых на уровне ЕС, которые постепенно должны быть имплементированы этими странами в национальную правовую систему. Данные источники вторичного права ЕС могут со временем претерпеть изменения, и страны-партнеры по ЕПС также будут вынуждены вносить изменения в свое законодательство, не имея при этом права голоса в рамках процедуры принятия решений на уровне ЕС.

В целях эффективного выполнения обязательств Соглашения об ассоциации основаны на «строгом подходе обусловленности» (*conditionality approach*). С одной стороны, обусловленность связана с приверженностью ассоциированных стран общим ценностям демократии, верховенства права и уважения прав человека и основных свобод, изложенных в статье 2 ДЕС, а с другой стороны, неотъемлемая часть Соглашения об ассоциации – Углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли – основана на явном «условии доступа на рынок», подразумевающим, что дополнительный доступ к части внутреннего рынка ЕС будет предоставлен, если по результатам мониторинга будет сделан вывод, что обязательства по сближению законодательства выполнены надлежащим образом. Такая форма обусловленности является уникальной особенностью данных типов Соглашений об ассоциации и соответствует общему подходу Европейской политики соседства и Восточного партнерства [Elsuwege, Chamon, p. 30].

Соглашения об ассоциации окончательно отодвинули постсоветские стра-

ны, подписавшие их, в правовое поле ЕС. Эти страны стали зависимыми как от существовавших на момент подписания нормативно-правовых актов ЕС, так и от будущих правовых изменений. Тем самым ЕС смог значительно укрепить свою позицию в Грузии, Молдове и Украине, вытеснив Россию, что вызвало ряд противоречий в общественно-политической жизни этих государств.

В Сообщении Комиссии ЕС 2020 г. «Укрепление устойчивости – Восточное партнерство, которое приносит пользу всем» подтверждается приверженность ЕС подходу «больше за большее» и «меньше за меньшее», который будет приносить пользу тем странам-партнерам, которые наиболее вовлечены в реформы. ЕС уже открыто признает стратегический интерес в продвижении своего «глобального лидерства в области прав человека и демократии во внешних действиях, в том числе в отношении Восточного партнерства»¹⁵. ЕС продолжил придерживаться тактики обусловленности во внешней политике. Права человека и демократия стали инструментом продвижения лидерства ЕС на глобальном уровне. Данная тактика стала подходящей для распространения права ЕС на постсоветские государства и ослабления влияния России.

Для финансирования деятельности в рамках ЕПС Европейский союз использовал Европейский инструмент соседства (ЕИС). Правовой основой ЕИС стали Регламенты – вторичные источники права ЕС, которые имеют прямое действие и становятся частью национального законодатель-

15 Joint Communication to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Eastern Partnership policy beyond 2020. Reinforcing Resilience – an Eastern Partnership that delivers for all. – Brussels, 2020. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/system/files/2020-03/joint_communication_on_the_eap_policy_beyond_2020.pdf (дата обращения: 09.09.2022).

ства стран-членов ЕС после их опубликования. ЕИС с 2007 по 2013 г. основывался на Регламенте №1638/2006¹⁶, а с 2014 по 2020 г. – на Регламенте № 232/2014¹⁷.

В 2021 г. ЕС пошел еще дальше в продвижении своих интересов. Свое «глобальное лидерство в области прав человека и демократии во внешних действиях» Европейский союз решил подкрепить «глобальным» Инструментом соседства, развития и международного сотрудничества «Глобальная Европа» (NDICI), который заменил ЕИС в соответствии с Регламентом № 2021/947. Данный инструмент призван поддерживать и продвигать ценности, принципы и фундаментальные интересы ЕС во всем мире для достижения целей и принципов внешней деятельности в соответствии со Статьями 3 (5), 8 и 21 ДЕС¹⁸.

До принятия Лиссабонского договора политика Восточного партнерства была не более чем гибридной и не совсем стандартизированной политической сферой, которая частично уходила корнями в политику ЕС в области торговли и частично основывалась на общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) ЕС [Harzl, 2021, p. 172]. Основой данной политики были необязательные документы «мягкого права», такие как Планы действий с государствами ВП, в рамках которых ЕС согласовывал с восточными соседями пакет законодательных и административных актов,

которые страны-партнеры должны были принять на национальном уровне [Harzl, 2021, p. 172]. После принятия Лиссабонского договора ЕПС приобрела правовую основу и больше возможностей для расширения.

С подписанием Соглашений об ассоциации в рамках ВП сформировалась прочная нормативно-правовая база в отношениях с Молдовой, Украиной и Грузией. Ряд исследователей утверждают, что положение о правах человека стало определяющей чертой Соглашений об ассоциации [Elsuwege, Chamon, 2019, p. 27]. Это согласуется с политикой Восточного партнерства, в соответствии с которой ЕС открыто заявляет о своем глобальном лидерстве в области прав человека и демократии. Права человека стали удобной концепцией, за которой скрываются как политические интересы ЕС по укреплению своей позиции на постсоветском пространстве и вытеснению России, так и экономические интересы по приобретению более дешевых сырьевых ресурсов и рабочей силы, а также по расширению доступа для европейского финансового капитала.

ЕС пытается воплотить идею заместить природную инаковость универсальным гуманизмом, при котором юристы-международники стремятся заменить местные институты европейским суверенитетом [Müllerson, 2002, p. 728]. Такой гуманистический универсализм может привести к катастрофи-

16 Regulation (EC) No 1638/2006 of the European Parliament and of the Council of 24 October 2006 laying down general provisions establishing a European Neighbourhood and Partnership // Official Journal of the European Union. – 2006. – L310/1. – URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vitgbgiku9qh> (дата обращения: 09.09.2022).

17 Regulation (EC) No 232/2014 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2014 establishing a European Neighbourhood Instrument // Official Journal of the European Union. – 2014. – L77/27. – URL: <https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vjia903r4czx> (дата обращения: 09.09.2022).

18 Regulation (EU) 2021/947 of the European Parliament and of the Council of 9 June 2021 establishing the Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe // Official Journal of the European Union. – 2021. – L209/1. – URL: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvk6yhcbspeywk_j9vvik7m1c3gyxp/vljn7p7icqyt (дата обращения: 23.09.2022).

ческим последствиям для суверенных государств. Достаточно вспомнить, что бомбардировки Югославии силами НАТО без санкций ООН начинались именно под «гуманистическими» предлогами защиты гражданского населения и национальных меньшинств. Крайний универсализм в лучшем случае может привести к патерналистской концепции прав человека или еще хуже – к бездумному гуманизму и практическим катастрофам [Müllerson, 2002, p. 729].

Соглашения об ассоциации стали подводящей чертой, окончательно подтвердившей стремление ЕС занять в мире позицию влиятельной «нормативной» державы, которая, не имея достаточного политического веса в международных отношениях, посредством права продвигает свои ценности и интересы в других странах. За этим стремлением прежде всего скрываются политические и экономические интересы ЕС, как будет отражено в следующих частях статьи.

Реализация Европейской политики соседства на постсоветском пространстве

Европейский союз стремится создавать новые способы развития Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) для укрепления верховенства права внутри интеграционного блока. Намерение также исходит из стремления укрепления верховенства права на международном уровне [De Baete, 2012, p. 381]. Европейская политика соседства и ее часть – Соглашения об ассоциации – используются для расширения и укрепления влияния права Европейского союза на страны в регионе соседства. Это не только служит под-

креплением интеграционного права ЕС, но и посредством правовых инструментов стимулирует распространение ценностей Союза, которые, впрочем, носят универсальный характер.

При этом ЕС пытается отстаивать некую особую позицию по вопросам защиты прав человека. К примеру, в деле саудовского бизнесмена Яссина Кадии, оказавшегося в санкционном списке ЕС по запросу Совета Безопасности ООН в связи с его возможным участием в финансировании ультрарадикальной международной террористической организации «Аль-Каида» (запрещена в России), Суд Европейского союза признал приоритет уважения прав человека (права доступа к информации) над общими и «туманно» сформулированными соображениями международной безопасности вычеркнул его имя из «черного списка» [Стрежнева, Руденкова, 2016, с. 114]. Европейский союз пытается тем самым отстаивать ценности, закрепленные в Договоре о ЕС: «уважение достоинства человека, свободы, демократии, равенства, верховенства права и уважение прав человека, в том числе прав лиц, принадлежащих к меньшинствам»¹⁹. Такая позиция ЕС показывает, что при определенных условиях подобные ценности неизбежно сталкиваются с противостоянием других сфер, такими как вопрос международной безопасности. Европейский союз как бы посягает на авторитет Совета Безопасности ООН, выделяя свою особую позицию, касающуюся прав человека.

Примечательна избирательность ценностей ЕС в зависимости от контекста их применения. В деле *Rosneft* Суд Европейского союза рассматривал противоречия принятых ограничительных

19 Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. – 1992. – C 191/01. – P. 58. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1992:191:FULL&from=EN> (дата обращения: 02.09.2022).

мер, связанных с наложением санкций на компанию в связи с конфликтом на Украине, с Хартией Европейского союза по правам человека, в частности со свободой ведения бизнеса и правом на собственность²⁰. Суд Европейского союза сослался на ст. 21 Договора о ЕС, в соответствии с которой он «в своей деятельности на международной арене руководствуется принципами, которые вдохновляли его собственное создание, развитие и расширение и которые он стремится продвигать в более широком мире: демократия, верховенство права, универсальность и неделимость прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципы равенства и солидарности, уважение принципов Устава Организации Объединенных Наций и международного права». Суд ЕС обозначил первоочередность ценностей и принципов ЕС, а также уважение Устава ООН в вопросах мира и безопасности перед вопросами, вытекающими из Хартии ЕС по основным правам. Таким образом, когда контекст связан с безопасностью Европейского союза и его интересами в проведении санкционной политики, вопросы безопасности выходят на передний план.

Стремление укреплять интеграционное право в рамках ЕС и распространять его на другие страны может сталкиваться с противоречиями. Интеграция и дезинтеграция неотделимы друг от друга, что обусловлено борьбой противоположностей в интеграционном праве [Реале, Антисери, 2003, с. 130]. С одной стороны, развал Советского Союза и дезинтеграция Совета экономической взаимопомощи привели к стремительному расширению ЕС [Кашкин, 2019, с. 48]. С другой стороны, с появлением

Европейской политики соседства начало выстраиваться более тесное сотрудничество между постсоветскими странами при активной роли России. В 2007 г. был подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза между Беларуссией, Казахстаном и Россией. Впоследствии начало действовать Единое экономическое пространство, а в 2015 г. создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), куда также вошли Армения и Киргизия. Восточное партнерство направлено на изоляцию России и отрыв от нее постсоветских государств. Посредством ЕАЭС Россия оспаривает роль ЕС как «учителя», который диктует свои правила и эксклюзивную интерпретацию реальности [Leskina, 2021, p. 363].

Диалектика дает понимание не только исторического развития, но и неизбежности столкновения новых форм жизни с существующим порядком вещей [Реале, Антисери, 2003, с. 128]. Существование того или иного субъекта зависит от реальности, а сущность определяется природой вещей [Левяш, 2013, с. 57]. В условиях очевидного расширения влияния Европейского союза и распространения права ЕС возникли условия для создания ЕАЭС, имеющего потенциал противопоставить себя в качестве альтернативного интеграционного объединения.

В процессе расширения влияния ЕС на Восточную Европу, с одной стороны, и активизации интеграции вокруг России, с другой стороны, нарастала критическая напряженность как между постсоветскими странами (Грузия и Россия в 2008 г., Россия и Украина 2014 и 2022 гг.), так и внутри самих стран. К примеру, в Молдове в 2009 г. прошли

20 Court of Justice, Rosneft, Judgment. – 2017. – March 28. – Case C-72/15. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62015CJ0072> (дата обращения: 02.09.2022).

массовые беспорядки, во многом обусловленные внешнеполитическим курсом развития страны. Протестующие выражали недовольство победой Партии коммунистов Молдовы на парламентских выборах, требуя демократии и размахивая флагом Европейского союза²¹. На саммите Восточного партнерства в Вильнюсе в 2013 г. было парафировано Соглашение об ассоциации Молдовы с ЕС. После этого в феврале 2014 г. на территории АТО Гагаузия (автономное территориальное образование в составе Республики Молдова) был проведен референдум о присоединении к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана. За вступление Молдовы в Таможенный союз высказались 68 182 избирателя, против – 1 057, 98,47% против 1,52% соответственно (болгары, составляющие 60% населения Тараклийского района, соседнего с АТО Гагаузии, также поддержали референдум) [Мухаметшин, Степанов, 2021, с. 416]. Несмотря на выражение протеста по интеграции в ЕС гагаузами и болгарями, представляющими национальное меньшинство в Молдове, Соглашение об ассоциации с Европейским союзом было подписано. Политическая ситуация в стране до сегодняшнего дня остается напряженной. Не прекращается политическое противостояние пророссийских и прозападных сил, что является следствием противоборства мнений политической элиты и общества по вопросу интеграции в ЕС [Астахова, 2019, с. 37]. Столкновение двух противоборствующих политических сил в Молдове обострило противоречия в обществе. Такие явления не соответствуют целям ЕС добиться стабильности в регионе по-

средством реализации ЕПС. Восточное партнерство не способствовало укреплению мира, а, напротив, еще больше спровоцировало возникновение конфликтной обстановки на постсоветском пространстве. Это один из примеров, когда универсализм расходится с идеями гуманности, безопасности и мире.

Практические последствия западного либерального универсализма имеют тенденцию подавлять голоса частного [Müllerson, 2002, р. 729]. Расширение влияния ЕС на постсоветские страны столкнулось с реальностью, где права национальных меньшинств остались без внимания. Это опять же подтверждает двойственную позицию Европейского союза и свидетельствует о том, что за продвижением его «универсальных ценностей» кроется прежде всего стремление отстаивать свои политические и экономические интересы.

Экономические аспекты распространения права ЕС на постсоветские страны

При создании Европейской политики соседства политические интересы Европейского союза были неразрывно связаны с экономическими. Для создания интегрированного рынка Европейский союз считал важным, чтобы страны ЕПС заключали Соглашения о свободной торговле как между собой, так и с Турцией, которая входит в Таможенный союз с ЕС²². Тем самым Евросоюз поощрял развитие экономических связей между партнерами. После завершения строительства внутреннего рынка ЕС ускорилось взаимопроникновение европейского капитала, ставшего бо-

21 Петров И. Десять лет «цветной революции» в Молдавии: печальные итоги // ВИПЕРСОН. – 2019. – 13 мая. – URL: <https://viperson.ru/articles/desyat-let-tsvetnoy-revolutsii-v-moldavii-pechalnye-itogi> (дата обращения: 26.05.2022).

22 Communication from the Commission to the Council and the European Parliament. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. – Brussels, 2003. – P. 11. – URL: http://aei.pitt.edu/38141/1/com_2003_104.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

лее интернациональным. Наиболее ясно это проявляется в Лиссабонском договоре, который предоставил ЕС исключительную компетенцию в отношении прямых иностранных инвестиций [Nanopoulos, 2021, p. 389]. В этой связи доступ к новым рынкам для европейского капитала играет важную роль в реализации ЕПС.

Развитие новой «территориальной логики» ЕС связано частично с интересами гегемонистской фракции европейского (финансового) капитала, а частично с другими капиталистическими интересами, особенно военно-промышленного капитала. Этот процесс принимал юридическое оформление в различных формах во времени и пространстве: от формального присоединения посредством Соглашения об ассоциации до традиционных международных договоров (например, Соглашение Котону между Европейским союзом и государствами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона) и других форм полуинституционального сотрудничества, таких как Европейская политика соседства [Nanopoulos, 2021, p. 389].

Данные рассуждения прямо связаны с диалектическим материализмом, где экономические факторы признаются главными в историческом развитии [White, 1996, p. 324]. Расширяя сотрудничество с постсоветскими странами, Европейский союз изначально преследовал в том числе и экономические интересы: расширение рынка сбыта для своей продукции, импорт сырья для производства товаров с высокой добавленной стоимостью, расширение присутствия европейского капитала, использование более дешевой рабочей силы.

В 2004 г. в Комиссия ЕС в своем Сообщении «Европейская политика соседства. Стратегический документ» отметила, что данная политика имеет важные экономические последствия, так как предусматривает расширение преференциальных торговых отношений и увеличение финансовой и технической помощи, а также возможное участие во внутреннем рынке ЕС на основе сближения законодательных и нормативных актов²³. Посредством расширения *acquis* на страны ЕПС Европейский союз стремился в перспективе наращивать экономическое взаимодействие на основе гармонизации правовых систем стран-партнеров с правом Союза.

Другим основным элементом Европейской политики соседства стало стратегическое энергетическое партнерство в сфере энергетической безопасности с соседними странами. Улучшение связей энергетических сетей и сближение нормативно-правовой базы между Европейским союзом и его партнерами представляли сильный взаимный интерес в рамках ЕПС²⁴. Высокая зависимость от импорта энергоресурсов подчеркивает стремление ЕС использовать ЕПС для повышения своей энергетической безопасности.

Европейский инструмент соседства и заменивший его *NDICI* также служат средствами экономической экспансии финансового капитала ЕС. Специальные финансовые средства в рамках ЕПС управляются Комиссией Евросоюза и выделяются из бюджета ЕС и Европейского инвестиционного банка [Waele, 2017, p. 154]. С 2007 г. Украина получила от Европейского инвестиционного банка 8,09 млрд евро на реализацию 54 проектов, Молдова – почти

23 Communication from the Commission. European Neighbourhood Policy. Strategy Paper. – Brussels, 2004. – P. 14. – URL: [http://aei.pitt.edu/96116/1/COM_\(2004\)_373_final.pdf](http://aei.pitt.edu/96116/1/COM_(2004)_373_final.pdf) (дата обращения: 29.08.2022).

24 Communication from the Commission. European Neighbourhood Policy. Strategy Paper. – Brussels, 2004. – P. 17. – URL: [http://aei.pitt.edu/96116/1/COM_\(2004\)_373_final.pdf](http://aei.pitt.edu/96116/1/COM_(2004)_373_final.pdf) (дата обращения: 29.08.2022).

1 млрд евро на реализацию 25 проектов, а Грузия – 2,05 млрд евро с 2010 г. на реализацию 29 проектов²⁵. Средства предоставляются в виде кредитов и грантов. Через инвестиции финансовый капитал ЕС получает возможность наращивать прибыль, вкладываясь в те отрасли, которые выгодны ему. Кредитование сторон Соглашений об ассоциации также способствует поддержанию спроса на европейские товары.

Подтверждением экономических интересов также может служить планомерное получение контроля Европейским союзом и структур, связанных с ним, над стратегическими объектами в постсоветских странах после распада Советского Союза. К примеру, с 1995 г. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) стал акционером порта Джерджулешть – основного логистического центра в регионе на границе Молдовы с ЕС. В 2004 г. правительство Молдовы по Инвестиционному соглашению передало свои обязательства по выплате долга перед ЕБРР компании *Azpetro* из Азербайджана, возглавляемой Р. Алиевым. Однако эта компания не смогла расплатиться с долгами, а ЕБРР в 2021 г. стал 100%-м владельцем Международного свободного порта²⁶. При этом Европейский союз, Европейский инвестиционный банк и государства – члены ЕС в совокупности владеют 54% капитала ЕБРР, а 10% принадлежат США²⁷. Кредиты ЕС служат рычагом в получении контроля над предприятиями в постсоветских странах с целью

расширения влияния европейского капитала и наращивания прибыли.

Экономические отношения, складывающиеся между ЕС и странами, подписавшими Соглашения об ассоциации, в большей или меньшей степени сформированы динамикой центра и периферии, которая имеет тенденцию подчинять потребности «партнеров» ЕС потребностям европейского капитала. Во всех случаях право играло решающую роль в обеспечении и укреплении экономического роста [*Nanopoulos*, 2021, р. 389]. К примеру, Молдова выступает периферией и источником импорта сырья для центра. Это подтверждается негативными изменениями после подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и переориентацией экспорта Молдовы на рынок ЕС. В качестве примера можно привести динамику изменения экспорта товаров в зависимости от степени переработки из Молдовы в Румынию, которая является одним из основных ее торговых партнеров в ЕС. С 2013 по 2020 г. доля сырья в экспорте Молдовы в Румынию увеличилась с 13 до 21%, доля полуфабрикатов снизилась с 9 до 6%, доля переработанных продуктов – с 73 до 65%²⁸. Такая тенденция обусловлена спросом ЕС на сырье, которое проще импортировать из менее развитых стран, концентрируясь на производстве товаров с более высокой добавленной стоимостью, обладающих экономическими преимуществами. Между тем другая сторона Соглашения об ассоциации становится более зависимой

25 The EIB in the Eastern neighbourhood countries // European Investment Bank. – 2022. – URL: <https://www.eib.org/en/projects/regions/eastern-neighbours/index.htm> (дата обращения: 09.06.2022).

26 EBRD Takes Sole Ownership of Moldova's Giurgiulesti Port // BalkanInsight. – 2021. – URL: <https://balkaninsight.com/2021/05/19/ebird-takes-sole-ownership-of-moldovas-giurgiulesti-port/#:~:text=The%20European%20Bank%20for%20Reconstruction%20and%20Development%2C%20EBRD%2C%20has%20become,important%20strategic%20sites%20in%20Moldova> (дата обращения: 30.05.2022).

27 EBRD shareholders and Board of Governors // European Bank for Reconstruction and Development. – 2022. – URL: <https://www.ebrd.com/shareholders-and-board-of-governors.html> (дата обращения: 30.05.2022).

28 Moldova Products by Stages of Processing Export Product Share to Romania in % 2007-2020 // World Integrated Trade Solution. – 2020. – URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/MDA/StartYear/2007/EndYear/2020/TradeFlow/Export/Indicator/XPRT-PRDCT-SHR/Partner/ROM/Product/stages-of-processing> (дата обращения: 26.09.2022).

от экспорта сырья и уменьшаются стимулы к развитию собственного производства высокотехнологичных товаров.

Заключение

Несмотря на то, что правовая основа для ЕПС была закреплена в Договоре о Европейском союзе, данная политика остается в нормативной неопределенности. Ее основное содержание не закреплено в комплексном нормативно-правовом акте в праве ЕС, а раскрывается в Сообщениях Комиссии Европейского союза. Тем не менее Соглашения об ассоциации в рамках Восточного партнерства, регламенты, учреждающие финансовые инструменты ЕПС составляют вторичное право ЕС. Данные акты служат свидетельством о прочном закреплении ЕПС и, в частности, Восточного партнерства в правовом поле Союза.

Посредством Соглашений об ассоциации ЕС получил возможность распространять свое право на постсоветские страны. С одной стороны, право ЕС считается прогрессивным и может привнести более высокие стандарты в области защиты прав человека, борьбы с коррупцией, высокий уровень технических регламентов в производстве. С другой стороны, ЕПС используется Европейским союзом для достижения политических и экономических интересов. Концепция «обусловленности», при которой страны Восточного партнерства вынуждены имплементировать огромный массив норм права ЕС взамен весьма неопределенных «выгод», ставит постсоветские государства в зависимое положение с неизвестным итогом. Европейский союз использует ЕПС для ослабления влияния России на постсоветском пространстве, укрепляя тем самым свое положение и получая экономические преимущества от сотрудничества со странами-партнерами Соглашений об ассоциации.

Реализация Европейской политики соседства дала импульс возникновению конфликтов и дестабилизации политической ситуации в регионе. Европейский союз, руководствуясь центризмом и универсализмом, создает давление на суверенитет постсоветских стран, подписавших Соглашения об ассоциации, которые перенимают огромное количество нормативно-правовых актов права ЕС. При этом не учитывается мнение отдельных групп населения государств, интегрирующихся в Евросоюз, что вызывает острые политические и социальные конфликты. Последствия обостряются на фоне противоречий расширения влияния ЕС и ЕАЭС.

Посредством Восточного партнерства ЕС стремится подчинить государства интересам наиболее развитых стран Союза. Приоритет непрерывного накопления капитала закрепился в Европе еще с XVI в., и капитализм приобрел такую силу по отношению к другим историческим системам, которая позволяла поглощать географически. ЕС стал первой исторической системой, достигшей такого полного расширения [Wallerstein, 1997, р. 36]. Противоречие в том, что не всем удастся накопить капитал, и, как следствие, неравенство как между странами, так и между народами становится всё выше. Если бы все добились успеха, то на каждого пришлось бы «по крошечному капитальцу», и освоение рынков не только убирает «слабаков», но и является неременным условием для бесконечного накопления капитала [Wallerstein, 1997, р. 36]. Таким образом, в условиях непрерывности развития и появления противоречий в этом процессе европейский капитал, будучи более сильным, чем капитал периферий и полупериферий, решает эти противоречия жестко, осваивая новые ресурсы и рынки. И эта сила не останавливается перед конфликтами и войнами,

которые часто играют только на руку. В таких условиях исторического развития диалектический материализм раскрывает существующие противоречия и необходимость смены капитализма более справедливой системой, способной эти противоречия разрешить.

Список литературы

Астахова С. Политический кризис в Молдавии: преодоление или продолжение? // Россия и новые государства Евразии. – 2019. – № IV (XLV). – С. 37–47. – DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-37-47.

Исторический материализм / под ред. Ф.В. Константинова. – Москва : Политиздат, 1951. – 747 с.

Кашкин С.Ю. Философия интеграционного права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2 (99). – С. 43–50. – DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.043-050.

Леваш И. Диалектика интеграции: Концептуальные основания и геостратегические приоритеты участия Беларуси в трансконтинентальных объединительных процессах // Беларуская Думка. – 2013. – № 7. – С. 55–63.

Мухаметшин Ф.М., Степанов В.П. Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего (Очерки постсоветского времени 1991–2020 гг.). – Москва : Прогресс-Традиция, 2021. – 416 с.

Право Европейского союза : учебник для вузов / под ред. А.Я. Капустина. – Москва : Юрайт, 2022. – 387 с.

Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (том 4) / в переводе с итальянского и под редакцией С.А. Мальцевой. – Санкт-Петербург : Издательство «Пневма», 2003. – 880 с.

Стрежнева М.В., Руденкова Д.Э. Европейский союз: архитектура внешней политики. – Москва : ИМЭМО РАН. 2016. – 135 с.

Blockmans S. European Neighbourhood Policy: CFSP in disguise // Research Handbook on the EU's Common Foreign and Security Policy / Ed. by S. Blockmans, P. Koutrakos – Edward Elgar, 2018. – P. 312–330. – DOI: 10.4337/9781785364082.00024.

Cannizzaro E. The Value of the EU International Values // The Evolving Nature of EU External Relations Law / Ed. by W.Th. Douma, C. Eckes, P. Van Elsuwege, E. Kassoti, A. Ott, R.A. Wessel. – Springer, 2021. – P. 3–18.

De Baere G. European Integration and the Rule of Law in Foreign Policy // Philosophical Foundations of European Union Law / Ed. by Dickson J., Eleftheriadis P. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – P. 354–383. – DOI:10.1093/acprof:oso/9780199588770.003.0014.

Elsuwege P.V., Chamon M. The meaning of 'association' under EU law. A study on the law and practice of EU association agreements. – Brussels : Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, European Parliament, 2019. – 50 p.

Harzl B. The EU and the De Facto States of the East European Periphery. Constraints in International and European Law // Principled Pragmatism in Practice: The EU's Policy towards Russia after Crimea / Ed. by Fabienne Bossuyt F., Van Elsuwege P. – Nijhoff : Brill, 2021. – P. 163–179. – DOI: 10.1163/9789004453715_010.

Leskina N. The Integration of Russia in the European Higher Education Area. Challenges and Opportunities // Principled Pragmatism in Practice: The EU's Policy towards Russia after Crimea / Ed. by F. Bossuyt, P. Van Elsuwege. – Nijhoff : Brill, 2021. – P. 352–369. – DOI: 10.1163/9789004453715_020.

Müllerson R. Review: The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960 // European Journal of International Law. – 2002. – Vol. 13, N 3. – P. 725–735. – DOI: 10.1093/ejil/13.3.727.

Nanopoulos E. From class-based project to imperial formation: European Union law and the reconstruction of Europe // Research Handbook on Law and Marxism / Ed. by O'Connell P., Özsü U. – Edward Elgar Publishing, 2021. – P. 315–389.

Togt T., van der. The Role of EU Member States and the Future of EU-Russia Relations: Disentangling the Role of Germany and the Netherlands in EU Decision-Making on Relations with Russia since the Ukraine Crisis // Principled Pragmatism in Practice: The EU's Policy towards Russia after Crimea /

Ed. by F. Bossuyt, P. Van Elsuwege. – Nijhoff : Brill, 2021. – P. 40–61. – DOI: 10.1163/9789004453715_004.

Waele H., de. Legal Dynamics of EU External Relations: Dissecting a Layered Global Player. – Springer, 2017. – 215 p. – DOI: 10.1007/978-3-662-54817-2.

Wallerstein I. Eurocentrism and its Avatars: The Dilemmas of Social Science // Sociological Bulletin. – 1997. – Vol. 46, N 1. – P. 21–39.

White J. Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism. – Palgrave Macmillan, 1996. – 427 p.

The Post-Soviet Space

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.12

The Concept of the Implementation of the European Neighborhood Policy and the Extension of EU Law to the Post-Soviet Countries

Alexandra F. SHISHKOVA

Postgraduate Student, Department of International Law
National Research University Higher School of Economics (HSE University),
Myasnikskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: a.shishkova@hse.ru
ORCID: 0000-0001-5815-0026

CITATION: Shishkova A.F. (2023). The Concept of the Implementation of the European Neighborhood Policy and the Extension of EU Law to the Post-Soviet Countries. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. vol. 16, no. 1, pp. 222–240 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.01.12

Received: 17.07.2022.

Revised: 30.11.2022.

ABSTRACT. *Despite its legal uncertainty, the European Neighborhood Policy is enshrined in the sources of secondary*

law of the European Union. Through the Eastern Partnership, the EU seeks to extend its law to post-Soviet countries and

become a “normative actor” in international relations, promoting its political and economic interests. Helping to maintain and strengthen stability, security and prosperity in the neighborhood region were stated as the main goals of the creation of the European Neighborhood Policy, and of the Eastern Partnership. Despite this, the policy pursued by the European Union, as recent events in the CIS countries show, has failed to contribute to stability in the post-Soviet space. The article deals with the legal basis and concept of the European Neighborhood Policy, peculiarities of its development and economic aspects of its implementation in the post-Soviet space, as well as identifying the causes of the contradictions in the region. The EU sees its role in promoting universal values in its foreign policy, relying on law. However, these values are used to cover political and economic expansion. Economic factors are among the main reasons for the spread of EU law in post-Soviet states. The development of legal relations between the European Union and post-Soviet countries has provided additional economic opportunities for European financial capital. The combination of these reasons provoked the emergence of additional sources of tension and conflicts in the post-Soviet space: primarily in Moldova, Ukraine and Georgia, which have signed Association Agreements with the EU.

KEYWORDS: European Union, European Union law, post-Soviet space, CIS, Association Agreement, European Neighborhood Policy, Eastern Partnership, Moldova, Ukraine.

References

- Astakhova S. (2019). Political crisis in Moldova: overcoming or continuing? *Russia and the new states of Eurasia*. No. IV (XLV), pp. 37–47. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-4-37-47 (in Russian).
- Blockmans S. (2018). European Neighbourhood Policy: CFSP in disguise. In: Blockmans S., Koutrakos P. (eds.). *Research Handbook on the EU's Common Foreign and Security Policy*. Edward Elgar, pp. 312–330. DOI: 10.4337/9781785364082.00024.
- Cannizzaro E. (2021). The Value of the EU International Values. In: Douma W. et al. (eds.). *The Evolving Nature of EU External Relations Law*. Springer, pp. 3–18.
- De Baere G. (2012). European Integration and the Rule of Law in Foreign Policy. In: Dickson J., Eleftheriadis P. (eds.). *Philosophical Foundations of European Union Law*. Oxford: Oxford University Press, pp. 354–383. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199588770.003.0014.
- Elsuwege P.V., Chamon M. (2019). *The meaning of 'association' under EU law. A study on the law and practice of EU association agreements*. Brussels: Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, European Parliament, 50 pp.
- Harzl B. (2021). The EU and the De Facto States of the East European Periphery. Constraints in International and European Law. In: Bossuyt F., Van Elsuwege P. (eds.). *Principled Pragmatism in Practice: The EU's Policy towards Russia after Crimea*. Nijhoff: Brill, pp. 163–179. DOI: 10.1163/9789004453715_010.
- Istoricheskiy materialism (1951). Konstantinov F.V. (ed.) *Historical Materialism*. Moscow: Politizdat, 747 pp. (in Russian).
- Kashkin S.Yu. (2019). Philosophy of Integration Law. *Actual Problems of Russian Law*. No. 2 (99), pp. 43–50 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.043-050.
- Leskina N. (2021). The Integration of Russia in the European Higher Education Area. Challenges and Opportunities. In: Bossuyt F., Van Elsuwege P. (eds.). *Principled Pragmatism in Practice: The EU's Policy towards Russia after Crimea*. Nijhoff: Brill, pp. 352–369. DOI: 10.1163/9789004453715_020.
- Levyash I. (2013). *Dialectics of Integration: Conceptual Foundations and*

Geostrategic Priorities of Belarus' Participation in Transcontinental Unification Processes. *Belarusian Dumka*. No. 7, pp. 55–63 (in Russian).

Mukhametshin F.M., Stepanov V.P. (2021). *Russia and Moldova: between the legacy of the past and the horizons of the future* (Essays on the post-Soviet period 1991–2020). Moscow: Progress – Tradition, 416 pp. (in Russian).

Müllerson R. (2002). Review: The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. *European Journal of International Law*. Vol. 13, no. 3, pp. 725–735. DOI: 10.1093/ejil/13.3.727.

Nanopoulos E. (2021). From class-based project to imperial formation: European Union law and the reconstruction of Europe. In: O'Connell P., Özsü U. (eds.). *Research Handbook on Law and Marxism*. Edward Elgar Publishing, pp. 315–389.

Pravo... (2022). Kapustin A.Y. (ed.). *Law of the European Union: textbook for universities*. Moscow: Yurait, 387 pp. (in Russian).

Reale J., Antiseri D. (2003). *Western Philosophy from the Beginnings to the Present Day. From Romanticism to the Present*

Day. Volume 4. Translated from Italian and edited by S.A. Maltseva. St. Petersburg: Publishing house "Pnevma", 880 pp. (in Russian).

Strezhneva M.V., Rudenkova D.E. (2016). *European Union: foreign policy architecture*. Moscow: IMEMO. 135 pp. (in Russian).

Togt T., van der. (2021). The Role of EU Member States and the Future of EU–Russia Relations: Disentangling the Role of Germany and the Netherlands in EU Decision-Making on Relations with Russia since the Ukraine Crisis. In: Bossuyt F., Van Elsuwege P. (eds.). *Principled Pragmatism in Practice: The EU's Policy towards Russia after Crimea*. Nijhoff: Brill, pp. 40–61. DOI: 10.1163/9789004453715_004.

Waele H., de. (2017). *Legal Dynamics of EU External Relations: Dissecting a Layered Global Player*. Springer, 215 pp. DOI: 10.1007/978-3-662-54817-2.

Wallerstein I. (1997). Eurocentrism and its Avatars: The Dilemmas of Social Science. *Sociological Bulletin*. Vol. 46, no. 1, pp. 21–39.

White J. (1996). *Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism*. Palgrave Macmillan, 427 pp.

УДК 346.7(574)

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.13

Влияние цифровизации на развитие отрасли сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане (правовые аспекты)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

ул. Сатпаева, д. 2, г. Астана, Республика Казахстан, 010008

E-mail: daneker@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8483-4234

Сания Нуржановна САРСЕНОВА

кандидат юридических наук, доцент

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

ул. Сатпаева, д. 2, г. Астана, Республика Казахстан, 010008

E-mail: ss-almas@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-3134-284X

Бекмырза Серикович КАРАЖАН

магистр юридических наук, докторант

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

ул. Сатпаева, д. 2, г. Астана, Республика Казахстан, 010008

E-mail: bkarazhan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4927-9634

ЦИТИРОВАНИЕ: Сарсембаев М.А., Сарсенова С.Н., Каражан Б.С.

Влияние цифровизации на развитие отрасли сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане (правовые аспекты) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 241–268.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.13

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.

Исправленный текст представлен 18.01.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Данное исследование подготовлено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН грант № AP09261449).

АННОТАЦИЯ. Актуальность и целесообразность исследования проблемы в данной научной статье обусловливается развитием и активным внедрением новых цифровых технологий развитых стран мира в сферу обрабатывающей промышленности, в том числе сельскохозяйственного машиностроения, что, в свою очередь, связано с возрастанием интереса со стороны казахстанского государства и специалистов к вопросам правового регулирования планируемой к цифровизации отрасли сельскохозяйственного машиностроения республики. Цель статьи – раскрыть влияние цифровизации на деятельность казахстанских заводов отрасли агромашиностроения, производящих разнообразные машины и оборудование агротехнического характера, отметить юридические особенности этого влияния, а также раскрыть влияние цифровизации на развитие интеллектуализированных, автоматизированных процессов на этих заводах, посредством которых можно коренным образом изменить производство агромашиностроительных заводов Республики Казахстан, всей отрасли сельскохозяйственного машиностроения. С учетом мирового опыта цифровизации в процессе аналитического изложения внесены рекомендации о необходимости принятия ряда новых казахстанских законов, международных соглашений и конвенций по проблемам цифровизации и интеллектуализации заводов сельскохозяйственного машиностроения страны. Суть практической и теоретической значимости полученных авторами результатов проявляется в том, что производство и сбыт агротехнических машин неразрывно связаны между собой, поэтому логично то, что они предлагают подвергнуть сплошной цифровизации все этапы производства и экспорта произведенных в Казахстане сельско-

хозяйственных машин. Основанные на зарубежном опыте авторские рекомендации по улучшению принимаемого законодательства и новых международных конвенций приведут к высоким показателям в развитии сельскохозяйственного машиностроения в Республике Казахстан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, влияние зарубежного опыта цифровизации, агромашиностроение, закон, конвенция, цифровая технология, сельскохозяйственная техника, конкурентоспособное сельскохозяйственное машиностроение, цифровая трансформация.

Научно-технический прогресс первых десятилетий XXI в. вывел на авансцену истории новые технологии: цифровые технологии, нанотехнологии, биотехнологии. Это означает, что человечество вступило в неизвестный доселе этап научно-технологической революции. Право, которому предрекали гибель в 60-е годы прошедшего столетия, продолжало и продолжает регулировать общественные отношения. Сегодня оно регулирует отношения, возникающие в условиях 4-й промышленной революции, в условиях цифровизации экономики, промышленности, в том числе сельскохозяйственного машиностроения. Локомотивами цифровизации промышленного машиностроения являются развитые страны, которые наглядно демонстрируют преимущества цифрового развития, цифровых технологий, применение которых резко увеличивает скорость развития машиностроения. Тем самым они влияют на тенденции развития машиностроения в Казахстане, в том числе сельскохозяйственного, на желание страны внедрить цифровые инструменты в рассматриваемую сферу. Теоретическая основа данной

статьи базируется на положениях темы раздела «Государство и право в глобализирующемся мире» книги «Теория государства и права» [Исаков, 2020, с. 616-647], книги «Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики» [Междисциплинарный..., 2012], статьи «Центристский подход к региональному развитию» [Libman, Yakovlev, 2021], книги «Цифровые технологии будущего» [Digital Technologies..., 2021], книги «Цифровая глобализация. Новая эра глобальных потоков» [Digital Globalization..., 2016], книги «Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы» [Цифровая трансформация экономики..., 2017], статьи «Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения» [Коровкин, Кузнецова, 2020].

О глобальной цифровой трансформации, становлении и развитии казахстанского сельскохозяйственного машиностроения и правовом оформлении указанных процессов

В чем суть глобальной цифровой трансформации? Под мировой цифровой трансформацией следует понимать системный процесс всеобъемлющей замены традиционных и устаревших способов ведения жизнедеятельности общества, в том числе методов применения производственных моделей в компаниях, на предприятиях, новейшими цифровыми альтернативами. Цифровизация – это и внедрение новейших цифровых и иных технологий, это и способ повышения эффективности управления, производства, это и предварительный математический расчет эффекта от внедрения, функционирования внедренных технологий.

Влияние современной глобальной цифровой трансформации на страны мира, на их экономику, машиностроение заключается в том, «что государство занимает ведущую роль в этом процессе», стимулирует общество, модели производства «к активному обновлению», «создавая необходимую институциональную среду» [Кононкова, 2020, с. 30]. В экономике, промышленности, машиностроении цифровизация предприятий реально содействует выводу компаний (предприятий) на качественно новый уровень процессов проектирования, производства и управления предприятием. Новые цифровые технологии призваны увеличивать разнообразие и повышать качество производимой продукции на предприятиях. Вызовы цифровой эпохи требуют адаптации отрасли сельскохозяйственного машиностроения в мире и каждом государстве к новым условиям жесткой конкуренции. Поэтому в своей новой роли государства, в том числе Республика Казахстан, обязаны обеспечивать цифровую трансформацию государственного управления; нормативно-правовое регулирование цифровых отношений практически во всех сферах жизни, включая сельскохозяйственное машиностроение; развивать и оцифровывать информационно-коммуникационную инфраструктуру; внедрять цифровые технологии в промышленность, в машиностроительное производство.

Среди немалого числа стран, занятых в сфере агромашиностроения, следует выделить США, Россию, Германию, Канаду, которые имеют большие успехи не только в машиностроительной технологии, но и в части применения цифровых технологий в этой сфере. Следует подчеркнуть, что десятки крупных концернов, заводов США (*John Deere*, *Caterpillar*), России (Петербургский тракторный завод, Челябинский тракторный завод, «Ростсельмаш»), Герма-

нии (CLAAS, Horsch), Канады (Cockshutt Plow Company) на мировом фоне сельскохозяйственного машиностроения достигли существенных успехов в цифровизации этого производства. Республика Казахстан как развивающаяся в промышленном отношении страна хотела бы получать от этих и других стран необходимое содействие в вопросах технического и цифрового характера на договорно-правовой основе в обмен на свое сырье и товары.

В отношении становления и развития сельскохозяйственного машиностроения Казахстана следует сказать следующее. Действовавшие в советское время Целиноградский завод сельскохозяйственных машин «Казахсельмаш», Павлодарский тракторный завод не выдержали испытания перестройкой. На основании Постановления Правительства Республики Казахстан от 16 сентября 1997 г., утвердившего «Программу формирования и развития сельскохозяйственного машиностроения в Республике Казахстан на период до 2000 г.», Постановления Правительства Республики Казахстан от 14 апреля 2010 г. «Об утверждении Плана мероприятий Правительства Республики Казахстан по реализации Государственной программы по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010-2014 годы», Закона Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» на территории Казахстана постепенно стали вводиться в эксплуатацию 30 крупных и смежных заводов сельскохозяйственного машиностроения («Агромашхолдинг», PTZ (Петербургский тракторный завод в Казахстане), Arlan-YTO (тракторный завод в Алматинской области), Костанайский тракторный завод, «Казтехмаш», Туркестанский

тракторный завод, Казахстанская Агро Инновационная Корпорация (г. Кокшетау), комбайновый завод Kazrost Engineering Ltd (г. Кокшетау), Костанайский завод элеваторного оборудования «Астык»; производители оборудования для животноводства «Уральский механический завод», Петропавловские машиностроительные предприятия ТОО «MODERNS», Карагандинский завод металлоизделий; производители навесных орудий, прицепной сельскохозяйственной техники ТОО «Дон Мар» (г. Лисаковск), павлодарская фирма «ДАФА», Костанайский завод сельскохозяйственного оборудования «Агний»; производитель дизельных двигателей (в том числе для сельскохозяйственных машин) Казахстанский завод современных технологий (г. Астана) и другие), занятые преимущественно промышленной сборкой тракторов и комбайнов, компоненты к которым поставляются концернами развитых индустриальных стран на основе соглашений – контрактов международного частного права.

Занимаясь обычной промышленной сборкой известных брендов сельскохозяйственной техники на первоначальном этапе, заводы отрасли переходят на второй этап своего развития в виде крупноузловой сборки и одновременного увеличения доли локализации местного, казахстанского содержания. В Казахстане уже разработано и внедрено гражданско-правовое соглашение о промышленной сборке сельскохозяйственных машин и техники, в соответствии с которым заводы сельскохозяйственного машиностроения могут получать субсидии для своего производства от государства через Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан. В условиях нарастающей конкуренции внутри страны и среди мировых производителей техники и

оборудования сельскохозяйственного назначения¹ казахстанским предприятиям машиностроения важно скорее внедрять технологические достижения четвертой промышленной революции в процесс производства своей продукции. Казахстан сегодня находится на стадии становления в вопросах внедрения цифровых технологий в деятельность заводов сельскохозяйственного машиностроения. Это находит свое выражение во внедрении информационных технологий с элементами цифровизации в виде электронного документооборота, а также во внедрении дистанционных производственных заседаний и совещаний на основе цифровых платформ.

Заводы машиностроительной отрасли республики тщательно изучают содержание солидных цифровых инструментов, вникают в наработанный в последние годы казахстанским концерном «Алтын-алмас» практический опыт внедрения цифровых технологий, накапливают финансовые средства, проводят работу по вовлечению иностранных инвесторов в процесс оплаты внедрения цифровых инструментов в производственный процесс, повышают, совершенствуют квалификацию своих работников на курсах, в ведомственных и иных технических, технологических университетах по вопросам цифровых технологий. Поэтому реализация многих предложений авторов статьи по вопросам решения цифровых проблем на казахстанских заводах сельскохозяйственного машиностроения рассчитана на близкую и среднесрочную перспективу.

Если в 2005 г. в Казахстане выпустили первую опытную партию численностью 6 комбайнов и 6 тракторов, то

в настоящее время только одно предприятие – флагман сельскохозяйственного машиностроения республики АО «АгромашХолдингKZ», производит по 1 тыс. комбайнов и 3 тыс. тракторов ежегодно. В целом в значительной степени благодаря заводам отрасли на полях республики работают 153 тыс. тракторов и 42 тыс. комбайнов. Достижение таких показателей стало возможным благодаря внедрению ряда законов и иных актов, таких как Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий», Закон Республики Казахстан от 21 июля 2007 г. «О безопасности машин и оборудования», Правила обеспечения промышленной безопасности для опасных производственных объектов, утвержденные приказом министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 30 декабря 2014 г. на основе Закона Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. «О гражданской защите», Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. (статья 286 «промышленная сборка сельскохозяйственных машин»), Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2020 г. «О техническом регулировании», Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2021 г. «О промышленной политике».

Основной смысл Закона Республики Казахстан от 21 июля 2007 г. «О безопасности машин и оборудования» заключается в урегулировании общественных отношений в целях определения, применения, исполнения необходимых требований к оборудованию и машинам по продолжительности их жизненного цикла и установлению

1 На заводах развитых стран стремятся компьютеризировать и сельскохозяйственное оборудование – см., например, [Design..., 2022, p. 162].

юридических основ обеспечения безопасности, чтобы гарантировать защиту здоровья, жизни человека, а также охрану окружающей среды. Ответственность за обеспечение безопасности машин и механизмов несет администрация каждого из 30 заводов сельскохозяйственного машиностроения страны. Казахское государство не дистанцируется от этих вопросов. Более того, статья 4 данного закона устанавливает совокупность государственных органов, которые обязаны обеспечивать безопасность машин и оборудования на этих машиностроительных заводах. Возглавляет эту систему органов Правительство Республики Казахстан, которое контролирует действия других государственных органов в этом вопросе. К казахским министерствам, обеспечивающим безопасность этих машин и оборудования, отнесены министерства: промышленности и инфраструктурного развития (в том числе автопрома и авиапрома), сельского хозяйства, энергетики, торговли и интеграции, а также Комитет промышленной безопасности Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан. В соответствии со статьей 286 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан производство сельскохозяйственных машин и техники концентрируется вокруг инвестиционного проекта и инвестиционных преференций. Инвестиционные преференции предоставляются «по специальному инвестиционному проекту – юридическому лицу Республики Казахстан, осуществляющему деятельность в качестве участника специальной экономической зоны или владельца свободного склада, производителям сельскохозяйственной техники и (или) ее компонентов – при наличии соответствующего соглашения о промышленной сборке». Все промышленные предприятия Казахстана, в том числе заводы сельскохо-

зяйственного машиностроения, в своей повседневной производственной деятельности руководствуются положениями Закона Республики Казахстан «О техническом регулировании».

Закон Республики Казахстан «О промышленной политике», название и содержание которого были заимствованы из российской законодательной практики, статьей 9 определяет компетенцию уполномоченного органа в области государственного стимулирования промышленности – Министерства индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан. Данным законом министерству предоставлено полномочие разрабатывать и утверждать «правила и условия заключения», «основания для изменения и расторжения соглашения о промышленной сборке сельскохозяйственной техники с юридическими лицами Республики Казахстан и его типовую форму». Аналогичное полномочие предоставлено в отношении «соглашения о промышленной сборке компонентов к транспортным средствам и (или) сельскохозяйственной технике с юридическими лицами Республики Казахстан». Крупные заводы сельскохозяйственного машиностроения такие соглашения подписали. Вопросам соглашения о промышленной сборке сельскохозяйственной техники посвящена статья 64 данного закона в развернутом виде.

К недостаткам приведенных законодательных актов Республики Казахстан следует отнести следующие. Практически ни в одном законе, кроме Закона о промышленной политике, нет норм о необходимости внедрения цифровых инструментов в регулируемую законом соответствующую деятельность. И такие нормы надо внести как можно скорее. Было бы крайне целесообразно вернуть статус закона Правилам обеспечения промышленной безопасности для опасных производственных объ-

ектов, поскольку в цехах заводов сельскохозяйственного машиностроения есть такие опасные производственные участки, как сварка каркаса комбайнов, тракторов, химически опасные покрасочные работы, установка электротехнического оборудования на двигателях, на движущих механизмах сельскохозяйственных машин. В казахстанском законе «О безопасности машин и оборудования» следует в отдельную статью выделить вопросы проведения инструктажа по технике безопасности на рабочем месте; кроме того, было бы целесообразно в данном законе вопросы сертификации машин и оборудования сконцентрировать в рамках статьи или отдельного раздела. Закон Республики Казахстан «О техническом регулировании» мог бы выглядеть более совершенным, если в его текст включить статью о принудительном отзыве произведенной заводом бракованной продукции (в том числе сельскохозяйственных машин), статью о фонде технических регламентов и стандартов, что позволило бы собрать в одном месте регламенты и стандарты (в том числе те, которые обслуживают производственные процессы заводов сельскохозяйственного машиностроения). В казахстанском законе «О промышленной политике» есть упоминания о цифровых технологиях, но они в известной мере носят декларативный характер: было бы желательно вопросы внедрения и применения цифровых технологий на промышленных, машиностроительных заводах разместить в отдельном разделе; статью 64 «Соглашение о промышленной сборке сельскохозяйственной техники» было бы целесообразно дополнить нормой о специальном инвестиционном контракте, что позволило бы ускорить процесс производства сельскохозяйственных машин на наших заводах. Устранение этих недостатков стало бы существенным

фактором развития рассматриваемого направления сельскохозяйственной промышленности республики. Цифровые технологии не могут работать вместо станков, они только содействуют их работе, поэтому исправление технических и технологических недостатков оборудования и станков является необходимой, насущной задачей.

Нам необходимо обратить внимание на такие российские законодательные акты, как распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 июля 2017 г. «Об утверждении Стратегии сельскохозяйственного машиностроения России», распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2017 г. «Об утверждении Стратегии развития экспорта продукции сельскохозяйственного машиностроения», Закон Российской Федерации от 2 июля 2021 г. «О самоходных машинах и других видах техники» (статьи 1, 2, 8, 15, 16). Казахстанский законодатель мог бы принять такие законодательные акты и внести их в правовую систему страны, что принесло бы дополнительную пользу сельскому хозяйству республики.

Правовая база инновационной, в том числе цифровой, деятельности Республики Казахстан, которая состоит из Патентного закона Республики Казахстан от 24 июля 1992 г., замененного Законом от 16 июля 1999 г., Закона от 18 января 1993 г. «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», ныне действующего одноименного Закона от 26 июля 1999 г., Закона Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. «Об авторском праве и смежных правах», Закона от 7 июня 1999 г. «Об образовании», пришедшего ему на смену Закона от 27 июля 2007 г. «Об образовании», Закона от 9 июля 2001 г. «О науке», функционирующего ныне Закона от 18 февраля 2011 г. «О науке», Закона от 9 янва-

ря 2012 г. «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности», Закона от 10 июня 2014 г. «Об инновационном кластере «Парк инновационных технологий», Закона от 31 октября 2015 г. «О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности», укреплялась постепенно из года в год и логически оказалась подготовленной к восприятию феномена цифровизации экономики, промышленности, машиностроительной отрасли республики.

Эти законы не работали в должной мере, поскольку Казахстан выделял менее одного процента от ВВП на науку и технологии: в последние годы выделялись более значительные суммы. В этой связи есть надежда, что данные законы будут функционировать на надлежащем уровне.

Казахстанский законодатель увидел тенденцию мирового цифрового развития экономики, машиностроения и предпринял успешную попытку адаптировать цифровизацию к особенностям экономики, машиностроения республики. Это нашло свое отражение в Законе Республики Казахстан от 25 июня 2020 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий». Так, данный Закон внес дополнения по статусу, легитимности не только отечественной, но и иностранной цифровой подписи в текст Закона Республики Казахстан от 7 января 2003 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», что существенно облегчило работу управленческого аппарата всех предприятий и учреждений, том числе заводов сельскохозяйственного машиностроения республики. Статья 152 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. благодаря данному Закону получи-

ла дополнительное положение: «Акт о результатах проверки и предписание об устранении нарушений в электронной форме подписываются субъектом контроля и надзора посредством электронной цифровой подписи». Этот же Закон внес в текст Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. «Об информатизации» дополнительную норму о том, что «использование доменных имен KZ и (или) KAZ в пространстве казахстанского сегмента Интернета при передаче данных интернет-ресурсами осуществляется с применением сертификатов безопасности». Эти нормы позволяют использовать цифровые технологии в цехах, иных помещениях заводов сельскохозяйственного машиностроения Казахстана в режиме значительно усиленной кибербезопасности.

В целом следует сказать, что казахстанский Закон от 25 июня 2020 г. важен и полезен потому, что он внес дополнения по цифровым решениям не только в 3 приведенных выше законодательных акта, – цифровые дополнения он внес еще в 32 кодекса и закона республики. Но ни один из этих 35 кодексов и законов не имеет отношения к сельскохозяйственным проблемам. Между тем в правовом поле Республики Казахстан функционируют не менее 34 кодексов и законов, регулирующих вопросы, имеющие прямое отношение к сельскому хозяйству, агропромышленным проблемам, сельскохозяйственному машиностроению. В этой связи есть смысл разработать и принять новый казахстанский закон *«О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Республики Казахстан об агропромышленном комплексе и сельскохозяйственном машиностроении по вопросам регулирования цифровых технологий».*

В процессе развития научно-технологической революции, появления потребности в урегулировании отно-

шений в связи с внедрением цифровых технологий в сельскохозяйственное машиностроение, в связи с укреплением сотрудничества государств по внедрению цифровизации в агромашиностроение в начале XX в. стала формироваться группа таких отраслей права, которые стали создавать социально-правовые механизмы техническо-правового регулирования, формироваться не только из законов, но и из норм инструктивно-юридического характера. Из их числа можно выделить ту отрасль права, которая имеет прямое отношение к теме нашей статьи, она может быть названа *цифровым правом*. Мы солидарны с авторами книги «Цифровое право» [Блажеев, Белых, Егорова, 2021] в плане введения такого термина, как и с их предложением разработать и принять Цифровой кодекс. В Казахстане на экспертном и на правительственном уровне уже решено разработать Цифровой кодекс².

Появляющиеся в связи с цифровизацией «умные» фабрики и заводы становятся объектом научного исследования многих авторов. Но в масштабах казахстанского сельскохозяйственного машиностроения лишь немногие авторы обращают внимание на некоторые вопросы правового характера. Но и на международном уровне эти вопросы недостаточно изучены. В этой связи авторы данного исследования решили внести свой вклад в развитие этой темы.

Перед руководством заводов сельскохозяйственного машиностроения Казахстана встают организационно-правовые проблемы следующего порядка. Требуется ответ на вопрос: нужно ли организовывать отдел по цифровым технологиям в дирекции завода

или целесообразно приглашать специалистов из профессиональных IT-компаний, которые внедряли бы цифровые технологии в производственную деятельность завода? Мы склоняемся к тому, чтобы приглашать профессионалов IT-компаний, не только отечественных, но и зарубежных, таких как *Dassault Systemes, Wonderware, Sight Power, Microsoft, Huawei, Oracle*.

Они реально, компетентно, узко-профессионально окажут услуги по нескольким направлениям: по внедрению промышленного интернета вещей, системной интеграции, аутсорсинга (передачи функции или вида деятельности одного предприятия другому, специализирующегося в этой сфере); по цифровой трансформации производственных процессов завода; по внедрению, развитию и поддержке IT-решений, по разработке программного обеспечения для промышленных, машиностроительных заводов республики, по предоставлению заводу управленческого цифрового консалтинга; по использованию в производстве цифрового двойника; по тестированию, обеспечению автоматизации производственных процессов на заводе; по разработке и обслуживанию оборудования телекоммуникационной направленности, систем обычной связи, беспроводной сверхскоростной связи 5G, по обработке информационных данных, по разработке программно-аппаратных систем; по разработке, внедрению порталов, мобильных приложений; по обучению и проведению тренингов для работников завода по информационным, цифровым, роботизированным технологиям; по внедрению цифровой технологии *Big Data* (большие данные), по разработке, системной поддерж-

2 В Казахстане предложили разработать Цифровой кодекс // Kapital.kz. – 2022. – 8 февраля. – URL: <https://kapital.kz/tehnologiy/102709/v-kazakhstane-predlozhili-razrabotat-tsifrovoy-koдекс.html> (дата обращения: 30.12.2022).

ке личных электронных кабинетов для каждого работника завода; по внедрению цифровых технологий в снабженческие процессы завода, в процесс корпоративных закупок, по созданию и использованию баз данных; по оказанию консалтинговых услуг по внедренческим проблемам цифровых технологий; по разработке интерфейсов (механизмов по взаимодействию с пользователем) аналитических систем, по программному обеспечению кастомизации (выпуску заводом продукции с учетом пожеланий клиентов), по конструированию промышленных роботов, функционирующих на основе искусственного интеллекта; по проектированию и внедрению систем информационной безопасности, систем сбора и передачи информационных данных; по установлению антифишинга (платформы для противодействия всем цифровым атакам), по обеспечению кибербезопасности и киберстрахования; по созданию «умного» завода на основе использования разнообразных цифровых технологий.

Конечно, желательно на каждом агромашиностроительном заводе иметь небольшой отдел цифровых технологий, работники которого могли бы консультировать руководство завода по общим вопросам цифровизации, профессионально представлять свой завод перед ИТ-компаниями и подписывать акты приемки выполненных работ по цифровизации, могли бы содействовать цифровизации каждого рабочего места на заводе, отслеживать, чтобы каждый сотрудник завода правильно, четко и автоматически выполнял свои цифровые действия и обязанности в рамках своего рабочего места.

Приведенные выше услуги по цифровизации можно трансформировать в положения гражданско-правовых договоров и контрактов о внедрении, обслуживании цифровых инструментов

и механизмов с теми или иными ИТ-компаниями с учетом специализации каждого из них.

Цифровая модель управления заводами казахстанского сельскохозяйственного машиностроения в правовом формате

Для более полного раскрытия темы данного раздела статьи желательно показать различия между понятиями «автоматизация», «информатизация» и «цифровизация». Под *информатизацией* в производственном процессе понимают любой вид обмена информацией, позволяющий людям в трудовом коллективе синхронизировать, оперативно координировать свои действия и планы. В широком смысле *цифровизация* означает процесс внедрения цифровых технологий и систем передачи посредством телекоммуникационных сетей, средств связи, управления, что позволяет обеспечивать передачу и распределение больших потоков информации в цифровом виде. Цифровизация в сельскохозяйственном машиностроении – это создание единого информационного пространства в целях обеспечения непрерывного обмена данными между разными сферами деятельности и структурными подразделениями машиностроительного завода, что достигается посредством коренного изменения существующих производственных моделей и внедрения новейших информационных технологий, в первую очередь больших данных, чтобы стало возможным практически мгновенно обрабатывать большие разнородные массивы данных и получать соответствующие формулировки решений (большие данные – это совокупность данных Интернета, корпоративных архивов документов, показаний датчиков, приборов). Нали-

чие цифровых макетов производства, непрерывный сбор и анализ больших данных, алгоритмов машинного обучения, внедрение иных цифровых технологий делают производственное управление опережающим и эффективным. Автоматизация содействует цифровизации современными автоматизированными системами и вычислительной техникой на производстве, направляя на обработку, передачу и сохранение данных в цифровом виде в тех производственных сферах, где машина проявляет себя эффективнее человека-работника. Иначе говоря, автоматизация переводит текущие производственные процессы в электронную форму и заменяет ручной труд индустриальными роботами, роботами-манипуляторами. Различия приведенных понятий заключаются в том, что информатизация означает элементарный обмен информацией в рамках производственного коллектива завода, автоматизация увеличивает скорость движения систем информационных технологий, цифровизация обеспечивает посредством сверхскоростной связи накопление, обработку огромного массива информационных данных и получение оптимальных производственных решений. Информатизация и автоматизация предполагает поэтапное уменьшение численности работников, цифровизация практически исключает наличие работников в процессе производства в цехах машиностроительного завода. ВВП Казахстана в 2021 г. составил 82,2 трлн тенге³. Доля сельскохозяйственного машиностроения составила

примерно 0,1% от ВВП, или 82 млрд тенге. Предполагается, что к 2027 г. с учетом расширения производства, увеличения количества заводов (как основных, так и смежных), увеличения количества совместных предприятий Казахстана с зарубежными странами, реального внедрения углубленной цифровизации, автоматизации, роботизации доля этого вида машиностроения в республике увеличится примерно до 1% от ВВП, или до 820 млрд тенге⁴ (1 российский рубль сегодня равен 6,7 тенге).

На предприятии «АгромашхолдингKZ» развернута комплексная автоматизация производства, которая автоматизирует производство на всех его этапах посредством специального оборудования, работа которого контролируется компьютерными программами в рамках объединенной общей системы управления. Автоматизированные производственные линии установлены в цехах Казахстанской Агро Инновационной Корпорации, в которых осуществляется массовое производство машин, механизмов, изделий сельскохозяйственного назначения на основе многоэтапной обработки. Использование автоматизированных систем автоматизированных линий обеспечивает весомый уровень экономии на производстве: можно минимизировать численность рабочих, уменьшать производственные площади; также это обеспечивает высокое качество обработки деталей для сельскохозяйственных машин и оборудования. Эти и другие агромашиностроительные заводы республики должны придержи-

3 Эксперты: Казахстан находится в стадии восстановления и роста экономики // Forbes Kazakhstan. – 2022. – 5 августа. – URL: https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_kazahstan_nahoditsya_na_stadii_vosstanovleniya_i_rosta_ekonomiki/ (дата обращения: 31.12.2022).

4 Эти приблизительные расчеты произведены авторами на основе следующих источников: Эксперты: Казахстан находится в стадии восстановления и роста экономики...; Сельхозмашиностроение Казахстана // Курсив. – 2021. – 12 января. – URL: <https://kz.kursiv.media/2021-01-12/selkhozmaschinostroenie-kazakhstan/>; Подведены итоги автотрома Казахстана за 2021 год // Automechanika Astana. – 2022. – 26 января. – URL: <https://automechanika.kz/press/news/podvedeny-itogi-avtoproma-kazakhstan-a-na-za-2021-god/> (дата обращения: 31.12.2022).

живаться требований национального стандарта Республики Казахстан «СТ РК 34.015-2002. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание автоматизированной системы».

В числе первых мер внедрения информационных технологий того или иного агромашиностроения Республики Казахстан должно стать внедрение электронного документооборота взамен бумажного. Именно последний вид документооборота является трудоемким процессом: электронная система резко улучшает, убыстряет процесс оборота необходимых документов, тем самым содействует ускорению производственных, таможенных, торговых процессов предприятия. Если раньше электронно-цифровую подпись применяли преимущественно в отношениях с внешними контрагентами, клиентами, то теперь логика цифровизации и удаленный режим работы тех или иных сотрудников распространяют правовую норму о проставлении электронной подписи в документах, регулирующих внутренние отношения руководства завода и его работников в рамках трудового и административного права республики (трудовых процессов, а также наказания работника в случае его вины). С помощью цифрового мобильного приложения *Documentolog* и электронной цифровой подписи руководители агромашиностроения получают возможность и согласовывать, и подписывать разнообразные документы, находясь вне офиса в любой

точке планеты. В рамки электронного документооборота завода входит организация заводского цифрового архива документов с обеспечением сохранения их юридической значимости. Всё это позволяет экономить заводам сельскохозяйственного машиностроения республики миллионы тенге.

По нашим приблизительным подсчетам, приобретение цифровых продуктов и их внедрение в производство одного из 30 заводов сельскохозяйственного машиностроения Казахстана обойдется в среднем в 900 млн тенге (или 137 млн рублей)⁵. От объема финансовых средств, инвестиций, государственных субсидий, заемных средств завода зависит количество и качество приобретаемых предприятием цифровых продуктов. Расходы на цифровизацию окупятся достаточно быстро. Парадоксален тот факт, что инвестиции при высокой стоимости внедрения цифровых технологий окупаются практически в 2 раза быстрее, чем обычные инвестиции в сфере промышленности. «В среднем инвестиции в технологии цифровых двойников, роботов или 3D-принтеров окупаются за 1,5-2 года, а в разработку и внедрение программного обеспечения – за 6-8 месяцев»⁶. Эксперты утверждают, что цифровизация увеличит объемы выпуска машиностроительной продукции «с нынешних 16 до 30% уже к 2025 г. и не менее 50% к 2030 г.»⁷. Многие агромашиностроительные страны созданы сравнительно недавно, в годы независимости, поэтому пока нет необходимости

5 Искусственный интеллект и цифровые фабрики: как внедряются элементы Индустрии 4.0 на казахстанских предприятиях // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. – 2019. – 16 октября. – URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/iskusstvennyy-intellekt-i-cifrovy-fabriki-kak-vnedryayutsya-elementy-industrii-4-0-na-kazahstanskikh-predpriyatiyah> (дата обращения: 31.12.2022).

6 Технологический навигатор для бизнеса в мире закупок // TADVISER. – 2021. – 27 декабря. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_промышленности_Обзор_TAdviser (дата обращения: 31.12.2022).

7 Смольянинов Н. Экономическая эффективность от цифровизации и внедрения IoT в машиностроении // Сайт Николая Смольянинова. – 2018. – 24 сентября. – URL: <https://nesmol.ru/ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii/> (дата обращения: 30.12.2022).

в замене новых станков и оборудования. Свободных собственных средств у агромашиностроительных заводов Казахстана немного. Агромашиностроительные заводы могут обращаться в банки второго уровня для получения займов (кредитов). Ставки кредитных займов банков Казахстана составляют 16-17%, что существенно снижает возможность покупки заводом цифрового оборудования за счет заемных средств. В развитых странах эти ставки не превышают 2-3%, что позволяет зарубежным заводам и компаниям закупать цифровые продукты в больших объемах и более высокими темпами. Это изначально подрывает конкурентоспособность казахстанских предприятий и выпускаемых ими сельскохозяйственных машин и оборудования на мировых рынках. Не способствует повышению конкурентоспособности то обстоятельство, что уровень финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в Казахстане, в том числе на машиностроительных предприятиях, не превышает 0,12% от ВВП, в то время как в развитых странах НИОКР финансируется в сумме от 3 до 5% ВВП.

Можно вполне рассчитывать на достаточно солидные иностранные инвестиции. Это связано с тем, что на агромашиностроительных сборочных заводах Казахстана производятся мировые бренды тракторов, комбайнов, навесного и прицепного сельскохозяйственного оборудования России, Германии, Китая и ряда других стран. Руководство агротехнических концернов этих стран вкладывает определенные инвестиции в казахстанское агромашиностроительное производство, в том числе в цифровизацию данного производства. Следует сказать, что

за I квартал 2022 г. Россия внесла в экономику Казахстана, в том числе в машиностроительную отрасль, 498 млн долларов, Китай внес 310 млн долларов⁸. Поскольку Казахстан заключил договоры и соглашения о поощрении и защите инвестиций с 47 государствами, правительство, Министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан, Национальная палата предпринимателей «Атамекен» могли бы проводить более эффективные переговоры с правительствами США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Южной Кореи, с производителями агротехнических машин в этих странах по вопросу о вложении инвестиций в цифровой, агромашиностроительный сектор Казахстана. Кроме того, цифровые продукты для разных отраслей экономики страны, в том числе машиностроительной отрасли, Казахстан может покупать на основе международных контрактов за добываемые в своих недрах золото, нефть, газ, редкие металлы. Заводы по производству агротехнических машин могли бы обеспечивать финансирование внедрения цифровых технологий за счет выпуска акций, облигаций на основе использования норм Закона Республики Казахстан от 2 июля 2003 г. «О рынке ценных бумаг». Тем самым появляются возможности реализации крупномасштабных инвестиционных проектов по повышению уровня цифровой зрелости промышленных предприятий, в том числе заводов сельскохозяйственного машиностроения республики.

На заводе по выпуску комбайнов, например, разрабатывается, используется и пополняется необходимой текущей информацией цифровое рабочее место каждого сотрудника, инженер-

8 Бейноева М. Россия и Китай увеличили инвестиции в Казахстан. 25 июля 2022 г. // LS. – 2022. – 25 июля. – URL: <https://lsm.kz/pritok-deneg-infografika> (дата обращения: 31.12.2022).

ного и технического работника. В электронном виде заполняется расширенная карта пользователя вместе с его фотокарточкой; здесь же осуществляется привязка необходимых правовых документов в виде должностных инструкций к рабочему месту сотрудника; указываются и отслеживаются все ключевые показатели эффективности, достигнутые сотрудником (рабочим); сюда же заносятся все экстренные уведомления, оповещения; фиксируются все проявления состояния исполнительской дисциплины работника. Говоря иными словами, цифровое рабочее место работника завода становится местом электронно-автоматического применения норм Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г., иных нормативно-правовых актов в отношении каждого работника предприятия.

Производственные совещания, заседания внутри завода, а также с участием представителей министерств и ведомств без посредничества в целях экономии времени и большей эффективности происходят на основе цифровых платформ *Zoom*, *Skype for Business*, *Microsoft Teams*. Руководители и специалисты завода могут использовать другие цифровые платформы в качестве платформы производственной модели, поисковой системы, платформы электронной торговли своими агротехническими машинами по всему миру, тем самым приводя к «росту производительности труда на два-три порядка, в том числе и за счет исключения человеческого фактора»⁹. Благодаря использованию цифровых платформ эти информационные технологии плавно преобразуются в цифровые технологии. В ближайшей перспективе цифровизации будет подвергнут производственный процесс цехов заводов анализируемой отрасли.

Это проявится в автоматизированном оформлении нарядов-заданий и допусков с ведением журналов в электронной форме, в упрощенном обеспечении доступа к единой базе данных необходимых документов, автоматизированном предоставлении необходимой аналитики, предоставлении мгновенного доступа к необходимой информации по текущим и завершенным работам, что будет содействовать более четкому и своевременному выполнению предписанного наряда-задания. Юридическая чистота выдаваемого работнику электронного наряда-задания будет удостоверяться электронной цифровой подписью, в которой заложен математически выверенный уникальный код цифрового характера. Будет проведено тестирование приложения для версии нарядной системы и использованы промышленные планшеты, что позволит инженерно-техническому персоналу быстро вносить изменения в наряды-задания прямо на рабочих местах. Будет внедрен модуль «Указания», посредством которого можно обеспечивать автоматизированный производственный контроль, а также формировать единую базу информационных данных обо всех фактах несоответствия правилам промышленной безопасности и охраны труда. Можно соединить данный модуль с нарядами-заданиями: это позволит автоматически вносить в наряд-задание корректирующие записи, что, в свою очередь, будет устранять возникшие проблемы в последующие рабочие смены. Общая цифровизация завода будет коррелироваться с практическим применением Закона Республики Казахстан от 7 января 2003 г. «Об электронном документе и электронной цифровой подписи». Всё это, вместе взятое, может стать основой нормативного прика-

9 Абдралилов А. «Цифра» как бы есть, но ее как бы нет // Казахстанская правда. – 2022. – 3 марта. – С. 6.

за Министерства индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан *«Об особенностях внедрения каждой цифровой технологии в деятельность машиностроительных заводов»*.

Для достижения высоких производственных результатов руководство каждого сельскохозяйственного машиностроительного завода должно поставить цель и добиться ее осуществления. Нужно, чтобы каждый работник завода глубоко осознал, принял и изучил новые системы, приобрел автоматические навыки пользования современными цифровыми инструментами. Каждый должен понимать взаимосвязь своего цифрового рабочего места с общей целевой моделью диджитализированного предприятия. Такое соединение усилий всех и каждого на данном машиностроительном заводе приведет к эффективности, результативности и даст солидную прибыль.

Четкое управление предприятием, решение стратегических задач в рамках отрасли цифрового машиностроения будет обеспечиваться посредством комплексной автоматизированной информационной системы. В рамках управления заводами, их рабочей силой Министерство индустрии и инфраструктурного развития могло бы выйти в Правительство Республики Казахстан с ходатайством о разработке и передаче в парламент страны проекта нового закона *«О надлежащей подготовке руководящих, инженерных, специализированных IT-кадров для сферы машиностроения»*, который будет рассматривать в том числе вопросы, касающиеся сельскохозяйственного машиностроения. В советское время в Казахстане было тяжелое машиностроение, машиностроение ряда отраслей, но сельскохозяйственное машиностроение было представлено, как отмечено выше, небольшим числом предприятий (*«Целиноградсельмаш»* (*«Казахсельмаш»*),

Павлодарский тракторный завод). Сегодня в республике функционируют 30 агромашиностроительных заводов, которые нуждаются в надлежащих руководящих, инженерных, IT-кадрах. 34 вуза (3 сельскохозяйственных университета, 6 инновационных университетов, 18 индустриально-технических университетов, 7 технологических университетов (по цифровым технологиям) из 129 университетов Казахстана в той или иной мере готовят кадры для сельскохозяйственного машиностроения. В стране зарегистрировано более 2560 IT-компаний, работающих в сфере информационных технологий, в том числе в сельскохозяйственном машиностроении, не менее 770 из них заняты разработкой программ и приложений. Эти данные позволяют считать, что страна в принципе имеет реальные возможности по реализации предлагаемого нами закона. Но вопросы качества образования находятся на повестке дня всех этих университетов.

Завод сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане как объект цифровизации должен представлять собой конкурентоспособный хозяйствующий субъект, который может наращивать высокую производительность труда посредством роботизации производственного процесса; имеет доступ к цифровым технологиям, может их внедрять и применять; понимает и получает финансово-экономические выгоды от применяемой цифровизации; перераспределяет ресурсы с учетом знаний тонкостей трудового права; умеет гибко входить и выходить из проектов, просчитывая все риски от вложений в новые технологии, в том числе цифровые технологии; может обеспечивать инвестиционную привлекательность в целях вовлечения зарубежных предпринимателей в деятельность завода, который может находить качественное сырье и технические компоненты

по низким ценам; внедряет и использует все преимущества электронной коммерции и оригинальной рекламы по продаже своей продукции как внутри страны, так и за ее пределами.

Благодаря цифровизации казахстанский завод сельскохозяйственного машиностроения будет производить новые виды сельскохозяйственного оборудования, прицепных механизмов за 3-4 дня – ранее на это приходилось затрачивать несколько месяцев. В условиях цифрового производства акцент будет делаться не на рабочие специальности, а на конструкторов и технологов: именно они проектируют тот или иной механизм или компонент сельскохозяйственной машины. Такой подход позволит перестраивать производство в 5-6 раз быстрее обычного. При этом один оператор может заменять до 40 рабочих. Высвободившиеся рабочие будут обучаться на операторов, которые перейдут на работу в образующие в порядке расширения дочерние предприятия и филиалы головного завода сельскохозяйственного машиностроения. Более того, по готовым лекалам и моделям головного завода могут работать рабочие смежных предприятий, поскольку они находятся в общей цифровой экосистеме. Цифровизация позволит заводу выпускать агротехническую продукцию в гораздо больших количествах, быстрее, гораздо дешевле и качественнее на 30% в сравнении с нецифровизированным заводом. Это приведет к резкому увеличению численности клиентов, покупателей. Цифровые технологии позволят не только запускать агротехнические машины и оборудование в серийное производство, но и производить штучные экземпляры мини-тракторов, комбайнов для уборки риса, различных ягод, что также будет содействовать увеличению количества клиентов. Благодаря этому руководство и мар-

кетологи завода будут отслеживать товарную ситуацию, во избежание кризиса перепроизводства будут гибко и оперативно перестраивать, перенастраивать производство на сельскохозяйственные машины, пользующиеся спросом здесь и сейчас. Всё это, вместе взятое, принесет заводу немалую прибыль, обеспечит его финансово-экономическую устойчивость. В свою очередь потребитель может рассчитывать на соответствующее снижение цен на произведенные заводом машины, оборудование, компоненты. Все взаимоотношения между производителями и поставщиками, между производителями, между производителями и потребителями в цифровую эпоху будут регламентироваться соответствующими законами, положениями, инструкциями, техническими регламентами.

Внедрение цифровых технологий в сельскохозяйственном машиностроении Казахстана и его юридическое обеспечение

Цифровые технологии лежат в основе «умного», интеллектуального предприятия. В оцифрованной деятельности казахстанского завода по выпуску комбайнов могут быть задействованы следующие цифровые технологии: большие данные, искусственный интеллект, технологии дополненной реальности, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи. Западные умные промышленные фабрики и заводы, в том числе концерны сельскохозяйственного машиностроения, вбирают в себя аддитивные и лазерные технологии, создающие сенсоры и датчики в виде умных продуктов с запрограммированными свойствами. В перспективе парадигма бессерверных цифровых вычислений

может быть применена в промышленности, в подобного рода предприятиях [Shafiei, Khonsari, Mousavi, 2022]. Установление каждого цифрового инструмента на казахстанском заводе желательно производить на основе гражданско-правового договора между заводом и специализированным IT-учреждением по цифровым вопросам.

Одним из первых важных этапов цифровизации предприятий сельскохозяйственного машиностроения республики является внедрение Интернета вещей. Интернет вещей дает возможность, например, посредством автоматизации управления вентиляторных установок внедрить систему автоматизированного сбора данных с нескольких тысяч приборов учета электроэнергии, с датчиков водоснабжения, а также систему экологического мониторинга комплекса постов качества воздуха в цехах завода в целях недопущения превышения уровня вредных веществ в производственных помещениях завода. Завод, опираясь на данные, полученные с помощью Интернета вещей, может реально принимать необходимые стратегические решения [Hassine, 2022].

На уровне Министерства цифрового развития для всей отрасли машиностроения целесообразно разработать юридический документ – Положение об «умном» заводе, где детально должны быть расписаны цифровые права и обязанности каждого руководителя, инженерно-технического работника, юриста, других офисных работников, мастера, рядового работника, правила техники безопасности, виды ответственности за свои действия и за действия закрепленных за ними роботов¹⁰. Каждый сотрудник, согласно Положению,

должен сдать экзамен на четкое знание своей цифровой компетенции и в целом своих профессиональных функций. Каждый машиностроительный завод на этой базе мог бы принять положение о своей цифровизации, утверждаемое приказом руководства предприятия. Смысл «умного завода» заключается не столько в наличии IoT-датчиков в цехах, конвейерах, складах завода, сколько в наличии таких информационных систем, которые способны интеллектуально и правильно обработать данные со всех этих датчиков. «Умное производство на заводе» предполагает оцифровку всех социально-производственных процессов в рамках завода. Сюда могут быть отнесены оцифровка карт, оцифровка всех имеющих отношение к производству фотографий, оцифровка общения руководства, инженерно-технического персонала, рабочих. Суть идеи состоит в переводе в оцифрованный вид всей деятельности завода, в превращении бумажного документооборота в электронное, в переходе к цифровым средствам контроля, проектирования, производства, продаж. Как считают ученые Штутгартского университета, «умное производство – это система производства, способная учитывать контекст и помогать людям и машинам в решении их задач, благодаря масштабному внедрению информационно-коммуникационных технологий в систему управления рабочим процессом»¹¹. Эта система сама обнаруживает возможный брак в производственном процессе и выводит из оборота негодную деталь, бракованный компонент.

Каждое предприятие сельскохозяйственного машиностроения должно внести совершенно новую систему опе-

¹⁰ Западные аналитики ставят постановочные вопросы о степени ответственности роботов. Это видно по работе [Benos, Sørensen, Bochtis, 2022].

¹¹ Борисов Д. Как устроен умный завод // Новости интернета вещей. – 2017. – 27 октября. – URL: <https://iot.ru/promyshlennost/kak-ustroen-umnyy-zavod> (дата обращения: 31.12.2022).

ративного управления ремонтными работами на цифровой основе. Для этого нужно будет создать базу данных необходимого оборудования, составить соответствующие технологические карты, разработать и принять технико-юридические регламенты по осуществлению этих видов работ. Это позволит раскрыть и использовать весь потенциал в целях оптимизации практически всех видов ремонтных работ в конкретных цехах и участках завода. Это позволит сократить количество и продолжительность производственных простоев, оперативно устранять последствия аварий, предотвращать их. Тем самым производственные издержки будут снижаться на миллионы тенге.

Краткое изложение смысла технологии цифровой виртуальной (*Virtual Reality*) и дополненной (*Augmented Reality*) реальности сводится к следующему. Исчерпав все технические возможности на своем тракторном заводе по устранению неисправности, к примеру, шлифовального станка, руководство завода обращается к инженерам станкостроительного предприятия за техническим содействием. Учитывая особенности этой поломки посредством очков *Microsoft HoloLens* (США), инженер станкостроительного предприятия составляет последовательно-детализированную инструкцию по устранению причины неисправности. Мастер завода, следуя этой инструкции, устраняет поломку. При этом расстояние между предприятием и заводом значения не имеет. Российские и западные исследователи данного сегмента цифровизации пишут, что сегодня пока недостаточно четко определены руководящие принципы разработки пользовательского интерфейса (взаимодействие человека и компьютерного приложения) для системы дополненной реальности в промышленном использовании [Цифровая трансформация сегодня, 2021; Ко-

reng, Kremker, 2021]. В этой связи нужно продумать вопрос о разработке и принятии соответствующих нормативно-технических правил на основе норм казахстанского законодательства о техническом регулировании и стандартах, посредством применения которых можно увеличить потенциал анализируемой цифровой технологии.

Система интеллектуальной обработки видеоинформации на всех казахстанских тракторных заводах будет выглядеть так. В рамках системы будет обследован усредненный завод из двух десятков объектов, в состав которых входят 4 цеха. Для этого внутри заводской территории будет спроектирована высокоскоростная сеть для передачи данных, которая должна будет иметь пропускную способность не менее 9 Гбит/с, общая протяженность которой будет составлять примерно 14 тыс. метров. Все данные будут сведены в единый портал, где машинным способом будут производить интеллектуальную обработку всей поступающей видеоинформации, которая позволит руководству принимать незамедлительно рациональные управленческие и правовые решения [Adrian, Rapp, Steen, 2022].

Цифровые базы данных как системы учета, например, металлообрабатывающего фрезерного станка, функционирующего в цехе завода, будут решать задачи создания прозрачной отчетности расхода станка, сокращения расходов обрабатываемого металла, установления барьера на пути хищения металла и продукции, сделанной из него. Такие же цифровые элементы будут установлены на всех станках, на сварочном, покрасочном оборудовании завода. Самое главное – будет обеспечено высокое качество производимого узла машины, механизма. В Уголовном кодексе республики можно предусмотреть статью об ответственности наладчика, мастера, отвечающего за обеспе-

чение правомерного расходования материала коллаборативным (содействующим) или автономным роботом.

Производственные алгоритмы заводов сельскохозяйственного машиностроения республики цифрового характера станут автоматизированным применением норм приведенного выше Закона Республики Казахстан «О техническом регулировании», а также Закона Республики Казахстан от 5 октября 2018 г. «О стандартизации». В свою очередь, в эти два закона необходимо внести соответствующие нормы по цифровизации машиностроительного производства.

Цифровое обслуживание пользователей, клиентов агромашиностроительного завода должно быть поставлено на высокий уровень. В этом может помочь CRM (*Customer Relationship Management*) – система управления взаимоотношениями с клиентами. Когда потенциальный покупатель звонит, задает интересующий его вопрос, система искусственного интеллекта завода компетентно отвечает на вопрос, консультирует его по всем заданным вопросам. Чат-боты представляют собой автоматическую систему обслуживания пользователей, в процессе которого роботы помогают клиенту оформить заказ на приобретение комбайна, трактора, плуга, отвечают на уточняющие вопросы в любое время суток, в выходные и праздничные дни. Заводу не нужно будет содержать команду операторов по справочной информации: технологии искусственного интеллекта окупают себя достаточно быстро.

Логика цифрового сервиса приводит к купле-продаже продукции заводов сельскохозяйственного машиностроения внутри Казахстана и к экспорту ее за пределы страны. В этой связи мы предлагаем руководству заводов сельскохозяйственного машиностроения перейти на работа-

ющие в цифровом формате смарт-контракты («умные» контракты), которые осуществляют сделки быстро и без посредников, с ними можно будет работать круглосуточно [Яковлева-Чернышева, 2022, с. 542].

Переход предприятий сельскохозяйственного машиностроения Казахстана к цифровизации, роботизации производства; обеспечение кибербезопасности и его правовое урегулирование на основе зарубежного опыта

Правовой основой промышленной сборки сельскохозяйственной техники и его компонентов является статья 244-1 «Соглашение о промышленной сборке» Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29 октября 2015 г., статья 64 Закона Республики Казахстан от 27 декабря 2021 г. «О промышленной политике», в которых определены цели стимулирования развития производства агротехники, особенности локализации, уполномоченный орган в области государственной поддержки индустриальной деятельности, а также необходимость заключения между данным государственным органом и агромашиностроительным предприятием гражданско-правового договора – соглашения о промышленной сборке и его компонентов. Сегодня мировыми лидерами в производстве сельскохозяйственной техники являются США и ряд европейских стран. Их регуляторная база находится преимущественно на уровне подзаконных актов, часто – технических инструкций.

При изучении вопроса о необходимости внедрения цифровизации, интеллектуализации сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане целесообразно рассмотреть принципы функционирования АО «АгромашХолдингKZ»

и Костанайского тракторного завода, провести анализ национального и регионального содержания нормативных документов по изучаемой проблеме. Акционерное общество «АгромашХолдингKZ» вложило в 2021 г. 1,7 млрд тенге в производство тракторов «Кировец» в Костане. На первом этапе планируется собрать 200 тракторов, а в 2022 г. выйти на проектную мощность в 500 тракторов. В апреле 2019 г. АО «АгромашХолдингKZ» и АО «Петербургский тракторный завод» (ПТЗ, дочернее предприятие ОАО «Кировский завод») подписали юридический документ – соглашение о промышленной сборке тракторов «Кировец» в городе Костане (Республика Казахстан). Производство тракторов «Кировец» организовано на производственных площадях АО «АгромашХолдингKZ» в городе Костане. АО «Петербургский тракторный завод» будет поставлять машинокомплекты и осуществлять трансферт машиностроительных технологий. В текущих архивах АО «АгромашХолдингKZ» есть материалы о том, что на тракторах «Кировец» планируется установить «цифровой дистанционный инструмент», с помощью которого можно проводить «мониторинг параметров трактора в онлайн-режиме»¹², благодаря чему появится возможность определять техническое состояние трактора, заранее обнаруживать потенциальные неисправности в его двигателе и других механизмах. Было бы желательно, чтобы Петербургский тракторный завод и казахстанский завод «АгромашХолдингKZ» совместными усилиями внедряли связанные с тракторостроением цифровые технологии.

АО «АгромашХолдингKZ» совместно с партнерами компании *Lovol* (КНР)

открыл в 2019 г. в Костане цех по производству до 3 тыс. тракторов в год. На основе подписанного документа международного частного права – соглашения о промышленной сборке – казахстанская и китайская стороны договорились о ежегодном повышении уровня казахстанской локализации. Это означает, что уже в первый год производства в Костане казахстанскими работниками будут изготавливаться кабины, производиться сварка, покраска выпускаемых сельскохозяйственных машин.

Согласно данным Ассоциации казахстанского автобизнеса, на территории Казахстана за первое полугодие 2021 г. все предприятия сельскохозяйственного машиностроения произвели 2935 единиц агротехники, в том числе 414 комбайнов и 2521 трактор разных марок. Флагман сельскохозяйственного машиностроения «АгромашХолдингKZ» за 6 месяцев 2021 г. выпустил 466 единиц сельскохозяйственной техники, включая 135 комбайнов *ESSIL*, 150 сеялок «Алтын Дан», 331 трактор марки *Lovol*. Этих машин было бы выпущено больше, причем более высокого качества, если бы цифровые технологии получили в отрасли большее распространение.

С учетом международного опыта Министерство индустрии и инфраструктурного развития республики должно настраивать предприятия сельскохозяйственного машиностроения на оперативное реагирование в отношении всех изменений цифрового и правового характера, на адаптацию цифровых инструментов к конкретным техническим и нормативным изменениям и потребностям в процессе объединенной работы станков с чис-

12 Текущий архив костанайского завода сельскохозяйственного машиностроения «АгромашХолдингKZ», 2022. – URL: <https://amh.kz> (дата обращения: 31.12.2022).

ловым управлением, оборудования, роботов [Analyzing Security..., 2022], конвейеров внутри цеха и между цехами. Цифровую стратегию, интегрированную в общую корпоративную стратегию предприятия, нужно сделать уникальной для каждого предприятия, каждого завода. При этом цифровизация и право должны взаимно влиять друг на друга.

Республика Казахстан и Германия установили деловые партнерские правоотношения в сфере сельскохозяйственного машиностроения. Показательным примером такого сотрудничества является присутствие на рынке Казахстана немецких компаний *CLAAS*, *Horsch*¹³. В 2020 г. немецкий производитель сельскохозяйственной техники *CLAAS* и казахстанская компания «СТ AGRO» подписали международное частно-правовое соглашение о промышленной сборке комбайнов и тракторов. Стороны под эгидой Министерства индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан создали совместное предприятие «ТОО СТ *Assembly*» на основе другого международного документа – специального инвестиционного контракта по сборке сельскохозяйственной техники на территории Казахстана. Согласно нормам данного соглашения совместное предприятие «ТОО СТ *Assembly*» развернуло работу по промышленной сборке сельскохозяйственной техники моделей *CLAAS* и *Horsch* на производственной площадке в городе Петропавловск (Республика Казахстан). Постепенно внедряются цифровые технологии.

Для обеспечения внедрения цифровизации нам нужно принять следующие новые казахстанские законы: «О цифро-

визации отрасли сельскохозяйственного машиностроения», «О порядке внедрения цифровых инструментов в деятельность промышленных предприятий», в том числе агромашиностроения страны. Прежде чем формулировать предложения о необходимости принятия двух законов, мы внимательно изучили все законодательные акты Казахстана, имеющие отношение к цифровизации, в частности Закон Республики Казахстан от 25 июня 2020 г. № 347-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий». Все 35 законов республики, куда были внесены дополнения и изменения по вопросам цифровых технологий, все нормы и положения этого закона нами были тщательно изучены. Мы пришли к выводу о том, что данный законодательный акт не регулирует ни вопросы цифровизации отрасли сельскохозяйственного машиностроения, ни порядок внедрения цифровых инструментов в деятельность промышленных предприятий.

Пункт 34 статьи 1 данного закона внес в текст Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. «Об информатизации» изменения, имеющие отношение к роботизации: в нем интеллектуальный робот определен как «автоматизированное устройство, совершающее определенное действие или бездействующее с учетом воспринятой и распознанной внешней среды». Но этого явно недостаточно. Поэтому мы вносим предложение, чтобы казахстанский законодатель принял отдельный, развернутый новый закон «О мерах по созданию и развитию интеллектуально-про-

¹³ В Казахстане будут собирать технику брендов *CLAAS* и *Horsch* // Официальный сайт Министерства индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан. – 2021. – 22 июня. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/comprom/press/news/details/220039?lang=ru> (дата обращения: 29.03.2022).

мышленной робототехники», в котором можно предусмотреть ряд статей или отдельный раздел, посвященный аграрно-промышленной робототехнике. Одной из целей данного закона является необходимость раскрытия технических талантов среди более чем 3,6 млн школьников и 159 тыс. студентов. Другой целью является необходимость внедрения промышленных роботов в производственный процесс примерно 300 тыс. промышленных предприятий, в том числе на более чем 2 тыс. крупных, средних и малых машиностроительных предприятий, в составе которых находятся до 30 заводов сельскохозяйственного машиностроения.

Содержанием такого закона могли бы стать общие термины об умных роботах, вопросы о направлениях развития умных роботов и их распространении, о создании Совета, определении его статуса как учреждения по разработке стратегического направления в создании умных роботов, о вовлечении компаний в разработку промышленных роботов, о создании Роботленда и его филиалов по стране для молодежи, о правовом статусе и направлениях деятельности Казахстанского института по созданию умных роботов, которые могут быть использованы и в сфере машиностроения. Законодательный опыт в части создания роботов Южной Кореи, Эстонии, Германии может быть использован в законодательской работе казахстанских законодателей.

Конфиденциальная (секретная) информация не должна разглашаться, поскольку ее разглашение создает проблемы для внедрения промышленного Интернета вещей, особенно в случае трансграничной передачи данных (передачи данных о технологиях иностранному государству, физическому и (или) юридическому лицу зарубежной страны). Было бы желательно обсудить, обосновать, разработать нормы нового ка-

захстанского закона «О трансграничной передаче данных о промышленных, машиностроительных технологиях», в который могли бы войти положения, проанализированные выше, а также норма о запрете трансграничной передачи данных о технологиях в зарубежные страны, нормы о возможности такой передачи при наличии межгосударственных договоров Казахстана с соответствующими государствами о сотрудничестве в разработке цифровых и иных технологий, в трансфере технологий, о возможности передачи технологических данных только с согласия соответствующих заводов, в том числе заводов сельскохозяйственного машиностроения, об ответственности за несанкционированную передачу данных о технологиях зарубежным странам, их физическим и юридическим лицам.

Агромашзаводы республики в процессе использования новейших технологий руководствуются положениями Закона Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. «Об информатизации», в которых приведено определение понятия «информационная безопасность», под которой понимается «состояние защищенности электронных информационных ресурсов, информационных систем и информационно-коммуникационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз» (статья 1 Закона) и обеспечение информационной безопасности юридическими лицами (предприятиями, заводами) на основании статей 33, 33-1, 37, 44 данного закона. На основании этого и иных законов Республики Казахстан были приняты 7 технико-юридических документов – национальных стандартов, в составе которых наиболее подходящим является национальный стандарт «СТ РК ISO/IEC 15408-3-2017. Информационные технологии. Методы и средства обеспечения безопасности. Критерии оценки безопасности информацион-

ных технологий. Часть 3. Требования к обеспечению защиты», которым обязаны руководствоваться руководители, инженерно-технический персонал и работники (в частности, работники агромашиностроительных заводов). Они соблюдают следующие требования обеспечения защиты безопасности информационных технологий: при вхождении на сайт, информационные порталы предприятия они используют официальный логин-запрос, пароль высокой сложности, подключают двухэтапную аутентификацию; внедряют различные системы контроля за доступом в помещение, к оборудованию, хранящему информацию завода; они обеспечивают пресечение попыток несанкционированного проникновения извне в информационные системы предприятия; для работников руководители завода проводят периодические инструктажи по теме «Способы предотвращения утечки информации о заводе, о его цифровых и иных технологиях».

Вся оцифрованная система заводов сельскохозяйственного машиностроения требует обеспечения ее кибербезопасности. В этой связи мы считаем целесообразным разработать и принять новые казахстанские законы: «О принятии неотложных мер по борьбе с киберпреступностью», «О постоянном обеспечении взаимного обмена предприятиями и государством информацией о киберугрозах и о совершенных киберпреступлениях». Цель этих законов состоит в необходимости борьбы с хакерством, чтобы не допустить взлома киберсистемы машиностроительного завода и пресечь мошеннические действия, вымогательство хакеров по отношению к собственникам данного завода. В этих однородных законах можно закрепить основные принципы обеспечения кибербезопасности. Государственное, правовое регулиро-

вание вопросов кибербезопасности предполагает проведение взаимного обмена между предприятиями и государством информацией об осуществленных киберугрозах и совершенных киберпреступлениях. В них же можно закрепить права и обязанности государственных органов и организаций, обязанных обеспечивать кибербезопасность, а также права и обязанности субъектов сферы кибербезопасности. Здесь же есть смысл разместить нормы государственной поддержки субъектов кибербезопасности. С учетом специфики каждого закона в них можно определить порядок расследования инцидентов кибербезопасности. Немаловажное значение могли бы иметь основные направления по обеспечению кибербезопасности объектов критической информационной инфраструктуры. Целесообразно в обоих законах сформулировать ответственность за совершенное нарушение норм законодательства о кибербезопасности.

Было бы желательно во всех регионах планеты иметь международные организации, специализирующиеся на борьбе с хакерством. Но законодательство Казахстана и других стран о борьбе с киберпреступлениями будет эффективным тогда, когда Казахстан и все другие государства планеты объединят свои усилия в рамках международного права всемирной кибербезопасности, разработают и примут универсальную многостороннюю конвенцию «Об обеспечении всемирной кибербезопасности, о наказании нарушителей норм данной конвенции на территории любого государства и об экстрадиции виновного лица по запросу заинтересованного государства». В ней можно будет разместить отдельный раздел «Об обеспечении кибербезопасности в экономике», в том числе в промышленности, машиностроении.

Заключение

В данной научной статье исследованы проблемные вопросы планируемой цифровой трансформации, развития казахстанского сельскохозяйственного машиностроения и правовое оформление указанных процессов, проблемы формирования цифровой модели управления заводами казахстанского сельскохозяйственного машиностроения, обеспечение кибербезопасности в правовом формате, вопросы внедрения цифровых технологий в сельскохозяйственном машиностроении Казахстана и его юридическое обеспечение.

К важнейшим задачам деятельности предприятий казахстанского сельскохозяйственного машиностроения в эпоху цифровой трансформации, интеллектуализации, автоматизации производства [Гуляев, 2022] следует отнести повышение эффективности производственных процессов и качества выпускаемых колесных и гусеничных тракторов, зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов, разнообразных типов сельскохозяйственного оборудования [Анализ..., 2022], своевременное принятие правильных управленческих решений в сложных ситуациях. В условиях острой конкурентной борьбы на внутреннем и мировом рынках побеждать могут только те предприятия сельскохозяйственного машиностроения республики, которые умеют оперативно и грамотно принимать гибкие решения, реагирующие на любые изменения как внешней, так и внутренней среды. Четкому управлению, решению стратегических задач в рамках цифрового машиностроения будет способствовать комплексная автоматизированная информационная система.

Цифровизация производства повысит конкурентоспособность производимой заводами сельскохозяйственной машиностроительной продукции, со-

кратит присутствие и влияние человека-работника на производство, повысит уровень сервиса завода во взаимоотношениях с потребителями продукции, клиентами.

Руководство агромашиностроительного завода должно так осуществлять менеджмент, чтобы можно было выстроить правильную стратегию предприятия в вопросах выбора тех или иных цифровых преобразований, четко и правильно находить способы претворения в жизнь избранных цифровых инноваций, что позволило бы обеспечивать конкурентоспособность завода, повышать его финансовую эффективность и способствовать тем самым его ускоренному развитию. И вместе с тем нужно учитывать логически жесткий тренд о том, что благодаря внедрению автоматизации и платформенных цифровых преобразований, анализу больших данных и других технологий Индустрии 4.0 происходит оптимизация предпринимательско-производственных процессов, что ведет к существенному повышению конкурентоспособности предприятий, в том числе машиностроительных заводов. В этой связи цифровая экономика, по подсчетам компании *Huawei*, растет в несколько раз быстрее традиционного мирового ВВП.

Список литературы

- Анализ рынка зерноуборочных комбайнов в Казахстане. 2021. – Tebis group, 2022. – 71 с.
- Блажеев В.В., Белых В.С., Егорова М.А. Цифровое право. – Москва : Проспект, 2021. – 640 с.
- Гуляев В.П. Сельскохозяйственные машины. – Санкт-Петербург : Лань, 2022. – 240 с.
- Исаков В.Б. Теория государства и права. – Москва : Норма, 2020. – 656 с.
- Кононкова Н.П. Государство и общество в цифровой трансформации экономики // Евразийский союз уче-

ных. – 2020. – № 7–4. – С. 28–33. – DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.76.923.

Коровкин В.В., Кузнецова Г.В. Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 291–313.

Междисциплинарный синтез в изучении мировой экономики и политики / под ред. Ф.Г. Войтоловского, А.В. Кузнецова. – Москва : Крафт+, 2012. – 224 с.

Цифровая трансформация сегодня. Важные особенности (технологии виртуальной и дополненной реальности) // Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: доклад к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Абдрахманова Г.И. и др.; рук. авт. кол. П.Б. Рудник; науч. ред. Л.М. Гохберг, П.Б. Рудник, К.О. Вишневский, Т.С. Зинина. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – С. 20.

Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А.В. Бабкина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. – 806 с.

Яковлева-Чернышева А.Ю. Проблемные аспекты правового регулирования цифровых технологий в гражданском обороте // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И.Р. Бегишева, Е.А. Громоной, М.В. Залоило, И.А. Филиповой, А.А. Шутовой. В 6 томах. – Т. 2. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 541–545.

Adrian A., Rapp M., Steen A. Von Objekt- und Meta-Ebenen: Analyse der Softwareanforderungen computergestützter juristischer Entscheidungen // *Recht digital – 25 Jahre IRIS*, Proceed-

ings of the International Legal Informatics Symposium. – IRIS, 2022. – DOI: 10.38023/422931a8-ab08-485d-ae32-f3e92b2f1b7a.

Analyzing Security Vulnerabilities Induced by High-level Synthesis / Pundir N. [et al.] // *ACM Journal on Emerging Technologies in Computing Systems*. – 2022. – Vol. 18, issue 3. – Article 47, 22 p. – DOI: 10.1145/3492345.

Benos L., Sørensen C.G., Bochtis D. Field Deployment of Robotic Systems for Agriculture in Light of Key Safety, Labor, Ethics and Legislation // *Current Robotics Reports*. – 2022. – Vol. 3, March. – P. 49–56. – DOI: 10.1007/s43154-022-00074-9.

Design and experimental study of a planetary gearing mechanism based on twice unequal amplitude transmission ratio / Liu J.G., Yu G.H., Tong Z.P., Hua Y. // *International Journal of Agricultural & Biological Engineering*. – 2022. – Vol. 15, N. 1. – P. 155–163.

Digital Globalization. The New Era of Global Flows / Manyika J., Lund S., Bughin J., Woetzel L., Stamenov K., Dhingra D. – McKinsey Global Institute, 2016. – 153 p. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows> (дата обращения: 31.03.2022).

Digital Technologies for a New Future. – Santiago : United Nations Publication, 2021. – 95 p.

Hassine T.B. A Language & an Approach for the Development of IoT Solutions // *American Journal of Electrical and Computer Engineering*. – 2022. – Vol. 6, issue 1. – P. 1–14.

Koreng R., Kremker H. User Interface Pattern for AR in Industrial Applications // *Information*. – 2021. – Vol. 12, N 6. – Article 251, 27 p. – DOI: 10.3390/info12060251.

Libman A.M., Yakovlev A.A. A Centralist Approach to the Regional Development // *Europe-Asia Studies*. – 2021. –

Vol. 73, N 6. – P. 1125–1148. – DOI: 10.1080/09668136.2021.1922610.

Shafiei H., Khonsari A., Mousavi R.
Serverless Computing: A Survey of Op-

portunities, Challenges, and Applica-
tions // ACM Computing Surveys. –
2022. – Vol. 1, N 1. – P. 1–31. – DOI:
10.1145/3510611.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.13

The Impact of Digitalization for the Development of the Agricultural Machinery Industry in Kazakhstan (Legal Aspects)

Marat A. SARSEMBAYEV

Doctor of Law, Professor

L.N. Gumilev Eurasian National University

Satpayev Street, 2, Astana, Republic of Kazakhstan, 010008

E-mail: daneker@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8483-4234

Sania N. SARSENOVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

L.N. Gumilev Eurasian National University

Satpayev Street, 2, Astana, Republic of Kazakhstan, 010008

E-mail: ss-almas@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-3134-284X

Bekmyrza S. KARAZHAN

Master of Law, PhD Student

L.N. Gumilev Eurasian National University

Satpayev Street, 2, Astana, Republic of Kazakhstan, 010008

E-mail: bkarazhan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4927-9634

CITATION: Sarsembayev M.A., Sarsenova S.N., Karazhan B.S. (2023). The Impact of Digitalization for the Development of the Agricultural Machinery Industry in Kazakhstan (Legal Aspects) *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 241–268 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.13

Received: 02.09.2022.

Revised: 18.01.2023.

ACKNOWLEDGEMENT. This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP09261449).

ABSTRACT. *The relevance and expediency of the study of the problem in this scientific article is due to the development and active introduction of new digital technologies in the developed countries of the world in the manufacturing industry, including agricultural engineering, and, in connection with this, the increasing interest on the part of the Kazakh state and specialists in the legal regulation of the planned digitalization of the agrotechnical engineering industry of the republic. The article reveals the content of the impact of digitalization on the activities of Kazakh factories of the agro-machinery industry, producing a variety of machines and equipment of an agrotechnical nature, on the legal features of this influence, on the development of intellectualized, automated processes at these plants, through which it is possible to radically change the essence of the production of agro-machinery plants of the Republic of Kazakhstan, the entire branch of agricultural engineering. Taking into account the world experience of digitalization in the process of analytical presentation, recommendations were made on the need to adopt a number of new Kazakh laws, new international agreements and conventions on the problems of digitalization and intellectualization of agricultural machinery plants in the country. The essence of the practical and theoretical significance of the results obtained by the authors is manifested in the fact that the production and sale of agricultural machinery are inextricably linked concepts, therefore it is logical that they propose to digitalize all stages of production and export of agricultural machinery produced in Kazakhstan. Based on foreign experience, the authors' recommendations on improving the adopted acts of national legislation and new international conventions will lead to high indicators in the development of agricultural engineering in the Republic of Kazakhstan.*

KEYWORDS: *digitalization, the impact of the foreign experience of digitalization, agricultural machinery, law, conven-*

tion, digital technology, agricultural machinery, competitive agricultural machinery, digital transformation.

References

- Adrian A., Rapp M., Steen A. (2022). Von Objekt- und Meta-Ebenen: Analyse der Softwareanforderungen computergestützter juristischer Entscheidungen. In: *Recht digital – 25 Jahre IRIS, Proceedings of the International Legal Informatics Symposium*. IRIS (in German). DOI: 10.38023/422931a8-ab08-485d-ae32-f3e92b2f1b7a.
- Analiz... (2021). *Analysis of the market for combine harvesters in Kazakhstan*. 2021. Tebis group, 71 pp. (in Russian).
- Analyzing Security... (2022). Pundir N. et al. Analyzing Security Vulnerabilities Induced by High-level Synthesis. *ACM Journal on Emerging Technologies in Computing Systems*. Vol. 18, issue 3, article 47, 22 pp. DOI: 10.1145/3492345.
- Benos L., Sørensen C.G., Bochtis D. (2022). Field Deployment of Robotic Systems for Agriculture in Light of Key Safety, Labor, Ethics and Legislation. *Current Robotics Reports*. Vol. 3, March, pp. 49–56. DOI: 10.1007/s43154-022-00074-9.
- Blazheev V.V., Belih V.S., Egorova M.A. (2021). *Digital Law*. Moscow: Prospekt, 640 pp. (in Russian).
- Design... (2022). Liu J.G. et al. Design and experimental study of a planetary gearing mechanism based on twice unequal amplitude transmission ratio. *International Journal of Agricultural & Biological Engineering*. Vol. 15, no. 1, pp. 155–163.
- Digital Globalization... (2016). Maniyika J. et al. *Digital Globalization. The New Era of Global Flows*. McKinsey Global Institute, 153 pp. Available at: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows>, accessed 31.03.2022.

Digital Technologies for a New Future (2021). Santiago: United Nations Publication, 95 pp.

Hassine T.B. (2022). A Language & an Approach for the Development of IoT Solutions. *American Journal of Electrical and Computer Engineering*. Vol. 6, issue 1, pp. 1–14.

Gulyaev V.P. (2022). *Agricultural machines*. St. Petersburg: Lan, 240 pp. (in Russian).

Isakov V.B. (2020). *Theory of State and Law*. Moscow: Norma, 656 pp. (in Russian).

Kononkova N.P. (2020). The state and society in the digital transformation of the economy. *Evraziyskiy Soyuz Uchenih*. No. 7–4, pp. 28–33 (in Russian). DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.76.923.

Koreng R., Kremker H. (2021). User Interface Pattern for AR in Industrial Applications. *Information*. Vol. 12, no. 6, article 251, 27 pp. DOI: 10.3390/info12060251.

Korovkin V.V., Kuznetsova G.V. (2020). Prospects for the digital transformation of Russian engineering. *Ars Administrandi*. Vol. 12, no. 2, pp. 291–313 (in Russian).

Libman A.M., Yakovlev A.A. (2021). A Centralist Approach to the Regional Development. *Europe-Asia Studies*. Vol. 73, no. 6, pp. 1125–1148. DOI: 10.1080/09668136.2021.1922610.

Mezhdistiplinarniy... (2012). Voitovsky F.G., Kuznetsov A.V. (eds.). *Inter-*

disciplinary synthesis in the study of world economy and politics. Moscow: Kraft+, 224 pp. (in Russian).

Shafiei H., Khonsari A., Mousavi R. (2022). Serverless Computing: A Survey of Opportunities, Challenges, and Applications. *ACM Computing Surveys*. Vol. 1, no. 1, pp. 1–31. DOI: 10.1145/3510611.

Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki... (2017). Babkin A.V. (ed.). Digital transformation of the economy and industry: problems and prospects. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 806 pp. (in Russian).

Tsifrovaya transformatsiya segodnya... (2021). Abdrakhmanova G.I. et al. Digital transformation today. Important features (virtual and augmented reality technologies). In: *Digital transformation of industries: Starting conditions and priorities: reports to the 22nd April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, 13–30 April 2021*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, p. 20 (in Russian).

Yakovleva-Chernysheva A.Yu. (2022). Problematic aspects of the legal regulation of digital technologies in civil circulation. In: Begishev I.R. et al. (eds.). *Digital Technologies and Law*. Vol. 2. Kazan': Izd-vo "Poznaniye" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, pp. 541–545 (in Russian).

Вокруг книг

УДК 322(540)

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.14

Политические ипостаси современного индуизма: обзор

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. Политические ипостаси современного индуизма: обзор // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 269–282.

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.14

Статья поступила в редакцию 10.02.2023.

Исправленный текст представлен 17.03.2023.

АННОТАЦИЯ. Обзор содержит изложение двух монографий генерально-го секретаря (2014–2020 гг.) правящей в Индии Бхаратия Джаната Партии, посвященных историческим предпосылкам и условиям раздела Индостана в 1947 г. и образования двух независимых государств – Индии и Пакистана. Доктор Рам Мадхав в своих книгах предлагает авторскую трактовку процессов размежевания внутри национально-освободительного движения, показывает особенности деятельности и позиций различных политических сил. Им подробно анализируется деятельность британской колониальной администрации по разделению сторонников суверенитета по религиозно-общинному признаку. Р. Мадхав разъясняет читателям содержание таких базовых понятий, как «хиндутва» и «интегральный гуманизм». Монографии Р. Мадхава позволяют лучше понять особенности социально-политического развития Ин-

дии в 2020-е годы, в том числе преодолев стереотипы советской индологии относительно индуизма, навешанные позицией Индийского национального конгресса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Рам Мадхав, индуизм, хиндутва, раздел Индостана в 1947 г., Бхаратия Джаната Партия, интегральный гуманизм.

Сегодня можно констатировать определенное видоизменение подходов к изучению религий. В современных исследованиях религиозные доктрины всё чаще рассматриваются сквозь призму укорененных в них социальных практик, которые повседневно проявляются в жизни конфессиональных сообществ. Одним из примеров такого рода творческих усилий является анализ политических ипостасей индуизма [Осипова, 2021]. Индуизм, как известно, – это не только «полицентрическая» система вероисповедания (включающая в себя

несколько крупных духовно-культурных направлений), но и исключительно сложная иерархия философских представлений, которая постоянно пополняется и обогащается под воздействием многочисленных факторов, включая современную политику как наиболее массовое общественное явление. Попыткой разобраться в хитросплетениях сопряжения индуизма и динамично меняющейся жизни наиболее населенной страны мира стали монографии видного общественного деятеля Рама Мадхава [Madhav, 2021; Madhav, 2022]:

1. Мадхав Р. Парадигма хиндутвы. Интегральный гуманизм и поиски незападной модели мира = Madhav R. The Hindutva Paradigm. Integral Humanism and the Quest for a Non-Western Worldview. – Chennai: Westland Non-Fiction, 2021. – 422 p.

2. Мадхав Р. Разделенная свобода = Madhav R. Partitioned Freedom. – New Delhi: Prabhat Prakashan, 2022. – 246 p.

Общее «место» для исследователя и «проницательного читателя»: индуизм многолик и изменчив. Принципиальный плюрализм индуизма, как полагал А.М. Дубянский, является его наиболее характерной чертой. «Отсюда понятно отсутствие в индуизме всеобъемлющей доктринальной догматики и, соответственно, ересей. Хотя в истории индуизма борьба с инакомыслием иногда принимала резкие формы, чужеродные элементы, как правило, не изгонялись, а перерабатывались и усваивались как собственные. Индуизм возник как сплав многочисленных элементов религий, порожденных различными этносами на территории Индии (4 основных этноса: индоевропейский, дравидский, австроазиатский, тибето-бирманский). В результате контакта с исламом и христианством индуизм заимствовал некоторые элементы этих религий, однако никогда не подчинялся им в сколько-нибудь значительной степени».

А.М. Дубянский выделяет два этапа эволюции индуизма в новое и новейшее время: *неоиндуизм* (XIX–XX вв.) и *современный индуизм* (XX–XXI вв.) [Дубянский, 2009]. Представляется, что историческая и доктринальная подоснова индуизма дает возможность лучше понять концептуальные положения обеих работ Р. Мадхав. Монографии строятся по принципу *взаимной дополнительнойности*: эволюция современного индуизма анализируется в контексте истории Индии как «государства-цивилизации» начиная с древнейших времен и с особым вниманием к колониальному периоду развития «крупнейшей демократии мира».

Индостан: предыстория раскола

Р. Мадхав настаивает: общество в целом не желало раздела Индии, однако не обнаружилось сил, способных встать на защиту единства и территориальной целостности субконтинента в «судьбоносный момент» его истории. Возможно, на судьбе Индии сказалась роль «субъективного фактора», в частности то обстоятельство, что лидеры освободительного движения в середине 1940-х годов уже стали людьми «преклонного возраста» [Madhav, 2022, p. 27]. (Для сравнения напомним: «капитаны» Великой французской буржуазной революции и лидеры большевиков в России располагали «пассионарной» жизненной энергией, в немалой степени определявшей их относительно «ювенильным» возрастом.)

Известно, что раздел Индостана на Индию и Пакистан основывался на представлении о том, что индусы и мусульмане – это две разные нации, неспособные к сосуществованию в одном государстве. «Так ли это?» – задает вопрос Р. Мадхав. Общая картина жизни доколониального Индостана, по его

мнению, выглядит противоречиво. Выясняется, что супруги могольских императоров Джахангира (1605–1627) и Аурангзеба (1658–1707) были инду-ского вероисповедания, тогда как император Акбар (1556–1605) вообще экспериментировал с некоей новой, синкретической религией для Индии. Император осуществил несколько крупных государственных преобразований, включая военную и религиозную реформы. При Акбаре Великом процветали культура и искусство Индии. К тому же уж упадок империи Великих Моголов сопровождался возвращением мусульман сельской местности к прежним индуистским практикам, а равно и к привычной кастовой организации общества [Madhav, 2022, p. 33].

Тезис о принципиальной возможности инду-ско-мусульманского сосуществования в единой Индии Р. Мадхав фундирует историческими примерами. Так, восстание сипаев 1857 г. автор называет «первой войной за независимость». В монографии отмечается, что значение этого события в том, что были впервые потрясены *психологические* основы британского господства над Индостаном. Колонизаторы осознали, что «создается потенциальная оппозиция их правлению на основе единства различных слоев индийского общества». Британский чиновник Дж.У. Форест предостерегал лондонские власти против неправильной трактовки событий 1857 г., которые на самом деле были прелюдией к объединению инду-сов, мусульман, брахманов и шудр против Британского Раджа [Madhav, 2022, p. 35]. Страх продиктовал жестокое обращение британцев с участниками движения и сочувствующими, что разрушает кропотливо создаваемый «островной» историографией образ прагматичного колониализма, чуждого крайностям «прямого управления», практиковавшегося, например, в некоторых французских колониях. Таким

образом, «первая война за независимость» убедила британцев в незаменимости традиционной римской политики «разделяй и властвуй».

Политическая линия «разделяй и властвуй» нашла понимание в среде интеллектуалов-мусульман. Так, известный поэт и просветитель Саид Ахмад Хан, выступая в историческом (то есть связанном с восстанием 1857 г.) Мируте в 1886 г., фактически стал первым проповедником теории «двух наций». Своеобразным практическим откликом властей на новые идейные веяния в мусульманской среде стало решение о разделе Бенгалии в 1905 г., крупнейшей провинции с населением более 80 миллионов человек (пятая часть жителей Британской Индии). Фактически на политическом поле Индии появился новый «игрок», впоследствии изменивший направление движения за суверенитет.

Представлявшая интересы мусульман партия Мусульманская лига опасалась, что в случае завоевания Индией суверенитета наиболее значимые позиции в едином независимом государстве окажутся под контролем инду-сов. В политическом плане начало раздела страны положила куриальная система выборов, которой мусульманской общине отводились специальные места при выборах в представительные учреждения. Реформы Морли-Минто, как пишет автор, «легализовали коммунизм», то есть фактическое противопоставление двух крупнейших профессиональных общин Индии. Автор сочувственно цитирует высказывание известного американского историка Стэнли Уолперта (Stanley Wolpert): «Немногим удалось изменить траекторию исторического развития. Еще уже крут тех, кто смог перерисовать карту мира. И едва ли кто-либо удостоился чести создать нацию-государство. Джинна сделал все три действия разом». Родо-

начальник Пакистана М.А. Джинна первоначально был лояльным членом Индийского национального конгресса. Однако этот «туземный джентльмен» ради достижения политических целей не обременял себя щепетильным выбором средств их достижения. Его действия неизменно диктовались собственной выгодой и императивами политического выживания. Со своей стороны колониальные власти, поддерживая диалог с Мусульманской лигой, эффективно подрывали единство сил, боровшихся за суверенитет.

Отдельное место в работе Р. Мадхава отведено роли Махатмы Ганди в национальном движении. По мнению автора, Ганди «был одержим» идеей единства индусов и мусульман, подчас не придавал серьезного значения межконфессиональным противоречиям, которые неумолимо накапливались в отношениях между двумя главными религиозными общинами Индии. Многие историки и политики считали подобную линию «умиротворением» мусульманской общины, которое способствовало политическому обособлению и размежеванию двух конфессий, а в конечном счете – появлению в конце 1930-х годов «теории двух наций». Особенно идея раздела Индии импонировала У. Черчиллю, который «ненавидел Индию и ее религию». Идею Пакистана лидер консерваторов и его соратники использовали для «запугивания» Индийского национального конгресса [Madhav, 2022, p. 139]. Впрочем, была еще одна веская причина заинтересованности англичан в поддержке со стороны Мусульманской лиги. Вторая мировая война была в разгаре, и мусульмане составляли значительную часть англо-индийской армии, включая европейский театр действий. Британцам было важно продемонстрировать свое расположение к Лиге, в том числе своим союзникам на Ближнем Востоке. Англичане понимали, что М.А. Джинна

и его партия в Индии находятся в меньшинстве и рассматривают британцев как естественных союзников в борьбе с Национальным конгрессом.

Р. Мадхав не без горечи пишет, что ни Конгресс, ни традиционалистская партия Хинду Махасабха, ни другие влиятельные противники раздела Индии по конфессиональному признаку не смогли предложить позитивную альтернативу незамысловатой концепции «двух наций», с которой всё настойчивее выступала Мусульманская лига. Проблема была лишь в том, каковы будут географические пределы проектировавшегося мусульманского государства. Обосновывая идею государства на идеологической основе, М.А. Джинна подчеркивал: «Индусы и мусульмане принадлежат к двум различным религиозным философиям, социальным организациям и литературным традициям. ... Они принадлежат к двум различным цивилизациям, которые построены на конфликтующих идеях и мировоззрениях. Различны и стили их жизни. Предельно ясно, что индусы и мусульмане черпают вдохновение из разных исторических источников» [Madhav, 2022, p. 149–150].

Логика исторического повествования возвращает Р. Мадхава к личности М. Ганди и особенностям его политического стиля, прежде всего к бескомпромиссному отстаиванию идеи единства индусов и мусульман. Ганди не пытался примирить крайние точки зрения на проблему индусско-мусульманского единства, однако он готов был сотрудничать с представителями различных, нередко полярных представлений, которые гибкость Махатмы, его готовность к компромиссу ради высшей цели подчас принимали за «политический конформизм». Так, Ганди терпеливо выстраивал отношения с индийскими коммунистами, подчеркивая, что не отвергает их философию,

но категорически не приемлет методы достижения поставленных целей. Автор приводит соответствующие высказывания Махатмы: «Я также называю себя коммунистом. Бесклассовое общество есть идеал, за который стоит бороться». Одновременно Ганди экзистенциально не принимал ни методы «русского коммунизма», ни политические установки западных левых деятелей, чьи представления об обществе «фундаментально отличны от наших устремлений» [Madhav, 2022, p. 164].

Ганди сознавал: его усилия по завоеванию мусульманской общины идеей единой Индии малоэффективны. М.А. Джинна как опытный юрист и политик умело использовал разногласия относительно послевоенной «конфигурации» Индостана между Ганди и другими влиятельными политиками, среди которых идею раздела наиболее активно поддерживал Ч. Раджагопалачария. Последний убеждал Ганди в том, что всякие попытки переубедить М.А. Джинну влекут за собой повышение «веса» лидера Мусульманской лиги в индийской политике накануне суверенитета. Со своей стороны колониальные власти, видя растерянность политиков Конгресса, всячески стремились углубить раскол между партией ИНК и Мусульманской лигой. Усиление интенсивности столкновений на религиозно-общинной почве помогло примирить руководство Конгресса с неизбежностью раздела Индостана на Индию и Пакистан [Madhav, 2022, p. 190–192].

Раздел, отмечает автор, предполагал демаркацию границы в западном и восточном секторах протяженностью более 7000 километров. За данную деятельность ответственным был назначен Сирил Редклиф, лондонский адвокат, не имевший опыта осуществления столь масштабных начинаний. С. Редклифу на проведение демаркационных линий в Пенджабе и Бенгалии было от-

пущено всего два месяца. Неудивительно, что в процессе территориального размежевания были допущены многочисленные топографические ошибки, ценой за которые стали невинные жертвы, индусы, сикхи и мусульмане с обеих сторон [Madhav, 2022, p. 206].

Р. Мадхав задается вопросом: а стоили ли раздел Индостана столь гигантских жертв? Ведь более миллиона несчастных людей погибли при перемещении через наспех созданные границы, миллионы индийцев были вынуждены изменить место жительства и стиль жизни, были буквально «вырваны» из привычных условий существования. По мнению историка У. Дальримпла, число перемещенных лиц составило более 15 миллионов человек, тогда как число погибших составило от одного до двух миллионов человек [Madhav, 2022, p. 217]. «К сожалению, – продолжает свой скорбный монолог автор, – для индусов раздел означал не только потерю территории, но «вивисекцию их обожаемой родины», тезис о невозможности индусов и мусульман жить вместе». М.А. Джинна, начинавший свою политическую карьеру как «посол индусско-мусульманского единства», закончил маниакальными заповедями о том, что обе религиозные общины не могут жить в одном государстве. И победил. Ганди, напротив, был беззаветно предан идее единства Индии и готов был передать М.А. Джинне бразды правления страной после завоевания суверенитета; он смог возвыситься над обстоятельствами и политическими амбициями – своими и других политиков. «Видимо, поэтому Ганди, – завершает свою книгу Р. Мадхав, – остается политиком *мирового масштаба*».

«Интегральный гуманизм»: индийское измерение

Получилось так, что теоретическая работа, выясняющая суть столь слож-

ных явлений, как «интегральный гуманизм», «хиндутва» и т.д., была издана в 2021 г., то есть неминуемо предшествовала необходимому историческому очерку, объясняющему причины появления феноменов, впоследствии оказавших существенное влияние на развитие социально-политических процессов в Индии в годы независимости. Под «хиндутьей» в отечественном общественном понимании движение, осью которого выступают индуизм как коренная и главная «нация» Индии. Хиндутва, с одной стороны, отвергает право мусульман и христиан на статус «местных» конфессий, но, с другой стороны, признает индийское происхождение индуизма, сикхизма, буддизма и джайнизма. В отношении неприкасаемых и низкастовых индийцев хиндутва предполагает покровительство, имеющее целью предотвращение их обращения в христианство или ислам [Котин, 2017]. Существуют и более радикальные, «политизированные» версии объяснения данного сложного общественного явления. Так, хиндутва, согласно М.Г. Смирнову, – «это идеология индусского национализма (в советской и индийской оппозиционной историографии – коммуналлизма), основные идеи которого – создание единой индусской нации, самоусиление индусской нации, изгнание мусульман с территории Индии, возрождение Индии (Бхарата) в единстве всех ее [исторических] территорий» [Смирнов, 2018, с. 13]. Любому непредвзятому читателю покажется заметной *контрастность* этого определения по отношению к дефинициям, применяемым Р. Мадхавом, к тому же на фоне анализа исторического развития межконфессиональных отношений в Индии в период до 1947 г.

Не менее важным понятием для Р. Мадхава выступает «интегральный гуманизм». Р. Мадхав признает

«иноземное» происхождение понятия «интегральный гуманизм», заимствованного из сочинений французского философа Жака Маритена (1882–1973). Чем же индийских политических мыслителей привлекали идеи французского философа? Возможно, искренней верой и убежденностью, отказом от скепсиса и своеволия, что, наряду со строгостью мышления и логичностью поступков, могло бы составить духовно-интеллектуальную основу объединения бесконечного множества каст, богов, да и просто разнообразия природно-климатических условий. Наконец, сильной и привлекательной стороной творчества Ж. Маритена виделось «гармоничное дополнение науки и религии» [Краткий философский словарь, 2004, с. 205–206]. Р. Мадхав воспроизводит следующие мысли французского философа: подлинная свобода есть не что иное, как свобода в ее полном развитии, свобода в нравственно зрелом состоянии, способная к самостоятельному выбору в отношении искушений, истекающих от неограниченной любви к себе. Интегральная культура включает в себя формирование нравственных установок, воспитание ценностей индивидуальной, социальной и религиозной жизни [Madhav, 2021, p. 53].

Наиболее известным сторонником «интегрального гуманизма» в Индии считается лидер партии Бхаратия Джан Сангх (предшественницы ныне правящей Бхаратия Джаната Парти) Диндаял Упадхьяя (1916–1968). Д. Упадхьяя обратился к священным древнеиндийским книгам и устной традиции для создания современной политической философии. Полемизируя с лидерами Национального конгресса, Д. Упадхьяя выдвинул несколько «осевых» тезисов.

1. Научные достижения Запада универсальны, тогда как имитация западного стиля жизни и социальных ценностей равносильна некритической

рецепции «отживших» иноземных представлений.

2. По мнению Р. Мадхава, Д. Упадхья поставил проблему формирования нации и ее основных признаков. Групповое сознание, по утверждению мыслителя, не обязательно порождает социальную и национальную идентичность. Групповое сознание подвергается влиянию исторической памяти сосуществования различных человеческих сообществ, однако автоматически не трансформирует социальную группу в «строительный материал» нации.

3. Как и индивиды, нации не могут существовать в бездуховной среде. Первым о «национальном духе» заговорил Свами Вивекананда, утверждавший, что у каждой нации есть предназначение, которое необходимо реализовывать, есть долг, который нужно исполнять, и миссия, которую необходимо осуществить. Д. Упадхья конкретизировал данный тезис, подчеркнув, что концепты миссии и родины, взятые в диалектике и динамике, образуют некую конструкцию нации.

4. Оценивая отношения между личностью, обществом и государством, Д. Упадхья решительно отрицал западные представления о том, что конфликтность, включая классовую борьбу, заложена в природе человека. Мыслитель и политик полагал, что государство существует для защиты нации и создания условий, при которых общественный идеал трансформируется в реальность.

5. Однозначно негативным у Д. Упадхья было отношение к «экономике, ориентированной на потребление». Логика политики выглядела следующим образом. Экономика консьюмеристского типа под воздействием своей имманентной логики разрушает среду обитания человека и «наслаивает» новые проблемы на неразрешенные старые. Альтернативой бесконтрольному росту

потребления видятся регулирование использования природных ресурсов и ограничение потребления пределами «необходимых» товаров и услуг.

6. Образование и здравоохранение рассматриваются как инструменты повышения качества производительных сил общества и как средства укрепления «естественных социокультурных устоев» сосуществования индивидов в мегаколлективах. Д. Упадхья рассматривал образование, науку и здравоохранение как «инвестиции общества в свое будущее».

7. Подытоживая свои суждения о прогрессе Индии, Д. Упадхья подчеркивал, что «идеи национализма, демократии, социализма и всеобщего мира» должны найти примирение с традиционными ценностями Индии («культурой Бхарата»). Именно подобный симбиоз политик определял как «интегральный гуманизм» [Madhav, 2021, p. 62–77].

Значительное внимание уделяется автором проблеме *нации-государства* и применимости данного концепта к индийской действительности. Р. Мадхав отрицает универсальность западного опыта, иллюстрируя свой тезис историей государственности в бывшей метрополии, Англии. Автор напоминает: многие европейские нации не существовали как этнические целостности 300 и даже 200 лет тому назад. Их границы постоянно менялись. Две мировые войны имели следствием «огромные изменения» в их политической географии. В некоторых государствах до сих пор не прекратились споры по поводу границ расселения этносов, тогда как само существование этих территориальных образований оспаривается влиятельными национальными группами внутри самих «институционализированных демократий» (фламандцы в Бельгии, шотландцы в Великобритании и т. д.). История Со-

единённого Королевства – яркий тому пример. Англия, Шотландия и Уэльс, напоминает Р. Мадхав, были соединены в государство, которое сегодня называется Великобританией, только в 1702 г. Даже после объединения три части новообразованной страны сохранили свои законы и самостоятельные церкви. Спустя почти век, в 1801 г., Великобритания аннексировала Ирландию, попутно упразднив местный парламент. И только в 1921 г. образовалась суверенная Ирландская Республика. Так что «нация-государство Великобритании на сегодняшний день насчитывает не более чем столетнюю историю» [Madhav, 2021, p. 80–82].

И вновь Р. Мадхав обращается к представлениям Д. Упадхьяи, на сей раз по проблемам *нациестроительства*. Основными предпосылками нации считаются общность психического и культурно-бытового уклада, единая историческая память и разделяемое обществом видение будущего развития страны. Д. Упадхьяя подчеркивал, что нация строится веками, а этот процесс стимулируют усилия бесчисленных святых, ученых, социальных реформаторов, которые своей деятельностью возвращают чувство принадлежности к своей земле, «Бхарату». Индийская концепция нации, «раштрам», основана на органическом симбиозе общего духа и общего интереса; «раштрам», по сути дела, есть путь повышения благосостояния общества (но не индивида, как это имеет место на Западе). Сегодня «раштрам» – это идея построения общества, ориентированного на принцип развития (то есть экономический рост, сопряженный с всеобщей занятостью и поступательным снижением имущественных диспропорций). Именно отсутствие принципов *альтруизма* в межличностных отношениях стало главным источником политических конфликтов и насилия,

охвативших мир в последние несколько веков [Madhav, 2021, p. 117–118].

Каково же индийское понимание мира? Р. Мадхав приводит слова Сарвепалли Радхакришнана (1888–1975), философа и государственного деятеля, второго президента Индии (1962–1967): «Индуизм – это движение, а не застывшее учение; это процесс, но не результат; это развивающаяся традиция, а не раз и навсегда явившееся откровение» [Madhav, 2021, p. 153]. Автор не согласен с марксистской трактовкой причинности общественного прогресса: К. Маркс полагал, что конфликт заложен в природе человека и в программе восходящего развития социума. «Фактически он теоретизировал данное положение, утверждая, что прогресс человечества возможен только через конфликт [интересов]. Именно конфликт является движущей силой изменений и прогресса общества» [Madhav, 2021, p. 155]. С индийской точки зрения (последовательным выразителем которой выступал Д. Упадхьяя), конфликт существует, но не как фундаментальная закономерность развития общества, а как отклонение от «правды жизни». Конфликт есть не что иное, как следствие деградации и разрушения общества. «Конфликт возникает тогда, когда общества предают забвению фундаментальное единство Творения и устройства мироздания» [Madhav, 2021, p. 156].

Принципиально различным является индийское и западное отношение к институтам, призванным поддерживать целостность общества. Автор иронизирует, что на Западе индивид выступает эгоцентричным, постоянно «охотящимся за долларом животным». На Востоке же фокусом общественной мысли изначально были принципы единства социума и «интегрализма»; иными словами, в восточной философской мысли мир испокон веков

рассматривался как единое «взаимосвязанное целое». Для Д. Упадхьяи индивид есть часть общества; динамизм развития самого социума в конечном счете определяется активной жизненной позицией человека. В свою очередь, общество обязано заботиться о положительном жизненном тоне своих членов. Логика индийского мыслителя такова: индивид заимствует язык, ценности и ориентации, образовательные навыки и поведенческие проявления от общества. Концепция счастья, успеха и благосостояния рассматривается с позиции взаимосвязанности человека и общества [Madhav, 2021, p. 167].

Соответственно и институты общества рассматриваются сквозь призму отношений человека и государства, их взаимную *дополнительность*. Так, брак – это священная обязанность, а не отношения *контрактного* типа, как это имеет место на Западе. Разрушение семей в западных обществах есть следствие развития отношений *контрактного* типа. Деструкция влечет за собой серьезные социальные проблемы, такие как насилие и общественные беспорядки. Немаловажную роль в поддержании социального равновесия в индийском обществе играют *религиозные институты*: храм и паломничество. Храмы изначально играли большую роль в становлении «правильных» морально-этических ценностей в процессе обучения литературному языку и получения образования. По свидетельству британского чиновника Уильяма Адама, «храмовое образование» в доколониальный период способствовало восходящей экономической мобильности для низших каст, а также мирному сосуществованию различных конфессий, прежде всего индусов и мусульман [Madhav, 2021, p. 170]. В настоящее время храмы как социальные институты поставле-

ны под финансовый контроль правительств индийских штатов.

И М. Ганди, и Д. Упадхьяя признавали ущерб, который наносит Индии варновая система, в конечном счете эволюционировавшая в окостеневшую наследственную иерархию каст и кастовых кластеров. И хотя существовали нюансы в подходах к варнам как к элементу социальной организации общества и производным от них образования, единодушной и однозначной была позиция, не приемлющая кастовую иерархию и такую беду Индии, как неприкасаемость. Аналогичным был и подход к преобразованию социальных институтов, исключавший всякое насилие и ставивший акцент на *постепенности* трансформаций.

Была ли у индийских правых сил аутентичная экономическая политика? Или они ограничивались только критикой западных (капиталистической и коммунистической) моделей социально-экономической организации? На данный вопрос, по мнению Р. Мадхава, нет односложного ответа. На первом этапе своего развития партия Джан Сангх была сторонницей «свободного рынка». Под влиянием Д. Упадхьяи Джан Сангх, чтобы противопоставить себя капиталистическим и коммунистическим установкам, в качестве идеологической платформы избрала «интегральный гуманизм», о котором говорилось выше. Когда эта партия в 1980 г. стала именоваться Бхаратия Джаната Парти, ее «идеологической философией» стал «гандистский социализм». На этой идеологической парадигме настаивал лидер БДП, впоследствии премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай (1998–2004). В то же время экономическая политика кабинета А.Б. Ваджапай, по общему мнению, была «либеральной». Нынешний премьер-министр Нарендра Моди на выборы 2014 г. шел под лозунгами «открытая

экономика» и «глобализация», тогда как нынешний курс правительства Индии вряд ли выходит за пределы принципов *национального этатизма*. Однако ирония истории, как пишет Р. Мадхав, состоит в том, что любое правительство Индии вынуждено проводить «корабль» экономической политики между Сциллой «свободно-рыночного глобализма» и Харибдой «национального экономического популизма». Поэтому нынешний экономический курс именуется *третьим путем*, что подразумевает воздержание от крайностей «свободного рынка» и «социалистического планирования», с одной стороны, и «бескомпромиссное» развитие национальной промышленности – с другой [Madhav, 2021, p. 181–182]. К подобному прагматизму располагает, в частности, трудная ситуация в сфере занятости в стране. Индия, как подчеркивает автор, – это страна молодых людей. «Голод» на рабочие места утолить крайне трудно. Так, ежегодно в состав экономически активного населения вливается около 20 миллионов человек (возраст – 18 лет), тогда как рынки труда способны удовлетворить запросы лишь 1/5 «вновь прибывших» тружеников. В течение следующих 5 лет стране необходимо создать не менее 150 миллионов новых рабочих мест. Большую роль будет играть способность индийского государства оказывать действенную поддержку мельчайшим, мелким и средним предприятиям [Madhav, 2021, p. 210].

Значительное внимание в монографии уделено проблеме государства и его роли в жизни общества. Р. Мадхав обращает внимание на историческую роль античной Греции в становлении современного государства. Древние греки, напоминает автор, были первыми, кто экспериментировал с моделями государственного управления. «Греческие мыслители, – читаем в книге, – были глубоко погружены в проблему

идентичности, природы и достоинства человека; институты государства строились на основе полученных знаний. Государство как институт общества рассматривалось философами Древней Греции как инструмент духовного и интеллектуального развития и совершенствования человека. Греческая традиция была *интеллектуальной* (курсив мой – А. В.). Она придавала большое значение разуму, добродетели и знаниям». Греческие города-государства управлялись не с помощью инструментария политического представительства, а использовали систему консультаций, дебатов и дискуссий в среде представителей «благородного сословия». Концепт равноправия граждан не был развит в древнегреческой политической мысли. Города-государства античной Греции были по большей части «аристократиями», в которых просвещенные и состоятельные граждане своей деятельностью фактически создавали институты государственного управления. Неимущие и малоимущие слои были, по сути дела, отстранены от процесса управления как недостаточно интеллектуально развитые социальные группы, не имевшие к тому же достаточно времени на духовное совершенствование. «Тем не менее цель государства определялась как благосостояние человека, включая образование, этику [межличностных отношений] и гармонию в обществе» [Madhav, 2021, p. 213–214].

Демократия «вестминстерского образца» уже давно не является для Индии идеал-типической моделью политического устройства. Р. Мадхав подчеркивает, что «индийскую модель демократии» еще предстоит создать. Западная же модель демократии, по мнению многих индийцев, слишком подвержена возвеличиванию одних («избранных», то есть Запада – А. В.) и уничижению других (то есть остальной части ойкумены – А. В.).

Подлинная демократия, согласно представлениям М. Ганди, – это организация общества, «где слышен каждый голос и где любое мнение учитывается, *a priori* не подвергаясь отрицанию» [Madhav, 2021, р. 216]. Аналогичным образом политические партии должны стать организациями со «своим лицом», перестать быть «избирательными машинами по сбору голосов» и всерьез заняться воспитанием массовых слоев народа [Madhav, 2021, р. 229].

Индуизм так или иначе рассматривается как одна из несущих конструкций современной индийской национальной идентичности. Однако является ли индуизм религией в привычном, европейском смысле? Так, Сарвепалли Радхакришнан рассматривал индуизм не столько как религию, сколько как «содружество религиозных систем». Философ, в частности, писал: «Индуизм – это не застывшее в своей окончательности догматическое вероучение, а обширный, сложный и тонко настроенный, объединенный и организованный пласт духовных поисков и постижения Бога. Его традиция устремления человеческого духа к Богу непрерывно обогащалась на протяжении веков». Со своей стороны, М. Ганди описывал индуизм как «неустанное стремление к истине» (цит. по: [Madhav, 2021, р. 251]).

Значительное внимание в монографии уделено факторам, механизмам и символам культурной интеграции индийского общества. Р. Мадхав ссылается на решения Верховного суда о признании индуизма и хиндутвы *образом жизни* индийцев, а также на исторические оценки иноземных вторжений на территорию Индии в Средние века, которые имели следствием осложнение межконфессиональных отношений на этапе борьбы за суверенитет [Madhav, 2021, р. 257]. В этой связи Р. Мадхав решительно возражает против «псевдосекуляризма», который служит достижению опре-

деленных политических целей, весьма далеких от императивов развития (экономического роста, сопряженного с максимально возможной занятостью и поступательным снижением социально-имущественных диспаритетов).

Автор ссылается на авторитетные исторические исследования, в которых отмечается, что Индия стала *нацией* не под воздействием унифицированного и общепризнанного языка, не под влиянием политического режима, способного подчинить своему контролю всю территорию Индостана, но вследствие складывания общего культурного кода, формировавшегося в течение многих столетий. Именно «культурное единство», более фундаментальный и продолжительный по времени действия фактор, чем всякий иной «инструмент», спаяло Индию в единую нацию. Последний тезис, как замечает автор, не противоречит *полицентрическому* характеру индуизма. «Запад, – читаем в монографии, – ... ошибочно изображал индуизм как политеистическую религию. ... Однако индуистский идеал уважения и почитания многообразия проистекает из внутренней убежденности в том, что всё сущее в мире есть не что иное, как проявление одной Высшей Реальности» [Madhav, 2021, р. 327].

В заключении своей работы Р. Мадхав оценивает состояние мира в начале 2020-х годов. Автор подчеркивает: мировая система требует новых идей и решений, а равно и *новой* конфигурации международных институтов, которые смогли бы адекватно отражать реальности 20-х годов XXI века. На передний план выдвигается решение таких проблем, как улучшение среды обитания, введение всеобщего образования и здравоохранения, развитие «пограничных технологий» (включая искусственный интеллект) и т. п. Защита человеческого достоинства и прав личности в формирующемся новом

мире требует совместной разработки и всеобщего применения. Выступая в ООН в 2019 г., 45-й президент США Д. Трамп, в частности, сказал: «Двадцать первый век не принадлежит глобалистам; он принадлежит патриотам». Уточняя данный тезис, Р. Мадхав выражает уверенность, что будущее мира будут определять «интегральные гуманисты», то есть те, кто отстаивает «человекоцентричную» парадигму развития «града и мира» [Madhav, 2021, p. 368].

Таковы основные идеи и выводы монографий Р. Мадхава. Некоторые из них необычны даже для индологов, чье профессиональное становление происходило в советский период. Упрощенные подходы к индуизму и его политическим проявлениям были характерны и для работ автора настоящего обзора [Володин, 1982]. Правда, советские индологи-религиоведы (Р.Б. Рыбаков, О.В. Мезенцева и др.) исследовали с реалистических позиций эволюцию индуизма со стороны рационалистического истолкования окружающей действительности [Рыбаков, 1981, Мезенцева, 1994]. Тем не менее «тайны» индуизма до конца так и не были раскрыты.

Да, автор книг – давний член Раштрия Сваямсевак Сангх (РСС) и один из ведущих функционеров правящей партии БДП. Р. Мадхав, естественно, предлагает свою, разделяемую далеко не всеми индийскими учеными и политиками версию эволюции индуизма. Не вступая в дискуссию с представителями различных точек зрения, позволю себе привести высказывание видного дипломата и члена редколлегии нашего журнала Канвала Сибала о текущей культурно-политической ситуации в Индии: «Суть проблемы в том, что Хиндутва сама по себе отражает внутреннюю неудовлетворенность многих индусов, полагающих: индийское общество должно выражать дух и устремления своего

большинства – индусов; аморфная секулярная идентичность не может стать основой национального возрождения. Вопрос для данного большинства состоит в том, может ли Индия быть государством-цивилизацией, не боготворя индуистские корни своей культуры, пусть и испытавшей влияние иных цивилизаций и культур в результате иноземных вторжений и колониального завоевания. Неудивительно поэтому, что даже [наша] светская оппозиция стала потрафлять религиозным чувствам народа, посещая храмы и падая ниц перед индуистскими божествами» [Sibal, 2023].

Наша жизнь быстротечна. Время, если угодно, требует отказа от некритического восприятия политически мотивированных научных подходов, которые отражали идейно-политические установки старейшей партии страны, Индийского национального конгресса. Думается, что рецензируемые работы Р. Мадхава при всей противоречивости и дискуссионности позиции автора помогут нам точнее ориентироваться в сложных процессах социально-политического развития Индии 2020-х годов.

Список литературы

Володин А.Г. Буржуазная оппозиция в социально-политической структуре Индии. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982. – 221 с.

Дубянский А.М. Индуизм // Православная энциклопедия. – Том 22. – Москва, 2009. – С. 624–632. – URL: <http://pravenc.ru/text/389589.html> (дата обращения: 30.01.2023).

Котин И.Ю. Хиндутва // Большая российская энциклопедия. – Том 34. – Москва, 2017. – С. 81–82. – URL: http://old.bigenc.ru/world_history/text/4666491 (дата обращения: 03.02.2023).

Краткий философский словарь /

Алексеев А.П. [и др.]. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 496 с.

Мезенцева О.В. Мир ведийских истин. Жизнь и учение Свами Дайянан-ды. – Москва : Институт философии РАН, 1994. – 229 с.

Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: индуизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – Т. 27. – № 1. – С. 131–155.

Рыбаков Р.Б. Буржуазная реформация индуизма. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. – 184 с.

Смирнов М.Г. Фашистские корни дхармического национализма. Военный индуизм // Евразийский журнал

региональных и политических исследований. – 2018. – № 1 (18). Специальный выпуск. – С. 13–17.

Madhav R. Partitioned Freedom. – New Delhi : Prabhat Prakashan, 2022. – 246 p.

Madhav R. The Hindutva Paradigm. Integral Humanism and the Quest for a Non-Western Worldview. – Chennai : Westland Non-Fiction, 2021. – 422 p.

Sibal K. Indian politicians should fight their battles at home, not seek regime change on foreign soil // India Narrative. – 2023. – March 11. – URL: <https://www.indianarrative.com/opinion-news/indian-politicians-should-fight-their-battles-at-home-not-seek-regime-change-on-foreign-soil-118258.html> (дата обращения: 17.03.2023).

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.14

Political Hypostases of Modern Hinduism: an Overview

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2023). Political Hypostases of Modern Hinduism: an Overview. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 16, no. 1, pp. 269–282 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.01.14

Received: 10.02.2023.

Revised: 17.03.2023.

ABSTRACT. *The review is a synopsis of two historical writings by Ram Madhav, Secretary-General (2014–2020), Bharatiya*

Janata Party, that describe the pre-conditions of British India's partition and emergence of two independent entities, i.e. India and Paki-

stan. Ram Madhav insists on the validity of his 'reading' of the causes and effects of numerous regroupings of forces within the national movement prior to 1947. R. Madhav calibrates various political groups and, then, investigates their views on various political and non-political issues. He examines the policies of the British Raj to divide the national movement on religious and communal lines. Subsequently, such pivotal definitions as 'hindutva' and 'integral humanism' are deciphered. Thus, the books abstracted seem to be an effective analytical tool for understanding India's political development in the early 2020s. Moreover, Ram Madhav's works overcome the stereotypes of Soviet Indology, inspired by the position of the Indian National Congress.

KEYWORDS: *Ram Madhav, Hinduism, hindutva, partition of Hindustan in 1947, Bharatiya Janata Party, integral humanism.*

References

- Dubyanskiy A.M. (2009). Hinduism. *The Orthodox Encyclopedia*. Moscow. Vol. 22, pp. 624–632 (in Russian). Available at: <http://pravenc.ru/text/389589.html>, accessed 30.01.2023.
- Kotin I.Yu. (2017). Hindutva. *The Great Russian Encyclopedia*. Moscow. Vol. 34, pp. 81–82 (in Russian). Available at: http://old.bigenc.ru/world_history/text/4666491, accessed 03.02.2023.
- Kratkiy... (2004). Alekseev A.P. et al. *A Short Philosophical Dictionary*. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publishing, 496 pp. (in Russian).
- Madhav R. (2022). *Partitioned Freedom*. New Delhi: Prabhat Prakashan, 246 pp.
- Madhav R. (2021). *The Hindutva Paradigm. Integral Humanism and the Quest for a Non-Western Worldview*. Chennai: Westland Non-Fiction, 422 pp.
- Mezentseva O.V. (1994). *The world of Vedic truths. The life and teachings of Swami Dayananda*. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS, 229 pp. (in Russian).
- Osipova N.G. (2021). Social aspects of main religious doctrines: Hinduism. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 27, no. 1, pp. 131–155 (in Russian).
- Ribakov R.B. (1981). *The Bourgeois Reformation of Hinduism*. Moscow: Nauka, 184 pp. (in Russian).
- Sibal K. (2023). Indian politicians should fight their battles at home, not seek regime change on foreign soil. *India Narrative*. March 11. Available at: <https://www.indianarrative.com/opinion-news/indian-politicians-should-fight-their-battles-at-home-not-seek-regime-change-on-foreign-soil-118258.html>, accessed 17.03.2023.
- Smirnov M.G. (2018). The fascist roots of dharmic nationalism: military Hinduism. *Eurasian Journal of Region and Political Research*. No. 1 (18), special issue, pp. 13–17 (in Russian).
- Volodin A.G. (1982). *Bourgeois opposition in the socio-political structure of India*. Moscow: Nauka, 221 pp. (in Russian).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 16 № 1 – 2023**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 14.04.2023
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,1 Уч.-изд. л. 21,4
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У